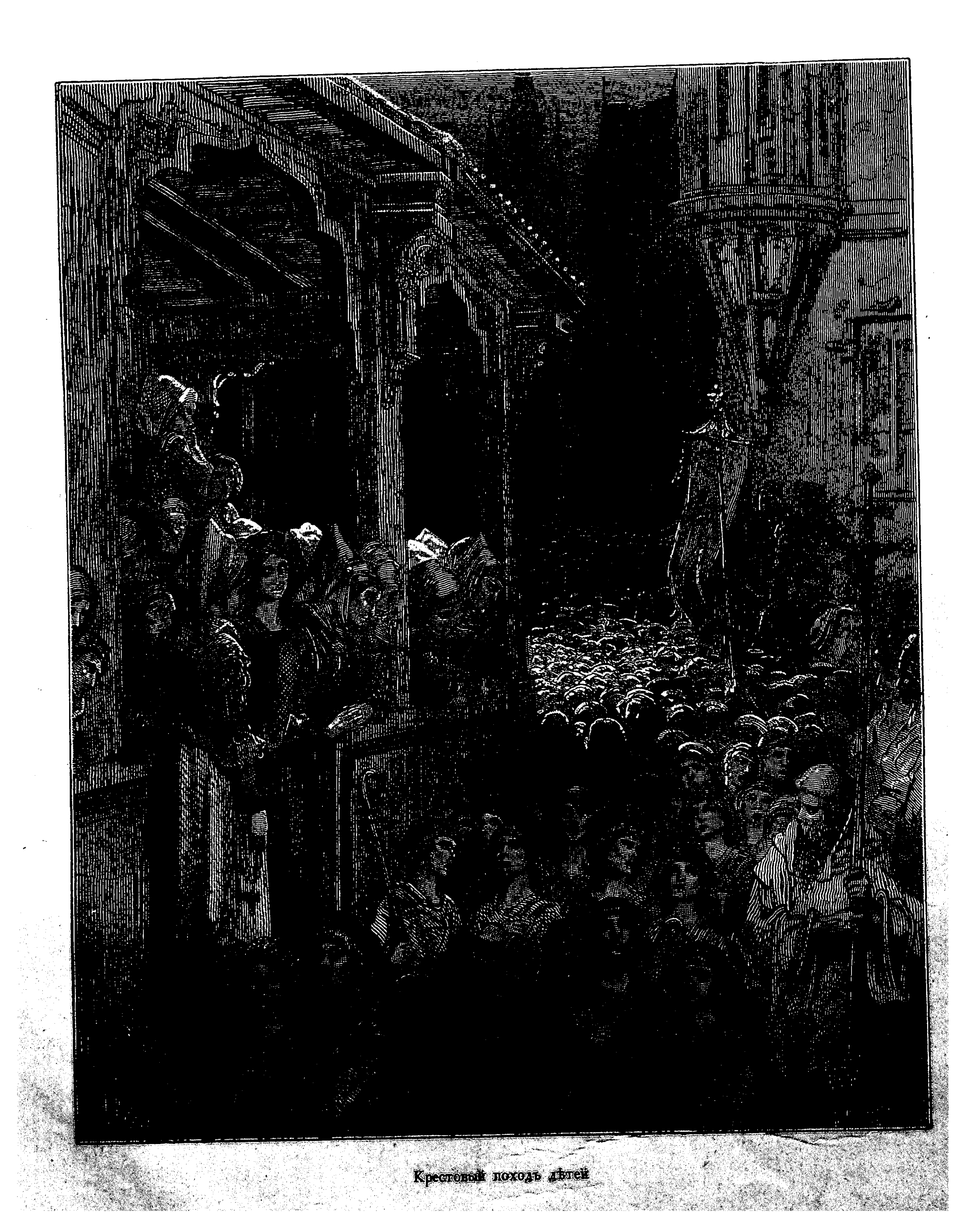
ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ

Крестовый походъ дѣтей

ИСТОРІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

С. Л. КЛЯЧКО

СЪ 32 ОТДѢЛЬНЫМИ РИСУНКАМИ НА ДЕРЕВѢ

ГУСТАВА ДОРЕ

И МНОГИМИ ПОЛИТИПАЖАМИ ВЪ ТЕКСТѢ

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ, №№ 17 и 18

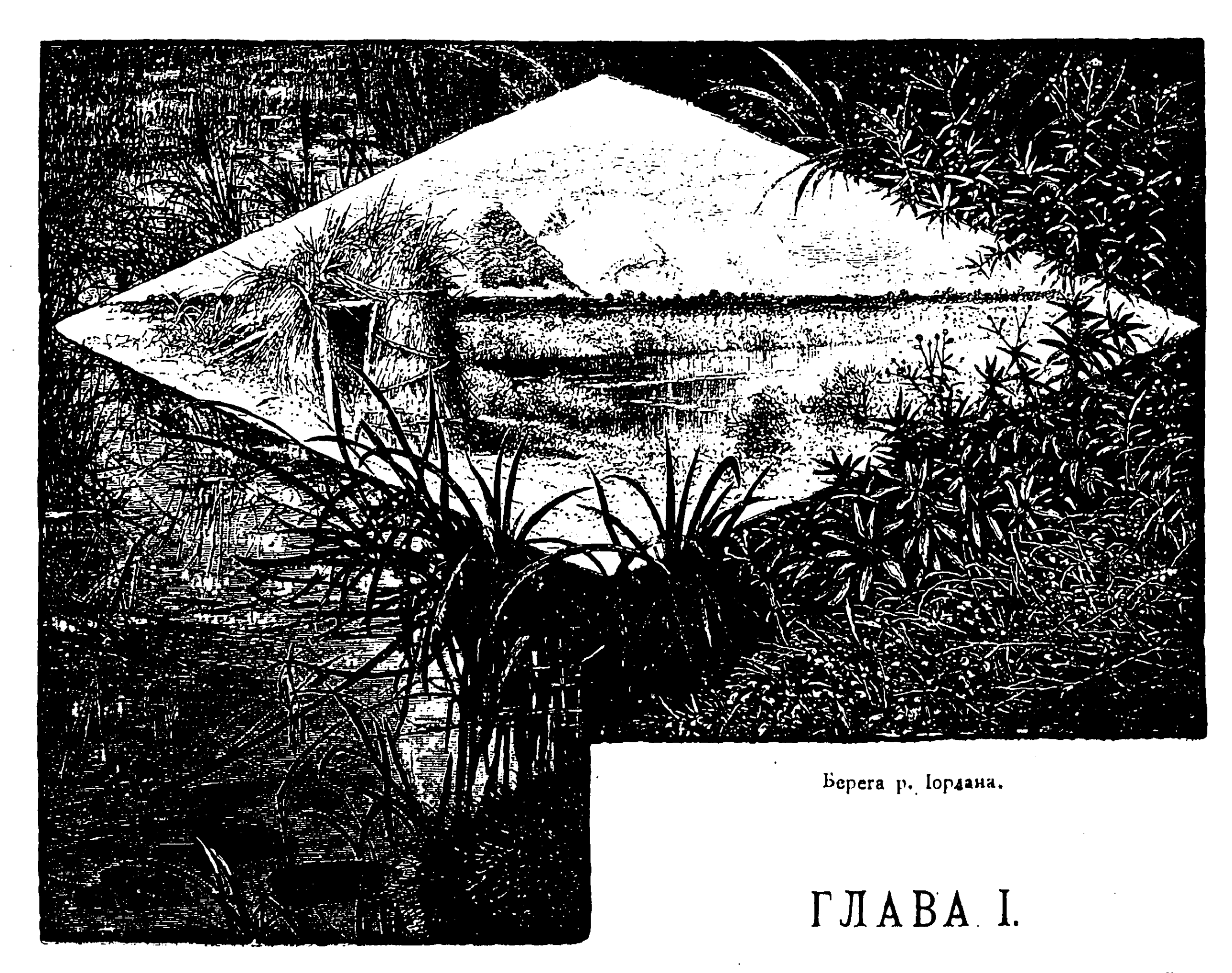

МОСКВА
ПЕТРОВКА, Д. МИХАЛКОВА № 5

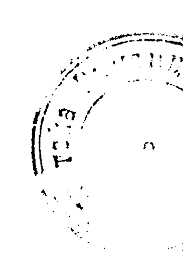
1884

Дозволено цензурою, 11 Сентября 1883 года.

Типографія Товарищества М. О. Вольфъ, Спб., Вас. Остр. 16 л. д. № 5.

Берега р. Іордана.

ГЛАВА I.

Отъ странствій на поклоненіе св. Гробу до Клермонтскаго Собора.

(Отъ IV вѣка по 1095 г.).

Съ самыхъ первыхъ временъ христіанской эры послѣдователи Евангелія собирались вокругъ гроба Іисуса Христа, Спасителя міра, для молитвы. Императоръ Константинъ воздвигнулъ храмы надъ гробомъ Сына человѣческаго и на нѣкоторыхъ изъ главныхъ мѣстъ Его страданій; освященіе церкви св. Гроба было великимъ торжествомъ, при которомъ присутствовали тысячи вѣрующихъ, собравшихся со всѣхъ сторонъ Востока. Мать Константина, св. Елена, уже въ преклонныхъ годахъ предприняла странствіе въ Іерусалимъ и содѣйствовала своимъ усердіемъ къ открытію Древа Креста Господня въ одной изъ пещеръ, по близости къ Голгоѳѣ. Безплодныя усилія императора Юліана возобновить храмъ Іудейскій, — въ опроверженіе словъ св. Писанія, — сдѣлали еще болѣе дорогими св. Мѣста. Между благочестивыми поклонниками IV вѣка исторія сохранила имена: св. Порфирія, бывшаго впослѣдствіи епископомъ Газскимъ, Евсевія Кремонскаго, св. Іеронима, изучавшаго въ Виѳлеемѣ св. Писаніе, св. Павлы и дочери ея Евстахіи, — изъ знаменитаго рода Гракховъ, могилы которыхъ находитъ въ настоящее время путешественникъ рядомъ съ могилою св. Іеронима, близъ той пещеры, гдѣ Спаситель возлежалъ въ ясляхъ. Въ концѣ IV вѣка число паломниковъ было такъ велико, что многимъ изъ отцевъ церкви, между прочимъ и св. Григорію Нисскому, приходилось уже краснорѣчивыми доводами указывать на злоупотребленія и опасности странствованія на богомолье въ Іерусалимъ. Напрасныя предостереженія

Не могло впредь явиться въ мірѣ такой власти, которая преградила бы христіанамъ путь къ св. Гробницѣ.

Вскорѣ, изъ глубины Галліи нахлынули толпы новыхъ христіанъ, которые спѣшили поклониться колыбели вѣрованія, только что воспринятаго ими. Маршрутъ или дорожникъ, составленный собственно для паломниковъ, служилъ имъ путеводителемъ отъ береговъ Роны и Дордоны до рѣки Іордана и на возвратномъ пути изъ Іерусалима до главныхъ городовъ въ Италіи. Въ первыхъ годахъ V вѣка мы встрѣчаемъ на пути къ Іерусалиму императрицу Евдокію, супругу Өеодосія младшаго. Въ царствованіе Ираклія войска персидскаго шаха Хозроя II нахлынули на Палестину; послѣ десятилѣтней борьбы побѣда осталась на сторонѣ христіанскаго императора; онъ возвратилъ святилищу Іерусалима Древо Животворящаго Креста, похищеннаго варварами; босой проходилъ онъ по улицамъ священнаго города, неся на плечахъ своихъ до самой Голгоөы это орудіе искупленія человѣческаго. Шествіе это было торжественнымъ праздникомъ, память о которомъ церковь празднуетъ и донынѣ подъ именемъ Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста. Въ послѣдніе годы VI вѣка выѣхалъ изъ Піаченцы съ благочестивыми сопутниками св. Антонинъ, чтобы почтить поклоненіемъ мѣста, освященныя слѣдами Божественнаго Искупителя. Дорожникъ, носящій имя его, доставляетъ очень любопытныя свѣдѣнія о состояніи, въ которомъ находилась въ то время св. Земля; между-тѣмъ, какъ Европа волновалась среди разнообразныхъ бѣдствій войны и переворотовъ, Палестина покоилась подъ сѣнію Голгоөы и какъ будто во второй разъ содѣлалась землею обѣтованія. Но не долго должны были продолжаться это спокойствіе и благосостояніе.

Изъ хаоса религіозныхъ и политическихъ смутъ, среди развалинъ, загромождающихъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе слабый, колеблющійся и раздѣленный Востокъ — выступилъ человѣкъ съ смѣлымъ замысломъ возвѣстить новую вѣру, основать новое царство. Это былъ — Магометъ, сынъ Абдуллы, изъ племени Корейшитовъ. Онъ родился въ Меккѣ, въ 570 году; былъ сначала бѣднымъ проводникомъ верблюдовъ, но былъ одаренъ пылкимъ воображеніемъ, энергичнымъ характеромъ, живымъ умомъ и имѣлъ глубокое познаніе аравійскихъ народностей, ихъ наклонностей, вкусовъ и потребностей. Коранъ, надъ сочиненіемъ котораго онъ провелъ двадцать три года, хотя и проповѣдывалъ чистую нравственность, но вмѣстѣ съ тѣмъ обращался и къ самымъ грубымъ страстямъ человѣческаго сердца и сулилъ убогимъ обитателямъ пустыни — обладаніе цѣлымъ міромъ. Сынъ Абдуллы, когда ему было сорокъ лѣтъ, началъ проповѣдывать свое ученіе въ Меккѣ, но послѣ тринадцати-лѣтней проповѣди долженъ былъ бѣжать въ Медину, и съ этого бѣгства пророка въ Медину, 16 Іюля 622 года, начинается мусульманская эра. Не много понадобилось времени Магомету, чтобы завоевать всѣ три Аравіи, но ядъ прервалъ его побѣды и жизнь — въ 632 году. Войну и проповѣдь его ученія продолжали: Абу-Бекеръ, тесть Магомета, и Омаръ, который покорилъ Персію, Сирію и Египетъ. Амру и Серджій — намѣстники Омара подчинили своей власти Іерусалимъ, который мужественно защищался впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Омаръ, явившійся самолично принять ключи побѣжденнаго города, велѣлъ выстроить большую мечеть на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышался храмъ Соломона. При жизни калифа, наслѣдовавшаго власть Абу-Бекера, участь палестинскихъ христіанъ была еще не очень бѣдственна, но по смерти Омара имъ пришлось терпѣть всякій позоръ и разграбленіе.

Нашествіе мусульманъ не остановило паломничества. Въ началѣ VIII вѣка мы встрѣчаемъ въ Іерусалимѣ епископа Галльскаго, св. Аркульфа, описаніе интереснаго путешествія котораго сохранилось до нашего времени, а лѣтъ черезъ двадцать или тридцать послѣ того посѣтилъ св. Мѣста другой епископъ — Гилебальдъ, изъ саксонской страны, о путешествіи котораго сохранился раз-

сказъ его родственницы — монахини. Распри между разными мусульманскими партіями, добивавшимися высшей власти, гибельно отражались на палестинскихъ христіанахъ; долго тяготѣли на нихъ ужасы преслѣдованія, прерываемые лишь кратковременными отдыхами, и только въ царствованіе Гарунъ-Аль-Рашида, величайшаго калифа изъ династіи Абассидовъ, настали для нихъ болѣе спокойные дни. Карлъ Великій въ это время распространялъ свое владычество на Западѣ. Взаимное уваженіе между великимъ государемъ Франковъ и великимъ калифомъ ислама выражалось посредствомъ частыхъ посольствъ и роскошныхъ подарковъ. Гарунъ-Аль-Рашидъ посламъ въ даръ Карлу Великому ключи отъ св. Гроба и священнаго города: въ этомъ приношеніи была политическая идея и что-то въ родѣ смутнаго предчувствія крестовыхъ походовъ.

Въ это время европейскіе христіане, посѣщавшіе Іерусалимъ, были принимаемы въ страннопріимномъ домѣ, учрежденіе котораго приписываютъ Карлу Великому. Въ концѣ IX вѣка монахъ Бернардъ, родомъ Французъ, посѣтилъ св. Мѣста съ двумя другими лицами изъ монашескаго званія; онъ видѣлъ это страннопріимное учрежденіе латинской церкви, состоящее изъ двѣнадцати домовъ или гостиницъ; тутъ для паломниковъ была открыта библіотека, какъ и въ другихъ страннопріимныхъ домахъ, основанныхъ въ Европѣ Карломъ Великимъ. Въ пользованіи этого благочестиваго учрежденія были поля, виноградники и садъ, расположенный въ долинѣ Іосафатовой. Желаніе обрѣсти частицы мощей, а также и торговые разсчеты способствовали умноженію этихъ путешествій за море; ежегодно, 15-го сентября, въ Іерусалимѣ открывалась ярмарка: торгъ, по обыкновенію, происходилъ на площади церкви св. Маріи Латинской. Купцы изъ Венеціи, Пизы, Генуи, Амальфи и Марселя имѣли свои конторы въ разныхъ странахъ на Востокѣ. Путешествія къ св. Мѣстамъ стали налагаться въ видѣ публичной кары и средства къ искупленію вины. Въ 868 году, одинъ знатный бретонскій владѣтель, по имени Фротмондъ, убившій своего дядю и меньшаго изъ своихъ братьевъ, былъ присуждаемъ три раза къ путешествію въ св. Землю — для полученія полнаго отпущенія своихъ преступленій. Цензій, римскій префектъ, который нанесъ оскорбленіе папѣ въ церкви Санта-Маріи-Маджіоре, схвативъ его въ алтарѣ и заключивъ въ темницу, былъ присужденъ оплакивать свою вину у подножія гроба Господня.

Эти частыя путешествія установили братскія отношенія между христіанами Востока и европейскими. Письмо Иліи, патріарха іерусалимскаго, написанное въ 881 году къ Карлу Младшему и великой семьѣ христіанскаго Запада, представляется намъ, какъ торжественное выраженіе этихъ отрадныхъ и благочестивыхъ отношеній. Патріархъ описываетъ несчастное положеніе іерусалимской церкви; бѣднымъ и монашествующимъ угрожаетъ смерть отъ голода; для лампадъ святилища недостаетъ масла; іерусалимскіе христіане взываютъ къ состраданію своихъ европейскихъ братьевъ. Не дошло до насъ никакого свидѣтельства, которое пояснило бы, какъ отозвалась христіанская Европа на это трогательное посланіе, но можно предполагать, что два монаха, посланные съ письмомъ отъ Иліи, возвратились не съ пустыми руками.

По ниспроверженіи владычества Абассидовъ, мусульманскій міръ, подъ вліяніемъ распрей и несогласій — распался и утратилъ свою силу; зрѣлище этого паденія пріободрило на нѣкоторое время Грековъ. Никифоръ Ѳока, Ираклій и особенно Цимисхій сдѣлали нѣсколько удачныхъ попытокъ; но смерть Цимисхія, отравленнаго внезапно среди пути, возвратила Сарацинамъ все, что они потеряли. Калифы — Фатимиды, поселившіеся недавно по берегамъ Нила, сдѣлались новыми обладателями Іудеи. Подъ ихъ управленіемъ положеніе христіанъ было сносное до тѣхъ поръ, пока не сталъ калифомъ Гакемъ, о жестокомъ фанатизмѣ и объ яростномъ безуміи котораго сообщаетъ исторія. Гербертъ, архіепископъ Равенскій, сдѣлавшійся папою подъ именемъ Силь-

вестра II, видѣлъ бѣдствія христіанъ во время своего путешествія въ Іерусалимъ. Письмо этого прелата (986), въ которомъ Іерусалимъ самъ оплакиваетъ свои несчастія и взываетъ къ состраданію своихъ дѣтей, возбудило волненіе въ Европѣ. Слѣдствіемъ этого негодованія и сострауанія была морская экспедиція Пизанцевъ, Генуэзцевъ и короля Арльскаго, Бозжа, которая угрожала Сарацинамъ до береговъ Сиріи; но эта неблагоразумная демонстрація возбудила только недовѣріе Сарацинъ и привлекла на христіанъ усиленныя мѣры строгости.

Лѣтописцы того времени, описывая бѣдствія св. Земли, сообщаютъ, что всѣ религіозныя церемоніи были запрещены и большая часть церквей превращены въ конюшни; храмъ св. Гроба также подвергся опустошенію. Христіане принуждены были удалиться изъ Іерусалима. Со слезами приняли на Западѣ извѣстіе о разрушеніи св. Мѣста. Въ разныхъ явленіяхъ представились благочестивымъ христіанамъ какъ бы знаменія этихъ несчастій: напримѣръ, въ Бургони выпалъ каменный дождь; на небѣ видны были кометы и метеоры. Въ различныхъ по климату мѣстностяхъ природа дѣйствовала какъ бы вопреки своимъ опредѣленнымъ законамъ, и годъ бѣдствій Іерусалима былъ полонъ печальныхъ, таинственныхъ знаменій. Но всѣ эти бѣдствія дѣлали еще болѣе дорогимъ и священнымъ для христіанъ городъ ихъ Искупителя. Вообще, конецъ X вѣка составляетъ эпоху тревогъ и мрачной озабоченности; въ Европѣ думали, что скоро наступитъ послѣдній день міра и Іисусъ Христосъ сойдетъ на землю, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ. Мысли всѣхъ были обращены къ Іерусалиму, и путь странствія туда сдѣлался какъ бы путемъ вѣчности. Богатые учреждали благотворительныя заведенія, такъ какъ блага земныя вмѣнялись тогда въ ничто. Не одна дарственная запись начинается такими благочестивыми словами: «Такъ какъ приближается конецъ міра» или «убоясь наступающаго дня Суда Божія» и т. п. Когда умеръ Гакемъ — калифъ-притѣснитель, то преемникъ его, Захиръ, позволилъ христіанамъ выстроить вновь храмъ св. Гроба; императоръ константинопольскій предоставилъ черпать средства изъ своей собственной казны для покрытія издержекъ по возстановленію храма.

Въ XI вѣкѣ примѣры странствій къ св. Мѣстамъ, налагаемыхъ въ видѣ церковнаго покаянія, встрѣчаются еще чаще, чѣмъ въ предыдущемъ столѣтіи. Великіе грѣшники должны были оставлять на нѣкоторое время свое отечество и вести скитальческую жизнь, подобно Каину. Этотъ способъ искупленія грѣха: кражи, убійства, нарушенія примиренія во имя Бога согласовался съ дѣятельнымъ и безпокойнымъ характеромъ западныхъ народовъ. Чѣмъ дальше подвигается XI вѣкъ, тѣмъ болѣе любовь къ странствіямъ на поклоненіе св. Мѣстамъ становится потребностью людей, привычкою, закономъ. Посохъ странника виденъ въ рукѣ каждаго уроженца Европы; стараніе ли избѣжать опасности или преодолѣть затрудненіе, исполненіе ли какого-нибудь желанія или обѣта, — все это служитъ причиною покинуть домашній очагъ и стремиться къ дальнимъ небесамъ. Странникъ, направляющійся въ Іерусалимъ, былъ какъ бы священною личностію; отъѣздъ его и возвращеніе ознаменовывались религіозными церемоніями. Ни въ какой странѣ не подвергался онъ лишенію благодѣтельнаго гостепріимства. Особенно же, во время празднованія Пасхи, стеченіе паломниковъ бывало многочисленно въ Іерусалимѣ; толпы вѣрующихъ стремились увидѣть, какъ нисходитъ священный огонь и зажигаетъ свѣтильники у Гроба Господня.

Знаменитѣйшими паломниками первой половины XI вѣка считаютъ Фулька Анжуйскаго, по прозванію Чернаго, и Роберта Нормандскаго, отца Вильгельма Завоевателя; Фулькъ, обвиненный въ убійствѣ своей жены и, сверхъ того, въ другихъ убійствахъ, три раза путешествовалъ къ св. Мѣстамъ, заявляя многими доказательствами набожное свое настроеніе и милосердіе, и умеръ въ Мецѣ, въ 1040 г., по возвращеніи изъ третьяго странствія на богомолье. Робертъ Нормандскій,

Петръ Пустынникъ проповѣдуетъ крестовый походъ

виновный, какъ говорятъ, въ томъ, что по его повелѣнію былъ отравленъ братъ его Ричардъ, также отправился вымаливать прощеніе Господа у Его св. Гроба; по прибытіи въ Іерусалимъ, встрѣтилъ онъ у воротъ города толпу бѣдныхъ странниковъ, стоявшихъ тутъ въ ожиданіи милостыни отъ какого-нибудь богатаго господина, которая открыла бы имъ доступъ въ священный городъ, и заплатилъ за каждаго изъ нихъ по золотой монетѣ. Робертъ умеръ въ Никеѣ, сожалѣя, что ему не пришлось кончить жизнь свою при самомъ Гробѣ своего Господа.

Въ 1054 г., Литбертъ, епископъ Камбрейскій, отправился въ Іерусалимъ во главѣ трехъ тысячъ поклонниковъ изъ Пикардіи и Фландріи. Этотъ отрядъ, извѣстный у лѣтописцевъ подъ замѣчательнымъ названіемъ *«войска Божьяго»*, погибъ въ Болгаріи, побитый оружіемъ варваровъ и также отъ голода. Епископъ Камбрейскій прибылъ въ Сирію съ очень немногими уцѣлѣвшими спутниками; но онъ былъ такъ несчастливъ, что долженъ былъ возвратиться въ Европу, не видавъ Гроба Господня. Другой отрядъ, болѣе многочисленный, отбылъ съ береговъ Рейна въ 1064 году; эти благочестивые Германцы достигли до св. Земли, гдѣ патріархъ сдѣлалъ имъ торжественную встрѣчу при звукахъ литавръ. Въ числѣ путешественниковъ къ св. Мѣстамъ въ это же время можно упомянуть еще о Фридрихѣ, графѣ Вердюнскомъ, о Робертѣ Фризонѣ, графѣ Фландрскомъ и о Беранжерѣ, графѣ Барселонскомъ.

Вторженіе турокъ, «эта наковальня, которая должна была тяготѣть надъ всею землею», по выраженію одного лѣтописца, подчинило Востокъ новымъ владыкамъ, а палестинскихъ христіанъ — новымъ притѣснителямъ. Къ такому громадному количеству враговъ, возставшихъ противъ послѣдователей Евангелія, Европа не отнеслась равнодушно. Папа Григорій VII, человѣкъ энергичный и смѣло-предпріимчивый, началъ убѣждать христіанъ вооружиться противъ мусульманъ; пятьдесятъ тысячъ человѣкъ отозвались на его призывъ и Григорій VII, самъ долженъ былъ вести ихъ въ Азію. Но онъ не могъ осуществить этого предпріятія. Преемникъ его, Викторъ III, обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто выступитъ на битву съ Сарацинами, свирѣпствовавшими по берегамъ Средиземнаго моря; флотъ, снаряженный жителями Пизы, Генуи и другихъ городовъ Италіи, явился у африканскихъ береговъ; итальянскіе воины изрубили множество Сарацинъ и сожгли два мусульманскихъ города въ древней странѣ Карѳагенской.

Но то былъ не первосвященникъ римскій, а простой отшельникъ, который, подъ вліяніемъ идеи, властвующей надъ вѣкомъ, поднялъ знамя великой войны между Востокомъ и Западомъ. Петръ Пустынникъ, родомъ изъ Пикардіи, ища удовлетворенія для своей пламенной и тревожной души и на войнѣ, и въ мірѣ, и въ церкви — избралъ послѣднимъ своимъ убѣжищемъ уединеніе въ одномъ изъ самыхъ суровыхъ монастырей. Онъ покинулъ его лишь для того, чтобы пойти на поклоненіе къ св. Мѣстамъ; видъ Голгоѳы и св. Гроба воспламенилъ его христіанское воображеніе: зрѣлище страданій палестинскихъ христіанъ возбудило его негодованіе. Петръ Пустынникъ вмѣстѣ съ патріархомъ Симономъ плакали надъ бѣдствіями Сіона, надъ порабощеніемъ послѣдователей Іисуса Христа. Патріархъ вручилъ отшельнику письма, въ которыхъ онъ умолялъ о помощи папу и государей; Петръ обѣщалъ ему не забыть Іерусалима. И вотъ, изъ Палестины отправляется онъ въ Италію, припадаетъ къ ногамъ папы Урбана II, испрашиваетъ и достигаетъ его предстательства въ пользу освобожденія Іерусалима. И послѣ того, Петръ Пустынникъ, возсѣвъ на мула, съ босыми ногами, съ обнаженной головой, въ простой, грубой одеждѣ, съ Распятіемъ въ рукахъ отправляется изъ города въ городъ, изъ провинціи въ провинцію, проповѣдуя на площадяхъ и по дорогамъ; такимъ образомъ проходитъ онъ по всей Франціи и по большей части Европы; краснорѣчіе его потрясаетъ толпы; всѣ умы воспламеняются, всѣ сердца растроганы.

Немедленно въ Піаченцѣ былъ созванъ соборъ; тутъ были и послы отъ императора Алексія, на которыхъ было возложено представить папѣ картину бѣдствій на Востокѣ. Болѣе двухъ-сотъ епископовъ и архіепископовъ, четырехъ тысячъ духовныхъ лицъ и тридцати тысячъ лицъ свѣтскаго званія присутствовали на соборѣ. Но ничего здѣсь не было рѣшено. Великое рѣшеніе состоялось на новомъ соборѣ, болѣе торжественномъ и многочисленномъ, соборѣ Клермонтскомъ, въ Оверни. Послѣ многихъ совѣщаній о преобразованіи духовенства, объ установленіяхъ относительно порядка, справедливости и человѣчности, былъ поднятъ вопросъ о св. Землѣ. Совѣщаніе, на которомъ раздалось слово объ Іерусалимѣ, было десятое по числу на соборѣ; оно происходило на большой Клермонтской площади, покрытой несмѣтными толпами народа; для папы былъ воздвигнутъ престолъ. Петръ Пустынникъ заговорилъ первый; голосъ его дрожалъ отъ слезъ, когда онъ обратился къ народу, и слова его произвели потрясающее впечатлѣніе. Послѣ него началъ говорить папа Урбанъ, который представилъ зрѣлище наслѣдія Христова — въ позорномъ порабощеніи, Божіихъ вѣрныхъ сыновъ — терпящихъ гоненія и преслѣдованія, Европу христіанскую — угрожаемую побѣдоносными варварами; папа призывалъ государей и народы — послужить Богу Живому. При словахъ папы слышны были общія рыданія; на призывъ его къ мужеству воиновъ, толпа отозвалась пламеннымъ рвеніемъ. Передъ благочестивыми душами въ словахъ папы открывалось Царствіе Небесное, которое предстояло завоевывать, а передъ честолюбивыми — земныя блага и царства Азіи. И подобно грому огласилъ Клермонтскую площадь крикъ, вырвавшійся изъ сердецъ несмѣтной толпы: *Богъ того хочетъ! Богъ того хочетъ!* Здѣсь мы только слегка касаемся дѣйствія, произведеннаго рѣчью папы; только въ исторіи крестовыхъ походовъ можно видѣть торжественное величіе зрѣлища, явленнаго тогда передъ христіанскимъ міромъ.

ГЛАВА II.

Съ отбытія крестоносцевъ до осады Никеи.

(Съ 1096 до 1097 г.)

Епископы, бароны, рыцари и всѣ вѣрующіе, которые присутствовали на соборѣ Клермонтскомъ, поклялись идти освобождать Іерусалимъ; они облачились въ одежду, украшенную краснымъ крестомъ (изъ шелковой или шерстяной матеріи), и отъ этого произошло названіе *крестоносцевъ*. Урбанъ, съ тою цѣлію, чтобы окончательно воспламенить сердца христіанъ, посѣтилъ многія провинціи во Франціи, созвалъ соборы въ городахъ: Руанѣ, Анжерѣ, Турѣ и Нимѣ; толпы народа слѣдовали за нимъ, и воинственный энтузіазмъ охватилъ всю страну. Соборъ, на которомъ рѣшенъ былъ крестовый походъ, происходилъ въ ноябрѣ 1096 года, а въ августѣ слѣдующаго года было назначено выступить въ походъ крестоносцамъ. Впродолженіе зимы дѣлались приготовленія къ пути. Епископы всѣхъ епархій были заняты освященіемъ крестовъ, оружія и знаменъ. Религіозное рвеніе и разныя привиллегіи, предоставленныя крестоносцамъ, содѣйствовали увеличенію числа пилигримовъ и воиновъ. Имъ отпускались всѣ прегрѣшенія; церковь принимала подъ свое покровительство и крестоносцевъ, и ихъ семейства, и имущество; они освобождались отъ податей и налоговъ и отъ преслѣдованія своихъ кредиторовъ во все продолженіе похода.

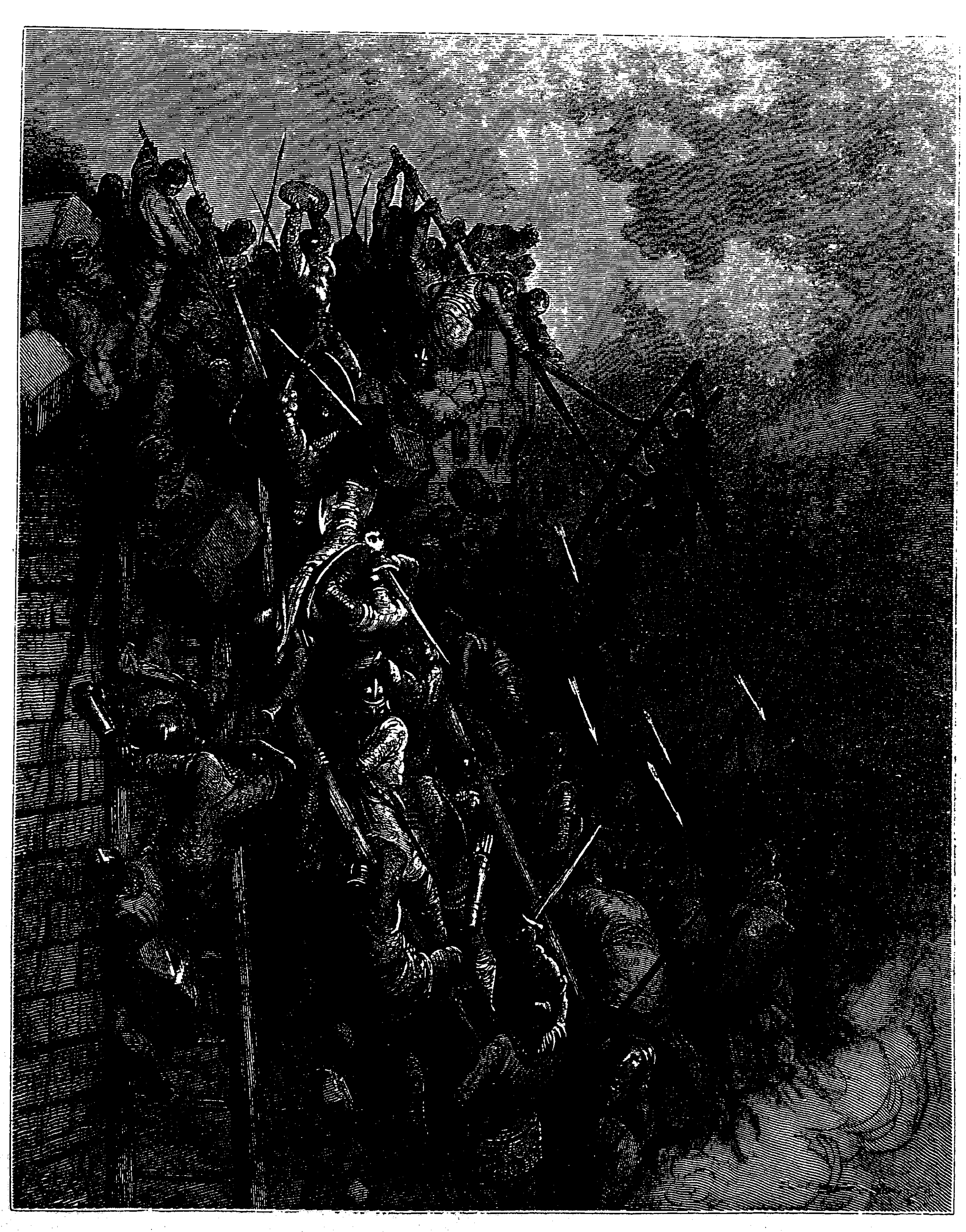
Рвеніе къ пилигримству разгорѣлось повсюду; это сдѣлалось единственнымъ стремленіемъ, единственнымъ предметомъ интереса и честолюбія. Желаніе посѣтить св. Мѣста и завоевать Востокъ превратилось во всеобщую страсть. Земли начали продаваться по низкой цѣнѣ; ремесленники, купцы и земледѣльцы охладѣли къ своимъ обычнымъ занятіямъ и сдѣлались безучастными ко всему, кромѣ крестоваго похода. Даже и монастыри оказались не властными удержать въ своихъ стѣнахъ ихъ суровыхъ обитателей; клятва жить и умереть въ уединеніи должна была уступить силѣ влеченія въ дальнія области. И странное явленіе! Даже воры и разбойники выползли на свѣтъ Божій изъ своихъ скрытыхъ притоновъ и вымаливали счастіе принять крестъ и идти искупить свои преступленія въ бою съ врагами Іисуса Христа. Восторженное настроеніе крестоносцевъ, начавшееся во Франціи, перешло оттуда въ Англію, Германію, Италію и Испанію; подъ знаменемъ Креста различные западные народы слились въ одномъ общемъ стремленіи. Для народовъ, какъ и для отдѣльныхъ личностей, не стало земли болѣе желанной, чѣмъ Палестина; не представлялось болѣе славнаго подвига, какъ крестовый походъ; не утѣшала иная надежда, кромѣ освобожденія Іерусалима. Фантазія и народныя страсти присоединили самую природу къ этому всеохватывающему воинственному порыву; она, то покрывала небо кровавыми облаками, то ниспускала комету въ видѣ меча или разстилала по небесному пространству движущіеся города съ

башнями и украшеніями, вооруженные легіоны и знаменіе креста. Знаменитые покойники минувшихъ временъ (таковы были толки въ народѣ) покинули свои могилы, чтобы принять участіе въ этомъ великомъ движеніи христіанской Европы.

Въ первые весенніе дни 1096 года внезапно и повсемѣстно разгорѣлся порывъ выступить въ походъ; ничто болѣе не могло сдерживать благочестиваго рвенія крестоносцевъ. Всѣ званія, возрасты и сословія смѣшались подъ знаменемъ Креста. Дороги были усѣяны отрядами, изъ среды которыхъ то тутъ, то тамъ раздавался возгласъ: *Богъ того хочетъ!* и вмѣстѣ съ тѣмъ звуки трубъ и литавръ и пѣніе гимновъ и псалмовъ. Цѣлыя семьи, забравъ съ собою провизію, утварь и мебель, пускались въ Палестину, предавая себя провидѣнію Того, Кто питаетъ птицъ небесныхъ. Деревенскія дѣти, встрѣчая на пути городъ или замокъ, спрашивали въ своемъ простодушномъ невѣдѣніи: не это ли Іерусалимъ?

Князья и вожди, которые должны были предводительствовать различными отрядами крестоносцевъ, рѣшили, что они отправятся въ разное время и по разнымъ дорогамъ, но что всѣ соединятся въ Константинополѣ. Большая часть ополченія не хотѣла ждать; не имѣя предводителя, она требовала, чтобы Петръ Пустынникъ повелъ ее на Востокъ; Петръ согласился на это. Въ шерстяной мантіи съ капюшономъ на головѣ, въ сандаліяхъ на ногахъ, на томъ же мулѣ, на которомъ онъ разъѣзжалъ по Европѣ, Петръ направился въ Германію во главѣ восьмидесяти и даже до ста тысячъ народа: проповѣдникъ крестоваго похода, сдѣлавшійся предводителемъ такой массы пилигримовъ, не подумалъ о безпорядкахъ и бѣдствіяхъ, могущихъ возникнуть вслѣдствіе грубаго невѣжества и отсутствія всякихъ разумныхъ мѣръ и дисциплины. Авангардъ арміи Петра Пустынника, предводительствуемый Готье Голякомъ, состоялъ только изъ восьми всадниковъ, всѣ прочіе шли завоевывать Востокъ, собирая милостыню по дорогѣ. Этотъ авангардъ прибылъ въ Константинополь, совершивъ печальный и бѣдственный двухмѣсячный походъ черезъ Венгрію и Болгарію. Императоръ Алексій дозволилъ ему тутъ дожидаться арміи Петра Пустынника. Армія же эта, слѣдуя по пути, проложенному ратниками Готье Голяка, увидѣла слѣды бѣдствій, которыя она потерпѣла и пожелала неблагоразумно отомстить за нихъ. Высокую идею крестовыхъ походовъ она осквернила страшнѣйшими ужасами, которые пришлось ей искупить подъ стѣнами Ниссы. И когда остатки арміи Петра Пустынника соединились съ остатками авангарда вокругъ Константинополя, то всѣ поклялись соблюдать впередъ дисциплину и подчиняться разумнымъ распоряженіямъ. Петръ Пустынникъ оказался предметомъ большаго любопытства при императорскомъ дворѣ; Алексій осыпалъ его подарками, приказалъ снабдить его армію деньгами и провіантомъ и посовѣтовалъ ему подождать прибытія владѣтельныхъ князей, чтобы начать войну.

Но князья и настоящіе предводители крестоваго похода еще не выступали изъ Европы; имъ предшествовали новыя ополченія, подобныя тѣмъ, которыхъ вели Готье Голякъ и Петръ Пустынникъ. Пфальцскій священникъ, Готшалькъ отправился съ пятнадцатью и до двадцати тысячъ войска изъ разныхъ провинцій Германіи, вооружившагося по его призыву; при переходѣ черезъ Венгрію, отрядъ этотъ предался всѣмъ неистовствамъ разгула и былъ бѣдственно истребленъ оружіемъ Венгровъ. Съ береговъ Рейна и Мозеля выступило другое ополченіе подъ предводительствомъ священника Фолькмара и графа Эмикона; эта толпа — сборище бродягъ и искателей приключеній,— руководимая двумя лицами, плохо разумѣвшими смыслъ и духъ крестоваго похода, устремилась какъ на враговъ — на всѣхъ Евреевъ, которыхъ встрѣчала на пути, и кровію ихъ обагрила нѣсколько городовъ въ Германіи. Рейнъ и Мозель покрыты были израильскими трупами. Послѣ этихъ кровопролитій, передъ ратниками Эмикона, подвигающимися по направленію къ Венгріи,

Наступленіе на Месбургъ

всѣ мѣстныя населенія обращались въ бѣгство. Месбургъ не пропустилъ ихъ чрезъ свои ворота и отказалъ имъ въ продовольствіи. Большинство этихъ недостойныхъ крестоносцевъ погибло подъ стѣнами Месбурга, послѣ неудачной осады этого города; и только немногочисленный авангардъ изъ отряда Эмикона достигъ до Константинополя.

Всѣ эти соединившіяся теперь ополченія становились опасными гостями для Алексія; уже нѣсколько домовъ, дворцовъ и даже византійскихъ церквей были сожжены и разграблены этими необузданными пилигримами; императоръ заставилъ ихъ перейти на другую сторону Босфора, и крестоносцы расположились лагеремъ въ окрестностяхъ Никомидіи. Въ скоромъ времени возникли несогласія между Французами, Итальянцами и Германцами. Послѣдніе, подъ предводительствомъ Ренальда, двинулись къ Никеѣ, отняли у мусульманъ крѣпость Ексерогорго, но вскорѣ послѣ того, осажденные Турками, всѣ почти погибли подъ ударами ихъ мечей. Узнавъ о печальной участи Итальянцевъ и Германцевъ, Французы потребовали отъ своего предводителя Готье, чтобы онъ повелъ ихъ на встрѣчу непріятелю — для того, чтобы отомстить за своихъ братьевъ-христіанъ. Готье отговаривалъ ихъ отъ этого, но его благоразумные доводы были встрѣчены общимъ ропотомъ. Яростные крики толпы заставили его уступить, и отрядъ въ безпорядкѣ двинулся къ Никеѣ. Немедленное пораженіе его было наказаніемъ за это возмущеніе. Готье, который былъ бы достоинъ предводительствовать лучшими воинами, палъ, сраженный семью стрѣлами. Петръ Пустынникъ, который давно уже лишился довѣрія крестоносцевъ, возвратился въ Константинополь еще прежде битвы. Съ этой минуты отшельникъ не выдавался изъ ряда прочихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ крестовомъ походѣ; онъ былъ едва замѣченъ на войнѣ, которую онъ вызвалъ силою своего краснорѣчія.

Такова была участь трехъ-сотъ-тысячъ крестоносцевъ, вышедшихъ изъ Европы. Прискорбно, но не удивительно было услышать о бѣдствіяхъ, постигшихъ эти передовые отряды, которыхъ не руководили ни законы, ни добродѣтели, ни дисциплина, и которые создались, такъ сказать, изъ пѣны взволнованнаго западнаго строя. Но эти несчастія не возбудили отчаянія въ предводителяхъ крестоваго похода; болѣе правильно сформированныя и болѣе одушевленныя христіанскимъ духомъ войска должны были оказаться болѣе грозными борцами съ Востокомъ, чѣмъ скопища и отряды, распавшіеся или уничтоженные въ Болгаріи, Венгріи и Виѳиніи. Теперь только могъ начаться настоящій крестовый походъ; теперь только откроется передъ нами борьба за Крестъ во всемъ ея героическомъ и настоящемъ смыслѣ.

Во главѣ христіанскихъ армій является сначала Готтфридъ Бульонскій, герцогъ Лотарингскій, изъ рода графовъ Булонскихъ и происходящій, по женской линіи, отъ Карла Великаго. Очень еще юный, онъ успѣлъ уже отличиться на войнѣ между папою и императоромъ Германскимъ и въ борьбѣ противъ папы, защищая дѣло антипапы Анаклета; но эта служба была признана святотатственною, и онъ долженъ былъ искупить свои преступные подвиги — путешествіемъ въ Іерусалимъ. По свидѣтельству лѣтописцевъ, Готтфридъ соединялъ въ себѣ мужество и добродѣтель героя съ простотою отшельника; онъ обладалъ большою физическою силою и отличался благоразуміемъ, воздержаніемъ и искреннимъ благочестіемъ. Глубокій умъ его придавалъ ему такое нравственное превосходство, которое прямо указывало въ немъ главнаго и настоящаго предводителя крестоваго похода. По призыву герцога Лотарингскаго все высшее сословіе французское и при-рейнское предоставило свои богатства для снаряженія экспедиціи.

Подъ знаменами Готтфрида собралось восемьдесятъ тысячъ пѣхоты и десять тысячъ человѣкъ коннаго войска. Онъ выступилъ въ походъ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ Клермонтскаго

собора, въ сопровожденіи брата своего Евстафія Булонскаго, другаго брата — Бальдуина и двоюроднаго брата Бальдуина Бургскаго; при немъ были еще: Бальдуинъ, графъ де-Генегау, Гарнье, графъ де-Грэ, Кононъ де-Монтегю, Дюдонъ де-Гутцъ, братья Генрихъ и Готтфридъ Гашскіе, Рено и Петръ Тульскіе, Жераръ Керизійскій, Гугъ де-Сенъ-Поль и сынъ его Енгельранъ. Эти предводители вели за собой множество другихъ рыцарей. Армія Готтфрида Бульонскаго встрѣтила помощь и получила продовольствіе въ тѣхъ же самыхъ странахъ Венгріи и Болгаріи, гдѣ воины Петра Пустынника, Готшалька и Эмикона возбудили только недовѣріе и подверглись всякаго рода бѣдствіямъ.

Франція, между тѣмъ, вооружала новыя войска для поддержанія священной войны. Графъ Гугъ, братъ Филиппа I-го, соединилъ подъ своими знаменами пилигримовъ Вермандуасскихъ. Робертъ, по прозванію Куртъ-Гезъ, герцогъ Нормандскій, старшій сынъ Вильгельма-завоевателя, былъ во главѣ своихъ вассаловъ; не имѣя достаточно средствъ, чтобы содержать войско, онъ заложилъ Нормандію брату своему Вильгельму Рыжему, не очень заботившемуся о дѣлахъ на Востокѣ. Другой Робертъ, графъ Фландрскій, сынъ Роберта, прозваннаго Фризономъ, предводительствовалъ Фризами и Фламандцами. Стефанъ, графъ Блуасскій и Шартрскій, замковъ у котораго было столько-же, сколько дней въ году, присоединился также къ дѣлу крестоносцевъ. За этими четырьмя вождями послѣдовала толпа рыцарей и вельможъ, между которыми исторія упоминаетъ о Робертѣ Парижскомъ, Еврандѣ Пюизейскомъ, Ашардѣ Монмерльскомъ, Изуардѣ Мюзонскомъ, Стефанѣ, графѣ Альбмарльскомъ, о Готье Сенъ-Валерійскомъ, Рожерѣ Берневильскомъ, о двухъ знаменитыхъ Бретонцахъ Ферджанѣ и Конанѣ; о Гюи Трюссельскомъ, Милѣ Брэйскомъ, Раулѣ Божансискомъ, о Ротру, сынѣ графа Першскаго; объ Одонѣ, епископѣ Байесскомъ, дядѣ герцога Нормандскаго; о Раулѣ Гадерскомъ, Ивѣ и Альберикѣ, сыновьяхъ Гуга Гранменильскаго. Всѣ эти французскіе отряды перешли черезъ Альпы, съ намѣреніемъ отплыть на судахъ изъ одного изъ итальянскихъ портовъ. При слухахъ о проходѣ французскихъ крестоносцевъ взволновалась и Италія. Боэмундъ, князь Тарентскій, сынъ Роберта Гискара, пожелалъ также раздѣлить честь и опасности священнаго предпріятія. Это былъ человѣкъ ловкій, храбрый и честолюбивый, полный ненависти къ греческимъ государямъ, онъ радовался при мысли, что будетъ переходить черезъ ихъ имперію во главѣ цѣлой арміи. Безъ сожалѣнія готовъ онъ былъ отдать свое маленькое Тарентское владѣніе за надежду покорить царства на Востокѣ. Боэмундъ былъ съ своимъ братомъ и съ своимъ дядею Рожеромъ при осадѣ Амальфи; онъ самъ выступилъ проповѣдникомъ крестоваго похода, и лагерь осаждающихъ огласился вслѣдъ за тѣмъ криками: «Богъ того хочетъ! Богъ того хочетъ!» И вотъ, войско отходитъ отъ стѣнъ Амальфи, и Боэмундъ провозглашается предводителемъ новой арміи пилигримовъ. Съ десятью тысячами всадниковъ и двадцатью тысячами пѣхоты онъ садится на суда и отправляется въ Грецію; славнѣйшіе рыцари Апуліи, Калабріи и Сициліи послѣдовали за княземъ Тарентскимъ. Между знатнѣйшими спутниками сына Роберта Гискара были: Ричардъ, князь Салернскій и братъ его Ранульфъ, Германъ Канійскій, Робертъ Гозскій, Робертъ Сурдевальскій, Робертъ, сынъ Тристана, Буаль Шартрскій, Гумфридъ де Монтегю и знаменитѣйшій изъ всѣхъ — Танкредъ, рыцарскій героизмъ котораго воспѣли поэты и прославили историки. Адемаръ Монтейльскій и Раймондъ, графъ Сенъ Жильскій и Тулузскій были избраны вождями крестоносцевъ изъ южныхъ провинцій. Епископъ Адемаръ, первый — принявшій крестъ на Клермонтскомъ соборѣ, получилъ отъ папы Урбана II титулъ апостольскаго легата, духовнаго вождя крестоваго похода. Митра духовнаго владыки и рыцарскій шлемъ были попеременнымъ его облаченіемъ; онъ былъ образцомъ, опорою и

утѣшителемъ всѣхъ ополчившихся въ священный походъ. Раймондъ Сенъ-Жильскій обагрилъ свой мечъ кровью Мавровъ въ Испаніи. Въ немъ уже не было перваго пыла молодости, но и въ преклонныхъ годахъ онъ отличался неустрашимостію и непоколебимою твердостію характера. Онъ простился съ своими обширными и многочисленными владѣніями на берегахъ Роны и Дордони и отправился на Востокъ, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ владѣтелей изъ Гасконіи, Лангедока, Прованса, Лимузина и Оверни.

Лѣтописцы упоминаютъ между ними: Гераклія, графа де Полиньяка, Вильгельма Сабранскаго, Елеазара Монтредорскаго, Петра-Бернарда Монтальякскаго, Елеазара Кастрійскаго, Раймонда Лилльскаго, Петра-Раймонда Готпульскаго, Гуссье Ластурскаго, Вильгельма V, владѣтеля Монпельескаго, Рожера, графа Фуасскаго, Раймонда Пеле, владѣтеля Алескаго, Изарда, графа Дійскаго, Рембота, графа Оранжскаго, Вильгельма, графа Форезскаго, Вильгельма, графа Клермонтскаго, Жерарда, сына Гильяберта, графа Руссильонскаго, Гастона, виконта Беарнскаго, Вильгельма-Аманжіе Альбретскаго, Раймонда VI, графа Тюренскаго, Раймонда, виконта Кастильонскаго, Вильгельма-Дюржеля, графа Форкальkверскаго. Епископы Аптскій, Лодевскій, Оранжскій, архіепископъ Толедскій были во главѣ своихъ вассаловъ, какъ и епископъ Адемаръ. Армія Раймонда Сенъ-Жильскаго состояла изъ ста тысячъ крестоносцевъ; она перешла черезъ Альпы, Ломбардію, Фріуль, Далмацію и вступила въ предѣлы Греческой Имперіи.

Алексій Комнинъ искалъ помощи на Западѣ въ защиту отъ вторженія мусульманъ, но по мѣрѣ того, какъ князья-крестоносцы подвигались съ своими войсками къ Константинополю, Алексій начиналъ опасаться многочисленности своихъ освободителей. И этому наплыву народовъ на его владѣнія, онъ противопоставилъ политику хитрости, коварства и подкупа. Онъ трепеталъ на своемъ ветхомъ престолѣ, и въ самомъ дѣлѣ, еслибы не было благочестиваго Готтфрида, который не допустилъ, чтобы нарушена была присяга, принятая передъ крестовымъ походомъ, то латинскія знамена развѣвались-бы уже съ тѣхъ поръ на стѣнахъ Византіи.

Съ помощію подарковъ и низкой угодливости Алексій пользовался-таки временнымъ уваженіемъ латинскихъ князей, за исключеніемъ Танкреда, пребывшаго нечувствительнымъ къ обольщеніямъ императорскаго двора. Но ради обезпеченія мира, Алексій не отступилъ ни передъ какимъ униженіемъ, ни передъ какимъ обѣщаніемъ. Однакоже онъ успокоился не прежде того, какъ всѣ эти пришельцы съ Запада перешли уже по ту сторону Босфора.

Начиналась весна 1097 года, когда воины Креста вступили въ Виѳинію; на пути ихъ къ Никеѣ, они увидѣли замокъ Ексерогорго, послужившій могилою для предпріимчивыхъ спутниковъ Ренальда и полемъ битвы, на которомъ непокорный и своевольный отрядъ Готье былъ истребленъ мусульманскимъ оружіемъ. Четыре тысячи работниковъ, вооруженныхъ лопатами и заступами были заняты теперь разравниваніемъ дороги; желѣзные или деревянные кресты, разставленные на разныхъ разстояніяхъ, обозначали путь, по которому должно было слѣдовать латинское войско.

При приближеніи крестоносцевъ, султанъ Килиджъ-Ареланъ (львиная сабля) созвалъ со всѣхъ сторонъ своихъ подданныхъ и союзниковъ для защиты исламизма; онъ постарался образовать изъ нихъ войско и укрѣпить г. Никею, на которую должны были обрушиться первые удары христіанъ. Этотъ городъ, столица Виѳиніи и резиденція Румскаго султана, былъ выстроенъ на берегахъ озера Асканскаго, сообщающагося съ Мраморнымъ моремъ: триста-семьдесятъ каменныхъ или кирпичныхъ башенъ защищали двойную ограду его стѣнъ, по которымъ можно было-бы прокатить колесницу. Румскій султанъ, со своимъ стотысячнымъ войскомъ, расположился на горахъ близъ Никеи. Съ ужасомъ долженъ былъ онъ смотрѣть оттуда на христіанскую армію,

распространившуюся по долинѣ; эта армія состояла изъ болѣе чѣмъ ста тысячъ конницы и пятисотъ тысячъ человѣкъ пѣхотнаго войска.

Крестоносцы рѣшились приступить къ осадѣ Никеи; каждому корпусу арміи было отведено свое мѣсто, каждому народу — свой участокъ, окруженный стѣнами и тыномъ. Первые дни осады прошли въ безплодныхъ попыткахъ. Но вдругъ непріятельскій авангардъ, состоящій изъ десяти тысячъ всадниковъ, стремительно спускается въ долину; крестоносцы, предупрежденные о нападеніи, остаются въ выжидательномъ положеніи подъ оружіемъ; начинается битва; на помощь къ помятому сарацинскому авангарду выступаютъ пятьдесятъ тысячъ всадниковъ подъ предводительствомъ султана. Почва долины колеблется подъ натискомъ двухъ армій; стрѣлы сыплятся въ ряды воиновъ; воздухъ оглашается ударами копій и мечей и криками мусульманъ. Готтфридъ, братъ его Бальдуинъ, Робертъ Фландрскій, Робертъ Нормандскій, Боэмундъ и Танкредъ бросаются повсюду, гдѣ замѣтна опасность. Битва эта длилась отъ утра до ночи; побѣда осталась за христіанами; но они потеряли двѣ тысячи своихъ братій; Сарацины же убѣжали въ горы, оставивъ въ долинѣ четыре тысячи убитыхъ.

Освободясь отъ сосѣдства непріятельскаго войска, крестоносцы возобновили осаду Никеи. Во время одного изъ приступовъ, передъ христіанами является Сарацинъ-гигантъ, который, стоя на стѣнахъ, поражаетъ смертью одного врага за другимъ, но самъ остается невредимъ отъ ударовъ; какъ-бы желая доказать, что онъ ничего не боится, гигантъ отбрасываетъ свой щитъ, обнажаетъ свою грудь и начинаетъ метать въ крестоносцевъ цѣлыми глыбами камни; крестоносцы валятся — въ безсиліи защитить себя. Наконецъ, выступаетъ Готтфридъ, вооруженный самострѣломъ и въ сопровожденіи двухъ оруженосцевъ, которые ограждаютъ его своими щитами; мгновенно вылетаетъ стрѣла, пущенная его могучею рукою; гигантъ, пораженный въ сердце, падаетъ мертвый на стѣну — въ виду обрадованныхъ крестоносцевъ и неподвижныхъ отъ страха осаждаемыхъ.

Семь недѣль уже длилась осада, и тогда только крестоносцы замѣтили, что мусульмане пополняли свои потери подкрѣпленіями, прибывающими черезъ озеро Асканское, примыкающее къ городу съ западной и южной стороны. Тогда они послали за лодками и за судами въ одну изъ гаваней Пропонтиды, называемую Сивито (нынѣ Гемликъ); эти лодки и барки поставлены были на телеги, запряженныя лошадьми, и въ одну ночь, отправленные на нихъ сильнаго сложенія люди, успѣли подъѣхать къ Никеѣ и пересѣсть на суда, такъ что на зарѣ суда съ этими неустрашимыми крестоносцами покрывали уже все озеро Асканское. Удивлены и поражены были такимъ зрѣлищемъ защитники Никеи. Послѣ нѣсколькихъ усиленныхъ приступовъ со стороны крестоносцевъ, они лишились всякой надежды на спасеніе; Никея должна была или сдаться, или пасть послѣ послѣдняго приступа, но политика Алексія вырвала изъ рукъ латинянъ эту побѣду. Между войсками крестоносцевъ было два греческихъ отряда подъ начальствомъ двухъ воеводъ, которымъ поручено было хитростію перехватить Никею въ пользу императора. Одинъ греческій офицеръ пробрался въ городъ и предложилъ мусульманамъ подчиниться власти императора Константинопольскаго, объявивъ имъ, что въ этомъ — единственное средство для нихъ избѣжать мщенія со стороны крестоносцевъ; ему повѣрили, и мусульмане сдались на его предложеніе — къ великому удивленію и негодованію христіанъ, когда они вслѣдъ за тѣмъ увидѣли развѣвающіяся на башняхъ знамена Алексія. Впрочемъ, ропотъ скоро затихъ. Алексій остался обладателемъ Никеи.

Императоръ пріобрѣлъ Никею, но это не удовлетворило его вполнѣ; ему нуженъ былъ Танкредъ, т. е. ему нужно было, чтобы этотъ рыцарь далъ клятву быть подчиненнымъ и вѣрнымъ ему. Танкредъ, уступая просьбамъ Боэмунда и другихъ вождей, обѣщалъ быть вѣрнымъ

императору, пока самъ императоръ пребудетъ вѣрнымъ дѣлу крестоносцевъ. Въ этомъ согласіи была угроза, но Алексій не могъ требовать ничего больше. Впрочемъ, послѣ всего, что произошло въ Никеѣ, искренній союзъ между Греками и Латинянами сдѣлался болѣе невозможнымъ; взаимное враждебное чувство между Греками и крестоносцами доходило до ненависти и составляло между ними какъ-бы непроходимую бездну.

ГЛАВА III.

Съ отбытія изъ Никеи до прибытія въ Антіохію.

(Отъ 1097 до 1098 г.).

Малая Азія, въ то время еще неизвѣстная, и которая впослѣдствіи поглотила столько западныхъ народовъ, открылась теперь передъ христіанскими войсками съ своими мѣстностями безъ проложенныхъ путей, съ своими горами и пропастями и съ своими дикими обитателями. Крестоносцы, продолжая свой путь къ Сиріи и Палестинѣ, отбыли изъ Никеи въ 1097 году, 25 іюня; черезъ два дня пути подошли они къ мосту, построенному на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Галлъ впадаетъ въ Сангарій, извѣстный нынѣ подъ именемъ Сакаріи. Такъ какъ имъ предстояло пробираться теперь по мѣстности пустынной и безводной, то армія раздѣлена была на два корпуса, значительнѣйшимъ изъ которыхъ предводительствовали Готтфридъ, Раймондъ, Гугъ великій и графъ Фландрскій; во главѣ другаго корпуса были поставлены: Боэмундъ, Танкредъ и герцогъ Нормандскій. Войско Готтфрида двинулось направо, а войско Боэмунда — налѣво. Послѣ трехъ дней пути передъ войскомъ Боэмунда открылась долина Горгони, и тутъ, внезапно устремляется на него съ горъ непріятель; султанъ Килиджъ-Ареланъ, послѣ неудачи своей при Никеѣ, собралъ новыя силы; онъ слѣдовалъ за крестоносцами, изыскивая случай заставить ихъ дорого поплатиться за взятіе его столицы.

Боэмундъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобы были разставлены палатки; мгновенно на берегу рѣки устроивается лагерь и здѣсь располагается слабѣйшая часть войска. Нападеніе на него было сильное; непріятель имѣлъ превосходство численности, передъ которою всѣ чудеса храбрости христіанскихъ воиновъ должны были оказаться безплодными.

Воины Килиджъ-Арелана вторгаются въ латинскій лагерь, предаютъ избіенію всѣхъ на пути своемъ, щадя только женщинъ, которыхъ забираютъ въ неволю. Боэмундъ является на поле битвы, и сцена измѣняется. Герцогъ Нормандскій, вырвавъ свое бѣлое знамя, вышитое золотомъ, изъ рукъ человѣка, несшаго его, бросается въ толпу Сарацинъ и съ крикомъ: «За мною Нормандцы!» — начинаетъ косить мечемъ своимъ кровавую жатву въ непріятельскихъ рядахъ. Танкредъ, который въ началѣ битвы изнемогъ бы безъ помощи Боэмунда, съ новымъ жаромъ и неистощимымъ мужествомъ продолжаетъ битву. Нѣсколько уже часовъ рыцари Креста неутомимо поддерживали неравную борьбу; многочисленность врага уже преодолѣвала ихъ, когда, вдругъ, тысячи радостныхъ возгласовъ возвѣстили о прибытіи войска Готтфрида; при самомъ началѣ

битвы Боэмундъ отправилъ гонца, чтобы предупредить герцога Лотарингскаго. Немного понадобилось времени, чтобы рѣшить, на чьей сторонѣ останется побѣда. Вечеромъ, когда битва кончилась, то три тысячи высшихъ чиновъ и болѣе двадцати тысячъ низшихъ чиновъ мусульманскаго войска лежали убитыми; непріятельскій лагерь, расположенный въ двухъ миляхъ разстоянія за долиною Горгони, перешелъ во власть побѣдителей. Крестоносцы потеряли четыре тысячи товарищей, тѣла которыхъ были преданы погребенію при пѣніи священныхъ молитвъ. Битва эта, первая съ начала крестоваго похода, получила названіе Дорилейской, по причинѣ близости города этого имени, который теперь называется Эски-Шехръ (старый городъ).

Христіане, продолжая путь, рѣшились не разставаться болѣе. Это рѣшеніе было хорошо въ томъ отношеніи, что усиливало ихъ въ случаѣ нападенія на нихъ, но было вмѣстѣ съ тѣмъ и неудобно въ случаѣ другихъ бѣдствій, напр. голода и жажды. Турки позаботились разорить тѣ мѣста, которыхъ они не могли защищать; грабежемъ и пожарами опустошили они ту часть Каппадокіи, Исавріи, Фригіи, по которой должны были проходить крестоносцы. Путь арміи христіанской — отъ долины Горгони до Антіохетты, столицы Писидіи — былъ продолжительнымъ бѣдствіемъ. Антіохетта открыла передъ ними свои ворота; тутъ оказались пастбища и продовольствіе, и армія отдохнула здѣсь. Во время пребыванія ея вокругъ этого города, она едва не лишилась двухъ главныхъ своихъ предводителей: Раймондъ Сенъ-Жильскій опасно захворалъ, а Готтфридъ, защищая одного крестоносца, на котораго напалъ медвѣдь, побѣдилъ звѣря, но самъ былъ раненъ въ бедро, къ счастію, однако же, не смертельно. Обоихъ вождей пришлось впродолженіе нѣсколькихъ недѣль переносить вслѣдъ за войскомъ на носилкахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ крестоносцы покинули Европу, между ними еще не происходило несогласій, но пришлось испытать и это бѣдствіе. Танкредъ, во главѣ итальянскихъ воиновъ, Бальдуинъ, братъ Готтфрида — съ Фламандцами были посланы впередъ. Проходя черезъ Ликаонію, они нигдѣ не встрѣтили врага и поспѣшили достигнуть Киликіи. Танкредъ, шедшій впереди, остановился у Тарса и приказалъ повѣсить свое знамя на стѣнахъ города, бывшаго колыбелью св. Павла. Вслѣдъ за нимъ подходитъ Бальдуинъ и требуетъ, чтобы городъ былъ сданъ ему подъ тѣмъ предлогомъ, что отрядъ его многочисленнѣе, чѣмъ отрядъ итальянскаго героя. Испуганные его угрозами, жители соглашаются на то, чтобы замѣнить знамя Танкреда — знаменемъ Бальдуина на стѣнахъ ихъ города. Братъ Готтфрида довершаетъ негодованіе Итальянцевъ отказомъ принять въ городъ, предавая такимъ образомъ мечу Турокъ триста крестоносцевъ, посланныхъ Боэмундомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ воздержанность Танкреда только и могла обуздать ярость Итальянцевъ, которые ограничились тѣмъ, что предали мщенію своихъ братьевъ — тѣхъ мусульманъ, что оставались въ башняхъ города. Въ это время корсары фландрскіе и голландскіе, прослышавъ о походѣ христіанъ, явились въ гавань Тарскую; предводитель ихъ Гюимеръ, Булонецъ, узналъ Балдуина, сына своего прежняго господина, принялъ крестъ вмѣстѣ съ своими товарищами и обѣщалъ служить брату Готтфрида.

Танкредъ, удалившись изъ Тарса съ своимъ отрядомъ, хотѣлъ расположиться лагеремъ у стѣнъ Аданы, крѣпости въ Киликіи, которая уже была занята властителемъ Бургильонскимъ; сложивъ свои палатки, онъ двинулся къ другому городу, по имени Мальмистра, откуда и выгналъ Турокъ. Бальдуинъ, выступивъ изъ Тарся, гдѣ онъ оставилъ гарнизонъ, подошелъ также къ Мальмистрѣ. При видѣ фламандскихъ палатокъ, Итальянцы, увѣренные, что Бальдуинъ захочетъ воспользоваться и этою ихъ побѣдою, берутся за оружіе. Начинается страшная битва между этими

двумя христіанскими войсками. Отрядъ Танкреда, уступающій въ численности, принужденъ былъ отступить. На другой день, однако же, противники помирились во имя религіи. Вожди обняли другъ друга въ присутствіи своихъ войскъ. Танкредъ подчинилъ потомъ своей власти нѣсколько крѣпостей въ Киликіи.

Между тѣмъ, главная армія крестоносцевъ перешла черезъ Иконію и Ираклію; переступивъ черезъ Тавръ, она остановилась на отдыхъ и нашла продовольствіе въ городѣ Коксонѣ (древней Кукусѣ, прославившейся, какъ мѣсто ссылки св. Іоанна Златоустаго). Переходъ изъ Коксона въ Марезію былъ тяжелый и бѣдственный; на этомъ пространствѣ болѣе восьми или десяти миль не было ничего, кромѣ колючаго кустарника, хворосту, скалъ и пропастей; не было дорогъ, ни даже протоpенной тропинки. Эта часть Тавра была свидѣтельницею великихъ бѣдствій и великаго отчаянія. Крѣпость Марезія, изобилующая всякаго рода средствами къ жизни и населеніе которой состояло изъ христіанъ, была въ концѣ этого пути. Жена Бальдуина умерла и была похоронена въ этомъ городѣ.

Въ Марезіи Бальдуинъ присоединился къ христіанской арміи; онъ пожелалъ увидѣть собственными глазами, въ какомъ положеніи былъ братъ его Готтфридъ. Онъ былъ обвиненъ за его несправедливость и насилія относительно Танкреда; вслѣдствіе ли этого обстоятельства или того, что освобожденіе св. Земли не было единственною его цѣлію, Бальдуинъ поддался предложеніямъ одного Армянина, искателя приключеній, который прельщалъ его побѣдами на берегахъ Евфрата; и вотъ, въ сопровожденіи тысячи воиновъ, которыхъ ему удалось отбить у крестоваго похода, онъ отправился основывать въ Месопотаміи княжество Эдесское, которое впослѣдствіи оказалось полезнымъ для Латинянъ. Въ пространной исторіи крестовыхъ походовъ читатель найдетъ любопытныя подробности, которыми сопровождались эти быстрыя завоеванія Бальдуина.

Артезія, въ древности — Халкида, городъ занятый Турками, не замедлилъ подчиниться власти крестоносцевъ. Эта крѣпость была послѣдняя, охранявшая путь въ Антіохію, и мусульмане не пренебрегли ничѣмъ, чтобы ее защитить; но они принуждены были удалиться изъ нея. Оставался еще пунктъ; это — мостъ Оронтскій, называемый Желѣзный мостъ (нынѣ Герсъ-иль Гаддидъ), оконечности котораго были защищены двумя башнями, обшитыми желѣзомъ. Мусульманскіе воины заняли эти башни, и весь лѣвый берегъ Оронта покрылся непріятельскими батальонами. Напрасныя преграды, которыя должны были рушиться передъ великою христіанской арміей! Выступивъ изъ Артезіи, гдѣ Танкредъ присоединился къ прочимъ крестоносцамъ, армія подвигается въ полномъ порядкѣ. Авангардъ, предводительствуемый Робертомъ Нормандскимъ, подходитъ къ Желѣзному мосту и сначала не можетъ пробить себѣ дорогу; большинство христіанскихъ батальоновъ являются подкрѣпить отрядъ Роберта; бросаются на мостъ, Франки оказываются побѣдителями на обоихъ берегахъ Оронта, а Турки, ускользая отъ избіенія, быстро скрываются по направленію къ Антіохіи.

Еще четыре часа пути и передъ арміею Франковъ должна была открыться столица Сиріи. Вождямъ извѣстны были грозныя укрѣпленія Антіохіи; архіепископъ Адемаръ, желая подготовить крестоносцевъ и придать имъ бодрости, заблагоразсудилъ не оставлять ихъ въ невѣдѣніи того, что имъ предстояло осаждать страшный городъ, стѣны котораго «были выстроены изъ каменныхъ глыбъ огромнаго размѣра, скрѣпленныхъ между собою неизвѣстнымъ и неразрушимымъ цементомъ», — городъ, въ которомъ собраны были со всѣхъ сторонъ враги имени Христова.

Армія христіанская перешла на лѣвую сторону Оронта; направо отъ него было озеро Баръ-

Эль-Абіадъ (Бѣлое море); путь, по которому она направилась, называемый у лѣтописцевъ царскимъ путемъ, проходитъ по долинѣ, не имѣющей ни одного деревца. Пурпуровыя и золотыя хоругви развѣвались на воздухѣ; позолоченные щиты, каски и кирасы блестѣли на солнцѣ и неслись впередъ, какъ лучезарное пламя; шестьсотъ тысячъ крестоносцевъ покрывали эту долину Умкъ, которая извѣстна теперь только каравану алеппскому, да туркменскому всаднику. Двоякое впечатлѣніе могло охватить христіанскую армію при видѣ Антіохіи: чувство страха при видѣ громадныхъ стѣнъ и горъ, защищавшихъ городъ, и чувство благочестиваго умиленія передъ «городомъ Божіимъ» (Ѳеополь), столь знаменитымъ въ исторіи первыхъ вѣковъ христіанства.

ГЛАВА IV.

Осада и взятіе Антіохіи.

(Отъ 1097 до 1098 г.).

Антіохія была окружена стѣнами на пространствѣ четырехъ миль въ окружности; надъ нею съ юга возвышались четыре холма, заключенные въ городскихъ стѣнахъ; съ сѣвера протекала рѣка Оронтъ, вблизи отъ укрѣпленій; съ этой стороны укрѣпленія были не такъ грозны, какъ въ другихъ частяхъ города, потому что Оронтъ служилъ уже естественною защитою. Въ Антіохіи было сто тридцать башенъ. Стѣны были увѣнчаны зубцами, которыхъ, по свидѣтельству аравитянскаго лѣтописца, было двадцать четыре тысячи. Когда крестоносцы подошли къ Антіохіи, то минуло уже четырнадцать лѣтъ, какъ она перешла отъ владычества Грековъ подъ владычество мусульманъ. Въ городѣ тогда находилось множество Сарацинъ, которые, испугавшись приближенія Латинянъ, сбѣжались сюда изъ окрестныхъ земель, чтобы вѣрнѣе укрыться съ своими семействами и имуществомъ. Туркменскій эмиръ — Башзіамъ или Акціанъ, получившій верховную власть надъ городомъ, заперся въ немъ съ семью тысячами конныхъ воиновъ и двадцатью тысячами человѣкъ пѣхоты.

Осада Антіохіи была рѣшена, не смотря на приближеніе зимы. Боэмундъ и Танкредъ раскинули свой лагерь на высотахъ, находящихся недалеко отъ восточныхъ воротъ или воротъ св. Павла; направо отъ Итальянцевъ, на плоскости по лѣвому берегу Оронта до Собачьихъ воротъ, расположились два Роберта, Стефанъ, графъ Блуасскій, Гугъ, графъ де-Вермандуа съ ихъ Нормандцами, Фламандцами и Бретонцами; далѣе, къ сѣверу отъ города помѣщались графъ Тулузскій и епископъ Пюисскій съ своими Провансальцами; войско же Раймонда занимало весь промежутокъ отъ Собачьихъ воротъ до слѣдующихъ воротъ, названныхъ впослѣдствіи воротами Дюка. Тутъ начиналось размѣщеніе войска Готтфрида, которое достигало до воротъ Моста; такимъ образомъ, оно простиралось до того мѣста, гдѣ Оронтъ омывалъ стѣны Антіохіи. Вслѣдствіе такого распредѣленія, крѣпость была обложена съ трехъ пунктовъ, съ востока, съ сѣверо-востока и съ сѣвера. Съ юга же крестоносцы не могли обложить городъ, потому что тутъ — неприступная гористая мѣстность. Осаждающимъ былъ бы очень полезенъ пунктъ къ югу отъ Антіохіи, потому что имъ были бы замкнуты западныя ворота, или ворота св. Георгія, черезъ которыя мусульмане могли выходить и получать продовольствіе, но для этого имъ пришлось бы перейти черезъ Оронтъ. Таково было лагерное расположеніе христіанскаго войска. Изъ шестисотъ тысячъ пилигримовъ, насчитывалось триста тысячъ, способныхъ къ военному дѣлу. Какое величественное зрѣлище пред-

ставляло это громадное множество палатокъ, эти многочисленные, вооруженные легіоны и вся эта масса народа, прибывшаго съ Запада! Какая грозная сила для осажденныхъ!

Въ первые дни осады крестоносцы были такъ увѣрены, что ужасъ принудитъ осажденныхъ открыть ворота города, что сами предавались бездѣйствію; осенняя пора доставляля имъ обильную пищу; зеленѣющіе берега Оронта, рощицы Дафны, прекрасное Сирійское небо, — располагали ихъ къ удовольствіямъ; безурядица и безчинство появились среди христовыхъ воиновъ. Турки, въ разныхъ вылазкахъ, убили и забрали въ плѣнъ множество пилигримовъ, скитавшихся по окрестностямъ. Желая отмстить за сметрь товарищей, крестоносцы задумали взять городъ приступомъ, но у нихъ не было лѣстницъ и боевыхъ машинъ. Они построили мостъ на ладьяхъ, чтобы воспрепятствовать набѣгамъ мусульманъ на противоположный берегъ. Христіане позаботились загородить осажденнымъ всѣ проходы; они старались разрушить мостъ, построенный на болотѣ, насупротивъ Собачьихъ воротъ, черезъ который мусульмане обыкновенно выходили; послѣ многихъ безплодныхъ усилій они поставили тамъ громадную башню, которую непріятели подожгли и она обрушилась. И не удалось иначе пилигримамъ загородить этотъ проходъ, какъ притащивъ руками къ самымъ Собачьимъ воротамъ громадныя каменныя глыбы и самыя толстыя деревья, срубленныя въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Между тѣмъ, отважные рыцари бодрствовали вокругъ лагеря. Танкредъ, подстерегавшій враговъ въ засадѣ, напалъ однажды на шайку Сарацинъ, и семьдесятъ головъ скатились подъ его ударами. Въ другой разъ, Танкредъ, прохаживаясь по окрестностямъ съ однимъ только оруженосцемъ, познакомилъ множество Сарацинъ съ непреодолимою мощію своего меча, но движимый поразительною героическою скромностію, славный рыцарь приказалъ своему оруженосцу никому не разсказывать о подвигахъ его, которыхъ тотъ былъ свидѣтелемъ.

Вылазки осаждаемыхъ становились рѣже; но крестоносцы, за отсутствіемъ боевыхъ машинъ, не могли рѣшиться на приступъ. Такимъ образомъ, всѣ эти гордые рыцари осуждены были ждать побѣды отъ отчаянія Турокъ или отъ милости Божіей. Вскорѣ началась зима; продовольствіе, назначенное на нѣсколько мѣсяцевъ, было уничтожено въ нѣсколько дней; въ лагерѣ появился безпощадный голодъ; дождевые потоки наводнили палатки, такъ что этотъ лагерь, недавно еще оживленный веселіемъ, представлялъ теперь крайне печальное зрѣлище. Рѣшено было предпринять экспедицію въ сосѣднія страны, чтобы добыть съѣстныхъ припасовъ. Послѣ праздниковъ Рождества, тысячъ пятнадцать или двадцать пилигримовъ, подъ предводительствомъ Боэмунда и Роберта Фландрскаго, направились въ область Харимъ, находящуюся въ нѣсколькихъ миляхъ къ юго-востоку отъ Антіохіи и скоро возвратились со множествомъ коней и верблюдовъ, навьюченныхъ съѣстными припасами. Не много понадобилось времени, чтобы истощились эти припасы; были сдѣланы новые набѣги, которые ничего не доставили лагерю. Ежедневно холодъ, голодъ и разныя болѣзни усиливали страданія арміи и рыли новыя могилы для новыхъ жертвъ. Недоставало священниковъ, чтобы отпѣвать умершихъ и мѣста не хватало для могилъ. Лѣтописцы, описывая опустошенія, производимыя голодомъ, изображаютъ рыцарей — блѣдными, въ лохмотьяхъ, вырывающими остріемъ оружія корни растеній, вытаскивающими изъ полевыхъ грядъ новые посѣвы и оспаривающими дикія травы у вьючныхъ животныхъ. Отъ неимѣнія надлежащей пищи, всѣ почти боевые кони погибли. Ихъ насчитывалось вначалѣ осады до семидесяти тысячъ; теперь оставалось ихъ не болѣе двухъ тысячъ, и тѣ еле-еле бродили вокругъ палатокъ, истлѣвшихъ отъ зимнихъ дождей.

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединились побѣги изъ лагеря. Герцогъ Нормандскій, удалившійся въ Лаодикею, возвратился къ воинству только послѣ трехъ убѣдительныхъ призывовъ во имя Іисуса Христа и религіи. Бѣгство Вильгельма Шарпантье (плотника) и Петра Пустынника произвело позоръ и уныніе. И неслыханная противоположность! Среди самой ужасной нищеты появился развратъ; въ палаткахъ крестоносцевъ воцарились рядомъ, голодъ и развратъ. Епископъ Адемаръ громилъ своимъ строгимъ словомъ развратниковъ и святотатцевъ; изъ главныхъ начальниковъ военныхъ и духовныхъ былъ снаряженъ судъ, чтобы преслѣдовать и предавать наказанію виновныхъ.

Приближеніе весны оживило надежды христіанскаго воинства; болѣзни поуменьшились; въ лагерь доставлялось продовольствіе отъ графа Эдесскаго, отъ князей и монаховъ армянскихъ, съ острововъ Кипра, Хіоса и Родоса. Готтфридъ, который по случаю опасной раны долго не могъ выходить изъ палатки, явился наконецъ въ лагерь, и присутствіе его произвело оживленіе среди общаго упадка духа. Въ это время прибыли въ христіанскій лагерь послы отъ Египетскаго калифа. Христіане, желая скрыть отъ враговъ-мусульманъ свое бѣдственное положеніе, постарались окружить великолѣпіемъ свою обстановку и выказывали веселое настроеніе духа. Послы предложили имъ содѣйствіе калифа на томъ основаніи, чтобы христіанское войско ограничилось простымъ поклоненіемъ гробу Іисуса Христа. Воины франкскіе отвѣчали, что они пришли въ Азію не для того, чтобы подчиняться какимъ-либо условіямъ, но что цѣлію ихъ путешествія въ Іерусалимъ было освобожденіе священнаго города. Почти въ это же время Боэмундъ и Робертъ Фландрскій одержали побѣду надъ князьями Алеппскимъ, Дамаскимъ, Шайцарскимъ, Эмесскимъ, которые выступили въ путь на помощь Антіохіи. Крестоносцы не скрыли и этого послѣдняго торжества отъ каирскихъ пословъ, готовыхъ къ отплытію изъ порта св. Сумеона; на четырехъ верблюдахъ были препровождены къ нимъ головы и останки двухъ-сотъ мусульманскихъ воиновъ.

Прибытіе въ портъ св. Сумеона флота Пизанскаго и Генуэзскаго было поводомъ къ кровопролитнымъ столкновеніямъ. Толпы пилигримовъ, не имѣвшихъ иной защиты, кромѣ меча Боэмунда и графа Тулузскаго, присоединились къ европейскому флоту, снабженному продовольствіемъ; но на обратномъ пути отъ моря въ лагерь Антіохійскій эта толпа была настигнута мусульманами; около тысячи христіанъ погибло, остальные, преслѣдуемые побѣдоносными Турками, также не избѣжали-бы смерти, если-бы Готтфридъ и другіе вожди не поспѣшили на помощь пилигримамъ, узнавъ объ ихъ пораженіи. Непріятель поспѣшилъ перейти черезъ мостъ, чтобы возвратиться въ Антіохію, но христіане успѣли перехватить эту дорогу; сверхъ того, тѣ, которые бѣжали сначала къ Чернымъ горамъ на сѣверѣ Антіохіи, возвратились, чтобы возобновить битву, и мусульмане, заключенные такимъ образомъ и стиснутые между Оронтомъ и горами, видѣли передъ собою неминуемую гибель. Акціанъ, правитель города, наблюдая изъ башенъ, возвышающихся надъ его дворцомъ и также съ высоты укрѣпленій, и видя гибельное положеніе мусульманъ, немедленно послалъ къ нимъ подкрѣпленіе и, затворивъ за своими воинами ворота, ведущія къ мосту, объявилъ имъ, что они должны или побѣдить, или умереть. Тогда началось избіеніе мусульманъ, разсказанное въ лѣтописяхъ очевидцевъ съ ужасающими подробностями. Это избіеніе происходило на холмѣ противъ самаго моста, который теперь, какъ и тогда, служитъ кладбищемъ для Турокъ. Волны Оронта вокругъ моста были, какъ бы, задержаны въ своемъ теченіи загромоздившими ихъ трупами.

Послѣ этого побоища крестоносцы выстроили на этомъ холмѣ укрѣпленіе, которое было

поручено храброму графу Тулузскому; оно препятствовало мусульманамъ выходить изъ города воротами моста и открыло для крестоносцевъ безопасное сообщеніе съ правымъ берегомъ Оронта.

Оставались у осажденныхъ еще одни городскія ворота, черезъ которыя они могли получать продовольствіе и пользоваться свободнымъ движеніемъ по лѣвому берегу Оронта; сюда не заходилъ еще ни одинъ крестоносецъ: они были съ западной стороны и назывались воротами св. Георгія. Вожди разсудили, что необходимо было устроить возможность производить нападенія отсюда и пришли къ тому заключенію, что слѣдовало захватить позицію вокругъ этихъ, западныхъ воротъ; но это было сопряжено съ большою опасностію, и нѣкоторые изъ предводителей войска отказывались брать на себя такое дѣло. Тутъ выступилъ Танкредъ; но у знаменитаго рыцаря не доставало денежныхъ средствъ, чтобы осуществить это предпріятіе; тогда графъ Тулузскій далъ ему сто марокъ и остальные вожди помогли, каждый по возможности. На холмикѣ, вблизи воротъ св. Георгія, возвышался монастырь того-же имени; Танкредъ приказалъ его укрѣпить и, поддерживаемый избраннымъ отрядомъ воиновъ, онъ сумѣлъ продержаться на этомъ важномъ посту.

Такимъ образомъ, въ рукахъ у христіанъ оказалась вся внѣшняя сторона крѣпости; надежда и рвеніе воодушевляли крестоносное воинство; дисциплина была возстановлена и придала силы войску. Даже нищіе и бродяги, толпа которыхъ увеличивала безпорядокъ и затрудняла военныя дѣйствія, были теперь заняты осадными работами и числились на службѣ, подъ начальствомъ такъ называемаго командира или царя сволочи (roi truand ou roi des gueux.)

Всѣ ворота Антіохійскія были заперты, битвы были пріостановлены; между тѣмъ, съ обѣихъ сторонъ продолжалась война, выражавшаяся въ варварскихъ дѣйствіяхъ. Ярость Турокъ обрушилась, въ особенности, на плѣнниковъ. Исторія сохранила имя одного плѣннаго христіанскаго рыцаря, Раймонда Порше, который былъ выведенъ на городскія укрѣпленія, и которому угрожали смертью, если онъ не убѣдитъ крестоносцевъ выкупить его деньгами. Обращаясь къ осаждающимъ, Раймондъ Порше умоляетъ ихъ смотрѣть на него, какъ на человѣка умершаго, не жертвовать ничего ради его спасенія и продолжать осаду города, который не могъ уже долго выдерживать ее. Правитель Антіохіи, узнавъ, что онъ говоритъ, требуетъ, чтобы рыцарь немедленно принялъ исламизмъ; онъ объявляетъ, что осыплетъ его дарами и почестями, если онъ на это согласится; въ противномъ же случаѣ велитъ отрубить ему голову. Вмѣсто всякаго отвѣта, благочестивый рыцарь, скрестивъ руки и обративъ глаза къ востоку, преклоняется на колѣна и — голова его скатывается со стѣнъ... Прочіе христіанскіе плѣнники въ тотъ же день были сожжены на кострѣ.

Однакоже и осаждающимъ пришлось страдать отъ голода. Акціанъ предложилъ перемиріе, на которое послѣдовало неблагоразумное согласіе. Во время этого перемирія между вождями произошли распри по поводу богатыхъ подарковъ, присланныхъ вождямъ и воинству Бальдуиномъ, княземъ Эдесскимъ. Крестоносцы свободно проходили внутрь крѣпости, а Сарацины бывали въ лагерѣ Латинянъ. Вскорѣ убійство одного рыцаря, по имени Валлона, подало поводъ къ нарушенію перемирія, и осада возобновилась.

Однакоже не посредствомъ терпѣнія и храбрости была покорена Антіохія; послѣ семи-мѣсячныхъ тяжелыхъ трудовъ, только посредствомъ хитрости и побуждаемые честолюбіемъ, крестоносцы достигли успѣха своего дѣла. Боэмундъ, увлеченный на Востокъ не ради духовныхъ, но

ради свѣтскихъ цѣлей, смотрѣлъ не безъ зависти на то, что счастіе благопріятствовало Бальдуину; онъ замыслилъ овладѣть Антіохіею и случайно встрѣтилъ человѣка, который могъ помочь ему прибрать въ свои руки эту крѣпость. Это былъ одинъ Армянинъ, по имени Пиррузъ, сынъ фабриканта кирасъ; человѣкъ подвижнаго и тревожнаго нрава, онъ перешелъ изъ христіанства въ исламизмъ, чтобы поправить свои дѣла. Онъ пріобрѣлъ довѣріе Акціана, который принялъ его даже въ свой совѣтъ. Пиррузъ завѣдывалъ тремя городскими башнями, которыя сначала онъ усердно защищалъ; но безплодная служба ему надоѣла, а онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы отступить передъ измѣной, если она могла доставить ему выгоды.

Пиррузъ и Боэмундъ поняли другъ друга съ перваго взгляда. Князь Тарентскій пообѣщалъ отступнику отъ вѣры много заманчиваго. Чтобы убѣдить Боэмунда въ своей преданности и также, чтобы оправдать свою измѣну, Пиррузъ разсказалъ, что ему явился во снѣ Іисусъ Христосъ и посовѣтовалъ ему предать Антіохію въ руки христіанъ. Когда Боэмундъ условился съ Пиррузомъ, какимъ образомъ исполнить задуманное ими предпріятіе, то онъ предложилъ собраться главнымъ предводителямъ христіанской арміи; онъ представилъ имъ на видъ всѣ бѣдствія, которыя они уже вынесли и тѣ, которыя угрожали имъ въ будущемъ, и заключилъ словами, что совершенно необходимо было войти въ Антіохію, и что не слѣдуетъ быть разборчивыми въ средствахъ для одержанія этой побѣды. Многіе вожди поняли тайное побужденіе, которымъ руководствовался Боэмундъ, и возразили ему, что несправедливо было-бы допустить, чтобы одинъ человѣкъ воспользовался общими трудами; возстали и противъ того, чтобы овладѣть крѣпостью посредствомъ какой-нибудь уловки или коварства, изобрѣтеніемъ которыхъ свойственно пробавляться женщинамъ...

Боэмундъ, котораго исторія прозвала Улиссомъ Латинянъ, не отказывается однако же отъ своего замысла; онъ начинаетъ распространять самые тревожные слухи. Христіане узнаютъ, что Кербога, властитель Моссульскій, приближается къ Антіохіи съ двумя стами тысячъ войска, поднявшагося съ береговъ Тигра и Евфрата. Вожди снова собираются на совѣтъ; Боэмундъ предупреждаетъ о великихъ опасностяхъ, угрожающихъ крестоносцамъ; «время не терпитъ», — говоритъ онъ: — «торопитесь дѣйствовать: завтра, можетъ быть, будетъ поздно». Онъ объявляетъ вождямъ, что знамя крестоваго похода можетъ уже черезъ нѣсколько часовъ развѣваться на стѣнахъ Антіохіи, и показываетъ письма Пирруза, который обѣщаетъ предать имъ три башни, которыми онъ завѣдуетъ, но только съ условіемъ, чтобы не имѣть дѣла ни съ кѣмъ, кромѣ Боэмунда, и чтобы, цѣною этой услуги, было предоставленіе города во власть Боэмунда; между тѣмъ, опасность съ каждымъ днемъ увеличивается; бѣжать — позорно, предпринимать битву — безразсудно. Эти слухи встревожили всѣхъ и заставили умолкнуть всѣ личные интересы соперниковъ. Всѣ вожди, исключая непоколебимаго Раймонда, согласились предоставить Боэмунду главенство въ дѣлѣ покоренія Антіохіи; князь Тарентскій назначилъ осуществленіе этого предпріятія на слѣдующій день.

Чтобы усыпить вполнѣ бдительность осаждаемыхъ, крестоносцы за нѣсколько часовъ до наступленія ночи вышли изъ лагеря — съ цѣлію, какъ будто бы, направиться навстрѣчу султану Моссульскому по той дорогѣ, откуда его ожидали. Ночью же они тихо подкрались къ стѣнамъ Антіохіи съ западной стороны и стали близъ башни Трехъ-Сестеръ, которою завѣдывалъ Пиррузъ. Пользуясь темнотою ночи, и когда гарнизонъ антіохійскій былъ погруженъ въ глубокій сонъ,

одинъ Ломбардецъ, по имени Пайеннъ, подосланный Боэмундомъ, взбирается по кожаной лѣстницѣ на башню Трехъ-Сестеръ; Пиррузъ извѣщаетъ его, что все готово, и что ради обезпеченія успѣха дѣла онъ только что убилъ одного изъ своихъ братьевъ, которому онъ не довѣрялъ По той же лѣстницѣ взбирается и самъ Боэмундъ, за нимъ слѣдуютъ еще нѣсколько воиновъ и скоро потомъ цѣлые батальоны наводнили антіохійскія улицы. Болѣе десяти тысячъ городскихъ жителей погибли въ эту ночь. Акціанъ ускользнулъ черезъ маленькія ворота — на сѣверо-восточной сторонѣ города, но былъ узнанъ армянскими дровосѣками, которые отрубили ему голову и доставили ее новымъ властителямъ Антіохіи. Едва только разсвѣло, и уже знамя Боэмунда развѣвалось на одной изъ самыхъ высокихъ башенъ города. Эта измѣна не доставила Пиррузу ни славы, ни счастія: сдѣлавшись снова христіаниномъ, онъ послѣдовалъ за крестоносцами въ Іерусалимъ, и умеръ черезъ два года, перейдя опять въ мусульманство и презираемый со стороны и христіанъ, и мусульманъ, которымъ онъ поочередно служилъ и измѣнялъ.

Такимъ образомъ взята была Антіохія въ началѣ іюня, 1098 года. Осада длилась около восьми мѣсяцевъ. Побѣду отпраздновали пиршествами и танцами; но еще тяжелые дни предстояли побѣдителямъ Сирійской столицы. Осажденные въ свою очередь арміею Кербога, они подверглись всѣмъ ужасамъ голода. Разнесся слухъ, что императоръ Алексій выступилъ въ Малую Азію и дошелъ до Филомелія, чтобы оказать помощь крестоносцамъ въ Антіохіи, но что обманутый разсказами объ отчаянномъ положеніи пилигримовъ, онъ возвратился въ Константинополь.

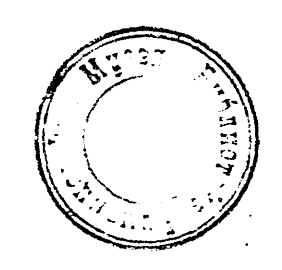
Антіохія была взята, но цитадель города, стоявшая на третьемъ холмѣ на востокѣ, осталась во власти Турокъ. Черезъ малыя, сѣверо-восточныя ворота, оставшіяся свободными, гарнизонъ цитадели получалъ ежедневно подкрѣпленіе изъ арміи Кербога и успѣвалъ дѣлать опустошительныя вылазки на самыхъ улицахъ въ Антіохіи. Но этотъ вызывательный образъ дѣйствій былъ напрасенъ! Голодъ довелъ христіанъ до роковаго, мертвеннаго равнодушія, и спасеніе ихъ должно было произойти изъ самой крайности ихъ бѣдствій. Однажды, одинъ бѣдный священникъ изъ Марселя, по имени Варѳоломей, явился въ совѣтъ вождей и разсказалъ, что три ночи сряду онъ видѣлъ во снѣ св. апостола Андрея, и что апостолъ повелѣлъ ему пойти въ церковь св. Петра въ Антіохіи, раскопать землю вокругъ главнаго алтаря, чтобы найти желѣзо того копія, которымъ было прободено бедро Искупителя, и сказалъ ему, что это священное желѣзо слѣдуетъ нести впереди арміи на пути ея, и что оно даруетъ побѣду христіанскому оружію. Копіе, дѣйствительно, было найдено въ указанномъ мѣстѣ; видъ священнаго желѣза воодушевилъ всѣхъ вѣрою, надеждою, радостію и силою: эти толпы людей, казавшихся призраками, помертвѣвшими отъ голода — превратились внезапно въ непобѣдимый народъ. Рѣшено было вступить въ бой съ Кербогою, шатры котораго покрывали берега Оронта и возвышенности къ востоку отъ Антіохіи.

Выступивъ изъ воротъ Моста, христіанская армія, раздѣленная на двѣнадцать корпусовъ, растянулась въ боевомъ порядкѣ такимъ образомъ, что заняла всю долину отъ воротъ Моста до Черныхъ Горъ, находящихся на одинъ часъ разстоянія къ сѣверу отъ Антіохіи. Принявъ такую позицію, христіане должны были воспрепятствовать непріятелю овладѣть доступами къ крѣпости или окружить ихъ. Вскорѣ трубы подали сигналъ къ битвѣ и знаменоносцы открыли шествіе. Эти самые христіане, которые только что изнемогали отъ голода, съ истинно-чуднымъ рвеніемъ устремились на безчисленные батальоны султана Моссульскаго: побѣда осталась за воинами Креста; никогда еще человѣческое мужество не производило ничего подобнаго. По сказаніямъ историковъ, сто тысячъ мусульманъ пали мертвыми въ долинѣ, которая отдѣляетъ Антіохію отъ Черныхъ

горъ, по обоимъ берегамъ Оронта и по Алеппской дорогѣ. Кербога былъ обязанъ своимъ спасеніемъ лишь быстротѣ своего коня. Крестоносцевъ погибло четыре тысячи. Военная добыча этого дня была громадная. Понадобилось нѣсколько дней, чтобы перенести въ городъ все, оставшееся послѣ побѣжденныхъ.

Первою заботою крестоносцевъ послѣ ихъ побѣды было — возстановить поклоненіе Іисусу Христу; часть сокровищъ, отнятыхъ у Сарацинъ, послужила на украшеніе святыхъ храмовъ Затѣмъ, князья-предводители, патріархъ антіохійскій и латинскія духовныя высшія власти послали письма къ западнымъ народамъ, въ которыхъ повѣдали имъ о трудахъ и побѣдахъ пилигримовъ.

ГЛАВА V.

Послѣ отбытія изъ Антіохіи до прибытія въ Іерусалимъ (1099).

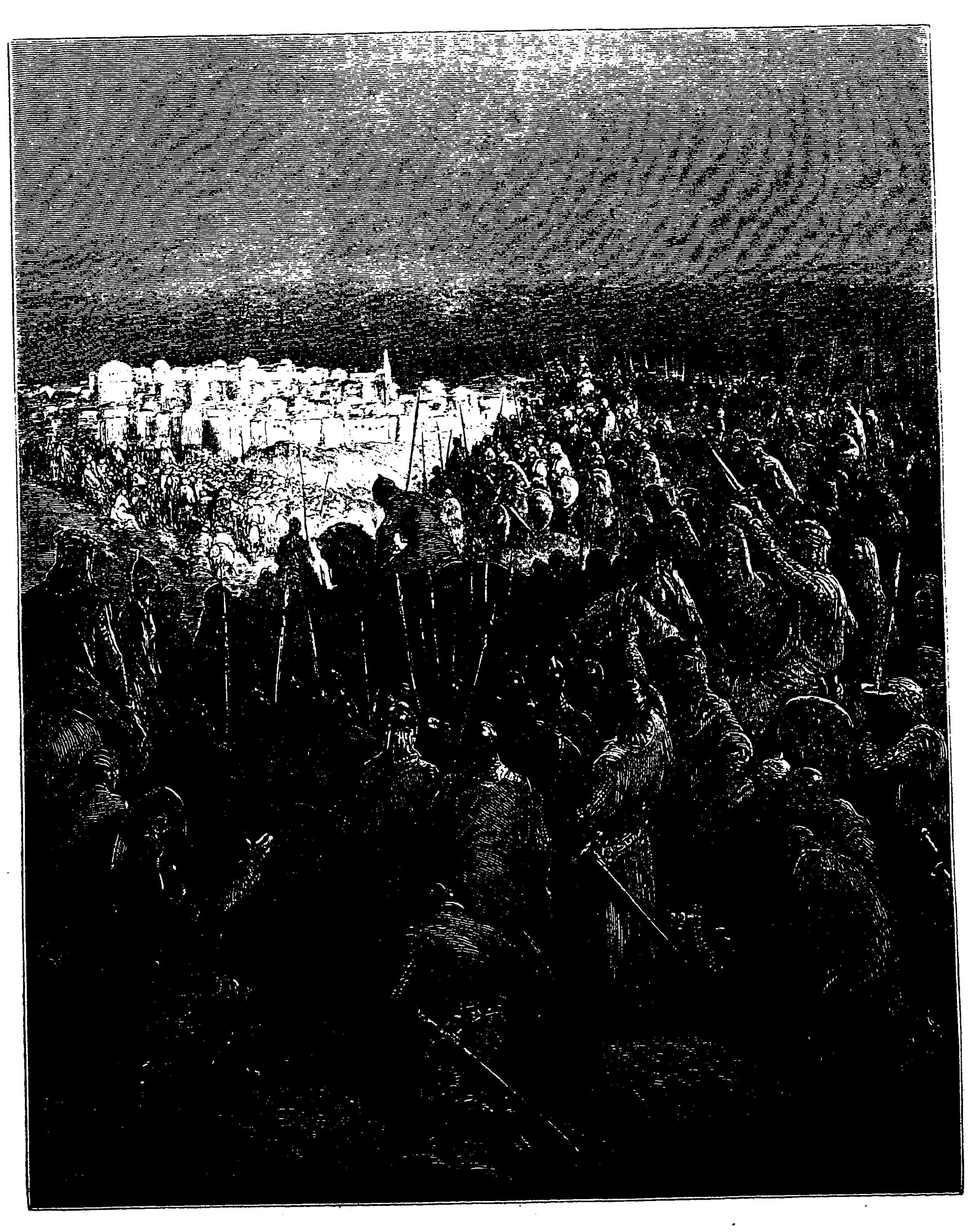
Побѣдоносное христіанское воинство пожелало немедленно выступить въ Іерусалимъ; предводители же рѣшили переждать, чтобы прошли лѣтнія жары и чтобы наступила осень. Подобными причинами для замедленія не имѣли, однако же, обыкновенія руководствоваться князья и бароны. Дѣйствительнымъ же ихъ побужденіемъ были честолюбивые планы, заставлявшіе ихъ забывать благочестивую цѣль крестоваго похода. Первымъ несчастнымъ послѣдствіемъ замедленія отбытія арміи изъ Антіохіи была смерть огромнаго числа пилигримовъ, среди которыхъ распространилась ужасная эпидемическая болѣзнь, похитившая впродолженіе одного мѣсяца до пятидесяти тысячъ жертвъ. Печальнѣе всего была смерть епископа Адемара, останки котораго были преданы погребенію во храмѣ св. Петра. Видъ общаго горя, зрѣлище столькихъ погребеній не разсѣяли честолюбивыхъ замысловъ лицъ, стоящихъ во главѣ похода. Счастіе, поблагопріятствовавшее Бальдуину, князю Эдесскому, и Боэмунду, князю Антіохійскому, было какъ будто бы соблазномъ для прочихъ вождей арміи; оно возбуждало въ нихъ кипучую зависть. Въ день пораженія Кербоги, Раймондъ Тулузскій водрузилъ свое знамя на стѣнахъ цитадели и отказывался передать ее Боэмунду. Для того, чтобы вывести войска изъ зараженной эпидеміею мѣстности, и отчасти, увлекаясь военными приключеніями, предводители разсѣялись по разнымъ сосѣднимъ странамъ. Раймондъ Тулузскій началъ осаду Маарры, крѣпости, расположенной между Хамою и Алеппо. Жители защищались съ ожесточеніемъ. Раймондъ, при содѣйствіи графовъ Фландрскаго и Нормандскаго, велъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль кровопролитныя битвы. Взятіе Маарры сопровождалось избіеніемъ всего мусульманскаго населенія. Между тѣмъ, снова появился голодъ между христіанами-побѣдителями; доведенные до крайности, многіе изъ нихъ рѣшались на ужасныя мѣры. Обладаніе Мааррою сдѣлалось предметомъ новыхъ распрей. Раймондъ требовалъ въ свою пользу это завоеваніе. Толпы пилигримовъ, утомленные этими раздорами, принялись разрушать крѣпость. Въ скоромъ времени пожаръ довершилъ истребленіе, начатое народомъ. Раймондъ, въ сопровожденіи двухъ Робертовъ, съ грустью покинулъ Маарру, перешелъ черезъ землю Емесскую, черезъ горы Ливанскія и расположился лагеремъ близъ Архаса, крѣпости въ Финикіи.

Разныя завоевательныя предпріятія вождей въ сосѣднихъ странахъ только раздражали нетерпѣніе христіанскаго ополченія, стремившагося идти исполнить свой обѣтъ. Когда же наступила осень, то походъ былъ снова отложенъ подъ предлогомъ поздняго времени и зимнихъ дождей. Наконецъ, отбытіе изъ Антіохіи было назначено въ мартѣ, 1099 г. Въ опредѣленное время Готт-

фридъ и графъ Фландрскій выступили въ Лаодикею; Боэмундъ провожалъ ихъ до этого города, но поспѣшилъ возвратиться въ Антіохію, опасаясь потерять тутъ свое главенство. Продолжая путь, Готтфридъ и Робертъ Фландрскій взяли Тортоссу, начали осаду Джубеля, но покинули вскорѣ этотъ городъ и затѣмъ вся армія соединилась подъ стѣнами Архаса, осада котораго уже была начата Раймондомъ. Во время этой осады возникли сомнѣнія насчетъ открытія священнаго копья. Чтобы покончить съ этими толками, священникъ Варѳоломей рѣшился подвергнуться огненному испытанію. Въ обширной долинѣ былъ приготовленъ костеръ. Въ присутствіи христіанской арміи, священникъ Марсельскій, облаченный въ простую тунику и держа въ рукахъ священное желѣзо, обернутое въ шелковую матерію, вошелъ на пылающій костеръ и черезъ минуту вышелъ изъ пламени. Варѳоломей умеръ черезъ нѣсколько дней послѣ этого, упрекая своихъ усердныхъ приверженцевъ, что они подвергли его необходимости доказывать истину своихъ словъ посредствомъ такого страшнаго испытанія. Въ то время, какъ крестоносцы осаждали Архасъ, къ нимъ прибыли два посольства: одно — отъ императора Алексія, которому они сдѣлали не очень лестный пріемъ, другое, — отъ калифа Каирскаго. Этотъ калифъ только что сдѣлался властителемъ Іерусалима и давалъ знать христіанамъ, что ворота священнаго города будутъ отперты не иначе, какъ передъ обезоруженными пилигримами. Воины Креста съ презрѣніемъ отнеслись и къ предложеніямъ, и къ угрозамъ Египетскаго калифа. Арміи былъ поданъ сигналъ поспѣшнаго выступленія въ Іерусалимъ.

Въ христіанской арміи, состоявшей изъ трехъ-сотъ тысячъ воиновъ подъ стѣнами Антіохіи, теперь насчитывалось не болѣе пятидесяти тысячъ, но войско это, за которымъ уже не слѣдовала толпа безполезнаго сброда, составляло грозное ополченіе. Эмиръ Триполисскій, побѣжденный послѣ кровопролитной битвы, откупился данью, чтобы спасти свою столицу. Пилигримы перешли черезъ владѣнія Бейрутскія, Тирскія и Сидонскія, не встрѣчая на своемъ пути непріятеля. Правители прибрежныхъ городовъ посылали имъ продовольствіе и заявляли о своемъ миролюбіи и покорности. Богатая Финикійская страна, раскрывъ свои сокровища передъ крестоносцами, произвела на нихъ радостное впечатлѣніе: земля обѣтованная предстала передъ ними во всей прелести; христіане Ливанскіе явились привѣтствовать своихъ братій и избавителей. Армія ликовала и оживленная святою надеждою, она сдѣлалась образцомъ дисциплины и благочестиваго единенія. Проходя черезъ Птолемаиду, крестоносцы получили обѣщаніе отъ эмира этого города подчиниться ихъ власти, если они покорятъ Іерусалимъ. Гора Кармилъ, Кесарія, Лидда и Рамла представились глазамъ крестоносцевъ одна за другою, и всѣ эти мѣстности, полныя священныхъ воспоминаній, признали владычество Латинянъ. Но вотъ что представляется почти невѣроятнымъ: въ Рамлѣ предводители вдругъ возбудили вопросъ: идти ли имъ осаждать Дамаскъ, или предпринять осаду Каира? Воины Креста были уже только въ десяти миляхъ отъ Іерусалима и мужество ихъ какъ будто поколебалось въ ту минуту, когда они приближались къ городу, гдѣ должна была осуществиться цѣль ихъ тягостнаго и славнаго похода. Однако же, страхъ былъ скоро заглушенъ воспоминаніемъ о стольких подвигахъ, и также о близости св. Мѣстъ. Единогласно было рѣшено приступить къ осадѣ Іерусалима.

Ночь наканунѣ прибытія христіанской арміи въ Іерусалимъ, была проведена безъ сна. Сколько странъ было пройдено ими, сколькимъ бѣдствіямъ подвергнулись они, чтобы достигнуть этой святой цѣли крестоваго похода! Въ ихъ благочестивомъ нетерпѣніи имъ казалось, что эта ночь тянется слишкомъ долго. Когда показалась утренняя заря, то не одинъ изъ крестоносцевъ опередилъ знамена. Іерусалимъ не открывается издали; его можно увидѣть только, когда уже совсѣмъ

Энтузіазмъ крестоносцевъ при видѣ Іерусалима

приближаешься къ нему; впродолженіе нѣсколькихъ часовъ глаза шестидесяти тысячъ пилигримовъ, пробирающихся по горамъ Іудейскимъ, были неотступно устремлены туда, откуда должна была открыться передъ ними Масличная гора... Великъ былъ ихъ восторгъ, радостны были ихъ слезы, когда, наконецъ, показались стѣны и башни того города, который вмѣщалъ въ себѣ Голгоѳу! Всадники сошли съ своихъ коней и пошли босые; стоны, вопли, преклоненія, молитвы и тысячекратно переливающійся возгласъ: «Іерусалимъ!» служили выраженіемъ трогательнаго и восторженнаго благоговѣнія воинства св. Креста.

Іерусалимъ съ южной стороны.

ГЛАВА VI.

Осада и взятіе Іерусалима (1099).

Іерусалимъ, городъ Еврейскихъ царей, пророковъ и Христа, Спасителя міра, столько разъ прославленный и столько разъ раззоренный, — имѣлъ во время перваго крестоваго похода то же пространство, ту же окружность и тотъ же видъ, какъ и въ настоящее время. Характеръ мѣст-

ности былъ также тотъ же самый; тогда, какъ и теперь — смоковница, масличное и терпентинное деревья составляли скудную растительность Іерусалимской почвы. Природа вокругъ священнаго города представилась спутникамъ Готтфрида такою же, какъ и намъ, неизвѣстнымъ путешественникамъ новѣйшихъ временъ: безмолвной, суровой, мертвенной. Надъ нею, какъ будто, на вѣкъ суждено тяготѣть проклятіямъ св. Писанія. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что печальная картина этихъ безплодныхъ горъ находится въ соотвѣтствіи съ судьбою Іерусалима: какъ не омертвѣть природѣ вокругъ того мѣста, гдѣ принялъ смерть самъ Богъ, Творецъ ея?..

Обозначимъ прежде всего расположеніе христіанскаго лагеря. Плоская мѣстность сѣверной части Іерусалима, покрытая масличными деревьями, представляетъ единственное подходящее мѣсто для лагеря. На этой площади, къ сѣверо-сѣверо-востоку отъ Іерусалима, и раскинули свои палатки Готтфридъ Бульонскій, Робертъ Нормандскій и Робертъ Фландрскій; противъ лагеря, съ этой стороны, были ворота, называемыя теперь Дамасскими и другія, малыя ворота, Иродовы, которыя теперь задѣланы. Танкредъ расположился на сѣверо-западной сторонѣ противъ воротъ Виѳлеемскихъ; затѣмъ, палатки Раймонда Тулузскаго были разставлены на возвышенности, называемой теперь холмами св. Георгія; между ними и стѣнами города находилась узкая долина Рефраимская и обширный, глубокій прудъ. Такая позиція была не совсѣмъ благопріятна для осады. Поэтому графъ Тулузскій рѣшился перевести часть своего лагеря на гору Сіонъ, къ югу отъ города. На востокѣ же были долины или, вѣрнѣе, глубокіе овраги, Іосафатовы и Силоамскіе, по причинѣ которыхъ невозможно было ни стать лагеремъ, ни приступить къ осадѣ города съ этой стороны.

Египетскій гарнизонъ, защищавшій Іерусалимъ, состоялъ изъ сорока тысячъ человѣкъ. Взялись за оружіе и двадцать тысячъ городскихъ жителей. Толпы мусульманъ съ береговъ Іордана, Мертваго моря и изъ другихъ окрестныхъ странъ собрались также въ столицѣ Іудеи, ища здѣсь прибѣжища или съ цѣлью присоединиться къ защитникамъ города. Имамы ходили по улицамъ Іерусалима, убѣждая и призывая къ мужеству защитниковъ ислама и ободряя ихъ обѣщаніемъ побѣды во имя Пророка.

Въ первые дни осады явился въ христіанскій лагерь одинъ отшельникъ съ Масличной горы и посовѣтовалъ имъ начать приступъ всѣми силами разомъ. Крестоносцы, повѣривъ чудеснымъ обѣщаніямъ отшельника, рѣшились сдѣлать приступъ къ стѣнамъ. Къ сожалѣнію, одного только мужества и восторженнаго настроенія духа недостаточно было, чтобы разрушить стѣны и башни; понадобились лѣстницы и стѣнобитныя орудія. Христіане, раздѣлившись на батальоны, приступили къ осадѣ города, не обращая вниманія на то, что ихъ закидывали огромными каменьями и обливали сверху горячимъ масломъ и смолою. Сарацины могли удивляться въ этотъ день чудному мужеству своихъ враговъ. Если бы у крестоносцевъ были орудія и машины, то послѣ этого перваго приступа передъ ними открылись бы ворота Іерусалима. Но не суждено было исполниться чудесамъ, обѣщаннымъ отшельникомъ, и крестоносцы возвратились въ свой лагерь, оставивъ подъ стѣнами города многихъ товарищей, павшихъ со славою. Вожди арміи позаботились тогда о томъ, чтобы достать дерева, необходимыя для сооруженія машинъ, но это было не легко — въ странѣ съ обнаженною почвою. Первымъ деревомъ, послужившимъ для осадныхъ работъ, были дома и даже ближайшія по сосѣдству церкви, разрушенныя пилигримами.

Знойное лѣто было во всемъ разгарѣ, когда франкская армія прибыла къ стѣнамъ священнаго города. При слухахъ о приближеніи крестоносцевъ, непріятель засыпалъ или отравилъ всѣ цистерны. Ни одной капли воды не осталось въ пыльномъ руслѣ Кедрона. Силоамскій источникъ,

изъ котораго истекала по временамъ вода, былъ недостаточенъ для множества пилигримовъ; головы ихъ жегъ палящій зной, а подъ ногами была изсохшая земля и раскаленныя скалы. Воины Креста подверглись всѣмъ мученіямъ жажды, и такъ велико было это бѣдствіе, что недостатка въ пищѣ они почти и не замѣчали. Генуэзскій флотъ, прибывшій въ Яффу съ продовольствіемъ всякаго рода, разсѣялъ нѣсколько мрачное настроеніе христіанъ; въ лагерь доставлены были съѣстные припасы, различные инструменты для сооруженій, инженеры и плотники Генуэзцы, подъ защитою трехъ-сотъ человѣкъ, предводительствуемыхъ Раймондомъ Пеле.

Между тѣмъ, дерева все-таки еще не могли достать. Но крестоносцы узнали, что есть лѣсъ въ окрестностяхъ Наплузы, и вскорѣ доставленъ былъ въ лагерь на верблюдахъ сосновый, кипарисовый и дубовый лѣсъ. Во всѣ руки роздана была работа, ни одинъ изъ пилигримовъ не остался безъ дѣла. Въ то время, какъ одни сооружали тараны, катапульты (стрѣлометы), крытыя галлереи и башни, другіе, взявъ въ проводники христіанъ той мѣстности, отправлялись съ мѣхами за водою къ источнику Эльпирскому, по дорогѣ въ Дамаскъ, или къ источнику Апостоловъ, повыше Виѳаніи, къ источнику Маріи, въ долинѣ, называемой пустынею св. Іоанна, или еще къ одному ключу, къ западу отъ Виѳлеема, гдѣ, по сказанію, рабъ Эѳіопской царицы, Кандакіи, принялъ крещеніе отъ св. Филиппа-діакона. Между приготовленными боевыми машинами угрожающаго вида замѣчательны были три огромныя башни совершенно новаго способа постройки; въ каждой изъ этихъ башенъ было по три этажа: первый назначался для рабочихъ, которые руководили движеніемъ, второй и третій — для воиновъ, которые должны были вести осаду. Эти три перекатныя крѣпости были выше стѣнъ осаждаемаго города. На вершинѣ ихъ прикрѣпили что-то въ родѣ подъемнаго моста, который можно было перекинуть на укрѣпленія и по которому можно было проникнуть въ самую крѣпость. Къ этимъ могущественнымъ средствамъ для нападенія слѣдуетъ присоединить и религіозный энтузіазмъ, который произвелъ уже столько чудесъ во время этого крестоваго похода. Послѣ трехдневнаго строгаго поста, крестоносцы, въ настроеніи глубочайшаго смиренія, совершили крестный ходъ вокругъ священнаго города.

Осажденные, между тѣмъ, также запаслись большимъ количествомъ боевыхъ машинъ и укрѣпились съ той стороны города, откуда угрожали имъ христіане; восточную же часть они оставили безъ защиты; сюда-то и перенесли свой лагерь Готтфридъ и оба Роберта и заняли позицію противъ воротъ св. Стефана. Это перемѣщеніе, ради котораго понадобилось разобрать башни и разныя военныя машины, и которое должно было рѣшить участь Іерусалима, было совершено въ одну ночь, и въ ночь іюньскую, т. е. втеченіе пяти или шести часовъ. Іюля 14-го, 1099 г., на разсвѣтѣ дня, предводители арміи подали сигналъ ко всеобщему наступленію. Всѣ силы арміи, всѣ боевыя орудія разомъ нагрянули на непріятельскія укрѣпленія. Три большія башни или перекатныя крѣпости подъ управленіемъ Готтфрида на востокѣ, Танкреда на сѣверо-западѣ и Раймонда Тулузскаго съ южной стороны города двинулись къ стѣнамъ, среди грома оружія и криковъ рабочаго люда и воиновъ. Этотъ первый натискъ былъ ужасенъ, но онъ еще не рѣшилъ судьбу сраженія; послѣ двѣнадцатичасовой упорной битвы нельзя еще было опредѣлить, на чьей сторонѣ останется побѣда. Когда наступившая ночь заставила враждующихъ разойтись по лагерямъ, то христіане томились тѣмъ, что «Богъ не удостоилъ еще ихъ войти въ священный городъ, чтобы поклониться Гробу Его Сына».

На слѣдующій день битва возобновилась. Осаждаемые, узнавъ о приближеніи Египетской арміи, ободрились надеждою на побѣду. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, и мужество воиновъ Креста возрасло до непобѣдимой силы. Нападая съ трехъ сторонъ, они дѣйствовали разрушительно. Двѣ

Готтфридъ устремляется въ Іерусалимъ

колдуньи, которыя, стоя на укрѣпленіяхъ, заклинали стихіи и всѣ адскія силы, свалились мертвыми подъ градомъ стрѣлъ и каменьевъ. Осада длилась уже полдня, но крестоносцы все еще не могли проникнуть въ Іерусалимъ. Вдругъ на Масличной горѣ показался рыцарь, размахивающій щитомъ и подающій христіанскимъ вождямъ знакъ, чтобы они вступали въ городъ. Это внезапное появленіе воспламенило рвеніе христіанъ. Башня Готтфрида выступаетъ впередъ подъ градомъ каменьевъ, стрѣлъ и греческаго огня и опускаетъ свой подъемный мостъ на стѣны. Крестоносцы въ то же время пускаютъ горящими стрѣлами въ боевыя машины осажденныхъ, и въ мѣшки съ сѣномъ и соломою, и въ шерстяные тюки, прикрывающіе остатки городскихъ стѣнъ. Вѣтеръ раздуваетъ пожаръ, относитъ пламя въ сторону Сарацинъ, и они, окруженные столбами дыма, въ смятеніи отступаютъ. Готтфридъ, предшествуемый двумя братьями Летальдомъ и Энгельбертомъ Турнэйскими, сопровождаемый Бальдуиномъ Бургскимъ, братомъ его Евстафіемъ, Реймботомъ Кротонскимъ, Гишеромъ, Бернардомъ де-Сенъ-Валлье, Аманже и Альбретскимъ, — тѣснитъ непріятеля и по слѣдамъ его вторгается въ Іерусалимъ. Танкредъ, оба Роберта и Раймондъ Тулузскій не замедлили съ своей стороны вступленіемъ въ крѣпость. Крестоносцы пошли въ Іерусалимъ въ пятницу, въ три часа пополудни, въ самый день и часъ крестной смерти Спасителя.

Съ ужасомъ описываетъ исторія гибель мусульманъ въ побѣжденномъ городѣ. Избіеніе ихъ продолжалось цѣлую недѣлю и жертвами его оказалось до семидесяти тысячъ человѣкъ. Причиною такой варварской политики было то соображеніе, что трудно было бы наблюдать за слишкомъ большимъ числомъ плѣнниковъ, и что рано или поздно пришлось бы вновь бороться съ ними, если бы ихъ теперь только выселить изъ Іерусалима. Ярость побѣдителей уступила только рвенію, съ которымъ они устремились въ Храмъ Воскресенія, чтобы поклониться Гробу Христа. Загадочное противорѣчіе человѣческой природы! Тѣ самые люди, которые только что избивали на улицахъ побѣжденныхъ враговъ, шли теперь съ босыми ногами, съ обнаженными головами, съ благочестивыми воздыханіями и проливали слезы умиленія и любви. Молитва и набожныя рыданія раздались внезапно въ Іерусалимѣ вмѣсто яростныхъ криковъ и стоновъ погибающихъ жертвъ...

ГЛАВА VII.

Со времени избранія Готтфрида до битвы Асқалонсқой (1099).

азделъ военной добычи произошелъ безъ всякаго безпорядка; по опредѣленію, постановленному передъ послѣднимъ приступомъ, каждый воинъ могъ почитать себя обладателемъ того дома или зданія, въ которое онъ вступитъ первый; крестъ, щитъ или какой-нибудь знакъ, прибитый къ двери зданія, служитъ для побѣдителя правомъ на обладаніе. Святилища, посвященныя имени Іисуса Христа, сироты и бѣдные имѣли также свою долю въ богатствахъ, забранныхъ у непріятеля. Несмѣтныя сокровища, найденныя въ мечети Омара, достались Танкреду.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, въ Іерусалимѣ перемѣнились обитатели, законы, вѣроисповѣданіе. Латиняне немедленно позаботились о выборѣ царя, чтобы сохранить и поддержать свое завоеваніе. Собрался совѣтъ изъ князей. Между вождями, которымъ предстояло предложить царствованіе въ Іерусалимѣ, особенно выдавались: Готтфридъ, Робертъ Фландрскій, Робертъ Нормандскій, Раймондъ Тулузскій и Танкредъ. Робертъ Фландрскій задумывался о своемъ возвращеніи въ Европу и довольствовался титуломъ сына св. Георгія, который онъ заслужилъ своими подвигами во время священной войны. Герцогъ Нормандскій всегда выказывалъ болѣе мужества, чѣмъ честолюбія. Что касается до Танкреда, то онъ только и стремился къ военной славѣ и титулъ рыцаря ставилъ гораздо выше, чѣмъ титулъ царя. Оставались Готтфридъ и Раймондъ Тулузскій. Послѣдній, извѣстный своимъ честолюбіемъ и несокрушимою гордостію, не пользовался ни довѣріемъ, ни любовію пилигримовъ, такъ что всѣ данныя на избраніе короля оказывались на сторонѣ герцога Лотарингскаго. Рѣшено было, что избраніе будетъ произведено совѣтомъ изъ десяти самыхъ представительныхъ лицъ духовнаго и военнаго званія. Этотъ совѣтъ, тщательно разузнавъ мнѣніе войска о каждомъ изъ подлежащихъ избранію вождей, распросивъ даже прислугу ихъ и домашнихъ, провозгласилъ Готтфрида. Избраніе герцога Лотарингскаго было встрѣчено съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Готтфридъ отказался отъ короны и знаковъ королевскаго достоинства, говоря, что онъ

никогда не приметъ золотаго вѣнца въ томъ городѣ, гдѣ на Спасителя міра былъ возложенъ терновый вѣнецъ. Онъ удовольствовался скромнымъ титуломъ барона и защитника св. Гроба.

Итакъ, новое государство получило правителя; слѣдовало дать правителя и церкви Іерусалимской, но епископами городовъ, подчинившихся латинской власти, выбраны были, въ большинствѣ случаевъ, ловкіе и пронырливые люди, вмѣсто благочестивыхъ и дѣйствительно достойныхъ этого сана. Это странствующее духовенство, потерявъ своего разумнаго вождя и преобразователя въ лицѣ епископа Адемара, очень испортилось и представляло изъ среды своей мало добродѣтельныхъ и просвѣщенныхъ личностей. Арнульдъ, капелланъ герцога Нормандскаго, избранный патріархомъ Іерусалимскимъ, не отличался безукоризненною нравственностію. Первымъ заявленіемъ его духовной власти было оспариваніе у Танкреда богатствъ Омарской мечети, какъ бы составляющихъ достояніе Гроба Господня; ему не удалось, однако же, получить отсюда болѣе семисотъ серебряныхъ марокъ.

Слухъ о завоеваніи Іерусалима распространился по всему Востоку. Христіане изъ Сиріи, Киликіи, Месопотаміи и Каппадокіи направились въ Іерусалимъ, иные, — чтобы поселиться въ немъ, другіе, — чтобы поклониться св. Мѣстамъ. Радость воцарилась между послѣдователями Евангелія, между тѣмъ, какъ жители Каира, Дамаска, Багдада предавались отчаянію. Имамы и поэты оплакивали бѣдственную участь Іерусалимскихъ мусульманъ. «Хребты верблюдовъ и утробы коршуновъ, вотъ — единственное прибѣжище братьевъ нашихъ, бывшихъ доселѣ владыками Сиріи!» пѣла муза исламизма. Дамасскіе мусульмане и съ береговъ Тигра присоединились къ многочисленной египетской арміи, прибывшей для нападенія на новыхъ владѣтелей Палестины. Готтфридъ получилъ увѣдомленіе, что несмѣтное непріятельское войско перешло уже черезъ Газскія владѣнія, и что черезъ три дня оно можетъ подступить къ Іерусалиму. Воины Креста рѣшились выступить на битву съ ними.

Крестоносцы собрались въ Рамлѣ. Оттуда двинулись они къ югу, имѣя налѣво отъ себя горы Іудейскія, а направо — груды песку, покрывающаго морской берегъ. Такимъ образомъ перешли они черезъ землю Ибелимскую, черезъ древніе города Гаѳъ, Экронъ и Азотъ. Отъ плѣнниковъ узнали крестоносцы, что мусульманская армія расположилась лагеремъ на равнинѣ Аскалонской; христіане находились отъ нея только на одинъ часъ пути. Августа 14-го, на самомъ разсвѣтѣ, герольды возвѣстили, что сраженіе начинается; іерусалимскій патріархъ обошелъ тогда ряды воиновъ, показывая имъ Древо Животворящаго Креста, которое почиталось у Латинянъ самою священною драгоцѣнностію. Вскорѣ затѣмъ крестоносцы являются передъ непріятелемъ въ равнинѣ Аскалонской, окаймленной съ востока холмами, съ запада плоскогорьемъ, возвышающимся надъ моремъ, а съ юго-запада громадными песочными заносами. Городъ Аскалонъ былъ выстроенъ на западномъ плоскогорьѣ. Египетская армія расположилась на скатѣ песчаныхъ холмовъ, къ юго-западу отъ равнины.

Готтфридъ, Раймондъ Тулузскій, Танкредъ и оба Роберта заняли каждый, тотъ пунктъ, откуда удобнѣе всего было произвести общее нападеніе. Христіанскихъ воиновъ было едва двадцать тысячъ; мусульманская же армія насчитывала до трехсотъ тысячъ подъ своими знаменами. И сверхъ того, съ моря угрожалъ египетскій флотъ. Не смотря на то, не безъ испуга встрѣтили враги Креста отрядъ, смѣло выступившій противъ нихъ. Египетскіе легіоны дрогнули, когда засвистѣли сквозь ихъ ряды первые дротики Латинянъ. Поэтому битва не затянулась. При первомъ натискѣ вождей крестоносцевъ, мусульманская армія пришла въ полное смятеніе. Вихри пыли, поднявшіеся по Газской дорогѣ, обозначили бѣгство непріятеля. Но не всѣ мусульмане

нашли спасеніе въ бѣгствѣ. Тѣ, которые направились къ морскому берегу, чтобы присоединиться къ египетскому флоту, погибли, большею частію, въ волнахъ или отъ меча. Нѣсколько корпусовъ мусульманской арміи хотѣли соединиться между собою, но Готтфридъ ворвался въ ихъ ряды и снова латинскій мечъ произвелъ между ними страшное опустошеніе: «онъ косилъ мусульманскія головы, — говорится въ лѣтописи: — какъ колосья на бороздахъ, или какъ траву на лугахъ...» То, что было найдено при павшихъ на полѣ битвы, обогатило побѣдоносныхъ христіанъ. Они не запаслись продовольствіемъ и нашли его въ изобиліи въ непріятельскомъ лагерѣ. Ссора, возникшая между Готтфридомъ и Раймондомъ Тулузскимъ, который хотѣлъ удержать Аскалонъ за собою, воспрепятствовала присоединенію этой крѣпости съ этой же минуты къ новому Іерусалимскому королевству.

По возвращеніи изъ Аскалона, Раймондъ Тулузскій, шедшій во главѣ христіанскаго войска, напалъ съ своимъ отрядомъ на городъ Арсуръ, находящійся на берегу моря, въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія къ сѣверу отъ Рамлы; но встрѣтивъ сильный отпоръ, онъ отказался отъ осады города. Покидая крѣпость, Раймондъ послалъ сказать гарнизону, чтобы тотъ не пугался нападенія со стороны короля Іерусалимскаго. Скоро послѣ того Готтфридъ явился подъ стѣнами Арсура; жители рѣшились защищаться. Узнавъ, что это противодѣйствіе было слѣдствіемъ совѣтовъ Раймонда, король Іерусалимскій пришелъ въ негодованіе и рѣшился отомстить оружіемъ; Танкредъ и оба Роберта помирили князей, которые обнялись въ присутствіи своихъ ратниковъ. Армія христіанская снова направилась въ Іерусалимъ и принята была въ священномъ городѣ съ шумными изъявленіями радости и при пѣніи священныхъ гимновъ. Большое знамя и мечъ предводителя египетской арміи были прикрѣплены къ колоннамъ св. Гроба.

Вѣсть объ этой битвѣ скоро распространилась и снова навела страхъ на враговъ христіанской арміи. Это обезпечивало на нѣсколько времени спокойствіе христіанъ, и многіе князья и рыцари стали подумывать о возвращеніи въ Европу. Тѣ же, которымъ приходилось оставаться здѣсь, просили своихъ товарищей не забывать ихъ и убѣждать христіанскій міръ не оставаться безучастнымъ въ спасеніи и славѣ Іерусалима. Не трудно представить себѣ картину слезъ и печали во время прощанія пилигримовъ съ уѣзжавшими товарищами. Готтфридъ остался царствовать въ священномъ городѣ, имѣя пособниками только Танкреда и триста рыцарей. Раймондъ Тулузскій, рѣшившійся кончить жизнь свою на Востокѣ, получилъ отъ императора Константинопольскаго княжество Лаодикею. Петръ Пустынникъ, возвратясь во Францію, кончилъ жизнь свою въ монастырѣ, основанномъ имъ самимъ. Евстафій, братъ Готтфрида, Робертъ Фландрскій, Робертъ Нормандскій возвратились въ отечество, и безъ сомнѣнія, послѣдніе дни ихъ жизни были часто озарены хотя и грустными, но вмѣстѣ съ тѣмъ славными воспоминаніями о крестовомъ походѣ.

ГЛАВА VIII.

Экспедиція 1101 — 1103 г.

Въ Европѣ, безъ сомнѣнія, съ восторгомъ была принята вѣсть объ освобожденіи св. Гроба изъ рукъ невѣрныхъ. Побѣды крестоносцевъ воспламенили снова настроеніе духа въ Европѣ; письма князей, написанныя послѣ взятія Антіохіи и битвы Аскалонской, читались народу съ церковныхъ каѳедръ, и въ христіанскомъ мірѣ возобновились тѣ сцены, которыя происходили послѣ Клермонтскаго собора.

Тѣ, которые въ 1097 г. приняли Крестъ и не отправились въ походъ; тѣ, которые покинули знамена крестоваго похода, сдѣлались внезапно предметомъ общаго презрѣнія. Гугъ, братъ короля Французскаго, который покинулъ своихъ спутниковъ, не дойдя до цѣли путешествія, Стефанъ, графъ Блуасскій, покинувшій святыя знамена и всѣ, которые послѣдовали ихъ примѣру, принуждены были предпринять вторичное путешествіе въ Іерусалимъ. Они присоединились ко множеству знатныхъ владѣтелей и бароновъ, которые не увлеклись общимъ движеніемъ во время перваго крестоваго похода, но которыхъ вырывалъ теперь изъ ихъ отечества новый взрывъ общаго энтузіазма. Вильгельмъ IX, графъ Пуатьерскій, поэтъ, любезнаго и веселаго нрава, также рѣшился проститься съ Пуату и Лимузиномъ, «и съ рыцарствомъ, которое онъ такъ любилъ, и съ суетою мірскою»; его сопровождали многіе изъ его вассаловъ: Гильомъ, графъ Неверскій, Герпинъ, графъ Буржскій, Одонъ, герцогъ Бургонскій, собрались подъ знаменами Креста; послѣдній надѣялся напасть на какіе-нибудь слѣды дочери своей Флорины, которая погибла въ Малой Азіи вмѣстѣ съ своимъ женихомъ Светономъ.

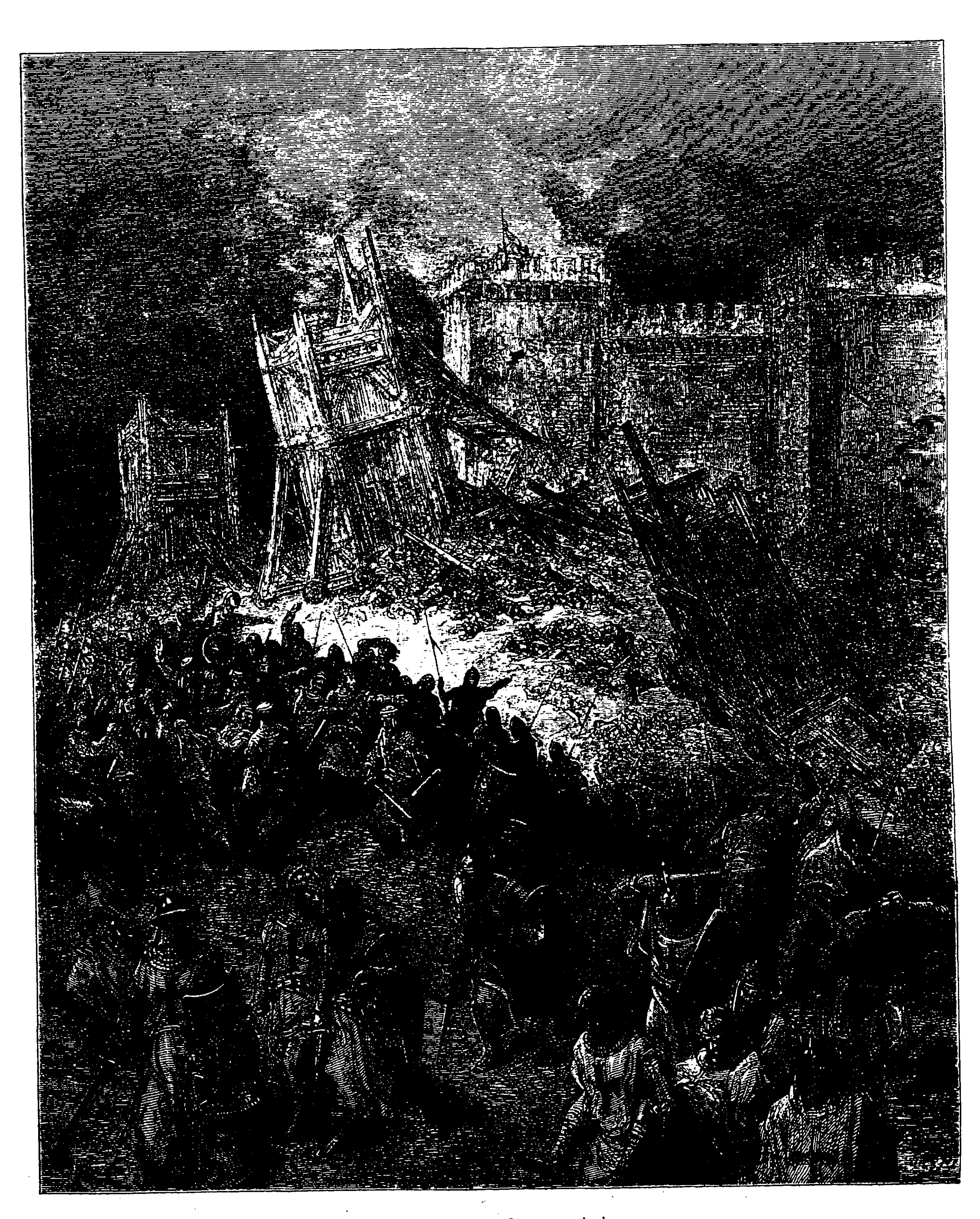
Воодушевленіе, охватившее теперь Италію и Германію, было еще живѣе, чѣмъ послѣ Клермонтскаго собора. Ломбардскихъ пилигримовъ оказалось до ста тысячъ; во главѣ движенія стали: Альбертъ, графъ Бландратскій и Ансельмъ, епископъ Миланскій, Вельфъ IV, герцогъ Баварскій, Конрадъ, коннетабль императора Генриха III явились во главѣ громаднаго сборища германскихъ пилигримовъ. Вмѣстѣ съ знатными и могущественными крестоносцами Германіи приняла участіе въ походѣ и маркграфиня Ида Австрійская. Лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что число пилигримовъ, устремившихся на Востокъ въ 1101 году, простиралось до пятисотъ тысячъ. Эта экспедиція раздѣлилась на три отряда.

Первые выступили въ походъ крестоносцы Ломбардскіе; путь ихъ черезъ Болгарію и Греческія провинціи былъ ознаменованъ страшными насиліями. Этотъ отрядъ, не сдерживаемый никакою дисциплиною, просто, разбойничалъ по пути до самаго Константинополя, откуда императоръ Алексій, чтобы обуздать ихъ дерзость, заблагоразсудилъ выслать противъ нихъ не людей вооруженныхъ, а львовъ и леопардовъ. Пришлось прибѣгнуть къ роскошнымъ дарамъ и смиреннѣй-

шимъ мольбамъ, чтобы убѣдить Ломбардцевъ перейти черезъ Босѳоръ. Достигнувъ Никомидіи, Ломбардцы расположились тутъ лагеремъ; сюда же прибыли коннетабль Конрадъ съ двумя тысячами германскихъ воиновъ, герцогъ Бургонскій, графъ Блуасскій, епископы Ланскій и Суассонскій — во главѣ французскихъ ратниковъ съ береговъ Сены, Лоары и Мааса. Эта первая армія, соединившись въ Никомидіи, состояла изъ двухъ сотъ шестидесяти тысячъ пилигримовъ. Начальство надъ нею принялъ Раймондъ, графъ Тулузскій, находившійся тогда въ Константинополѣ.

Ломбардцы не захотѣли идти по этой дорогѣ, по которой шелъ Готтфридъ; они принудили своихъ предводителей вести ихъ въ Пафлагонію, «чтобы завоевать, — говорили они, — царство Хорасанское.» Этотъ путь, между тѣмъ, долженъ былъ завести ихъ въ такія страны, которыя были для нихъ неизвѣстны и гдѣ предстояло имъ встрѣтиться съ неодолимыми препятствіями. Черезъ три недѣли пути они дошли до Анкиры, извѣстной у лѣтописцевъ подъ именемъ Анкраса. Путь изъ Никомидіи до Анкиры проходитъ черезъ плодоносныя страны, и на этомъ пространствѣ армія не испытала голода. Она овладѣла Анкирой въ пользу греческаго императора и, продолжая путь, достигла до укрѣпленія Гаргара или Гангра, и съ этихъ поръ начались страданія арміи. «Крестоносцы подвигаются впередъ черезъ необитаемыя страны и черезъ ужасныя горы,» повѣствуютъ лѣтописцы. Турки, укрываясь въ засадахъ, дѣлаютъ частыя нападенія на отставшихъ отъ арміи, больныхъ и, вообще, на слабую часть войска. Герцогъ Бургонскій и Раймондъ принимаютъ на себя заботу защищать арьергардъ. Къ бѣдствіямъ, причиняемымъ непріятелемъ, присоединяется голодъ. За недостаткомъ продовольствія, крестоносцы питаются листьями, корою деревьевъ и корнями дикихъ растеній. На пути своемъ христіане встрѣчаютъ городъ Констамнъ, (древній Германикополь); шли они — слѣдуя по извилистому берегу Галиса, то приближаясь, то удаляясь отъ берега. Тысяча пилигримовъ, остановившихся близъ Констамня въ долинѣ, чтобы собрать ячменю и спечь изъ него хлѣбъ, погибли въ огнѣ; Турки обложили долину сухой травой и древесными вѣтвями и спалили ее.

Вслѣдъ за христіанскою арміею устремились безчисленные легіоны Турокъ изъ разныхъ мѣстностей Малой Азіи и Месопотаміи. Со всякимъ днемъ непріятель становился смѣлѣе; дороги — труднѣе; опасности — грознѣе; на совѣтѣ предводителей рѣшено было вступить въ битву. Въ назначенный день, убѣждая воиновъ вооружиться всѣмъ своимъ мужествомъ, епископъ Миланскій прошелъ по рядамъ арміи, показывая руку св. Амвросія, какъ залогъ благословенія Божіяго, а графъ Тулузскій представилъ воинамъ копье, найденное въ Антіохіи, которое онъ принесъ съ собою, и напомнилъ крестоносцамъ о всѣхъ чудесахъ, произведенныхъ на берегахъ Оронта дѣйствіемъ этого чудотворнаго оружія. Разные отряды — графа Альберта, Конрада, графа Блуасскаго, герцога Бургонскаго сражались все въ одиночку, а не соединенными силами, и поочередно были принуждены обращаться въ бѣгство отъ Турокъ. Этотъ день былъ несчастливъ. Въ слѣдующую ночь графъ Тулузскій, который бился храбро и неустанно и едва могъ спастись, покинулъ лагерь и отправился по дорогѣ къ Синопу. Вѣсть объ этомъ бѣгствѣ привела въ смятеніе христіанскую армію; князья, знатные владѣтели и рыцари обратились въ бѣгство въ свою очередь, оставивъ на произволъ непріятеля весь обозъ и растерявшіяся толпы пилигримовъ. Когда наступилъ день, то лагерь христіанскій представлялъ истинно-жалкое зрѣлище: женщины и дѣвушки, предоставленныя ярости Турокъ, оглашали воздухъ рыданіями и стонами. Измѣнники воины, покинувшіе беззащитную толпу, искупили свое преступленіе, всѣ почти погибнувъ отъ меча мусульманскаго. Верхомъ на быстрыхъ коняхъ, непріятель преслѣдовалъ бѣглецовъ, и, ни глубина пещеръ, ни густая чаща лѣса не могли спасти ихъ отъ смерти. Золото, серебро, драгоцѣнные

Второй штурмъ Іерусалима. Отступленіе крестоносцевъ

камни, шелковыя ткани, пурпуровыя, подбитыя горностаемъ и куницею мантіи, всѣ драгоцѣнности, оставленныя пилигримами, достались побѣдителямъ-мусульманамъ. Сто шестьдесятъ тысячъ крестоносцевъ погибли въ долинахъ и горахъ Каппадокіи. Множество женщинъ было уведено въ неволю. Графъ Раймондъ изъ Синопа возвратился моремъ въ Константинополь; остальная же часть христіанской арміи прибыла сухимъ путемъ въ столицу имперіи.

Вторая армія, подъ предводительствомъ Гильома Неверскаго, состояла изъ пятнадцати тысячъ ратниковъ и изъ множества монаховъ, женщинъ и дѣтей. Достигнувъ до Константинополя, она переправилась черезъ Босѳоръ, дошла до Сивито и направилась къ Анкирѣ, чтобы присоединиться къ Ломбардцамъ, объ участи которыхъ еще ничего не знала. Не встрѣтивъ Ломбардцевъ, она свернула съ дороги въ Анкиру и направилась къ Иконіи, извѣстной у лѣтописцевъ подъ именемъ Станконы. Въ окрестностяхъ Иконіи начались несчастія и этой, второй арміи. Турки, которые за нѣсколько дней передъ тѣмъ истребили или разогнали Ломбардцевъ, напали теперь на спутниковъ Гильома Неверскаго и перебили множество изъ нихъ. Крестоносцы, послѣ неудачной осады Станконы, отправились по южной дорогѣ въ Сирію, дошли до города Иракліи между Иконіей и Тарсомъ. Турки завалили всѣ колодцы и источники въ Ираклія и триста пилигримовъ погибли отъ жажды. Была рѣка въ недальнемъ разстояніи отъ Ираклія, но крестоносцы не отыскали ее. Послѣ бѣдствій отъ жажды — явился непріятель; большая часть войска была истреблена Турками, и только около семисотъ христіанъ спаслись, добравшись до горъ и лѣсовъ. Графъ Неверскій нашелъ убѣжище въ Марашѣ, въ Киликіи. Выступивъ отсюда съ своими послѣдними спутниками на дорогу въ Антіохію, они были ограблены Турками и лишены послѣдней одежды; когда же они прибыли въ городъ, гдѣ развѣвались латинскія знамена, то на нихъ не было ничего, кромѣ жалкихъ лохмотьевъ.

Исторія похода третьей арміи не менѣе печальна. Сто шестьдесятъ тысячъ пилигримовъ (одинъ лѣтописецъ насчитываетъ ихъ до трехъ сотъ тысячъ), выступивъ подъ начальствомъ Гильома Пуатьерскаго, Гуга Вермандуасскаго, Вельфа, герцога Баварскаго и графини Иды, маркграфини Австрійской, покидаютъ лагерь въ Никомидіи, приходятъ въ Станкону, гдѣ немедленно подвергаются страданіямъ отъ голода и жажды. Разграбивъ два мусульманскіе города во Фригіи, они пробираются въ Караманію и доходятъ до Ираклія, гдѣ незадолго передъ тѣмъ погибли спутники графа Неверскаго. Въ окрестностяхъ этого города, близъ рѣки, Турки нападаютъ на нихъ, и рѣка, и окрестныя поля покрываются трупами христіанъ, сраженныхъ стрѣлами и мечами врага. Графъ Пуатусскій, въ сопровожденіи одного только оруженосца, спасается бѣгствомъ въ горы, потомъ укрывается въ мѣстечкѣ по сосѣдству съ Тарсомъ и, наконецъ, достигаетъ Антіохіи. Гугъ, графъ Вермандуасскій, укрывается въ Тарсѣ, гдѣ и умираетъ отъ ранъ. Герцогу Баварскому удается спастись отъ преслѣдованія побѣдителей; участь же графини Иды остается неизвѣстною современникамъ.

Итакъ, въ одно и то же время три арміи, три многочисленныя полчища ратниковъ переходятъ изъ Европы въ Азію и погибаютъ въ неизвѣстныхъ странахъ, какъ бы поглощенные разверзтой могилой. Числомъ ихъ было не менѣе, чѣмъ первыхъ крестоносцевъ; между тѣмъ, всѣ эти вновь прибывшіе легіоны были уничтожены тѣми самыми Турками, которыхъ спутники Готтфрида побѣдили въ Никеѣ, въ Дорилеѣ и въ Антіохіи. Обвиняютъ политику Алексія въ томъ, что она способствовала этимъ ужаснымъ пораженіямъ, но можетъ быть, справедливѣе будетъ признать, что предводители и воины погибли жертвами своей собственной неосторожности и отсутствія всякой дисциплины.

Были случаи, что пилигримы, во время бѣдственнаго бѣгства и скитанія по областямъ Малой Азіи, обязаны были своимъ спасеніемъ мѣстнымъ христіанамъ. Весною, 1103 г., десять тысячъ крестоносцевъ, оставшихся изъ трехъ армій, соединились въ Антіохіи. Они имѣли отраду исполнить свой обѣтъ поклоненія божественной Гробницѣ, достигнувъ до священнаго города подъ предводительствомъ тѣхъ вождей, которые пережили это общее избіеніе. Отпраздновавъ св. Пасху въ Іерусалимѣ, одни изъ нихъ возвратились въ Европу, другіе — въ Палестину для охраненія королевства, созданнаго мечомъ Латинянъ. Герцогъ Бургонскій, графъ Блуасскій, Герпинъ Буржскій и герцогъ Баварскій никогда уже болѣе не увидали своего отечества.

Остановимся теперь, чтобы вкратцѣ отмѣтить значеніе всѣхъ предъидущихъ событій. Первый крестовый походъ и сокрушительныя послѣдствія его въ 1101 году, вырвали изъ Европы болѣе милліона людей. Крестовые походы служать представленіемъ двухъ вѣроисповѣданій, вооружившихся одно противъ другаго; вотъ почему съ обѣихъ сторонъ было такъ много увлеченія и ненависти: войны за вѣру были всегда самыми тяжелыми и самыми убійственными. Первый крестовый походъ ознаменованъ чудными подвигами; они покрыли вѣчною славою старую Францію и память о нихъ пребудетъ навсегда дорога для отечества. Передъ ужасомъ христіанскаго оружія отступили мусульманскіе народы, готовые нахлынуть на Западъ; столица греческой имперіи, которой угрожали Сарацины, была ограждена крестоносцами. Варварство было снова отодвинуто въ нѣдра Азіи. Крестовые походы были полезны и для внутренняго состоянія Европы; частныя войны и бѣдствія феодальной вражды прекратились; всѣ ненависти слились въ одну: противъ враговъ христіанства. И въ этомъ общемъ настроеніи заключались великія данныя въ пользу мира и цивилизаціи.

Первый крестовый походъ открылъ Востокъ передъ Западомъ, и эта встрѣча двухъ обществъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ другъ другу, должна была, естественнымъ образомъ, дать нѣкоторый толчекъ европейскому умственному развитію. Это обширное движеніе было благопріятно для мореплаванія и торговли. Христіанскія суда стали чаще появляться на Средиземномъ морѣ. Пизанцы и Генуэзцы извлекли выгоды изъ основанія Іерусалимскаго королевства. Денежные обороты оживились, и Западъ, какъ будто, сталъ богаче, такъ какъ золото распространилось понемногу повсемѣстно. Нельзя сказать, чтобы первый крестовый походъ доставилъ что-нибудь Европѣ въ отношеніи наукъ, литературы и искусства; первыя отношенія между христіанствомъ и исламизмомъ ограничились разрушительными предпріятіями. Крестовый походъ нанесъ первый ударъ феодальной системѣ: многіе князья, по возвращеніи изъ Азіи, замѣнили тиранническія злоупотребленія — благоразумнымъ управленіемъ. Священная экспедиція доставила освобожденіе многимъ рабамъ. Множество знатныхъ вассаловъ государства разорились или погибли подъ знаменами священной войны; это было началомъ паденія феодальной власти, и это паденіе ея содѣйствовало къ усиленію и независимости королевской власти. Таковы были характеристическія черты и послѣдствія первой священной войны.

ГЛАВА IX.

Царствованія Готтфрида и Бальдуина I-го.

(Отъ 1099 до 1118 г.)

Городъ Іерусалимъ и около двадцати городковъ и селъ, находившихся въ его окрестностяхъ, составляли все королевство, ввѣренное Готтфриду. Многія укрѣпленныя мѣстности, перешедшія подъ знамена латинскія, были отдѣлены одни отъ другихъ такими укрѣпленіями, надъ которыми еще развѣвались мусульманскіе флаги. Чтобы привязать пилигримовъ къ этому новому отечеству, добытому оружіемъ, присоединена была къ обаянію св. Мѣстъ — прелесть собственности. Пребываніе въ какомъ-нибудь домѣ или на воздѣланной землѣ впродолженіе одного года и одного дня — обращалось въ право владѣнія. Отсутствіе впродолженіе такого же времени уничтожало всѣ права на владѣніе. Въ высшей степени достойно замѣчанія то явленіе, что это Іерусалимское государство, защищаемое всего-то двумя или тремя стами рыцарей, окруженное такими непріятельскими силами, которыя могли бы однимъ ударомъ уничтожить его, спокойно держалось въ силу того ужаса, которое внушало христіанское оружіе.

Готтфридъ позаботился о расширеніи предѣловъ государства. Танкредъ покорилъ Тиверіаду и нѣсколько другихъ укрѣпленныхъ мѣстностей въ Галилеѣ, за что и получилъ ихъ въ свое владѣніе, а позже эта страна составила княжество. Король Іерусалимскій, съ своей стороны, налагалъ подати на эмировъ Кесаріи, Птолемаиды, Аскалона и подчинялъ своей власти Аравитянъ по лѣвую сторону Іордана. Городъ Арсуръ также призналъ владычество христіанъ. По случаю отказа со стороны этого города въ уплатѣ наложенной на него подати, онъ подвергся осадѣ Готтфрида. Ему противопоставили такой способъ защиты, какого онъ предвидѣть не могъ. Жерардъ Авенскій, отданный заложникомъ городу Арсуру, былъ привязанъ къ вершинѣ мачты такъ, чтобы въ него попадали удары, наносимые осаждающими; несчастный рыцарь умолялъ Готтфрида, чтобы онъ спасъ ему жизнь, отказавшись отъ осады, но государь Іерусалимскій убѣждалъ Жерарда Авенскаго — смириться передъ своею участію ради пользы своихъ братій и ради славы Христовой. Христіане съ увлеченіемъ начали осаду города, но ихъ боевыя машины были уничтожены греческимъ огнемъ, которымъ дѣйствовали мусульмане. Готтфридъ былъ вынужденъ удалиться отъ Арсура, оплакивая безплодную гибель своего доблестнаго товарища. Но Жерардъ не погибъ. Тронутые его героическою твердостію, мусульмане отвязали его отъ мачты и оставили въ живыхъ. Рыцарь возвратился въ Іерусалимъ къ удивленію и радости Латинянъ, которые уже взывали къ нему, какъ къ мученику. Въ воздаяніе за его самоотверженіе онъ получилъ замокъ св. Авраама, находящійся въ Іудейскихъ горахъ. Во время осады Арсура, Готтфрида

посѣтили Самарійскіе эмиры; онъ смиренно принялъ ихъ, сидя на соломенномъ кулѣ; по ихъ желанію, онъ однимъ взмахомъ меча отрубилъ голову верблюду. Было чѣмъ произвести впечатлѣніе на восточныя головы!

Передъ праздникомъ Рождества прибыла толпа паломниковъ съ цѣлью посѣтить св. Мѣста. Это были, большею частію, Пизанцы и Генуэзцы, подъ предводительствомъ епископа Дуріано и архіепископа Пизы, Даймберта. Послѣдній прибылъ въ Іерусалимъ въ качествѣ апостолическаго легата и сумѣлъ присвоить себѣ званіе Іерусалимскаго патріарха вмѣсто Арнульда. Онъ тревожилъ Готтфрида, требуя во имя церкви верховнаго владычества надъ Іерусалимомъ и Яффою. Между тѣмъ, прибыли въ священный городъ Боэмундъ, князь Антіохійскій, Бальдуинъ, графъ Эдесскій, Раймондъ Тулузскій — съ итальянскими паломниками. Боэмундъ и Бальдуинъ согласились, также какъ и самъ Готтфридъ, получить отъ папы инвеституру завоеванныхъ ихъ оружіемъ странъ.

Іерусалимское королевство, возникшее въ силу побѣды, тревожимое внутри честолюбивыми и страстными домогательствами, подверженное безпрестаннымъ и неизбѣжнымъ перемѣнамъ въ правахъ на недвижимое имущество, населенное отступниками отъ всѣхъ религій и искателями приключеній всѣхъ странъ, постоянно посѣщаемое паломниками, среди которыхъ были великіе грѣшники, не возвысившіеся до любви къ добру; королевство это, вновь созданное, и въ которомъ царилъ безпорядокъ, свойственный только что покореннымъ странамъ, нуждалось въ законодательствѣ, которое установило бы формы правильныя и стойкія. Къ этому и стремился разумный Готтфридъ. Присутствіе латинскихъ властителей въ Іерусалимѣ представилось ему счастливою случайностью, чтобы осуществить свои благія предпріятія. Въ назначенный день состоялось торжественное собраніе во дворцѣ Готтфрида, на горѣ Сіонской. Князья, бароны, люди самые просвѣщенные и преданные религіи установили законоположеніе, которое и было сложено во храмѣ Гроба Господня и получило названіе Іерусалимскихъ Ассизъ. Тутъ были приведены въ порядокъ и опредѣлены взаимныя обязательства государя, властителей и подчиненныхъ; но только на носящихъ оружіе было обращено вниманіе законодателей, такъ какъ война была главнымъ дѣломъ этого государства Что же касается до людей простаго званія, земледѣльцевъ и военноплѣнныхъ, то о нихъ было только слегка упомянуто; на нихъ смотрѣли только какъ на собственность. Стоимость сокола была та же, что и стоимость раба, а боевой конь цѣнился вдвое дороже простолюдина или плѣнника. И только религія приняла на себя обязательство покровительствовать этому несчастному разряду людей. Учреждены были три судилища, такъ, чтобы всѣ жители государства подлежали суду себѣ равныхъ. Въ Іерусалимскихъ Ассизахъ видны слѣды грубости того древняго времени; тѣмъ не менѣе въ нихъ можно усмотрѣть постановленія, изобличающія высокую мудрость законодателей. Это законодательство, удержавшееся дольше самого Латинскаго государства, было благодѣяніемъ для св. Земли и образцовымъ учрежденіемъ для Запада, находившагося еще въ варварскомъ состояніи.

Полезные подвиги въ при-Іорданскихъ странахъ возвысили славу Готтфрида; король Іерусалимскій былъ занятъ покореніемъ укрѣпленныхъ мѣстностей въ Палестинѣ, остававшихся еще подвластными исламу, когда смерть похитила его у любящаго его и уповающаго на него христіанскаго населенія. Онъ скончался, поручивъ товарищамъ своихъ побѣдъ честь Креста и благосостояніе государства. Останки Готтфрида были преданы погребенію близъ Голгофы, въ церкви Воскресенія. Освободитель св. Гроба удостоился могилы возлѣ Гробницы Своего Господа. Готтфридъ былъ великимъ полководцемъ, и если бы смерть не свергла его такъ рано съ престола Давидова, то исторія причислила бы его къ величайшимъ изъ государей. Онъ соединялъ въ себѣ

тройное могущество: меча, мудрости и добродѣтели. Письменныя свидѣтельства нашихъ героическихъ временъ не представляютъ имени болѣе славнаго, чѣмъ имя Готтфрида. Мы имѣли честь прикоснуться къ мечу его, до сихъ поръ сохраняемому во храмѣ св. Гроба, и это воспоминаніе восхищаетъ насъ въ то время, какъ мы воспроизводимъ благородную жизнь перваго Латинскаго короля въ Іерусалимѣ.

Патріархъ Даймбертъ, въ качествѣ папскаго легата, первый выступилъ для принятія наслѣдія Готтфрида. Бароны отвергли такія притязанія. Даймбертъ написалъ Боэмунду, князю Антіохійскому, призывая его на помощь Іерусалимской церкви; но вскорѣ узнали, что Боэмундъ, потерпѣвшій пораженіе отъ Турокъ въ сѣверной Сиріи, задержанъ въ плѣну. Престолъ Іерусалимскій слѣдовало занимать воину. Бальдуинъ, графъ Эдесскій, призванъ былъ наслѣдовать брату своему, но онъ уступилъ свои права двоюродному брату своему Бальдуину Бургскому. Бальдуинъ выступилъ въ Іерусалимъ съ четырьмя стами человѣкъ конницы и съ тысячью человѣкъ пѣхоты. На берегахъ Финикійскаго моря, въ трехъ миляхъ отъ Бейрута, при устьѣ рѣки Лика, братъ Готтфрида подвергся нападенію эмировъ Эдесскаго и Дамасскаго, предупрежденныхъ о прохожденіи его молвою или предательствомъ; христіанскимъ воинамъ пришлось бороться съ непріятелемъ значительно превосходившимъ ихъ численностью, и только мужество и благоразуміе могли спасти ихъ отъ гибели. Бальдуинъ вступилъ въ священный городъ, привѣтствуемый радостными восклицаніями толпы. Поддерживаемый одобреніемъ бароновъ и большей части духовенства, Бальдуинъ не обращалъ вниманія на Даймберта, который, протестуя противъ избранія новаго короля, удалился на гору Сіонъ, снѣдаемый честолюбіемъ и гнѣвомъ.

Владычество Латинянъ въ Іерусалимѣ должно было быть постоянною битвою; Бальдуинъ этого не забывалъ. Едва вступилъ онъ на престолъ священнаго города, какъ предпринялъ походъ противъ мусульманъ, въ сопровожденіи небольшаго войска. Онъ явился передъ стѣнами Аскалона, но гарнизонъ заперся тамъ въ укрѣпленіяхъ города. Такъ какъ наступившіе холода препятствовали ему начать осаду города, то онъ ограничился тѣмъ, что разорялъ его окрестности. Онъ направился потомъ на Хевронъ, слѣдуя по безцвѣтнымъ берегамъ Содомскаго моря, и проникъ въ Аравію до Моисеева источника. Съ набожнымъ восторгомъ созерцали христіанскіе воины всѣ эти мѣста, полныя воспоминаніями Священнаго Писанія. По возвращеніи въ Іерусалимъ, Бальдуинъ нашелъ патріарха Даймберта въ болѣе благосклонномъ расположеніи; онъ принялъ помазаніе на царство въ Виѳлеемѣ, такъ какъ онъ не хотѣлъ возложить на себя золотой вѣнецъ въ виду Голгоѳы.

Танкредъ не забылъ несправедливостей Бальдуина подъ стѣнами Тарса. Онъ отказывался признать его королемъ. Желая положить конецъ роковой ссорѣ, Бальдуинъ снизошелъ до просьбы, чтобы побѣдить гордость Танкреда; князья имѣли свиданіе въ Каифѣ и при этомъ они помирились и обняли другъ друга. Между тѣмъ, Танкредъ былъ призванъ управлять Антіохіею, которая оставалась безъ правителя со времени плѣненія Боэмунда; онъ предоставилъ Гуго-де-Сенъ-Омеру городъ Тиверіаду и княжество Галилейское.

Бальдуинъ предпринялъ новые набѣги на враговъ Креста; онъ перешелъ черезъ Іорданъ, разогналъ Аравитянскія племена и собралъ съ нихъ богатую добычу. Онъ ознаменовалъ свой обратный путь въ Іерусалимъ благороднымъ и трогательнымъ поступкомъ. Перейдя черезъ Іорданъ, онъ услышалъ жалобные стоны: это была мусульманка, страдающая въ родахъ; онъ кинулъ ей свой плащъ, чтобы она покрылась, и велѣлъ уложить ее на коверъ, потомъ принесены были для нея фрукты и мѣхи съ водою; привели къ ней верблюдицу, чтобы кормить ея ново-

рожденнаго и поручено было одной рабынѣ отвести родильницу къ ея мужу; послѣдній, бывшій почетнымъ лицомъ между мусульманами, поклялся, что никогда не забудетъ великодушнаго поступка Бальдуина.

Каждый мѣсяцъ, каждую недѣлю прибывали въ Іерусалимъ европейскіе христіане, привлекаемые извѣстіемъ о завоеваніи священнаго города. Немного воиновъ было при Бальдуинѣ, и потому онъ предложилъ генуэзскимъ паломникамъ, прибывшимъ въ Сирію на корабляхъ, послѣдовать за нимъ въ его нападеніяхъ на невѣрныхъ; онъ обѣщалъ имъ третью долю добычи и улицу въ каждомъ завоеванномъ городѣ, которая будетъ называться Генуэзской. Генуэзцы приняли это предложеніе и тогда предпринята была осада Арсура, который открылъ передъ ними свои ворота. Послѣ того христіане направились въ Кесарію; послѣдовалъ приступъ, причемъ патріархъ Даймбертъ, въ бѣломъ облаченіи и съ Крестомъ Животворящаго Древа въ рукахъ, поощрялъ воиновъ храбро сражаться. Христіанскій отрядъ не замедлилъ ворваться въ укрѣпленный городъ. Жажда добычи была поводомъ къ варварскимъ дѣйствіямъ. Многіе Сарацины проглатывали золотыя монеты и драгоцѣнные камни, чтобы укрыть ихъ отъ побѣдителей; воины распарывали животы всѣмъ мусульманамъ, которые имъ попадались; кровь лилась потоками въ мечетяхъ и на улицахъ. Генуэзцы похвалялись, что на ихъ долю добычи досталась та самая чаша, которая была употреблена при Тайной Вечери. Въ Кесарію былъ поставленъ латинскій архіепископъ.

Аскалонскіе мусульмане, которые съ давнихъ поръ уже не осмѣливались выступать изъ убѣжища своихъ укрѣпленій, попытались напасть на Рамлу. Бальдуинъ, во главѣ трехъ сотъ всадниковъ и девятисотъ человѣкъ пѣхоты, выступилъ противъ египетскаго войска, которое было въ десять разъ многочисленнѣе христіанскаго. Во время рѣшительнаго боя Іерусалимскій государь воодушевляетъ своихъ рыцарей и воиновъ, напоминая имъ, что они сражаются во славу Іисуса Христа. «Нѣтъ спасенія въ бѣгствѣ, — прибавилъ онъ: — такъ какъ Франція очень далеко, а на Востокѣ нѣтъ убѣжища для побѣжденныхъ». Бальдуинъ выигралъ битву; поля вокругъ Рамлы и дороги, ведущія къ Аскалону, были свидѣтелями поразительныхъ подвиговъ. Король Іерусалимскій вступилъ въ Яффу съ побѣдоносными знаменами.

Вскорѣ послѣ того пришлось снова сразиться съ египетскимъ войскомъ, вышедшимъ изъ Аскалона. Остатки трехъ армій, разбитыхъ въ Малой Азіи, пришли не задолго передъ тѣмъ въ Палестину. Извѣщенный о выступленіи непріятельскаго войска, Бальдуинъ, не употребивъ достаточно времени, чтобы собрать всѣхъ своихъ воиновъ, поспѣшилъ на встрѣчу Египтянамъ съ немногими рыцарями, прибывшими изъ Европы. Въ этой-то битвѣ погибли Стефанъ, графъ Блоасскій и герцогъ Бургундскій, отецъ Флорины. Послѣ поразительныхъ подвиговъ мужества, Бальдуинъ скрылся въ травахъ и кустарникахъ, покрывающихъ поле. Сарацины подожгли ихъ; Бальдуину съ великимъ трудомъ и подъ прикрытіемъ мрака ночнаго удалось найти убѣжище въ Рамлѣ. На слѣдующій день этотъ городъ долженъ былъ подвергнуться осадѣ; лишенный всякихъ средствъ защиты, Бальдуинъ предавался уже самому тревожному раздумью, когда вдругъ явился къ нему одинъ мусульманскій эмиръ и предложилъ вывести его потаеннымъ ходомъ. Этотъ эмиръ былъ мужъ той мусульманки, въ отношеніи къ которой Бальдуинъ былъ такимъ великодушнымъ. Король Іерусалимскій отказывается спасаться одинъ; онъ не хочетъ покидать своихъ товарищей. Но товарищи, во имя священныхъ интересовъ королевства Іерусалимскаго, умоляютъ его воспользоваться предлагаемымъ спасеніемъ; Бальдуинъ уступаетъ ихъ просьбамъ и со слезами прощается съ ними; въ сопровожденіи эмира и немногихъ своихъ людей онъ убѣгаетъ изъ города въ бурную ночь. Приблизившись къ Арсуру, эмиръ и король разстались; оба

растроганные до слезъ. Въ этомъ укрѣпленномъ городѣ нашелъ убѣжище Бальдуинъ. Послѣ нѣсколькихъ новыхъ битвъ, въ которыхъ мусульмане потерпѣли пораженіе и были разсѣяны, Іерусалимскій король возвратился въ священный городъ, гдѣ его уже почитали умершимъ.

Въ это время, по свидѣтельству исторіи, христіанскія колоніи были въ тревожномъ положеніи, вслѣдствіе разлада между ихъ начальствующими лицами. При осадѣ Харана, Боэмундъ, получившій свободу, Танкредъ, Бальдуинъ Бургскій и Іосцелинъ Куртнейскій, увѣренные въ скоромъ завоеваніи этого богатаго города Месопотаміи, начали спорить о томъ, кому достанется владѣть имъ, но въ это время, совершенно неожиданно нападаютъ на нихъ полчища мусульманъ, прибывшихъ изъ Моссула и Маридина. Бальдуинъ Бургскій и Іосцелинъ Куртнейскій попадаютъ въ плѣнъ; Боэмундъ и Танкредъ, ускользнувъ отъ рѣзни, возвращаются въ Антіохію въ сопровожденіи всего шести всадниковъ. Боэмундъ задумалъ поѣхать въ Европу, чтобы набрать тамъ новое войско и напасть на Грековъ, которыми были недовольны завоеватели Св. Земли; встрѣченный въ Римѣ, какъ доблестный защитникъ Креста, принятый французскимъ дворомъ, какъ самый блестящій изъ рыцарей, онъ воспламенилъ во всѣхъ сердцахъ порывъ къ священной войнѣ, и многочисленная армія возстала по его призыву. Вступивъ во владѣнія Греческой имперіи, онъ осадилъ городъ Дураццо, но послѣ безплодной осады, онъ заключилъ унизительный для него миръ съ Византійскимъ императоромъ, котораго онъ хотѣлъ свергнуть съ престола, и умеръ отъ отчаянія въ своемъ Тарентскомъ княжествѣ. Іосцелинъ же и Бальдуинъ Бургскій возвратились въ свои княжества не прежде того, какъ пробывъ въ Багдадѣ, въ плѣну, въ продолженіе пяти лѣтъ.

Король Іерусалимскій, стремясь къ расширенію своихъ владѣній, заботился о подчиненіи укрѣпленныхъ приморскихъ мѣстечекъ въ Палестинѣ, такъ какъ черезъ нихъ удобнѣе было получать помощь и достигать скорѣйшаго сообщенія съ Западомъ. Бальдуинъ, съ помощію Генуэзцевъ, осадилъ г. Акру, который сдался послѣ двадцати дней сопротивленія. Этотъ городъ служилъ тогда, какъ и теперь, ключемъ къ Сиріи. Триполи также подчинился власти христіанъ. Раймондъ Тулузскій умеръ въ виду этой крѣпости, осаду которой онъ предпринялъ. Триполи былъ возведенъ въ графство, которое сдѣлалось наслѣдіемъ его рода. Этимъ графствомъ латинскимъ были вознаграждены пожертвованія и подвиги Раймонда, покинувшаго свои богатыя владѣнія во Франціи и предоставившаго судьбу свою всѣмъ случайностямъ крестоваго похода на Востокѣ. Другіе прибрежные города Сиріи — Вивлъ, Сарепта, Бейрутъ, были присоединены къ королевству Іерусалимскому. Послѣ этихъ завоеваній Пизанцы и Генуэзцы возвратились на Западъ. Сидонъ принадлежалъ еще мусульманамъ. Въ это время прибыли въ Палестину девять тысячъ Норвежцевъ, подъ предводительствомъ Сигура, сына Магнуса, Норвежскаго короля; Бальдуинъ получилъ отъ нихъ обѣщаніе содѣйствовать ему въ поддержаніи и распространеніи королевства, и съ помощію ихъ, король Іерусалимскій осадилъ Сидонъ, который, послѣ шестинедѣльнаго сопротивленія, открылъ передъ христіанами свои ворота. Вслѣдъ за радостію, доставленною этими различными побѣдами, поразила всѣхъ горестная утрата: скончался Танкредъ, замѣнившій Боэмунда въ княжествѣ Антіохійскомъ, лишившемся теперь въ немъ одного изъ самыхъ знаменитыхъ своихъ охранителей. Такимъ образомъ исчезли одинъ за другимъ старые товарищи Готтфрида.

Годы 1113, 1114, 1115 были несчастливы для королевства Іерусалимскаго. Нахлынувшія съ береговъ Евфрата и Тигра полчища мусульманскія опустошили Галилею; Аскалонскіе и Тирскіе мусульмане разорили окрестности Наплусы; ураганомъ пронеслись всѣ эти полчища и, подобно урагану, внезапно исчезли. Тогда другія бѣдствія обрушились на христіанскія владѣнія: саранча, налетѣвшая изъ Аравіи, опустошила поля палестинскія; голодъ распространился по всему графству Эдесскому

и княжеству Антіохійскому. Землетрясенія превратили въ развалины многія мѣстности, начиная отъ Тавра до пустынь Идумейскихъ.

Успокоившись относительно Багдада и Сиріи, Бальдуинъ задумалъ о подчиненіи Египта, войска котораго уже столько разъ были разсѣяны его оружіемъ. Въ сопровожденіи избранныхъ воиновъ, онъ переходитъ черезъ пустыню, настигаетъ врасплохъ и разграбляетъ г. Фарамію, расположенный на берегу моря, близъ развалинъ древней Пилусіи, но, возвращаясь оттуда съ богатою добычею, король занемогъ въ Эль-Аришѣ и скончался къ величайшему горю своихъ спутниковъ. Послѣдними словами его были мольбы и увѣщанія жить для защиты королевства Іерусалимскаго. Умирающій король просилъ также своихъ товарищей не покидать останковъ его на непріятельской землѣ, но перенести въ священный городъ и похоронить возлѣ могилы его брата Готтфрида. Самъ распорядился насчетъ бальзамированія своего тѣла и погребенія, и послѣдняя воля его была свято исполнена.

Царствованіе Бальдуина, продолжавшееся 13 лѣтъ, представляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ зрѣлищъ въ исторіи. Ежегодно огромный колоколъ іерусалимскій возвѣщалъ о нашествіи Сарацинъ, и Древо Животворящаго Креста, предшествовавшее воинамъ-пилигримамъ, не могло покоиться неподвижно во храмѣ св. Гроба. Сколько было опасностей, сколько битвъ произошло въ это царствованіе! Сколько разъ королевство Іерусалимское совсѣмъ погибало и было спасаемо только благодаря чудесамъ храбрости своего хранителя! Военная добыча составляла главный источникъ доходовъ Бальдуина, и когда миръ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ или война была неудачная, то казна государственная оказывалась пустою. Но съ малыми средствами Бальдуинъ постоянно совершалъ великія дѣла. Какою дѣятельностью обладалъ этотъ воинственный геній! Во время перваго крестоваго похода Бальдуинъ навлекъ на себя ненависть за свой честолюбивый и гордый нравъ; сдѣлавшись королемъ Іерусалимскимъ, онъ отличался великодушіемъ; не было у Латинскихъ владѣній болѣе неусыпнаго охранителя, болѣе неустрашимаго защитника: мечъ Бальдуина, единственный скипетръ, который онъ когда-либо держалъ въ рукахъ, улегся въ ножны только въ тотъ день, когда король Латинскій самъ былъ положенъ въ могилу...

ГЛАВА X.

Царствованія Бальдуина II, Фулька Анжуйскаго и Бальдуина III.

(Отъ 1119 по 1145 г.).

Умирая, Бальдуинъ назначилъ преемникомъ своей власти Бальдуина Бургскаго; многіе бароны и прелаты, однако же, пожелали предложить корону Евстафію Булонскому, брату Готтфрида; но Іосцелину Куртнейскому, одному изъ первыхъ графовъ королевства, удалось собрать большинство голосовъ въ пользу выбора Бальдуина Бургскаго, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Бальдуина II. Новый король передалъ свое графство Эдесское Іосцелину Куртнейскому.

Княжеству Антіохійскому угрожали въ это время бѣдствія вторженія мусульманскаго, на Рожера Сицилійскаго, сына Ричарда, управлявшаго этою областію въ ожиданіи совершеннолѣтія сына Боэмунда и замѣнявшаго Танкреда, сдѣлано было нападеніе со стороны эмира Ильгази, явившагося во главѣ мусульманъ изъ Персіи, Сиріи и Месопотаміи. Рожеръ призвалъ на помощь короля Іерусалимскаго, графовъ Эдесскаго и Триполисскаго, но не имѣя терпѣнія ихъ дождаться, вступилъ въ битву и былъ убитъ. Оружіе короля Іерусалимскаго отмстило за это пораженіе.

Эта часть исторіи христіанскихъ колоній преисполнена бѣдствіями ихъ. Іосцелинъ Куртнейскій, двоюродный братъ его Галеранъ — застигнуты врасплохъ, закованы въ цѣпи и заключены въ одну изъ крѣпостей Месопотамскихъ. Король Іерусалимскій, прибывшій къ нему на помощь, также былъ взятъ въ плѣнъ и преданъ заключенію. Тогда пятьдесятъ Армянъ, преданныхъ до героизма властителямъ христіанскимъ, проникаютъ въ крѣпость, перерѣзываютъ мусульманскій гарнизонъ и выставляютъ знамя Христа. Вскорѣ послѣ того начинается осада крѣпости; Іосцелинъ успѣваетъ спастись и отправляется по городамъ христіанскимъ, испрашивая помощи бароновъ и рыцарей. Графъ Эдесскій, въ сопровожденіи множества воиновъ, собравшихся по его призыву, шелъ обратно къ крѣпости Месопотамской, когда узналъ, что она снова во власти мусульманъ. Мужественные Армяне погибли въ истязаніяхъ; король Іерусалимскій былъ отведенъ въ крѣпость Харанъ. Іосцелинъ и его товарищи съ сердечною болью отказались отъ своего предпріятія.

Египетскіе мусульмане, желая воспользоваться заключеніемъ въ крѣпость короля Іерусалимскаго, чтобы освободить въ это время Палестину изъ-подъ власти христіанъ, осадили Яффу и со стороны моря и сухимъ путемъ, и заняли область Ибелинскую; они раздѣлились на двѣ арміи. Евстафій д'Агрэнъ, графъ Сидонскій, назначенный регентомъ королевства въ отсутствіе Бальдуина, велѣлъ возвѣстить войну при звонѣ колокола Іерусалимскаго. Во главѣ отряда, состоящаго изъ

трехъ тысячъ воиновъ, предшествуемый Древомъ Животворящаго Креста, копьемъ Спасителя и чудотворнымъ сосудомъ, въ которомъ, по сказанію, хранилось молоко Божіей Матери, регентъ королевства выступаетъ противъ невѣрныхъ, заставляетъ отступить при своемъ приближеніи мусульманскій флотъ и разбиваетъ всю Египетскую армію, которая ожидала Франковъ въ Ибелинѣ. Латиняне возвратились въ Іерусалимъ съ богатою военною добычею и оглашая воздухъ пѣніемъ священныхъ гимновъ.

Двѣ важныя прибрежныя крѣпости Сиріи, Тиръ и Аскалонъ, оставались еще во власти мусульманъ. Силъ христіанскаго войска недостаточно было, чтобы предпринять осаду этихъ городовъ; для этого нужно было подкрѣпленіе изъ Европы. Подкрѣпленіе это прибыло. Венеціанскій флотъ подъ начальствомъ дожа Венеціанскаго, вошелъ въ Птолемаидскую гавань; дожъ отправился въ Іерусалимъ, гдѣ христіанское населеніе приняло его съ большимъ торжествомъ. До сихъ поръ Венеціанцы принимали очень небольшое участіе въ событіяхъ крестовыхъ походовъ. Побуждаемые болѣе корыстолюбивыми, чѣмъ благочестивыми цѣлями, они хотѣли выждать вѣстей о побѣдѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на что-нибудь. Завоеваніе Іерусалима и основаніе Латинскаго королевства показались имъ событіями, довольно знаменательными, чтобы рѣшиться, наконецъ, принять участіе въ судьбахъ христіанскихъ армій. Венеціанцы не хотѣли предоставлять Пизанцамъ и Генуэзцамъ дальнѣйшихъ выгодъ, сопряженныхъ съ торжествомъ Креста въ Сиріи. Вскорѣ послѣ прибытія Венеціанскаго дожа въ Іерусалимъ, былъ собранъ Совѣтъ, на которомъ слѣдовало рѣшить, какой городъ подвергнуть осадѣ: Тиръ или Аскалонъ? Мнѣнія были различны, и рѣшенія этого вопроса положено было ожидать отъ судьбы или, вѣрнѣе, отъ воли Божіей. Два билета изъ пергамента, на одномъ изъ которыхъ было написано: *Тиръ*, а на другомъ: *Аскалонъ*, были положены на престолъ въ храмѣ св. Гроба. Жребій палъ на билетъ съ именемъ г. *Тира*. Венеціанцы, имѣя въ виду торговые и національные интересы, обѣщали свое содѣйствіе при осадѣ этой крѣпости на такихъ условіяхъ, на которыя правители королевства принуждены были согласиться.

Городъ Тиръ, столь прославленный съ древнихъ временъ, выдержавшій осады и Навуходоносора и Александра, сохранялъ еще отчасти видъ своего прежняго великолѣпія; съ одной стороны служили ему защитою волны морскія и крутыя скалы, а съ другой стороны тройная стѣна, уставленная высокими башнями. Дожъ Венеціанскій началъ блокаду города со стороны моря, а съ прочихъ сторонъ окружили его регентъ королевства, патріархъ Іерусалимскій и Понтій, графъ Триполисскій. Турки и Египтяне, защищавшіе городъ, были въ разладѣ между собою и это съ самаго начала послужило въ пользу осаждающихъ христіанъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ осады, боевыя машины Латинянъ потрясли укрѣпленія, жители начали бѣдствовать отъ голода, и городъ неизбѣжно долженъ былъ прибѣгнуть къ капитуляціи. Но вдругъ и между христіанами возникаютъ несогласія и угрожаютъ обратить въ ничто столько доблестныхъ трудовъ. Рыцари и простые ратники, недовольные тѣмъ, что имъ однимъ приходится выносить усталость и вести битву, между тѣмъ какъ Венеціанцы остаются неподвижно на своихъ судахъ, заявляютъ, что и они желаютъ пребывать въ спокойствіи въ своихъ палаткахъ. Тогда дожъ Венеціанскій, въ сопровожденіи своихъ моряковъ, является въ лагерь и объявляетъ, что онъ готовъ идти на приступъ. Это предложеніе возбуждаетъ соревнованіе; съ обѣихъ сторонъ оживляется бодрость; осада продолжается съ усиленною настойчивостію и Тиръ, наконецъ, сдается. Сопротивленіе его длилось пять съ половиною мѣсяцевъ. Знамя короля Іерусалимскаго было поднято на башнѣ, господствующей надъ главными воротами города, знамя Венеціанцевъ заколыхалось

на другой башнѣ, извѣстной подъ названіемъ «Зеленой», а знамя Понтія, графа Триполисскаго, появилось на башнѣ Танарійской. Извѣстіе о взятіи Тира было радостно принято въ священномъ городѣ; совершено было благодарственное молебствіе, и звонъ колоколовъ возвѣстилъ объ этой новой побѣдѣ; дома въ Іерусалимѣ увѣшены были гирляндами цвѣтовъ, оливковыми вѣтвями, роскошными тканями, которыя придали городу праздничный видъ.

И Бальдуинъ II узналъ объ этой побѣдѣ въ своемъ Харанскомъ заточеніи; тяжело ему было, что онъ не принималъ участія въ новыхъ подвигахъ. Разладъ, распространившійся между мусульманами Сиріи, показался ему благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы завести переговоры о своемъ выкупѣ. Получивъ свободу, Бальдуинъ возвратился въ Іерусалимъ послѣ того, какъ произвелъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ осадить Алеппо. Желая покрыть славою воспоминанія о своихъ несчастіяхъ и пріобрѣсть довѣріе своихъ подданныхъ — предводительствуя ими въ битвахъ, король Іерусалимскій освободилъ Антіохію отъ опустошавшихъ ее враговъ, а въ другой разъ разбилъ и преслѣдовалъ мусульманскую армію до самыхъ стѣнъ Дамаска. Добыча, доставшаяся послѣ этой послѣдней побѣды, послужила для выкупа заложниковъ, которыхъ Бальдуинъ оставилъ въ рукахъ Турокъ.

Врагами колоній Креста были въ это время калифъ Багдадскій и эмиры Моссульскій, Алеппскій и Дамасскій; могущество калифа Каирскаго, ослабленное многочисленными пораженіями и потерею многихъ прибрежныхъ городовъ въ Сиріи, уже не было такъ грозно; во власти египетской арміи оставался одинъ только городъ Аскалонъ, и не могла она существенно угрожать спокойствію христіанскихъ владѣній. Различныя народности, какъ, напр., племена Курдовъ и Туркменовъ разсѣяны были по Месопотаміи и Сиріи, и съ цѣлію добычи вели войны во имя исламизма. Между племенами, поселившимися въ Сиріи, исторія упоминаетъ объ Измаелитахъ — Ассасинахъ, Хашишимахъ, названныхъ такъ по имени растенія хашишъ, изъ котораго сектанты извлекали опьяняющій напитокъ. Во второй половинѣ XI-го в. Измаелиты, пришедшіе изъ Персіи въ Сирію, основали колонію на Ливанской горѣ; начальникъ этой колоніи, называемый Франками Старцемъ или Властителемъ Горы, имѣлъ подъ своею властію до двадцати мѣстечекъ или крѣпостей и до шестидесяти тысячъ подданныхъ, раздѣленныхъ на три большихъ отдѣла: народъ, воиновъ и стражу или федаевъ. Народъ занимался земледѣліемъ и торговлею; воины были храбры и отличались искусствомъ вести осаду и умѣніемъ защищаться; федаи, слѣпо подчиненные волѣ начальника, были вооружены кинжалами для того, чтобы убивать тѣхъ, на кого имъ будетъ указано; для нихъ не существовало ни страха, ни препятствій; намѣченную жертву должны были они отыскать и среди толпы, и во дворцахъ, и на полѣ битвы; собственной гибели они не опасались, убѣжденные, что черезъ смерть войдутъ они въ обладаніе всѣхъ радостей рая. Эти радости будущей жизни, эти райскія блаженства представлялись имъ въ грезахъ и сновидѣніяхъ, возбуждаемыхъ употребленіемъ хашиша. Подъ вліяніемъ этого напитка, федаи, по повелѣнію Старца Горы, соскакивали съ верха башенъ, бросались въ пламя и наносили себѣ оружіемъ смертельныя раны. Эта фанатическая преданность, изъ которой начальникъ Измаелитовъ могъ извлекать, какое ему было угодно орудіе, составляла грозную силу на Востокѣ. Съ высоты своего Моссіадскаго укрѣпленія, Старецъ Горы царствовалъ силою ужаса, который онъ внушалъ всѣмъ князьямъ.

Постоянные раздоры между мусульманами и постоянныя чудеса доблести, оказываемыя христіанами, содѣйствовали къ усиленію христіанскихъ колоній, такъ что онѣ сдѣлались грозными. Графъ Эдесскій господствовалъ надъ обоими берегами Евфрата и обратною стороною Тавра;

въ области его были цвѣтущіе города. Княжество Антіохійское, распространившееся въ Киликіи и сѣверной части Сиріи, было важнѣйшимъ изъ Латинскихъ княжествъ. Графъ Триполисскій между Ливаномъ и Финикійскимъ моремъ держался какъ бы въ центрѣ государства Франковъ. На югѣ королевство Іерусалимское распространило свои предѣлы до воротъ Аскалона и оканчивалось пустынею, отдѣляющею Сирію отъ Египта.

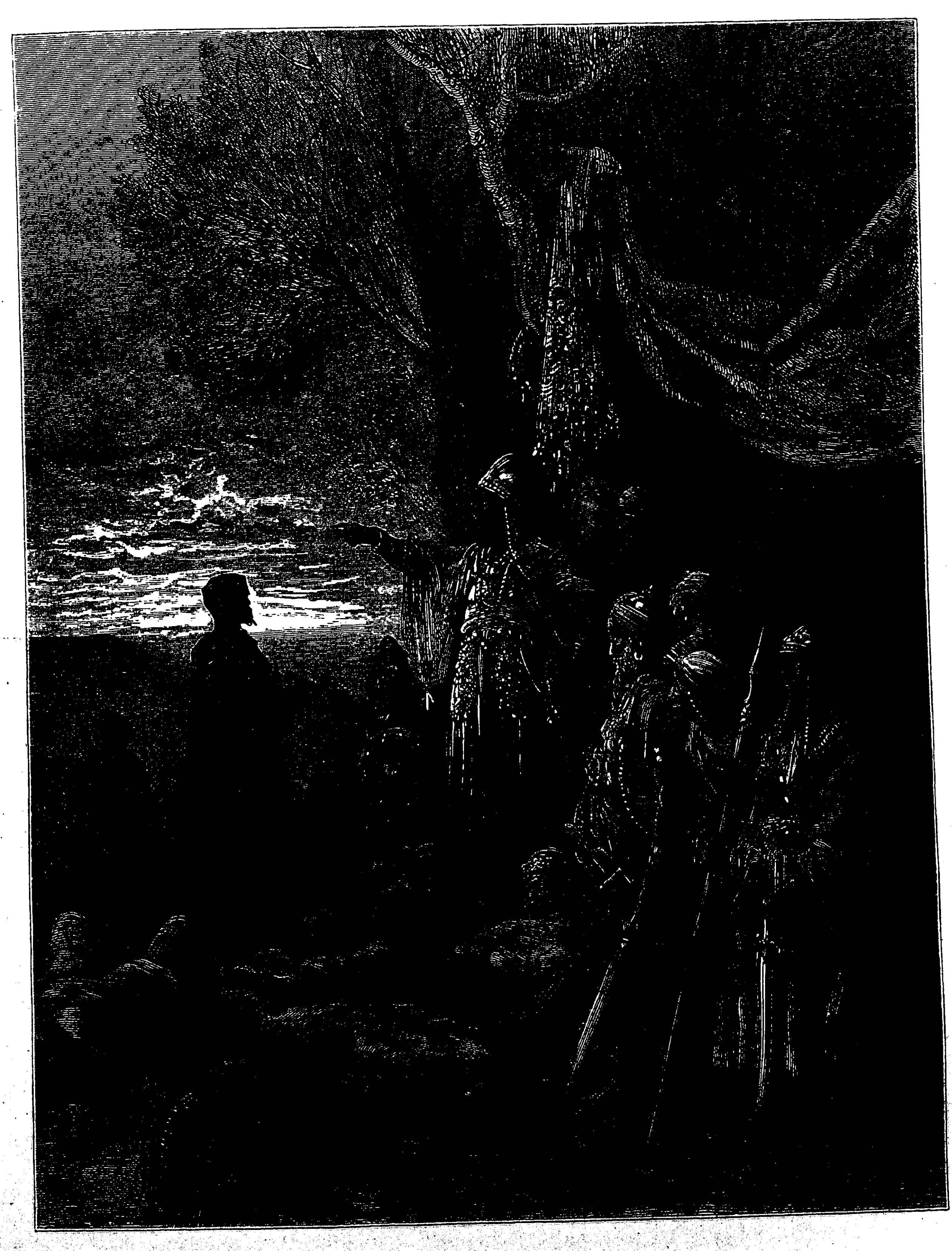
Выше мы перечислили имена враговъ Латинянъ; мы должны прибавить, что король Іерусалимскій имѣлъ своими союзниками и пособниками всѣхъ христіанъ, разсѣянныхъ тогда на Востокѣ. Во всякомъ случаѣ этого было недостаточно для защиты Латинскихъ колоній, и только съ Запада можно было ожидать дѣйствительной помощи. Европа принимала участіе въ судьбѣ царства, основаннаго ея сынами цѣною пролитой крови и столькихъ утомительныхъ подвиговъ. Христіанскій міръ полагалъ свою славу въ томъ, чтобы поддержать дальній плодъ своего оружія.

Ежедневно пилигримы, друзья прибывали въ Сирію, превратившуюся въ восточную Францію. Новый Іерусалимъ внушалъ всякому желаніе его защищать; всѣ чувства сердечныя превратились въ воинственный порывъ и сама любовь христіанская вооружилась мечемъ. Изъ дома, учрежденнаго для призрѣнія больныхъ пилигримовъ и благочестивыхъ путешественниковъ, выступали неустрашимые воины. Орденъ св. Іоанна является въ исторіи — окруженный двойнымъ сіяніемъ: святаго человѣколюбія и непобѣдимаго мужества. Примѣръ рыцарей св. Іоанна не остался безъ подражанія; нѣсколько лицъ высшаго званія соединились близъ того мѣста, гдѣ былъ прежде храмъ Соломоновъ, и объявили себя защитниками паломниковъ, приходящихъ въ Іерусалимъ. Это и былъ орденъ Храмовниковъ, утвержденный соборомъ, и постановленія котораго были написаны св. Бернаромъ. Ордена св. Іоанна и Храмовниковъ служатъ истиннымъ выраженіемъ духа крестовыхъ походовъ, духа воинственнаго и религіознаго, и они преисполнили славою весь христіанскій міръ; они были для королевства Іерусалимскаго какъ бы живою крѣпостью, вѣчно поражающею и никогда не поддающеюся. Какая радость бывала для бѣдныхъ, безоружныхъ пилигримовъ, когда, гдѣ-нибудь, въ горахъ Іудейскихъ или на равнинахъ Саронскихъ они примѣчали вдали красное одѣяніе Іоаннитовъ или бѣлую мантію рыцарей Храмовниковъ!

Въ 1131 г. Бальдуинъ Бургскій «заплатилъ дань смерти», какъ выражаются древнія лѣтописи; въ послѣдній свой часъ онъ велѣлъ перенести себя къ Гробницѣ Іисуса Христа и тутъ же скончался на рукахъ дочери своей Мелизенды и зятя своего Фулька Анжуйскаго. Восемнадцать лѣтъ былъ онъ графомъ Эдесскимъ, двѣнадцать лѣтъ — королемъ Іерусалимскимъ; два раза — военноплѣннымъ и семь лѣтъ просидѣлъ въ оковахъ. Бальдуинъ Бургскій отличался храбростію, но злая судьба не допустила его принимать большое участіе въ славныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ его царствованіе. Онъ былъ набожнѣе, чѣмъ, можетъ быть, это подобало князю и воину; «руки его и колѣна одеревенѣли отъ благочестивыхъ упражненій», — говоритъ лѣтописецъ. Исторія замѣчаетъ, что Бальдуинъ II обращалъ особенное вниманіе на внутреннее устройство государства Чтобы предохранить Іерусалимъ отъ недостатка продовольствія, онъ далъ хартію Армянамъ, Сиріянамъ, Грекамъ и даже Сарацинамъ, на основаніи которой имъ дозволено привозить въ городъ безъ пошлины вино, пшеницу и всякое зерно.

Во время царствованія Бальдуина Бургскаго былъ созванъ соборъ для разсужденія о мѣрахъ противъ испорченности нравовъ. Это былъ уже второй соборъ въ Св. Землѣ со времени завоеванія Іерусалима. Первый, во время царствованія Бальдуина I, имѣлъ цѣлію обсужденіе дѣйствій и правъ Арнульда Родосскаго, поставленнаго патріархомъ Іерусалимскимъ.

Фулькъ Анжуйскій, сынъ Фулька Решина и Бертрады де-Монфоръ, прибылъ въ Палестину,

Эль-Гази спасаетъ жизнь Готье

чтобы принимать участіе въ дѣлахъ христіанскихъ рыцарей; лишившись супруги своей Еремберги, дочери Иліи, графа Мэнскаго, онъ сдѣлался зятемъ и наслѣдникомъ короля Іерусалимскаго. Въ продолженіе цѣлаго года Фулькъ Анжуйскій содержалъ на свой счетъ и водилъ на войну сто человѣкъ вооруженныхъ ратниковъ; благочестіемъ своимъ и храбростію онъ заслужилъ уваженіе всѣхъ христіанъ. Въ началѣ же своего царствованія былъ занятъ возстановленіемъ порядка въ княжествѣ Антіохійскомъ; сынъ Боэмунда, прибывшій изъ Испаніи для полученія наслѣдія отца, долженъ былъ вступить въ борьбу съ Іосцелиномъ Куртнейскимъ и погибъ въ Киликіи. Фулькъ Анжуйскій положилъ конецъ бѣдственнымъ несогласіямъ, выдавъ замужъ дочь Боэмунда; супругъ ея, который долженъ былъ управлять Антіохіей, былъ князь Европейскій, Раймондъ Пуатьескій. Но вскорѣ возникли гибельные раздоры въ его собственномъ государствѣ. Присутствіе Іоанна Комнина, сына и наслѣдника Алексѣя, возбудили новыя распри въ христіанской Сиріи. Въ это время, если бы Греки и Латиняне дѣйствовали за-одно, то могли бы нанести окончательный ударъ мусульманскому владычеству, но Франки никогда не могли отказаться отъ своихъ предубѣжденій противъ Грековъ.

Единственнымъ важнымъ событіемъ въ царствованіе Фулька Анжуйскаго было завоеваніе Панеады въ Анти-Ливанѣ, при источникахъ Іордана. Король Фулькъ погибъ, упавъ съ лошади, на равнинѣ Птолемаидской. Ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ, когда онъ вступилъ на престолъ; старый король, не отличавшійся дѣятельностію и энергіею, строилъ крѣпости вмѣсто того, чтобы собирать войска; во время его царствованія воинственный духъ христіанъ уступилъ мѣсто духу раздора. Вступивъ въ управленіе государствомъ, онъ нашелъ его сильнымъ и могущественнымъ; умирая, онъ оставилъ колоніи христіанскія на пути къ разрушенію.

Съ головы старца корона іерусалимская перешла на голову ребенка, и этотъ ребенокъ состоялъ подъ опекою женщины. Двѣнадцати-лѣтній Бальдуинъ II вступилъ на престолъ отца своего Фулька Анжуйскаго, а Мелизенда, мать его, была регентшею королевства. Ему было едва четырнадцать лѣтъ, когда на него возложена была царская корона. Совершенно юный Бальдуинъ III предпринялъ походъ на Басору, столицу Гавранитиды, на разстояніи нѣсколькихъ дней пути къ югу отъ Дамаска. Эмиръ, правитель Басоры, вышелъ на встрѣчу христіанамъ и предложилъ предать имъ эту крѣпость. Нѣкоторые бароны и знатнѣйшіе люди королевства не рѣшались принимать этого предложенія — на основаніи только словъ неизвѣстнаго человѣка, который ничѣмъ не могъ обезпечить исполненія своего обѣщанія; но желаніе увидѣть страну, о которой разсказывали чудеса, и надежда на легкость побѣды увлекли большинство военачальниковъ и рыцарей.

При выходѣ изъ Антиливанскихъ горъ, христіанскій отрядъ встрѣтилъ непріятеля, который хотѣлъ загородить ему дорогу. Дальнѣйшій путь въ Тракониту христіане совершали медленно и среди опасностей. Солнце жгло ихъ въ этой странѣ, гдѣ негдѣ было пріютиться подъ тѣнью; не было у нихъ и воды для утоленія жажды; засады и дротики Сарацинъ не давали имъ покоя. Наконецъ открылся передъ ними богатый городъ, мысль о которомъ поддерживала ихъ среди страданій; но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало для нихъ жестокое разочарованіе. Послѣ продолжительныхъ мученій имъ приходится возвращаться назадъ, отказавшись отъ завоеванія, которое было обѣщано имъ: имъ объявляютъ, что жена правителя Басоры заставила вооружиться гарнизонъ Басоры, и что она сама намѣревается защищать крѣпость. Можно судить объ изумленіи и о великой досадѣ христіанъ! Пораженные угрожающею имъ опасностію, бароны и рыцари убѣждаютъ короля іерусалимскаго покинуть войско и спасать себя и святый Крестъ. Молодой Баль-

дуинъ отвергаетъ совѣты своихъ вѣрныхъ бароновъ и желаетъ раздѣлить съ ними всѣ опасности.

Христіанскій отрядъ въ своемъ отступленіи выказалъ много терпѣнія, мужества и энергіи. Сарацины подожгли поля, черезъ которыя должны были проходить крестоносцы; преслѣдуемые стрѣлами, пламенемъ и дымомъ, они подвигались въ молчаніи, сомкнувъ свои ряды и унося съ собою своихъ убитыхъ и раненыхъ. Мусульмане, шедшіе вслѣдъ за ними, не встрѣчая никакихъ слѣдовъ гибели непріятеля, удивлялись и думали, что они имѣютъ дѣло съ людьми желѣзными. Съ восторгомъ встрѣчено было войско Бальдуина въ Іерусалимѣ; радостно привѣтствовали возвратившихся, какъ бы воскресшихъ изъ мертвыхъ.

Но гроза собиралась надъ христіанами: она приближалась изъ Месопотаміи и сѣверной Сиріи. Зенги, князь Моссульскій, основатель династіи Атабековъ, неутомимый предводитель полчищъ, замышлялъ нанести окончательное пораженіе Латинскому государству; онъ распространилъ власть свою отъ Моссула до предѣловъ Дамаска, и могущество его возрастало все болѣе и болѣе. Старый Іосцелинъ Куртнейскій, графъ Эдесскій, кончилъ жизнь, преподавъ послѣдній урокъ героизма своему трусливому сыну, и смерть этого искуснаго и доблестнаго защитника Креста оставила беззащитными христіанскія владѣнія въ Месопотаміи.

Зенги, давно уже замышлявшій покореніе Эдессы, внезапно явился подъ стѣнами этого города во главѣ громаднаго войска. Іосцелинъ, слабый и изнѣженный юноша, находился тогда въ Телльбашерѣ съ большею частію франкскихъ воиновъ, вовсе не думавшихъ о томъ, чтобы оберегать графство. Въ Эдессѣ были высокія стѣны, многочисленныя башни, сильная цитадель; но у жителей не оказалось предводителя, который повелъ бы ихъ на битву и могъ бы воодушевлять ихъ мужество. Городскіе жители, духовенство и даже монахи показались на укрѣпленіяхъ; женщины и дѣти приносили имъ пищу, воду и оружіе. Надежда на скорую помощь поддерживала ихъ рвеніе, но эта помощь не являлась. Запоздалыя демонстраціи молодаго Іосцелина, усилія его доставить Эдессѣ защитниковъ не привели ни къ чему.

Зенги продолжалъ вести осаду; къ войску его присоединились Курды, Арабы и Туркмены. Семь большихъ деревянныхъ башенъ возвышались надъ укрѣпленіями города; громадныя машины потрясали стѣны; землекопы, прибывшіе изъ Алеппо, сдѣлали подкопы подъ основаніе нѣсколькихъ башенъ; предстоявшее скорое разрушеніе ихъ должно было открыть доступъ въ городъ воинамъ мусульманскимъ, когда вдругъ Зенги прекратилъ осаду и потребовалъ, чтобы городъ сдался. Жители отвѣчали, что они предпочитаютъ умереть. Въ двадцать восьмой день осады нѣсколько башенъ обрушилось по сигналу, поданному Зенги, непріятель вторгнулся въ городъ и мусульманскій мечъ обагрился кровію христіанъ. Старцы и дѣти, бѣдные и богатые, молодыя дѣвушки, епископы и отшельники — всѣ пали жертвами безжалостнаго побѣдителя. Рѣзня продолжалась отъ разсвѣта до третьяго часа дня. Уцѣлѣвшіе христіане были распроданы на площадяхъ, какъ непригодное стадо. Ужасы рѣзни закончились кощунствомъ. Священные сосуды послужили для оргій въ честь побѣды, и сцены ужасающаго разврата осквернили священные алтари.

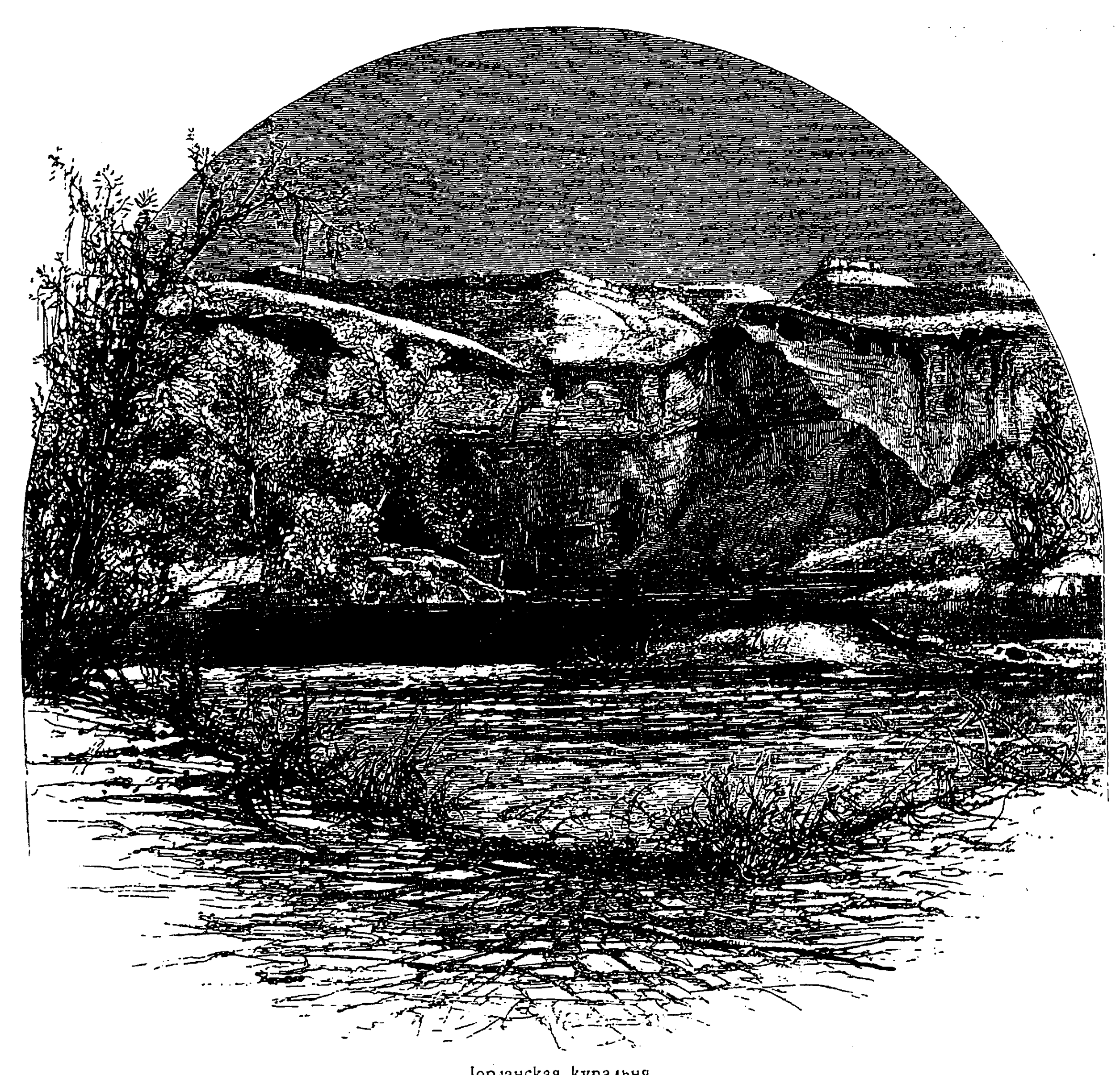
Вѣсть о взятіи Эдессы распространила радость среди мусульманъ. Свирѣпый Зенги, оставивъ въ городѣ гарнизонъ, готовился къ другимъ побѣдамъ, но былъ убитъ своими рабами при осадѣ одного укрѣпленія, недалеко отъ Евфрата. Между тѣмъ, какъ Азія праздновала его славу и могущество, — повѣствуетъ Арабская исторія, — смерть низвергла его въ прахъ, и прахъ содѣлался

его жилищемъ. Смерть Зенги обрадовала христіанъ, но надъ ними предстояло обрушиться новымъ бѣдствіямъ.

Зенги, пораженный красотою и важнымъ значеніемъ Эдессы, хотѣлъ снова ее населить. Множество христіанскихъ семействъ, уведенныхъ въ неволю, получили разрѣшеніе возвратиться въ городъ. По смерти Зенги, эти христіанскія семейства возроптали на своихъ мусульманскихъ владыкъ; графъ Іосцелинъ счелъ это обстоятельство благопріятнымъ, чтобы взять обратно свою столицу. Жители, дѣйствительно, помогли ему войти въ городъ ночью, съ помощію веревокъ и лѣстницъ. Графъ, забравшись съ своими товарищами въ крѣпость, предалъ смерти множество мусульманъ. Овладѣвъ столицею, Іосцелинъ отправилъ пословъ ко всѣмъ Сирійскимъ князьямъ, убѣждая ихъ поспѣшить къ нему на помощь, чтобы удержать за собою христіанскій городъ. Но ни одинъ князь не явился, а вскорѣ Нуреддинъ, второй сынъ Зенги, показался у воротъ города во главѣ многочисленнаго войска.

Іосцелинъ и товарищи его не имѣли ни средствъ, ни времени приготовиться къ сопротивленію. Видятъ они, что нѣтъ для нихъ инаго спасенія, кромѣ бѣгства. Придумываютъ христіане, какъ бы имъ ускользнуть изъ города, который долженъ сдѣлаться ихъ могилою. Ночью растворяются всѣ ворота, и каждый уноситъ съ собою все, что у него есть самаго драгоцѣннаго. Цитадель остается во власти непріятеля. Встревоженный шумомъ несчастныхъ бѣглецовъ, мусульманскій гарнизонъ выступаетъ и присоединяется къ войску Нуреддина, которое устремляется въ городъ и овладѣваетъ воротами, черезъ которыя бѣгутъ толпы христіанъ. Тутъ происходитъ страшная битва. Христіане прорываются и разбѣгаются по сосѣднимъ селеніямъ, но и въ темнотѣ ночной не успѣваютъ они спастись отъ меча; тѣ изъ нихъ, которые вооружены, строятся въ батальоны. Но ихъ преслѣдуютъ безпощадно и не болѣе тысячи человѣкъ успѣваютъ спастись въ стѣнахъ Самосаты. Во время двухъ нападеній: Зенги и Нуреддина погибло до тридцати тысячъ христіанъ; исторія насчитываетъ до шестнадцати тысячъ плѣнныхъ, осужденныхъ на бѣдствія рабства. Нуреддинъ, желая довершить мщеніе, превратилъ весь городъ Эдессу въ развалины, оставивъ въ немъ только небольшое число христіанъ-нищихъ, какъ бы памятникъ своего гнѣва. Несчастіе Эдессы исторгло слезы у христіанъ сирійскихъ и іудейскихъ; мрачный ужасъ охватилъ Латинскія колоніи. Молнія, разразившаяся въ это время надъ св. Гробомъ и надъ горою Сіономъ, и появленіе кометы возбудили окончательно самыя мрачныя предчувствія въ сердцахъ христіанъ...

Іорданская купальня.

ГЛАВА XI.

Крестовые походы Людовика VII и императора Конрада.

(Отъ 1145 до 1148 г.).

Сорокъ пять лѣтъ прошло со времени освобожденія Гроба Господня; народное настроеніе въ Европѣ не измѣнилось. Бѣдствія Эдессы и гибельное положеніе королевства Іерусалимскаго должны были снова взволновать Западъ. Христіанская депутація, отправившаяся изъ Сиріи, прибыла въ Витербо, гдѣ находился папа. Бѣдствія Сіона тронули его до слезъ. Въ эту эпоху гражданскія войны раздирали Германію и Англію, но Франція благоденствовала подъ управленіемъ Сугерія. Людовикъ VII, посредствомъ брака своего съ дочерью Вильгельма IX, присоединилъ герцогство Аквитанское къ своему королевству. События, нарушившія миръ во Франціи, послужили для молодаго короля поводомъ къ крестовому походу. Римскій престолъ отказался утвердить

избраніе одного епископа, и это произвело ссору между папою и Людовикомъ VII, который настаивалъ на сопротивленіи, не совсѣмъ достойномъ христіанскаго государя. Гнѣвъ церкви обрушился на королевство; говорили, что графъ Шампаньскій Тибо, интригами своими, вооружилъ папу противъ своего собственнаго государя. Ослѣпленный жаждою мщенія, король устремился во владѣнія своего непокорнаго вассала. Людовикъ VII опустошилъ Шампань, овладѣлъ Витри и предалъ мечу всѣхъ на своемъ пути. Даже и неприкосновенность святыни не спасла множества жителей, которые надѣялись укрыться, какъ въ вѣрномъ убѣжищѣ, у подножія алтаря: церковь, гдѣ искали спасенія тысяча триста человѣкъ, сдѣлалась добычею пламени.

Извѣстіе объ этомъ навело ужасъ на все королевство. Св. Бернаръ въ письмѣ своемъ къ монарху дерзнулъ высказаться противъ оскорбленія религіи, противъ надруганія надъ человѣчностію. Король созналъ свою вину и почувствовалъ раскаяніе; несчастія Эдессы озабочивали тогда всю Европу; желаніе искупить грѣхъ насилія, въ которомъ церковь упрекала короля и въ которомъ самъ онъ горько винилъ себя, возбудило въ немъ рѣшеніе отправиться на войну съ невѣрными на Востокъ. Людовикъ собралъ въ Буржѣ бароновъ и духовенство, чтобы объявить имъ о своемъ предпріятіи. Однако же св. Бернаръ выразилъ такое мнѣніе, что король долженъ посовѣтоваться съ папою, прежде чѣмъ приводить въ исполненіе свое намѣреніе; это мнѣніе было одобрено, и въ Римъ отправлено было посольство.

На папскомъ престолѣ былъ тогда Евгеній III, преемникъ Иннокентія II, болѣе чѣмъ кто-либо убѣжденный въ пользѣ крестоваго похода. Духъ протеста и ереси возникалъ тогда на Западѣ и волновалъ столицу христіанскаго міра; экспедиція за море могла развлечь умы отъ этой опасной новизны. Папа поздравилъ короля французскаго съ его благочестивымъ рѣшеніемъ, обратился съ увѣщаніями къ христіанскому міру и обѣщалъ пилигримамъ тѣ же привилегіи, тѣ же награды, которыя даровалъ папа Урбанъ II воинамъ перваго крестоваго похода. Оставаясь въ Римѣ ради отстаиванія своей колеблющейся власти, онъ сожалѣлъ, что не можетъ, подобно Урбану, перейти черезъ Альпы, чтобы рѣчами своими оживить рвеніе христіанъ.

Въ буллѣ, въ которой папа объявлялъ о крестовомъ походѣ, онъ возлагалъ на св. Бернара миссію проповѣдывать войну. Никто не могъ исполнить эту миссію съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ аббатъ Клервосскій. Этотъ человѣкъ, возвышавшійся надъ своимъ вѣкомъ могуществомъ своего слова, съ двадцати-лѣтняго возраста предался уединенію въ монастырѣ въ Сито и увлекъ за собою туда многихъ родныхъ и друзей. Въ непродолжительное время бургиньонскій отшельникъ поставилъ неизвѣстную долину Клерво на ряду съ знаменитѣйшими мѣстами, приспособленными для монастырскаго уединенія. Св. Бернаръ имѣлъ огромное вліяніе на событія своего времени; нѣсколько соборовъ подчинялись его постановленіямъ; между его учениками были аббатъ Сугерій и папа Евгеній III. Короли и высшія духовныя лица подчинились его властному слову. Могущественнаго дѣйствія на народъ можно было ожидать отъ проповѣди такого человѣка. Св. Бернару, олицетворявшему религіозный энтузіазмъ XII вѣка, представлялись только два пути, ведущіе къ небу: пустыни и крестовый походъ. И на тотъ или другой изъ этихъ путей были направлены его современники подъ вліяніемъ его чудеснаго краснорѣчія.

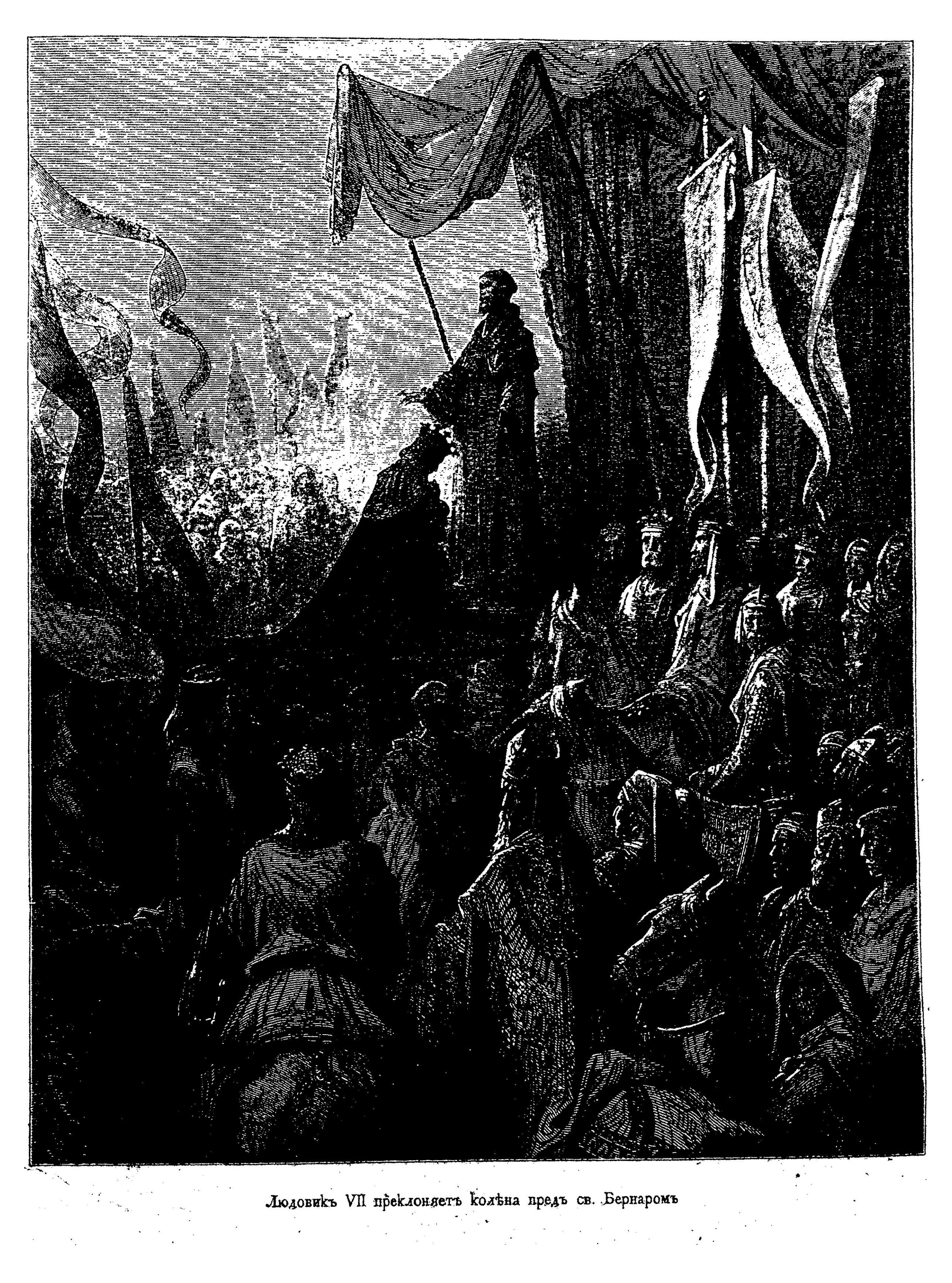
Когда рѣшеніе папы сдѣлалось извѣстнымъ, созванъ былъ соборъ въ Везелѣ, маленькомъ городкѣ Бургундіи. Въ день Вербнаго Воскресенья, многочисленная толпа народа, состоявшая изъ знатныхъ владѣтелей, рыцарей, прелатовъ и людей всѣхъ званій, расположилась на скатахъ холма вокругъ города. Людовикъ VII во всемъ великолѣпіи царскаго облаченія и св. Бернаръ въ скромной одеждѣ отшельника заняли мѣста на обширной трибунѣ посреди многочисленнаго народа,

который привѣтствовалъ ихъ радостными возгласами. Ораторъ крестоваго похода прочелъ сначала письма верховнаго первосвященника. Потомъ, воодушевленный воспоминаніемъ о бѣдствіяхъ Эдессы и объ опасностяхъ, угрожающихъ наслѣдію Іисуса Христа, онъ употребилъ всѣ чары своего краснорѣчія, чтобы возбудить сочувствіе и соболѣзнованіе христіанъ; онъ представилъ Европу какъ бы преданною соблазну, демону ереси и божественному проклятію и заклиналъ всѣхъ присутствующихъ умилостивить гнѣвъ небесный — не стенаніями и слезами, не молитвою и власяницею, но трудами войны, тяжестью меча и щита и спасительною борьбою съ мусульманами. Возгласы: «Богъ того хочетъ! Богу такъ угодно!» прервали его слова, какъ прервали они и рѣчь Урбана на Клермонскомъ соборѣ. Возбужденный энтузіазмомъ толпы, св. Бернаръ предсказалъ успѣхъ крестоваго похода, угрожалъ божественнымъ гнѣвомъ тѣмъ, кто не возстанетъ на борьбу за Іисуса Христа, и воскликнулъ подобно пророку: — Горе, горе тому, кто не обагритъ меча своего кровію!

Сильное волненіе и рвеніе къ священной войнѣ охватили все собраніе. Людовикъ VII повергся къ ногамъ св. Бернара и попросилъ у него Крестъ. Облаченный этимъ обожаемымъ знаменемъ, король Французскій самъ началъ убѣждать всѣхъ вѣрующихъ послѣдовать за нимъ на Востокъ и привелъ въ слезное умиленіе все собраніе. Элеонора Гюйенская, бывшая при своемъ супругѣ, также получила крестъ изъ рукъ Аббата Клервосскаго. Альфонсъ, графъ Сенъ-Жилльскій и Тулузскій, Генрихъ, сынъ Тибо, графа Шампаньскаго, Тьерри, графъ Фландрскій, Гильомъ Неверскій, Рено, графъ Тоннерскій, Ивъ, графъ Суассонскій, Гильомъ, графъ Понтьескій, Гильомъ, графъ Варенскій, Аршамбо Бурбонскій, Энгеррандъ де-Куси, Гугъ Лузиньянскій, графъ Дрескій, братъ короля, дядя его, графъ Моріенскій, множество бароновъ и рыцарей послѣдовали примѣру Людовика и Элеоноры. Многіе прелаты, между которыми исторія упоминаетъ о Симонѣ, епископѣ Нойонскомъ, Готтфридѣ, епископѣ Лангрскомъ, Алексѣѣ, епископѣ Аррасскомъ, Армульдѣ, епископѣ Лизьескомъ — дали клятву идти на битву съ невѣрными. У св. Бернара не достало крестовъ для раздачи нетерпѣливой толпѣ, и онъ разодралъ свою одежду на полосы, чтобы надѣлать изъ нихъ какъ можно больше крестовъ.

Св. Бернаръ не ограничился проповѣдываніемъ похода въ Везилеѣ; онъ посѣтилъ разныя мѣста королевства, воспламеняя всѣ сердца рвеніемъ къ крестовому походу. Во Франціи распространились слухи о чудесахъ, которыми, казалось, Самъ Богъ освящалъ его миссію. Всѣ прониклись убѣжденіемъ, что св. Бернаръ былъ орудіемъ Божественной Воли. На собраніи, бывшемъ въ Шартрѣ, нѣсколько знатнѣйшихъ князей рѣшили поставить аббата Клервосскаго во главѣ экспедиціи. Св. Бернаръ, вспоминая примѣръ Петра Пустынника, уклонялся отъ лестныхъ предложеній со стороны бароновъ и рыцарей, и въ испугѣ своемъ заклиналъ папу «не предавать его мечтаніямъ человѣческимъ». Отвѣтъ папы былъ сообразенъ съ желаніемъ св. Бернара, который продолжалъ проповѣдывать походъ во имя Евангелія.

Подготовивъ крестовый походъ во Франціи, св. Бернаръ перешелъ въ Германію. Первымъ дѣломъ его, прибывъ къ народу, разселенному по берегамъ Рейна, было состязаніе съ монахомъ Рудольфомъ, который убѣждалъ христіанъ избивать Евреевъ, и тутъ понадобилось все обаяніе аббата Клервосскаго, чтобы заставить замолчать германскаго проповѣдника, умѣвшаго искусно льстить страстямъ толпы. Въ это время императоръ Конрадъ III созвалъ большой сеймъ въ Шпейерѣ. Св. Бернаръ пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ проповѣдывать войну противъ мусульманъ и миръ между христіанскими государями. Ни частныя совѣщанія, ни оффиціальныя обращенія не могли убѣдить Конрада принять Крестъ; причиною своего отказа онъ выставлялъ возникшія недавно смуты въ имперіи Германской. Но настойчивое краснорѣчіе св. Бернара не осла-

Людовикъ VII преклоняетъ колѣна предъ св. Бернаромъ

бѣвало; однажды, служа обѣдню въ присутствіи владѣтельныхъ князей и знатнѣйшихъ лицъ, собравшихся въ Шпейерѣ, онъ внезапно прервалъ божественную службу и началъ проповѣдывать походъ противъ невѣрныхъ, представилъ передъ своими слушателями картину Страшнаго Суда, представилъ имъ изображеніе Іисуса Христа, несущаго Свой Крестъ, и упрекалъ императора Германскаго въ его безчувственной неблагодарности. Это неожиданное обращеніе глубоко тронуло Конрада, который, со слезами на глазахъ поклялся идти на защиту христіанъ. Множество рыцарей и бароновъ приняли крестъ по примѣру императора.

Нѣсколько времени спустя, на новомъ сеймѣ, созванномъ въ Баваріи, многіе прелаты и знатные германскіе владѣтели также заявили желаніе стать подъ знаменемъ священной войны. Между епископами были: епископъ Пассаусскій, Ратисбонскій и Фрейзингенскій; между знатными владѣтелями: Владиславъ, герцогъ Богемскій, Одоакръ, маркизъ Штирійскій, Ренардъ, графъ Каринтійскій. Фридрихъ, племянникъ императора, принялъ крестъ, не смотря на слезы своего стараго отца, который умеръ отъ горя. Св. Бернаръ посѣтилъ всѣ города по Рейну, начиная съ Констанца до Мастрихта; вездѣ многочисленныя чудеса дополняли дѣйствіе его рѣчей; толпа слушала его, какъ пророка, почитала, какъ святаго. Нѣсколько разъ одежда его была разрываема толпою слушателей, спѣшившихъ раздѣлить между собою обрывки ея, чтобы сдѣлать изъ нихъ знакъ ихъ странствія въ Св. Землю.

Возвращеніе св. Бернара во Францію произвело всеобщее оживленіе. Успѣхъ его проповѣдничества въ Германіи, рѣшеніе, принятое императоромъ Конрадомъ подъ его вліяніемъ, было новымъ возбудительнымъ толчкомъ для крестоносцевъ. Людовикъ VII и знатнѣйшія лица королевства, собравшіяся въ Этампѣ, еще ничего не рѣшали. Св. Бернаръ воодушевилъ совѣтъ князей и бароновъ. Въ то же время на собраніе съѣхались многіе посланники, предлагавшіе различные планы для новаго крестоваго похода. Между ними обращали на себя вниманіе послы отъ Рожера, короля Апуліи и Сициліи, который предлагалъ крестоносцамъ суда, продовольствіе и обѣщалъ отпустить съ ними въ Св. Землю своего сына, если походъ будетъ предпринятъ морскимъ путемъ. Начались разсужденія по поводу предложенія короля Сициліи и относительно того, какимъ путемъ отправиться въ Палестину. Морской путь представлялъ менѣе затрудненій и опасностей, однако же, принято было неблагоразумное рѣшеніе отправиться сухимъ путемъ.

Собраніе этампское оказалось подъ вліяніемъ лучшихъ внушеній, когда оно назначило аббата Сугерія и графа Неверскаго правителями Франціи на время отсутствія Людовика VII. Аббатъ Сенъ-Денисскій былъ противъ крестоваго похода и убѣждалъ короля, что онъ дѣйствительнѣе искупитъ свои заблужденія мудрымъ управленіемъ своего государства, чѣмъ завоеваніями на Востокѣ. Сугерій, сознавая бремя и опасность назначенія, которое было предложено ему, умолялъ короля и собраніе сдѣлать другой выборъ. Но просьбы монарха и въ особенности повелѣніе папы Евгенія убѣдили его принять управленіе государствомъ. Что же касается графа Неверскаго, то онъ уклонился отъ сдѣланнаго ему предложенія, заявивъ, что онъ далъ обѣтъ поступить въ монахи ордена св. Брюно. Это благочестивое побужденіе было уважено.

Между тѣмъ, приготовленія къ походу продолжались и всякій день, на призывъ св. Бернара, являлись новые защитники Креста. Куда же не достигало слово св. Бернара, тамъ съ каѳедръ читались его краснорѣчивыя письма. Исторія упоминаетъ объ одномъ проповѣдникѣ фламандскомъ, Арнульдѣ, который присоединился къ апостольской миссіи св. Бернара. Арнульдъ посѣтилъ нѣсколько провинцій въ Германіи и въ Восточной Франціи; суровымъ образомъ жизни и странностію одежды онъ возбуждалъ любопытство и благоговѣніе толпы. Онъ не зналъ ни

романскаго, ни греческаго языка и имѣлъ при себѣ переводчика, по имени Ламберта, который передавалъ на туземномъ нарѣчіи благочестивыя увѣщанія фламандскаго проповѣдника.

Примѣромъ Франціи и Германіи увлеклись Англія и Италія. Съ Альпійскихъ возвышенностей, съ береговъ Роны, изъ Ломбардіи и Пьемонта двинулись толпы подъ предводительствомъ маркиза Монферратскаго и графа Моріеннскаго, дяди Людовика VII по матери. Англійскіе крестоносцы выѣхали на судахъ изъ гаваней Ламанша и направились къ берегамъ Испаніи.

Нѣмецкіе крестоносцы должны были соединиться въ Регенсбургѣ, а французскіе — въ Мецѣ. Дороги къ этимъ двумъ городамъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ были заняты пилигримами. Движеніе войскъ происходило въ порядкѣ; въ обстановкѣ этой второй священной войны было болѣе правильности и согласованія, чѣмъ прежде; ничто не внушало предчувствія несчастій, которыя таились въ будущемъ.

Нужно было много денежныхъ средствъ для веденія крестоваго похода. Благочестивыя пожертвованія были очень значительны, но все-таки недостаточны для содержанія большой арміи. Людовикъ VII былъ принужденъ прибѣгнуть къ займамъ и новымъ налогамъ. Петръ Достопочтенный, присоединившійся къ св. Бернару, чтобы воспрепятствовать преслѣдованію Іудеевъ, былъ, однако, того мнѣнія, что можно было отнять у нихъ богатства, нажитыя ростовщичествомъ и даже святотатствомъ; онъ посовѣтовалъ королю французскому заставить Іудеевъ принять участіе въ издержкахъ для похода, и по всему можно предполагать, что совѣты аббата Клонійскаго не остались напрасными. Духовенство, въ свою очередь, также поплатилось значительнымъ налогомъ; оно обогатилось во время перваго крестоваго похода, но второй обошелся ему довольно дорого. Налоговъ не миновали ни ремесленники, ни земледѣльцы, и это возбудило ропотъ, не совсѣмъ благопріятный для поддержанія энтузіазма къ священной войнѣ.

Между тѣмъ, Людовикъ приготовлялся къ благочестивому путешествію молитвами и дѣлами милосердія. Когда настало время отъѣзда, онъ отправился въ Сенъ-Дени за полученіемъ хоругви (oriflamme), которая всегда открывала шествіе французскихъ королей на войну. Во время этого посѣщенія церкви въ Сенъ-Дени, вѣроятно, Людовикъ и товарищи его по оружію неравнодушно созерцали портреты Готтфрида Бульонскаго, Танкреда, Раймонда Сенъ-Жилльскаго и картины сраженій при Дорилеѣ, Антіохіи и Аскалонѣ, изображенныя на стеклахъ хоровъ базилики. Папа Евгеній I самъ вручилъ Людовику VII знаки его паломничества: котомку и посохъ. Затѣмъ король, въ сопровожденіи Элеоноры и большей части своего двора, собрался въ путь; онъ плакалъ, прощаясь и обнимая аббата Сугерія, который также не могъ удержаться отъ слезъ. Армія французская, состоявшая изъ ста тысячъ крестоносцевъ, выступила изъ Меца, перешла черезъ Германію и направилась къ Константинополю, гдѣ должны были присоединиться къ ней прочіе легіоны Креста. Съ своей стороны, и императоръ Конрадъ, совершивъ вѣнчаніе своего сына королемъ Римскимъ и поручивъ управленіе страною мудрости аббата Корбейскаго, выступилъ изъ Регенсбурга во главѣ многочисленныхъ батальоновъ.

ГЛАВА XII.

Продолженіе крестоваго похода Людовика VII и императора Конрада (1148).

Мануилъ Комненъ, внукъ Алексѣя I, занималъ въ то время престолъ константинопольскій. Съ бо́льшимъ искусствомъ, чѣмъ его предокъ, держался онъ той же скрытной и коварной политики въ отношеніи къ Франкамъ. Во время перваго крестоваго похода греческій императоръ, встревоженный успѣхами мусульманскаго оружія, велъ себя сдержанно въ отношеніи къ Латинянамъ; но со времени побѣдъ, одержанныхъ арміею Готтфрида, столицѣ греческой нечего было опасаться со стороны Турокъ, и Мануилъ Комненъ уже не такъ тщательно прикрывалъ свою ненависть къ Латинянамъ. Непріязненныя чувства греческаго императора усиливались еще тѣмъ, распространеннымъ тогда повсюду мнѣніемъ, что западные воины замышляютъ овладѣть Константинополемъ.

Едва только армія Конрада вступила во владѣнія Мануила, какъ ей уже пришлось быть недовольною Греками. Оба императора отправили другъ къ другу пословъ, и на коварство Грековъ Латиняне отвѣчали насиліемъ. Въ Никополѣ и въ Адріанополѣ разыгрались кровавыя сцены. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Константинополя, на равнинѣ Селиврійской, армія Конрада, раскинувшая свои палатки, чтобы отпраздновать торжественный день Успенія Богородицы, была внезапно застигнута страшною бурею съ ливнемъ. Потоки, устремившіеся съ сосѣднихъ горъ, наводнили рѣку, протекающую по равнинѣ Селиврійской, и затопили лагерь. Нахлынувшія волны уносили въ своемъ теченіи людей, скотъ и имущество.

Мануилъ и Конрадъ, оба — наслѣдники разрушившейся Римской имперіи, имѣли одинаковыя притязанія на верховную власть; церемоніалъ свиданія между ними возбудилъ продолжительные споры; наконецъ, было рѣшено, что оба императора, верхомъ на лошадяхъ, приблизятся другъ къ другу, чтобы обмѣняться братскимъ поцѣлуемъ.

Ненависть Грековъ не переставала преслѣдовать Германцевъ въ продолженіе всего времени, пока они совершали переходъ черезъ владѣнія имперіи. Отставшихъ отъ арміи, по-просту, зарѣзывали. Къ мукѣ, доставляемой крестоносцамъ, примѣшивали известь. Мануилъ Комненъ ввелъ въ употребленіе фальшивую монету, которою расплачивались съ ними, когда покупали у нихъ что-нибудь, и которой не принимали отъ нихъ, когда имъ приходилось расплачиваться съ Греками. И такимъ образомъ Германцы шли до самой Малой Азіи.

Армія французская, прибывшая въ Константинополь послѣ германской арміи, выказала болѣе умѣренности и дисциплины. Жители Венгріи принимали Французовъ какъ братьевъ; военная палатка Людовика VII сдѣлалась прибѣжищемъ для Венгерцевъ, страдавшихъ отъ междоусобной войны, и тогда-то молодой монархъ высказалъ эти прекрасныя слова: «жилище государя есть храмъ, и подножіе ногъ его — алтарь». Послы Мануила являлись привѣтствовать французскаго короля, но ихъ низкая лесть возмущала французскую гордость. Императоръ греческій трепеталъ въ своемъ дворцѣ; по его повелѣнію, всѣ знатнѣйшія лица имперіи встрѣтили короля французскаго у воротъ константинопольскихъ; но король, жалѣя встревоженнаго Мануила, опередилъ свою армію и безъ всякой свиты явился въ императорскій дворецъ. Пребываніе Людовика VII съ своими баронами въ Константинополѣ было поводомъ къ постояннымъ празднествамъ; ежедневно императоръ расточалъ заявленія своей преданности дѣлу французскихъ крестоносцевъ; но неискренность этихъ заявленій вскорѣ обнаружилась: крестоносцы узнали, что Мануилъ поддерживаетъ дружескія отношенія съ султаномъ Иконійскимъ и что ихъ военныя распоряженія передаются Туркамъ.

Велико было негодованіе французскихъ знатныхъ владѣтелей при этомъ извѣстіи, и когда императоръ выразилъ желаніе, чтобы они почтили его такъ же, какъ и вожди перваго крестоваго похода, и чтобы они передали въ его руки древніе греческіе города, которые они покорятъ своей власти, то, вмѣсто отвѣта на такое предложеніе, на совѣтѣ было предложено овладѣть Константинополемъ. Епископъ Лангрскій обратился съ рѣчью къ присутствующимъ, напомнилъ имъ о ловушкахъ и засадахъ, которыми Греки вездѣ обставляли путь крестоносцевъ; онъ представилъ Константинополь, какъ несносную преграду между Латинянами и ихъ братьями на Востокѣ, и сказалъ, что слѣдуетъ, наконецъ, проложить свободный путь въ Азію. «Греки, — сказалъ наконецъ епископъ Лангрскій: — допустили до того, что Турки захватили Гробъ Господень и всѣ христіанскіе города на Востокѣ; они не сумѣютъ защитить и Константинополя; ихъ позорная слабость откроетъ когда-нибудь невѣрнымъ дорогу на Западъ. Воины Мануила не могли выносить даже вида французскихъ крестоносцевъ: почему же крестоносцамъ не утвердить своего владычества въ этой столицѣ, куда, повидимому, самъ Богъ призываетъ ихъ?» — Въ этихъ словахъ выражались политическія соображенія, но и голосъ религіи не безмолвствовалъ на совѣтѣ; крестоносцы шли въ Азію, чтобы искупить свои прегрѣшенія, а не для того, чтобы наказывать Грековъ; они были вооружены для защиты Іерусалима, а не ради того, чтобы подчинить своей власти Константинополь; они приняли крестъ, но Богъ не вручалъ имъ меча Своего правосудія. Слѣдуетъ вспомнить, что Готтфридъ далъ точно такой же отвѣтъ князьямъ-вождямъ перваго крестоваго похода, когда они предлагали овладѣть Византіею; такимъ образомъ, священное для Франковъ чувство чести во второй разъ спасло столицу Греческой имперіи.

Армія Людовика VII перешла на другую сторону Босфора, вступила въ Виѳинію и стала лагеремъ на берегу Аскалонскаго озера, поблизости Никеи. Въ это время произошло солнечное затмѣніе, и суевѣрная толпа увидѣла въ этомъ явленіи роковое предзнаменованіе. Не напрасно встревожились пилигримы: вскорѣ до нихъ дошла вѣсть о полномъ пораженіи Германцевъ.

Отряды Конрада выступили изъ Никеи въ Иконію. Обманутые Греками, которые служили имъ проводниками, они запаслись продовольствіемъ не больше какъ на недѣлю: ихъ увѣрили, что этого времени будетъ достаточно, чтобы дойти до Иконіи. Но черезъ недѣлю всѣ запасы были истощены, а вмѣсто того, чтобы дойти до богатой столицы Ликаоніи, Германцы оказались какъ бы затерянными среди пустынной мѣстности, не представлявшей даже никакихъ дорогъ.

Еще три дня пробирались они по неизвѣстнымъ имъ горамъ, и тутъ-то на императорскую армію напали несмѣтныя толпы Турокъ; это были горы, находящіяся вблизи Лаодикеи. Германскіе пилигриммы, ослабѣвшіе уже отъ голода и отъ тяжелаго пути, внезапно рѣшились на отступленіе; но это отступленіе, приведшее Германцевъ обратно въ Никею, было постояннымъ ихъ пораженіемъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Императоръ Конрадъ былъ раненъ двумя стрѣлами; больше тридцати тысячъ Германцевъ погибли отъ голода на константинопольской дорогѣ. Такимъ образомъ исчезла эта армія, столь многочисленная при выходѣ изъ Германіи, что, какъ говорится въ лѣтописи, и рѣки были не довольно длинны, и поля не довольно пространны, чтобы доставить ей свободное передвиженіе.

Король французскій выѣхалъ навстрѣчу императору и плакалъ вмѣстѣ съ нимъ о несчастной участи германскихъ крестоносцевъ. Конрадъ приписывалъ всѣ эти бѣдствія коварству Мануила, но онъ долженъ былъ бы винить и самого себя въ недостаткѣ осторожности. Оба монарха возобновили клятву идти вмѣстѣ въ Палестину, но большинство германскихъ бароновъ, которые лишились всего, долго не могли слѣдовать за французской арміей. Самъ Конрадъ, имѣя только небольшое число воиновъ, разстался въ скоромъ времени съ королемъ французскимъ и возвратился въ Константинополь, гдѣ Мануилъ встрѣтилъ его тѣмъ радостнѣе, чѣмъ болѣе видѣлъ его униженнымъ и унылымъ.

Не желая забираться въ глубь Малой Азіи, Людовикъ VII слѣдовалъ вдоль морскаго берега; дорога эта была трудная, перерѣзанная рѣчками и потоками, и шла посреди скалистыхъ холмовъ и тѣсныхъ проходовъ. Перейдя за Мраморное море и за Геллеспонтъ, пилигриммы прошли черезъ владѣнія Пергама и Смирны и остановились въ Эфесѣ, и здѣсь Людовикъ принялъ нѣсколько посольствъ отъ греческаго императора: иныя возвѣщали королю французскому о близости непріятеля и приглашали его принять пріютъ въ крѣпостяхъ, принадлежащихъ имперіи другія угрожали ему мщеніемъ Грековъ за насильственное вторженіе въ ихъ земли. Людовикъ VII отнесся съ пренебреженіемъ къ посламъ императора и не обратилъ вниманія на ихъ угрозы; продолжая свой путь по направленію къ востоку, армія расположилась лагеремъ въ долинѣ, называемой въ лѣтописи Децервіонъ (нынѣ Уади Техикалесси — долина козьяго замка); палатки были разставлены по берегамъ Каистра; тутъ отпраздновали дни Рождества Христова и потомъ выступили въ Лаодикею.

Здѣсь произошелъ самый славный подвигъ оружія во время крестоваго похода Людовика VII, именно — побѣда одержанная на берегахъ Меандра, черезъ который слѣдовало перейти, чтобы достигнуть Лаодикеи. Непріятель обступилъ равнину вдоль Меандра и Тралльскія горы, нынѣ Гюзель-Хиссаръ; главныя силы мусульманскія заняли бродъ черезъ рѣку, чтобы не допустить до него Французовъ. Людовикъ VII выстроилъ свои батальоны въ полномъ порядкѣ, помѣстилъ обозъ и слабѣйшихъ пилигримовъ посреди войска, авангардъ, арьергардъ и фланги арміи поставилъ подъ защиту надежнѣйшихъ рыцарей. И въ такомъ порядкѣ крестоносцы начали медленно подступать къ равнинѣ, сохраняя все-таки оборонительное положеніе. Но король, тревожимый постоянно непріятелемъ, принялъ намѣреніе вступить въ рѣшительную битву, и направился къ броду, занятому мусульманами.

Едва успѣли нѣсколько рыцарей перейти черезъ Меандръ, какъ страхъ охватилъ непріятельскую армію. Въ это же время послѣдовало нападеніе на турецкую армію съ разныхъ сторонъ; побѣда надъ нею была немедленно одержана, и оба берега Меандра покрылись трупами. Король французскій бросился на мусульманъ, которые тревожили арьергардъ арміи, и преслѣдовалъ ихъ

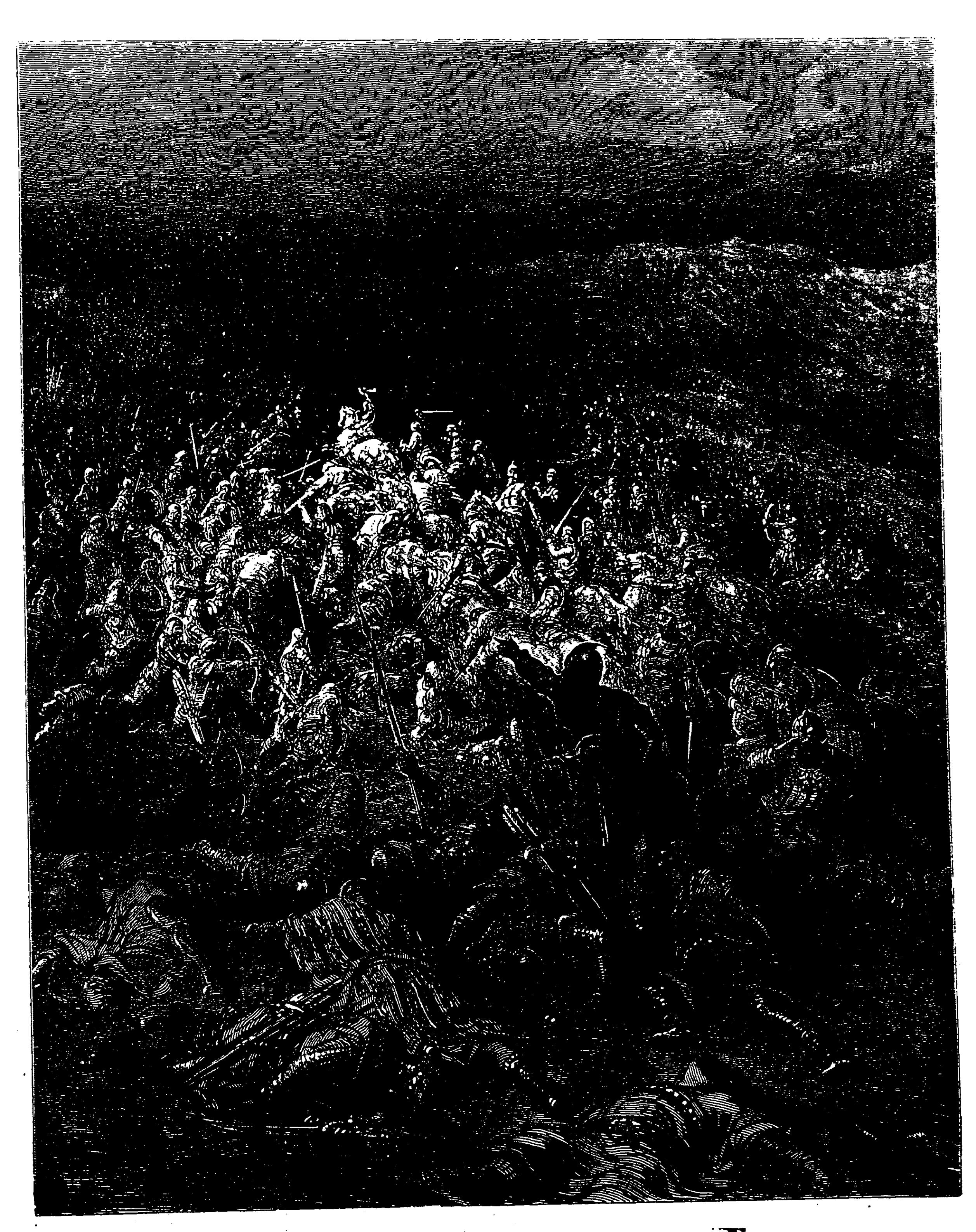
до самыхъ горъ. Большинство Турокъ, избѣжавшихъ смерти, укрылись въ Антіохеттѣ, нынѣ Іени-Шеръ-Калесси, находившейся невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ Французы перешли вбродъ Меандръ. Не смотря на дождь изъ стрѣлъ, которыми осыпана была христіанская армія въ этомъ славномъ переходѣ, она не потеряла ни одного человѣка; только рыцарь Милонъ Ножанскій, ко всеобщему сожалѣнію, утонулъ — переплывая черезъ рѣку.

Жители Лаодикеи, извѣстной въ лѣтописяхъ Франковъ подъ именемъ Лалишъ, города, находившагося на р. Ликѣ, и отъ котораго остались теперь только два холма, покрытые развалинами, пришли въ ужасъ, узнавъ о приближеніи побѣдоносныхъ крестоносцевъ, и обратились въ бѣгство. Людовику VII пришлось проходить черезъ опустѣвшій городъ. Онъ направился къ Саталіи, пробираясь по страшнымъ утесамъ Кадмской горы, называемой по-турецки Бабадагъ. По горѣ этой, по которой пришлось переходить пилигримамъ и которую Одонъ Дейльскій называетъ «проклятою горою», не было проложено дорогъ; съ одной стороны ея возвышались громадныя скалы въ видѣ длинной, высокой и отвѣсной стѣны, съ другой стороны была бездонная пропасть, по краю которой нужно было пробираться черезъ узкій, покатый, чрезвычайно опасный проходъ.

Людовикъ VII послалъ впередъ Жофруа Ранконскаго, владѣтеля Тайльбургскаго и графа Морьеннскаго, брата короля; вступленіе въ этотъ проходъ было отложено до слѣдующаго дня; авангарду было приказано выжидать прибытія остальной части арміи. Король, предполагая встрѣтить Турокъ въ этомъ проходѣ, желалъ, чтобы части войска не разъединялись, но оставались въ виду одна у другой; авангардъ же, забывая распоряженіе короля, перешелъ черезъ проходъ и разставилъ палатки по другую сторону горы. Людовикъ VII остался одинъ съ своимъ отрядомъ для охраненія толпы пилигримовъ и обоза арміи. Турки, разумѣется, воспользовались разъединеніемъ арміи, чтобы успѣшнѣе напасть на арьергардъ, которому и безъ того трудно было бороться съ естественными препятствіями этой мѣстности. Можно представить себѣ этихъ пилигримовъ, пробирающихся по краю бездны — подъ стрѣлами преслѣдовавшихъ ихъ мусульманъ и Грековъ! Только и слышно было паденіе людей, лошадей и муловъ; и пропасть поглощала останки христіанскихъ воиновъ...

Исторія останавливается здѣсь въ благоговѣніи передъ трогательнымъ и мужественнымъ самоотверженіемъ Людовика VII среди этихъ горныхъ пропастей, куда валился его народъ, какъ безсильное стадо. Забывая самого себя ради погибающаго народа, — говоритъ лѣтописецъ, очевидецъ событія, — король бросился въ ряды мусульманскаго войска и при неимовѣрныхъ усиліяхъ достигъ спасенія множества пилигримовъ. Арьергарду пришлось выдерживать нападеніе непріятеля во сто разъ многочисленнѣе его; свита короля вся погибла во время этой схватки. Людовикъ, не измѣняя своему царскому сердцу, — говоритъ лѣтописецъ, — ухватился за вѣтви дерева и бросился на вершину одного утеса; тутъ, защищенный кирасою своею отъ турецкихъ стрѣлъ и стоя на своемъ утесѣ, какъ на стѣнѣ или на укрѣпленной башнѣ, король французскій продолжалъ рубить головы и руки тѣмъ, кто на него нападалъ. Этотъ день великихъ подвиговъ и великихъ бѣдствій составляетъ прекраснѣйшую страницу въ жизни Людовика VII.

На другой день, когда присоединилась къ авангарду уцѣлѣвшая часть крестоносцевъ, составлявшихъ арьергардъ, король французскій, котораго считали погибшимъ, былъ принятъ съ полнѣйшимъ восторгомъ. Противъ Жофруа Ранконскаго поднялся общій ропотъ. Монархъ счелъ безполезнымъ наказывать его за непоправимую ошибку и ограничился назначеніемъ на его мѣсто одного стараго воина, по имени Жильбера, искусство и храбрость котораго были извѣстны всей

Геройская битва двухсоть рыцарей противъ 20,000 невѣрныхъ

арміи. Этотъ новый вождь раздѣлилъ начальствованіе надъ войскомъ съ Евраромъ Баррскимъ, великимъ магистромъ Храмовниковъ.

Переходъ отъ Бабадага до Саталіи, составляющій не болѣе пятидесяти миль, потребовалъ однакоже двѣнадцати сутокъ, такъ какъ тутъ приходилось идти по гористой, безплодной и пустынной мѣстности, а также потому, что пилигримы, терпя недостатокъ въ продовольствіи, мучимые голодомъ, подвигались медленно. Сверхъ того, войску приходилось бороться и съ нападеніями Турокъ, и съ суровостію наступившаго холоднаго времени года. Но оно съ успѣхомъ выдержало четыре битвы, не смотря на бѣдственное состояніе, въ которое было приведено продолжительными лишеніями и постоянными проливными дождями.

Въ Саталіи французская армія надѣялась встрѣтить конецъ своимъ страданіямъ. Напрасная надежда! Новыя бѣдствія ожидали крестоносцевъ подъ стѣнами этого города, обитаемаго Греками. Холодное время года еще не миновало, и толпа полу-нагихъ пилигримовъ должна была оставаться въ лагерѣ по сосѣдству съ городомъ, подвергаясь ежедневно опасности погибнуть отъ холода, голода или меча. Ничто не можетъ служить лучшимъ доказательствомъ плачевнаго состоянія французскихъ крестоносцевъ, какъ эта тупая покорность ихъ, которая препятствовала имъ овладѣть городомъ, запертымъ для нихъ жестокими жителями. Однакоже, встревоженный ропотомъ отчаянія, доходившимъ до его слуха, правитель Саталіи предложилъ Людовику VII суда для отправленія въ обратный путь крестоносцевъ. Это предложеніе было принято, но послѣ пятинедѣльнаго ожиданія прибывшія суда оказались и не довольно велики, и не довольно многочисленны, чтобы перевезти всю французскую армію.

Людовикъ VII, чтобы ободрить упавшихъ духомъ и предупредить несчастія, утѣшалъ ихъ, какъ могъ, и доставлялъ денежныя пособія. Для начальствованія надъ тѣми, для кого не нашлось мѣста на судахъ, онъ избралъ Тьерри, графа Фландрскаго, и Аршамбо Бурбонскаго; онъ доставилъ правителю Саталіи пятьдесятъ серебряныхъ марокъ для содержанія больныхъ, оставшихся въ городѣ, и для провода сухопутнаго войска до береговъ Киликіи. И когда, въ сопровожденіи королевы Элеоноры, знатнѣйшихъ рыцарей и остатковъ своей конницы, онъ отъѣзжалъ отъ берега, то не могъ смотрѣть безъ слезъ на крестоносцевъ, оставшихся на берегу. Эти несчастные крестоносцы, которые должны были сухимъ путемъ добраться до Тарса, напрасно ждали обѣщанныхъ имъ конвоя и проводниковъ, — жестокій правитель Саталіи измѣнилъ своему честному слову, и этотъ бѣдный народъ, прибывшій изъ Франціи, весь перемерь отъ болѣзней и голода подъ стѣнами или за оградой христіанскаго города. Тѣ же изъ нихъ, которые были помоложе и посильнѣе, не захотѣли погибнуть жалкою смертью въ своихъ палаткахъ; мусульмане были недалеко, и эти доблестные крестоносцы погибли славною смертію въ битвахъ съ ними за крестъ. Волны Цестія и Евримедона принесли въ Караманское море тысячи христіанскихъ труповъ.

Послѣ трехнедѣльнаго плаванія флотъ Людовика VII прибылъ къ устью Оронта, въ гавань св. Симеона. Раймондъ Пуатьерскій, правитель Антіохіи, радостно привѣтствовалъ короля французскаго. Онъ устроилъ нѣсколько праздниковъ, на которыхъ блистала королева Элеонора, побужденія которой къ паломничеству были не совсѣмъ благочестиваго и смиреннаго свойства. Много европейскихъ дамъ знатнаго происхожденія было тогда въ Антіохіи; между ними отличались: графиня Тулузская, графиня Блоасская, Сибилла Фландрская, Маврила графиня де-Росси, Талькерія герцогиня Бульонская.

Раймондъ Пуатьерскій, не теряя изъ виду своихъ интересовъ, какъ властителя, пожелалъ присоединить французскихъ крестоносцевъ къ своимъ предпріятіямъ противъ мусульманъ Тигр-

скихъ и Евфратскихъ; онъ предложилъ Людовику VII осаду городовъ Алеппо и Шайзара; обладаніе этими двумя крѣпостями должно было предупредить вторженіе мусульманъ и обезпечить продолжительность существованія христіанскихъ колоній. Главною заботою правителя антіохійскаго было ослабить могущество Нуреддина. Но воины, прибывшіе съ Запада, незнакомые ни съ положеніемъ атинскихъ колоній, ни съ могуществомъ ихъ непріятелей, не способны были понять значеніе политическихъ соображеній Раймонда Пуатьерскаго. Вообще, Людовикъ VII пріѣхалъ на Востокъ исключительно вслѣдствіе религіозныхъ побужденій; прежде всего онъ желалъ посѣтить св. мѣста и отказался отъ участія въ предлагаемой войнѣ.

Князь антіохійскій, восхваляемый въ лѣтописяхъ, какъ человѣкъ сладкорѣчивый и чрезвычайно любезный, рѣшилъ, чтобы удовольствія послужили въ пользу его плановъ; онъ задумалъ убѣдить королеву Элеонору продолжить свое пребываніе на берегахъ Оронта. Въ это время была весна; видъ полей долины Антіохійской дополнилъ дѣйствіе краснорѣчія Раймонда. Королева Элеонора, упоенная поклоненіемъ изнѣженнаго двора начала упрашивать Людовика отложить путешествіе въ священный городъ. Настоянія Элеоноры возбудили подозрѣніе короля, который, наконецъ, чувствуя себя оскорбленнымъ и какъ монархъ, и какъ супругъ, ускорилъ свой отъѣздъ и принужденъ былъ увезти жену свою тайнымъ образомъ и въ ночное время возвратился съ нею въ свой лагерь. Людовикъ VII не могъ забыть поведенія Элеоноры, опозорившаго ее и въ глазахъ христіанъ, и въ глазахъ невѣрныхъ; онъ отказался отъ нея впослѣдствіи, и она вышла замужъ за Генриха II. Этотъ бракъ, посредствомъ котораго герцогство Гвіеннь присоединилось къ Англіи, былъ однимъ изъ несчастнѣйшихъ послѣдствій втораго крестоваго похода.

Людовикъ VII, уступая желаніямъ короля и бароновъ іерусалимскихъ, поспѣшилъ отправиться въ Палестину и былъ принятъ въ священномъ городѣ съ величайшимъ восторгомъ. Около этого же времени прибылъ въ Палестину императоръ Конрадъ, въ качествѣ простаго пилигрима и въ сопровожденіи только нѣсколькихъ бароновъ. Оба монарха европейскіе, встрѣтясь въ Іерусалимѣ, оплакивали бѣдствія своего похода. Молодой Бальдуинъ III, горя нетерпѣніемъ увеличить предѣлы своего королевства, воспользовался присутствіемъ европейскихъ крестоносцевъ, чтобы начать войну. Въ Птолемаидѣ было назначено собраніе; тутъ были: король французскій, императоръ Конрадъ, молодой король іерусалимскій, бароны, рыцари и высшіе духовные чины. Во время этого многолюднаго собранія рѣшено было начать осаду Дамаска, овладѣніе которымъ обѣщало побѣдителю богатую военную добычу; завоеваніе этой крѣпости должно было также составить надежную защиту для королевства Іерусалимскаго. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что хотя поводомъ къ соединенію силъ Запада подъ знаменами Людовика VII и Конрада и было благочестивое желаніе возмездія за бѣдствія Эдессы, но объ Эдессѣ не было и помину во все продолженіе этого крестоваго похода.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1148 года, христіанскіе отряды соединились въ Тиверіадѣ. Они отправились къ Панеадѣ, перешли черезъ Антиливанскій хребетъ и прибыли на равнину Дамасскую. Но тутъ встрѣтили ихъ препятствія и опасности. Чтобы достигнуть города, который они намѣревались осаждать, нужно было перейти черезъ густые сады, перерѣзанные земляными стѣнами, раздѣленными между собою узкими проходами. Непріятель овладѣлъ уже всѣми этими проходами и выходами; увеселительные домики, разсѣянные въ садахъ Дамаска, были заняты мусульманскими воинами и со всѣхъ сторонъ сада летали стрѣлы и метательные снаряды. И другія опасности и разнаго рода смерть угрожали войску христіанскому: на протяженіи всего пути въ земляныхъ стѣнахъ были продѣланы маленькія отверстія, откуда поражали воиновъ копья мусульманъ, засѣв-

шихъ за стѣнами; но всѣ эти изгороди были опрокинуты, отовсюду непріятель былъ выгнанъ и обращенъ въ бѣгство или смертельно пораженъ.

Многочисленный корпусъ мусульманской конницы подоспѣлъ на помощь бѣглецамъ; онъ хотѣлъ воспрепятствовать христіанамъ занять берега р. Барради или Баррада, противъ самыхъ укрѣпленій Дамаска, съ западной стороны; но мужество и энергія короля Французскаго и императора Германкаго принудили мусульманскую конницу отступить обратно въ городъ. Въ этой битвѣ Конрадъ однимъ взмахомъ меча перерубилъ надвое одного гиганта, который вызвалъ его на борьбу. Крестоносцы могли тогда расположиться свободно по берегамъ Баррады, частію въ садахъ, частію на лугу, называемомъ нынѣ Эль-Мержи, а въ древнихъ арабскихъ лѣтописяхъ — Мейданъ-Альхадаръ (Зеленая площадь).

Въ виду такой позиціи христіанскаго войска, Дамаскъ не могъ долѣе сопротивляться, тѣмъ болѣе, что съ западной стороны городъ былъ слабо защищенъ, и потому торжество Франковъ было обезпечено. Жители страшно встревожились; коранъ калифа Отмана, выставленный въ большой мечети, привлекалъ унылую толпу, которая послѣднюю свою надежду возложила на Божіе милосердіе. Но бѣдствіе, угрожавшее Дамаску, миновало этотъ городъ: несогласія, возникшія между христіанами, послужили къ его спасенію. Съ западной стороны городъ былъ почти открытъ для крестоносцевъ, достаточно было самаго ничтожнаго нападенія, чтобы захватить крѣпость; сверхъ того, осаждающіе имѣли въ своемъ распоряженіи р. Барради и сады съ созрѣвшими въ то время плодами. Съ восточной же стороны тянулось большое безплодное пространство, безъ деревьевъ, безъ воды, не представляющее никакой поддержки; съ этой стороны защищали городъ толстыя стѣны и высокія башни, и сюда-то неожиданно рѣшили крестоносцы перенести свой лагерь.

Только-что они раскинули тутъ палатки, какъ въ Дамаскъ прибыло до двадцати тысячъ ратниковъ — Курдовъ и Туркменовъ, которымъ было поручено его защищать. Латиняне сдѣлали нѣсколько неудачныхъ нападеній, и вскорѣ узнавъ о приближеніи новыхъ непріятельскихъ подкрѣпленій подъ предводительствомъ султановъ Алеппскаго и Моссульскаго, они отказались отъ своего предпріятія. Перенесеніе лагеря рѣшило участь экспедиціи. Христіанскіе князья пересеорились изъ-за обладанія городомъ, который они считали уже завоеваннымъ, и съ самаго начала потеряли время въ роковыхъ препирательствахъ. Перемѣщеніе лагеря было послѣдствіемъ соперничества изъ-за честолюбивыхъ цѣлей. Пошли слухи о коварствѣ и измѣнѣ. Христіане европейскіе и христіане сирійскіе разъединились подъ стѣнами Дамаска и не захотѣли соединить свою храбрость и рвеніе въ единодушномъ усиліи, и такимъ образомъ подверглись плачевнымъ неудачамъ, вмѣсто побѣды, которая предоставила бы въ ихъ обладаніе роскошную область и много хорошихъ городовъ Антиливанскихъ.

Однимъ изъ любопытнѣйшихъ обстоятельствъ этой осады было то, что войсками въ Дамаскѣ командовалъ тогда Аюбъ, глава династіи Аюбитовъ, и при немъ былъ его сынъ, молодой Саладинъ, которому суждено было въ будущемъ нанести такіе ужасные удары королевству Іерусалимскому.

Несчастный исходъ осады Дамаска произвелъ общее раздраженіе и уныніе; на совѣтѣ вождей предложена была осада Аскалона, но начатіе новой войны не было принято. Императоръ Конрадъ возвратился въ Европу. Людовикъ VII также рѣшился на обратный путь во Францію, послѣ еще одного года пребыванія въ Палестинѣ — уже въ качествѣ только благочестиваго паломника.

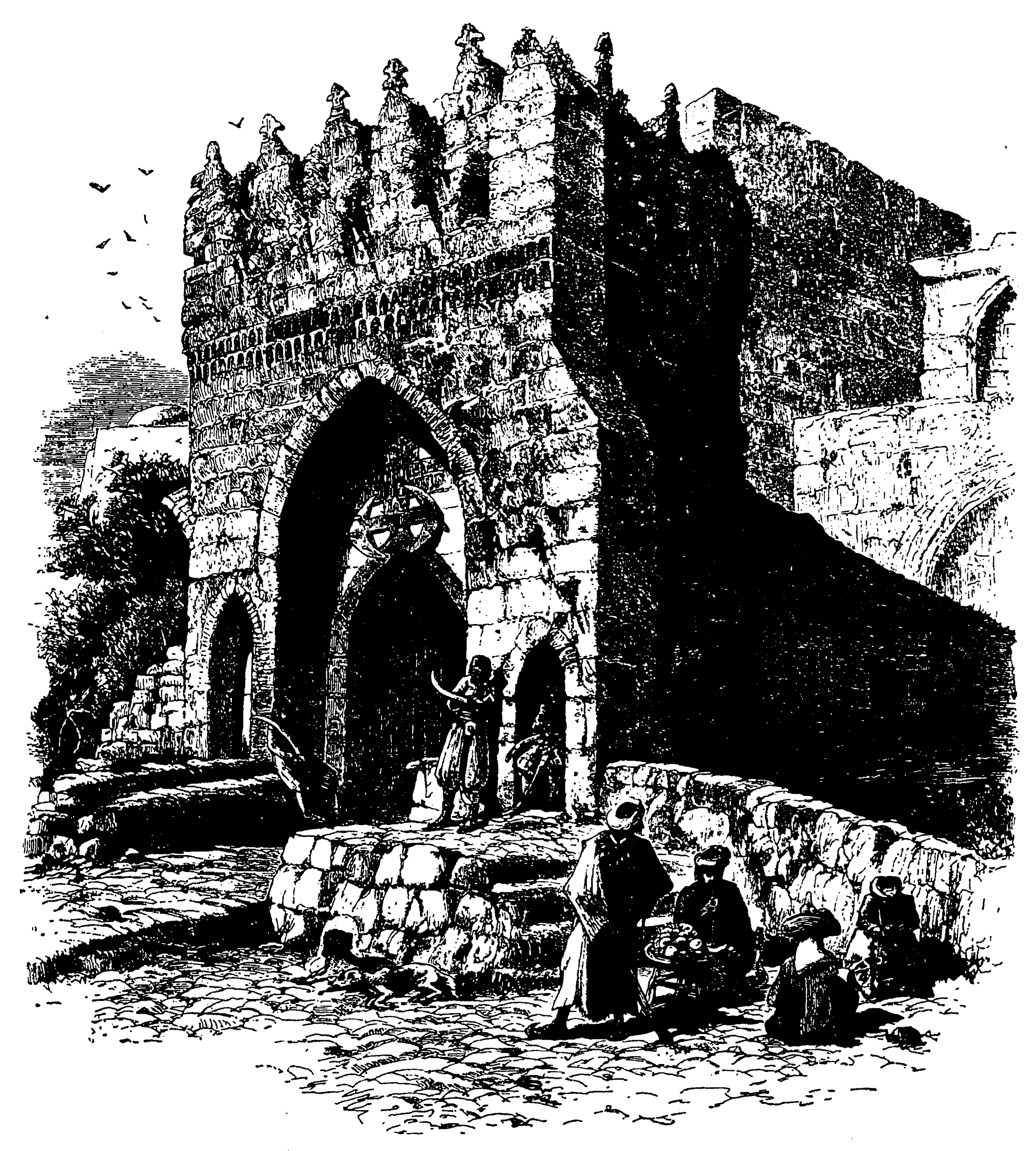
Съ перваго взгляда на этотъ крестовый походъ представляется мало славныхъ подвиговъ и

много большихъ неудачъ. Религіозныя побужденія, которыя заставляли крестоносцевъ переносить оскорбленія и коварство Грековъ, довели ихъ до гибельнаго положенія. Оставляя позади себя враждебную столицу и народъ, дѣйствующій противъ нихъ скрытыми путями, крестоносцы вступили на стезю бѣдствій. Отсутствіе дисциплины и распущенность нравовъ христіанской арміи способствовали въ значительной степени ея неудачамъ. Эта распущенность нравовъ происходила въ особенности отъ многочисленности женщинъ, вмѣшавшихся въ ряды воиновъ. Въ этомъ крестовомъ походѣ былъ цѣлый отрядъ амазонокъ, подъ предводительствомъ военачальника, который отличался болѣе щегольствомъ, чѣмъ храбростію, и котораго за его вызолоченные сапоги прозвали „дамою съ золотыми ножками". Людовикъ VII принималъ всѣ бѣдствія съ покорностію мученика, а на полѣ битвы былъ храбрымъ воиномъ; но кажется, что его можно осудить за излишнюю вѣру въ Провидѣніе, которое не покровительствуетъ тѣмъ, кто уклоняется отъ стези благоразумія и осторожности. Императоръ Конрадъ былъ человѣкъ недальняго ума и лишился всего по своему неумѣнію и самонадѣянности. Эта вторая священная война не представляетъ ничего ни героическаго, ни рыцарскаго; въ ней не проявляется ни великихъ характеровъ, ни великихъ страстей перваго крестоваго похода. Безцвѣтнымъ и печальнымъ, выше изложеннымъ, очеркамъ никакъ нельзя придать размѣровъ эпопеи.

Во всякомъ случаѣ, не всѣ силы этого крестоваго похода были направлены противъ Азіи. Пятьдесятъ тысячъ христіанъ изъ Даніи и Саксоніи производили нападенія на дикія племена славянскія, погруженныя еще во тьму идолопоклонства, но это не имѣло плодотворныхъ послѣдствій. Другіе христіане, вооружившіеся на борьбу съ восточными мусульманами, дѣйствовали успѣшно противъ Мавровъ, на берегахъ Таго.

Возвратившись во Францію, Людовикъ VII одобрилъ дѣятельность аббата Сугерія, который сумѣлъ поддержать порядокъ въ государствѣ и благоразумнымъ и твердымъ управленіемъ усмирилъ различныя партіи; король Французскій почтилъ своего министра титуломъ «отца отечества». На сторонѣ аббата Сугерія оказалось тогда важное преимущество: онъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ Европѣ, возстававшимъ противъ крестоваго похода. Народъ превозносилъ теперь мудрую предусмотрительность аббата Сенъ-Дениского и громогласно обвинялъ св. Бернара, обѣщавшаго побѣду войскамъ – исчезнувшимъ на Востокѣ... Аббатъ Клервосскій принужденъ былъ написать «оправдательное слово», въ которомъ онъ приписываетъ бѣдствія войны — преступленіямъ христіанъ. Въ этомъ «словѣ» преобладаетъ мрачное и таинственное страданіе. Благочестіе св. Бернара въ ужасѣ отступаетъ передъ глубиною божественныхъ предопредѣленій; апостолъ дивится, что Господъ не вмѣнилъ ему его постовъ и молитвъ; ему представляется, что земля преждевременно обречена на осужденіе и что Владыка неба и земли отрѣшился отъ Своего милосердія. Одно изъ интереснѣйшихъ зрѣлищъ XII вѣка, это — зрѣлище, которое представляетъ намъ геній св. Бернара, изнемогающій, такъ сказать, подъ бременемъ отвѣтственности за несчастный исходъ крестоваго похода, проповѣданнаго имъ во имя Неба...

Входъ въ цитадель въ Іерусалимѣ.

ГЛАВА XIII.

Со времени взятія Асналона Бальдуиномъ III до взятія Іерусалима Саладиномъ.

(Отъ 1150 по 1187 г.).

Крестовый походъ Людовика VII и Конрада окончился безъ пользы для Св. Земли; по отъѣздѣ отсюда обоихъ государей-пилигримовъ, христіанскимъ владѣніямъ стали угрожать большія опасности. Со всѣхъ сторонъ мусульманское оружіе угрожало владычеству Франковъ. Король іерусалимскій, патріархъ священнаго города и Антіохіи, начальники военныхъ

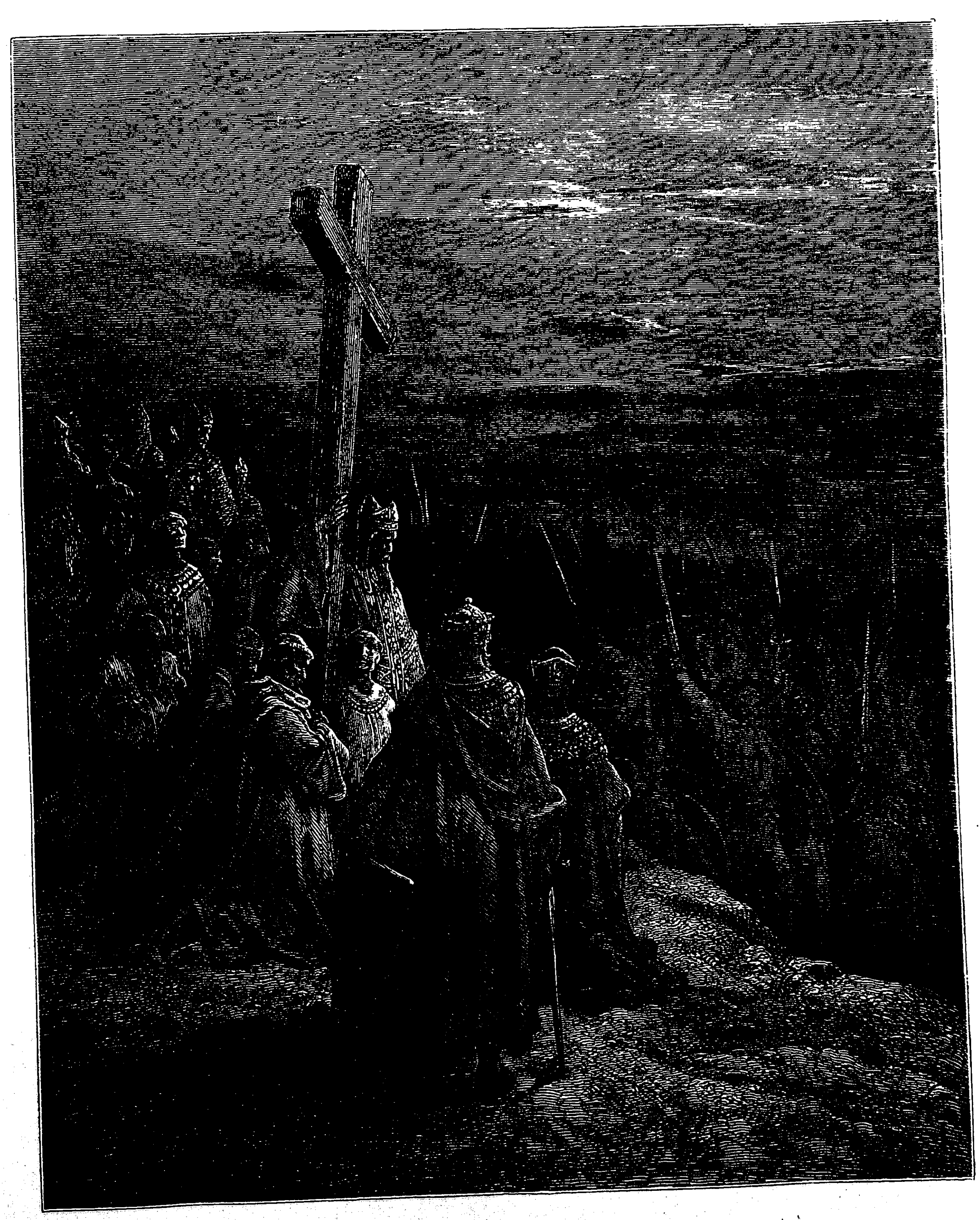
орденовъ Св. Іоанна и Храмовниковъ, въ скорби своей обратились съ мольбами къ западнымъ христіанамъ. Тронутый ихъ страданіями, папа старался убѣдить европейскіе народы подать помощь своимъ братьямъ на Востокѣ. Но бѣдствія послѣдней священной войны еще не были позабыты: духовенство и дворянство, разоренныя крестовымъ походомъ, не были расположены возбуждать энтузіазмъ толпы. Голосъ аббата Клервосскаго болѣе не раздавался, и молчаніе св. Бернара было какъ-бы предупрежденіемъ, которое поддерживало народъ въ благоразумномъ покоѣ.

Но вотъ чему трудно повѣрить! Когда Европа безмолвствовала и никто не осмѣливался вновь появиться подъ священными знаменами, аббатъ Сугерій, сопротивлявшійся походу Людовика VII, задумалъ новый походъ противъ враговъ Іисуса Христа. На Шартрскомъ соборѣ онъ старался воспламенить воинственное рвеніе князей, бароновъ и прелатовъ. Но они отозвались на его увѣщанія только выраженіемъ скорби и удивленія. Сугерій, семидесяти-лѣтній старецъ, объявилъ тогда, что онъ одинъ берется осуществить то предпріятіе, которое не удалось двумъ государямъ. Уже болѣе десяти тысячъ пилигримовъ, вооруженныхъ на его счетъ, готовы были послѣдовать за нимъ на Востокъ, когда смерть воспрепятствовала осуществленію его намѣреній. На своемъ смертномъ одрѣ аббатъ Сенъ-Денисскій выражалъ сожалѣніе, что не можетъ помочь священному городу, — любопытный примѣръ неотразимаго вліянія идеи во всѣ времена!

Между тѣмъ, на Востокѣ Бальдуинъ III всѣми силами старался остановить успѣхи Нуреддина, сына Зенги. Этотъ доблестный государь замыслилъ подчинить наконецъ своей власти городъ Аскалонъ, противъ котораго христіане столько разъ направляли свое оружіе и который служилъ какъ-бы оградою для Египтянъ противъ Сиріи. По призыву своего короля — бароны, рыцари, епископы немедленно собрались подъ его знамена. Во главѣ арміи шелъ патріархъ Іерусалимскій, неся Древо Животворящаго Креста.

Городъ Аскалонъ, выстроенный кругообразно на плоскости, на берегу моря, укрѣпленный толстыми стѣнами и высокими башнями, получалъ четыре раза въ годъ изъ Египта продовольствіе, оружіе и воиновъ. Ничего не было упущено изъ вида для поддержанія этой важной крѣпости; жители въ ней всѣ были воины. Армію Бальдуина при осадѣ Аскалона поддерживалъ флотъ, состоявшій изъ пятнадцати кораблей подъ управленіемъ Жерара Сидонскаго. У христіанъ, какъ и у мусульманъ, было мужественное настроеніе и неусыпная бдительность. Во избѣжаніе неожиданнаго нападенія среди ночной темноты, осаждаемые повѣсили на зубцахъ самыхъ высокихъ башенъ стеклянные фонари, отъ которыхъ и ночью распространялся свѣтъ, подобный дневному. Послѣ двухъ-мѣсячныхъ трудовъ подъ стѣнами Аскалона, въ лагерь христіанскій явились многочисленныя толпы западныхъ пилигримовъ съ судовъ, прибывшихъ въ гавани Яффу и Птолемаиду; многія изъ этихъ судовъ, прибывшихъ изъ Европы, присоединились къ флоту Жерара Сидонскаго.

Между боевыми орудіями, изготовленными для нападенія на укрѣпленія Аскалона, была замѣчательная, чрезвычайно-высокая башня; она имѣла видъ крѣпости съ гарнизономъ и наносила страшные удары осаждаемымъ. Пяти-мѣсячная осада истощила силы непріятеля; на помощь къ нему пришелъ египетскій флотъ, состоявшій изъ семидесяти кораблей, и это придало бодрости мусульманамъ; но и пламенное рвеніе христіанъ не ослабѣло; большая подвижная башня и другія боевыя орудія Латинянъ не давали отдыха городу. Осаждаемые, желая избавиться отъ большой подвижной башни, набросали между нею и укрѣпленіями огромное количество дровъ, облили ихъ масломъ, обложили сѣрою и другими горючими веществами и

Видъ креста воспламеняетъ крестоносцевъ

все это подожгли; но вѣтеръ, дувшій съ востока, обратилъ пламя на городъ, въ противоположную сторону отъ башни. Этотъ пожаръ, длившійся весь день и всю ночь, раскалилъ каменныя укрѣпленія, такъ что они совершенно разрушились, и такимъ образомъ огонь открылъ христіанскимъ воинамъ входъ въ крѣпость, которою теперь они могли легко овладѣть; но жадность лишила ихъ этой побѣды. Храмовники, поспѣшивъ воспользоваться добычею, немедленно устремились въ городъ, но желая, чтобы все досталось имъ однимъ, они поставили въ проходѣ сторожевыхъ, для того чтобы устранять всѣхъ, кто захотѣлъ бы за ними послѣдовать. Мусульмане, замѣтивъ, что христіане заняты грабежемъ и что ихъ немного, соединились и напали на Храмовниковъ, которые частію погибли, частію поспѣшили спастись черезъ тотъ же проходъ, черезъ который не захотѣли допустить своихъ товарищей.

Христіане, удивленные оживленіемъ своихъ враговъ, съ печальнымъ недоумѣніемъ возвратились въ свой лагерь. Смущенные и упавшіе духомъ вожди предложили прекратить осаду города, но патріархъ и епископы посовѣтовали вступить вновь въ битву, и ихъ мнѣніе было уважено. На другой день христіанское войско снова явилось передъ стѣнами города; битва длилась весь день, обѣ стороны дѣйствовали съ большимъ оживленіемъ, но потери мусульманъ оказались значительнѣе. Предложено было перемиріе, для погребенія убитыхъ. Во время этого перемирія воспоминаніе о бѣдствіяхъ, которыя они вытерпѣли, о числѣ воиновъ, которыхъ они потеряли, о тревожныхъ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ Каира, — навело уныніе на мусульманъ аскалонскихъ. Большинство жителей въ мрачномъ отчаяніи заявляли желаніе покинуть эту песчаную страну, надъ которой, казалось, тяготѣло проклятіе и которую Богъ въ гнѣвѣ своемъ какъ-бы предалъ Франкамъ. Египетскій отрядъ требовалъ удаленія изъ христіанскихъ владѣній, выхода изъ Аскалона, представлявшагося ему могилою на чужбинѣ. Выбрали депутатовъ для предложенія сдачи города Іерусалимскому королю. Когда послы мусульманскіе сообщили вождямъ христіанскаго войска возложенное на нихъ порученіе, то печальные и обезнадеженные съ своей стороны предводители уже не ожидали получить отъ своихъ враговъ предложеній, внушенныхъ имъ отчаяніемъ; выслушавъ депутатовъ изъ Аскалона, бароны и прелаты, пораженные удивленіемъ, не нашли другаго отвѣта, кромѣ радостныхъ слезъ и благодарственныхъ изліяній передъ Богомъ. Жителямъ Аскалона дано было три дня, чтобы выселиться оттуда со всѣмъ своимъ имуществомъ, но они не дождались и третьяго дня... Франки, почитая истиннымъ чудомъ взятіе города, вошли туда въ священной процессіи. Первымъ дѣломъ ихъ, овладѣвъ городомъ, было посвященіе большой мечети св. Апостолу Павлу. Такимъ образомъ покорена была эта крѣпость, которая открывала Латинянамъ путь въ Египетъ и преграждала мусульманамъ доступъ въ Палестину.

Мусульманскія государства оставили на нѣкоторое время въ покоѣ королевство Іерусалимское. Незаконное нападеніе Рено Шатильонскаго на безоружный и мирный островъ Кипръ, набѣгъ Бальдуина на арабскія племена, пасшія стада свои, по договору, въ лѣсахъ Панеадскихъ, пораженіе короля близъ Іордана, на мѣстѣ, называемомъ «бродъ Іакова», нѣсколько удачныхъ битвъ въ графствѣ Триполискомъ и княжествѣ Антіохійскомъ, — вотъ и всѣ незначительныя событія, послѣдовавшія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ взятія Аскалона. Женитьба Бальдуина на племянницѣ императора Мануила, въ 1155 г., доставила обогащеніе этому бѣдному королевству Іерусалимскому; этотъ союзъ былъ бы очень полезенъ для королевства, еслибъ онъ способствовалъ соединенію Грековъ и Латинянъ противъ ихъ общаго врага.

Между патріархомъ Антіохійскимъ и князьями-правителями Антіохіи возникали частыя ссоры и,

къ сожалѣнію, король іерусалимскій имѣлъ обыкновеніе вмѣшиваться въ эти постыдные раздоры. Рено Шатильонскій въ несогласіяхъ своихъ съ престарѣлымъ патріархомъ Амори довелъ насилія до крайней степени; по его приказанію, прелатъ выведенъ былъ на вершину Антіохійской цитадели; съ обнаженною головою, обмазанною медомъ, онъ цѣлый день подвергался страданію отъ мухъ и отъ солнечнаго зноя. Во время пребыванія своего въ Антіохіи Бальдуинъ III былъ пораженъ болѣзнью, отъ которой вскорѣ и умеръ. Страдая изнурительною лихорадкою, онъ велѣлъ перевезти себя въ Триполи, потомъ въ Бейрутъ, гдѣ и скончался. Останки его были перенесены въ Іерусалимъ и преданы погребенію у подножія Голгоѳы. О Бальдуинѣ III сожалѣли; говорятъ даже, что Нуреддинъ, изъ уваженія къ печали народа, оплакивавшаго своего государя, прекратилъ на нѣсколько дней нападенія на христіанъ.

Наслѣдникомъ Бальдуина III былъ братъ его, Амори; онъ былъ скупъ, гордъ, честолюбивъ и не безъ труда достигъ того, чтобы его признали королемъ. Тайное притязаніе на престолъ Іерусалимскій нѣкоторыхъ мѣстныхъ князей преувеличило недостатки наслѣдника Бальдуина. Новый король Іерусалимскій обратилъ всѣ свои предпріятія противъ Египта. Такъ какъ калифъ Каирскій отказался платить дань побѣдителямъ Аскалона, то Амори произвелъ нападеніе на берега Нила и возвратился въ свое королевство не прежде какъ заставивъ непріятеля откупиться отъ войны. По причинѣ междоусобій, раздиравшихъ въ то время Египетскія провинціи, Амори снова появился въ этой странѣ, чтобы поддержать партіи, требовавшія его посредничества.

Между тѣмъ, Нуреддинъ угрожалъ владѣніямъ Антіохійскимъ и Триполискимъ; христіане продолжали искать помощи на Западѣ. Тьерри, графъ Фландрскій, пріѣхалъ въ четвертый разъ въ Палестину; прибыли также воины изъ Пуату и Аквитаніи, подъ начальствомъ Гуго Лебрена и Жоффруа, брата герцога Ангулемскаго; съ Гуго Лебреномъ были два его сына: Жоффруа Лузиньянскій, уже прославившійся своею храбростью, и Гюи Лузиньянскій, которому суждено было современемъ занять престолъ Іерусалимскій. Съ помощію этого подкрѣпленія христіане сирійскіе одержали побѣду надъ Нуреддиномъ въ области Триполиской. Султанъ Дамасскій вскорѣ отомстилъ за это пораженіе: онъ одержалъ побѣду близъ Харенка и забралъ въ плѣнъ нѣсколькихъ христіанскихъ князей. Между ними были: Раймондъ, графъ Триполискій, прозванный Сарацинами «франкскимъ сатаною», и Боэмундъ III, князь Антіохійскій, который отправленъ былъ въ темницу алеппскую — раздѣлять заключеніе съ Рено Шатильонскимъ, томившимся уже многіе годы въ оковахъ. Въ это же время мусульмане отняли у христіанъ городъ Панеаду.

Мы не послѣдуемъ за королемъ Амори въ Египетъ, куда онъ отправился подать помощь калифу Каирскому при нападеніи на него Ширку, одного изъ полководцевъ Нуреддина; христіане, въ союзѣ съ Египтянами, разгоняли не разъ орды Ширку. Избавленный отъ своихъ враговъ, калифъ Каирскій или, вѣрнѣе, визирь Шаверъ, управлявшій государствомъ отъ имени своего владыки, который сидѣлъ взаперти въ своемъ дворцѣ, какъ бездушный идолъ, обязался платить королю Іерусалимскому ежегодную дань въ сто тысячъ червонцевъ и согласился на принятіе гарнизона въ Каирѣ. Возвратясь въ Іерусалимъ, Амори женился на племянницѣ императора Мануила; вспоминая о богатствахъ калифа, о плодородіи и роскошныхъ жатвахъ Нила и сравнивая ихъ съ тѣсною и бѣдною страною, составлявшею его королевство, онъ задумалъ завоеваніе Египта; для осуществленія своего предпріятія онъ надѣялся извлечь пользу изъ союза своего съ родственницею Мануила и отправилъ въ Константинополь пословъ — просить императора о содѣйствіи его къ завоеванію Египта; императоръ согласился на это. Тогда Амори, не желая больше скрывать своихъ намѣреній, собралъ на совѣтъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Благо-

разумнѣйшіе изъ нихъ объявили, что это предпріятіе несправедливо, и замѣтили, что въ такомъ случаѣ всего можно будетъ опасаться со стороны Нуреддина, и что не слѣдуетъ жертвовать городами христіанскими и, можетъ быть, даже Іерусалимомъ — ради надежды покорить отдаленную страну. Но король Амори и большинство владѣтелей и рыцарей, убѣжденные въ успѣхахъ на берегахъ Нила, настояли на объявленіи войны.

Нуреддинъ, между тѣмъ, имѣлъ тѣ же замыслы, что и Амори; онъ также мечталъ о завоеваніи слабаго государства Каирскаго. Амори опередилъ въ Египтѣ войска султана Дамасскаго. Онъ приступомъ взялъ Бильбеисъ, городъ, расположенный на правой сторонѣ Нила, и велѣлъ предать смерти всѣхъ его жителей. Несчастія Бильбеиса заставили содрогнуться весь Египетъ; быстрое наступленіе на Каиръ обезпечило бы королю Амори завоеваніе этой столицы, но, какъ будто устрашенный внезапно смѣлостію своего предпріятія, онъ склонился на предложенія пословъ калифа и прекратилъ враждебныя дѣйствія на условіи значительной откупной суммы. Послѣ цѣлаго мѣсяца переговоровъ, Амори, однако-же, не получилъ ничего изъ обѣщанныхъ ему сокровищъ. Между тѣмъ, полководецъ Нуреддина, призванный калифомъ на помощь, вступилъ во владѣнія Египетскія, и избѣгая встрѣчи съ христіанскими воинами, но соединясь съ египетскою арміею, противопоставилъ королю Іерусалимскому такія силы, передъ которыми тотъ долженъ былъ отступить. Амори со стыдомъ возвратился въ Іерусалимъ. Скоро послѣ того прибылъ въ портъ Птолемаиду греческій флотъ, обѣщанный императоромъ Мануиломъ и напрасно ожидаемый въ минувшую экспедицію. Разсчитывая на этотъ флотъ, король Іерусалимскій рѣшился вернуться въ Египетъ и предпринялъ осаду Даміетты. Послѣ пятидесяти-дневной осады этого города, во время которой погибла отъ голода и отъ непріятельскаго оружія половина христіанскихъ воиновъ, а суда греческія были истреблены частію греческимъ огнемъ, частію бурею, король Іерусалимскій съ печалію отказался отъ своего предпріятія.

Среди смутъ, сопровождавшихъ конецъ существованія династіи Фатимитовъ, является мусульманскій князь, имя котораго пріобрѣло извѣстность и въ Азіи, и въ Европѣ. Калифъ Каирскій велѣлъ снести голову своему визирю Шаверу, а вмѣсто него назначилъ Ширку, полководца Нуреддина, но Ширку черезъ два мѣсяца внезапно умеръ; его замѣнилъ младшій изъ эмировъ арміи Нуреддина: этотъ эмиръ былъ Саладинъ, племянникъ Ширку и сынъ Аюба, явившійся съ дикихъ горъ Курдистана, чтобы служить мусульманскимъ властямъ въ Месопотаміи. Молодость свою Саладинъ провелъ въ распущенности и въ праздной жизни въ сералѣ. Когда ему минуло тридцать лѣтъ и калифъ избралъ его первымъ министромъ, онъ вдругъ сдѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Онъ замыслилъ полное подчиненіе Египта власти Нуреддина. По смерти послѣдняго калифа-фатимита черный цвѣтъ Абассидовъ былъ замѣненъ бѣлымъ цвѣтомъ потомковъ Али, и въ мечетяхъ стали поминать въ молитвахъ только имя калифа Багдадскаго. По смерти Нуреддина въ Дамаскѣ, въ 1174 году, государство осталось безъ наслѣдника и повсюду въ провинціяхъ мусульманскихъ возникли раздоры; тогда сынъ Аюба оказался на пути къ верховной власти.

Около этого же времени умеръ Амори, который, вѣроятно, не предвидѣлъ въ свой послѣдній часъ, какія великія событія должны произойти послѣ его царствованія. Наслѣдникомъ его престола былъ сынъ его, Бальдуинъ IV. Онъ принялъ помазаніе на царство въ храмѣ св. Гроба, но по возрасту своему еще не могъ вступить въ управленіе государствомъ. Впрочемъ, этому юному королю, пораженному проказою, не суждено было царствовать самостоятельно. Современная исторія не нашла для него другаго имени, кромѣ имени «прокаженнаго короля» (le roi Mezel).

Регентство было предоставлено Раймонду Триполискому, четвертому въ родѣ потомку знаменитаго Раймонда Сенъ-Жилльскаго.

Новый завоеватель Египта, Саладинъ, провозвѣстилъ себя призваннымъ продолжать апостольскую миссію Зенги и Нуреддина; казалось естественнымъ, что онъ будетъ наслѣдникомъ и могущества ихъ. Калифъ Багдадскій предоставилъ Саладину во имя пророка властвовать надъ городами, покоренными его оружіемъ, не исключая даже и города Алеппо, гдѣ нашелъ себѣ послѣднее убѣжище Малекъ-Шахъ, слабый наслѣдникъ Нуреддина. Съ этихъ поръ Саладинъ былъ провозглашенъ султаномъ Дамасскимъ и Каирскимъ и имя его стало упоминаться въ молитвахъ во всѣхъ мечетяхъ Сиріи и Египта.

Въ концѣ 1178-го года, Саладинъ, видя, что силы Франковъ направлены противъ Антіохіи, выступилъ въ походъ, чтобы произвести нападеніе на Палестину. Услыхавъ объ этомъ, король Бальдуинъ, въ сопровожденіи рыцарей, которыхъ онъ успѣлъ собрать, поспѣшилъ отправиться въ Аскалонъ. Войско Саладина расположилось лагеремъ по сосѣдству съ этимъ городомъ. Разсчитывая на легкую побѣду, мусульмане разсѣялись по равнинѣ и опустошили ее до Рамлы и Лидды. Видя это, христіане не захотѣли оставаться въ бездѣйствіи въ своемъ городѣ; однажды утромъ они вышли изъ Аскалона, направились къ морскому берегу, скрывая свой путь за песчаными наносами, и напали врасплохъ на лагерь Саладина. Напрасно трубили мусульманскія трубы, созывая разсѣявшихся воиновъ; Саладинъ старался ободрить отряды, оставшіеся въ лагерѣ. Бальдуина сопровождали только триста семьдесятъ пять всадниковъ, но пораженіе мусульманъ было полное и дороги покрылись ихъ трупами и пожитками. Саладинъ, безъ всякой свиты, умчался въ степь верхомъ на верблюдѣ.

Эта побѣда, хотя и значительная, не могла однакоже успокоить встревоженное настроеніе тѣхъ, кто внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ; и дѣйствительно, Саладинъ скоро вновь появился, вооруженный прежними своими преимуществами надъ христіанами; съ другой стороны, Галилеѣ также угрожали опасности и, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, — низкія интриги при самомъ дворѣ Бальдуина производили общее смущеніе; сыны Веліала, истые производители разрушенія, старались пользоваться слабостью и недугами короля, чтобы сѣять раздоръ, зависть, ненависть и недовѣріе. Въ Сиріи оказался голодъ; нечѣмъ было продовольствовать войска. Послѣдовало перемиріе съ Саладиномъ на двухъ-лѣтній срокъ. Это перемиріе было нарушено насильственными дѣйствіями Рено Шатильонскаго. Сдѣлавшись владѣтелемъ Карака и Монреаля вслѣдствіе вступленія своего во вторичный бракъ съ вдовою Гофруа Торонскаго, Рено Шатильонскій попытался, вопреки договора, вторгнуться въ предѣлы непріятельскіе около Краснаго моря и не побоялся выступить съ оружіемъ противъ священныхъ городовъ Мекки и Медины. Рено Шатильонскій, человѣкъ предпріимчивый, необузданнаго нрава, романическій типъ того странствующаго рыцарства, которое крестовые походы увлекали на Востокъ, раздражилъ Саладина своимъ пренебреженіемъ къ международному праву и тѣмъ довелъ королевство до войны, въ которой померкла слава христіанскаго имени на Востокѣ.

Все дѣло тогда состояло въ томъ, чтобы остановить успѣхи завоевательнаго наступленія Саладина, но какимъ образомъ возможно было христіанамъ сирійскимъ противостоять этому могучему урагану? Бальдуинъ IV, потерявшій зрѣніе и дошедшій до самаго печальнаго состоянія, согласился назначить регентомъ королевства Гюи Лузиньянскаго, который не пользовался ничьимъ довѣріемъ. Между тѣмъ, могущество Саладина съ каждымъ днемъ возрастало. Всѣ князья месопотамскіе были въ союзѣ съ нимъ или платили ему дань. Представился однакоже случай побѣдить

Саладина, войска котораго опустошали Галилею; войско христіанское, состоявшее изъ тысячи трехъ сотъ рыцарей и болѣе чѣмъ двадцати тысячъ пѣхоты, могло-бы напасть на непріятеля, расположившагося лагеремъ между горою Гельвуэ и древнимъ Скиѳополемъ; но Гюи Лузиньянскій, командовавшій арміею, поколебался вдругъ въ виду опасности или, вѣрнѣе, въ виду побѣды. Это возбудило противъ него общее негодованіе; Бальдуинъ лишилъ его власти и хотѣлъ даже отнять у него графства Аскалонское и Яффское. Онъ передалъ регентство графу Триполискому и возложилъ корону на голову пятилѣтняго ребенка, рожденнаго отъ втораго брака Сибиллы съ маркизомъ Монферратскимъ. Новый король вступилъ на престолъ подъ именемъ Бальдуина V.

Въ этомъ опасномъ положеніи Святая Земля всю свою надежду возлагала на помощь съ Запада. Патріархъ Ираклій и великіе магистры Храмовниковъ и Іоаннитовъ были посланы просить помощи у западныхъ христіанъ. Колеблемая смутами, Европа не могла тогда заботиться о защитѣ Іерусалима. Рвеніе къ крестовымъ походамъ еще не угасло въ ней, но чтобы возбудить его во всей его первоначальной силѣ, нужны были какія-нибудь чрезвычайныя событія, какія-нибудь великія общественныя бѣдствія, которыя могли-бы растрогать сердца и подѣйствовать на воображеніе народовъ. По возвращеніи въ Іерусалимъ, патріархъ Ираклій нашелъ дѣла въ еще худшемъ положеніи. Не было недостатка въ роковыхъ предзнаменованіяхъ грядущихъ общественныхъ бѣдствій. Землетрясенія, затмѣнія луны и солнца казались очевидными признаками близкаго разрушенія королевства; чрезвычайная распущенность нравовъ также наводила страхъ на благочестивыхъ людей. Другимъ предвѣстіемъ несчастій было то, что управленіе находилось въ рукахъ безразсудныхъ, безсильныхъ и развратныхъ людей, а высшая власть имѣла представителей въ лицѣ только князей и королей — неудачниковъ. Бальдуинъ IV, живая развалина, давнишнее достояніе могилы, — умеръ, окруженный презрѣнными партіями, оспаривавшими другъ друга право на верховную власть. Скоро послѣ того внезапно умеръ и Бальдуинъ V, слабая и ненадежная опора христіанъ. Онъ былъ послѣднимъ изъ королей, погребенныхъ у подножія Голгоѳы. Гюи Лузиньянскій и супруга его Сибилла были торжественно помазаны на царство во храмѣ св. Гроба — вопреки желанію бароновъ. Графъ Триполискій, со скорбію видя, въ какихъ рукахъ оказалось управленіе Святою Землею, удалился въ Тиверіаду, владѣніе, доставшееся ему черезъ брачный союзъ.

Паденіе Іерусалимскаго королевства, преданнаго въ неискусныя руки, было неизбѣжно; но доблести христіанской суждено было покрыть славою воспоминанія объ его послѣднихъ дняхъ. 1-го мая 1187 года, на семь тысячъ мусульманскихъ всадниковъ, двинувшихся въ Галилею, напали въ окрестностяхъ Назарета сто-тридцать воиновъ, между которыми были рыцари Храмовники и Іоанниты. Кавалеріею мусульманскою командовалъ Афдалъ, сынъ Саладина. Защитники креста не поколебались вступить въ неравный бой. Современныя лѣтописи, наполненныя воспоминаніями о подвигахъ этого дня, распространяются въ особенности, описывая славную смерть Іакова Малльэ, магистра Храмовниковъ. Этотъ непоколебимый защитникъ креста выдержалъ бой верхомъ на бѣломъ конѣ и только послѣ невѣроятныхъ, чудесныхъ подвиговъ борьбы — былъ побѣжденъ. Сарацины приняли его за св. Георгія, который часто представлялся христіанамъ — спускающимся съ неба во время ихъ битвъ. Въ этомъ сраженіи, происходившемъ на площади, которая до сихъ поръ существуетъ близъ селенія Эль-Махедъ, погибъ весь отрядъ христіанскій, исключая великаго магистра Храмовниковъ и двухъ его рыцарей.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого предстояло совершиться еще большимъ несчастіямъ въ странѣ Галилейской. Саладинъ двинулся къ Тиверіадѣ во главѣ восьмидесяти тысячъ войска. На совѣтѣ въ Іерусалимѣ рѣшено было соединиться всѣмъ христіанскимъ силамъ на равнинѣ Сефурійской.

Въ христіанской арміи оказалось до пятидесяти тысячъ воиновъ; сюда собрались всѣ могущіе владѣть оружіемъ; гарнизоны были выведены изъ крѣпостей королевства, и въ городахъ остались только женщины и дѣти. Вскорѣ пришла вѣсть, что Саладинъ занялъ Тиверіаду и что мусульмане осаждаютъ крѣпость, въ которой нашла убѣжище жена графа Триполисскаго. Былъ собранъ большой совѣтъ, чтобы рѣшить, идти ли на помощь Тиверіадѣ. Когда всѣ вожди высказали свои мнѣнія, то графъ Раймондъ, хотя и наиболѣе заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, посовѣтовалъ забыть въ эту минуту о Тиверіадѣ и остаться въ Сефури, гдѣ близка была вода и не было недостатка въ продовольствіи; онъ заявилъ, что было-бы гибельнымъ неблагоразуміемъ завести громадное количество людей и лошадей въ безплодные пустыри, гдѣ они могутъ подвергнуться страданіямъ отъ голода, жажды и солнечнаго зноя. Раймондъ предполагалъ, что послѣ взятія Тиверіады непріятель двинется на встрѣчу христіанамъ и что онъ потеряетъ много людей, проходя по пустынной и выжженной землѣ между Тиверіадой и Сефури; въ заключеніе онъ прибавлялъ, что народъ христіанскій, имѣя въ изобиліи продовольствіе и воду, съ большимъ успѣхомъ можетъ сопротивляться арміи мусульманской. Раймондъ предпочиталъ потерю Тиверіады потерѣ королевства. Мнѣніе графа Триполисскаго было предусмотрительно и мудро. Но великій магистръ Храмовниковъ былъ противоположнаго мнѣнія. Слабость Гюи Лузиньянскаго все погубила: былъ отданъ приказъ выступать противъ непріятеля.

Утромъ 3-го іюля христіанская армія выступила изъ своего лагеря въ Сефури. Графъ Триполисскій съ своимъ отрядомъ составлялъ авангардъ; въ арьергардѣ были король іерусалимскій и рыцари Храмовники и Іоанниты. Древо Честнаго Креста несли избранные воины, поставленные въ центрѣ войска. Христіане подошли къ селенію Марескальція, въ трехъ миляхъ отъ Тиверіады; тутъ встрѣтили ихъ стрѣлы Сарациновъ, тутъ пришлось имъ испытать жажду и зной. Чтобы добраться до озера Галилейскаго, имъ нужно было проходить черезъ тѣсные проходы и скалистыя мѣстности; графъ Триполисскій послалъ сказать королю, чтобы онъ поспѣшилъ пройти черезъ селеніе не останавливаясь, для того чтобы успѣть дойти до Галилейскаго озера. Лузиньянъ отвѣчалъ, что онъ будетъ слѣдовать за графомъ. Но вдругъ мусульмане напали на арьергардъ и привели въ смятеніе Храмовниковъ и Іоаннитовъ. Король, не зная, что дѣлать, рѣшился остановиться и изъ устъ его вырвались слова: «увы! увы! все для насъ кончено, мы всѣ погибли, и королевство потеряно!» Христіане провели тутъ ужасную ночь; непріятель поджегъ равнину, покрытую сухою травою и кустарникомъ; дымъ, пламя, тучи стрѣлъ, голодъ и жажда начали одолѣвать воиновъ креста.

На другой день христіане рѣшились перебраться черезъ утесистыя возвышенности, отдѣлявшія ихъ отъ озера Галилейскаго; но Саладинъ, вышедшій на разсвѣтѣ изъ Тиверіады, приближался, чтобы вступить въ битву съ христіанской арміей. Авангардъ графа Раймонда уже направлялся къ холмамъ, которые Турки начали занимать. Завидя Сарациновъ, пѣхота христіанская, выстроившись клиномъ, поспѣшила занять вершины холмовъ и такимъ образомъ отдѣлилась отъ отряда короля, который напрасно посылалъ къ ней одного гонца за другимъ, призывая ее на защиту Древа Животворящаго Креста. Храмовники, Іоанниты и остальная часть арьергарда мужественно выдержали первый натискъ непріятеля, но, обезсилѣнные наконецъ все возрастающимъ въ числѣ непріятелемъ, они стали призывать короля на помощь; король-же не придумалъ ничего лучшаго, какъ разставить палатки и предать себя Божіему милосердію. Отряды, предводительствуемые Лузиньяномъ, Храмовниками и Іоаннитами, пришли въ смятеніе и разсѣялись вокругъ хоругви Святаго Креста. При видѣ такого разстройства, графъ Раймондъ, въ отчаяніи,

пробилъ себѣ путь сквозь непріятельскіе ряды и бѣжалъ по направленію къ Триполи съ своимъ авангардомъ. Батальоны Саладина бурею налетѣли на то мѣсто, гдѣ находился іерусалимскій король. Древо Креста, которое столько разъ служило путеводнымъ знаменемъ латинскихъ воиновъ къ побѣдѣ, попало во власть непріятеля; король взятъ въ плѣнъ; Храмовники и Іоанниты убиты или забраны въ плѣнъ. Главныя сцены этой ужасной битвы разыгрались на холмѣ Хиттимъ, томъ самомъ, который въ Евангеліи извѣстенъ подъ названіемъ «горы блаженствъ». Поле битвы представляло повсюду слѣды страшнаго кровопролитія. Одинъ арабскій историкъ, очевидецъ событія, разсказываетъ о чудномъ благоуханіи, которое онъ чувствовалъ среди смертныхъ останковъ, разсѣянныхъ по этимъ холмамъ и долинамъ. Веревокъ со всѣхъ мусульманскихъ палатокъ не было достаточно, чтобы перевязать всѣхъ забранныхъ въ плѣнъ христіанъ. Число плѣнниковъ было такъ велико, что побѣдоносные Сарацины не находили для нихъ покупателей, и одинъ христіанскій рыцарь былъ обмѣненъ за пару обуви.

Гюи Лузиньянъ и главные вожди христіанской арміи, попавшіе въ руки невѣрныхъ, были приведены въ палатку, поставленную посреди лагеря Саладина. Султанъ обошелся благодушно съ французскимъ королемъ и предложилъ ему освѣжиться напиткомъ, охлажденнымъ снѣгомъ. Король, отпивъ изъ чаши, предложилъ ее Рено Шатильонскому, находившемуся возлѣ него, но султанъ остановилъ его и сказалъ: — «этотъ измѣнникъ не долженъ пить въ моемъ присутствіи, такъ какъ для него у меня нѣтъ пощады.» И обращаясь къ Рено, онъ упрекнулъ его въ нарушеніи договоровъ и пригрозилъ ему смертію, если онъ не приметъ вѣры пророка, котораго онъ оскорбилъ. Рено съ благороднымъ пренебреженіемъ отнесся къ угрозамъ султана и отвѣчалъ ему какъ подобало со стороны христіанскаго воина; раздраженный султанъ ударилъ мечемъ безоружнаго плѣнника, и мусульманскіе воины, по знаку своего властелина, отрубили голову рыцарю. Такимъ образомъ, Рено Шатильонскій погибъ за Крестъ смертію мученика; такая кончина его заставляетъ забывать то, что было небезукоризненнаго въ его жизни, полной воинственныхъ приключеній. На другой день Саладинъ, возсѣдая на тронѣ, повелѣлъ умертвить рыцарей — Храмовниковъ и Іоаннитовъ, заключенныхъ въ оковы; всѣ эти доблестные воины съ благочестивою радостью приняли мученическій вѣнецъ. Султанъ помиловалъ только великаго магистра Храмовниковъ, вѣроятно, ради того, что благодаря его неблагоразумнымъ совѣтамъ христіанская армія предана была въ руки Сарацинъ.

Послѣдствіемъ этой роковой для латинскихъ владѣній побѣды было то, что султанъ подчинилъ своей власти одинъ за другимъ города: Птолемаиду, Наплусу, Іерихонъ, Рамлу, Кесарію, Арсуръ, Яффу, Бейрутъ. Только прибрежные города: Тиръ, Триполи и Аскалонъ остались во владѣніи христіанъ. Послѣдняя крѣпость, осажденная Саладиномъ, выдержала геройскую защиту, но наконецъ сдалась на условіи освобожденія султаномъ короля Гюи Лузиньяна, не совсѣмъ-то достойнаго такой жертвы.

Городу Іерусалиму, освобожденіе котораго стоило такъ много подвиговъ и страданій, предстояло вновь подпасть мусульманской власти. Саладинъ приступилъ къ стѣнамъ священнаго города; въ Іерусалимѣ, наполненномъ христіанами, которые пришли сюда, надѣясь найти тутъ вѣрное убѣжище, было очень немного воиновъ для его защиты. Но жители, ободряемые духовенствомъ, готовились къ борьбѣ съ мусульманами; они избрали своимъ начальникомъ Балеана Ибелинскаго, стараго воина, бывшаго въ сраженіи при Тиверіадѣ, опытность и добродѣтели котораго внушали довѣріе и уваженіе къ нему. Первою заботою Балеана Ибелинскаго было исправить городскія укрѣпленія и пріучить къ дисциплинѣ новыхъ защитниковъ

Іерусалима. За неимѣніемъ денежныхъ средствъ на военные расходы, пришлось обирать церкви, и народъ, встревоженный приближеніемъ Саладина, уже не смущался при видѣ того, что драгоцѣнный металлъ, украшавшій часовню Св. Гроба — идетъ на выдѣлку монеты. Прежде, чѣмъ приступить къ осадѣ города, султанъ предложилъ жителямъ капитуляцію; христіане отвѣчали, что никогда они не уступятъ того города, въ которомъ Богъ ихъ принялъ смерть. Начались битвы; осажденные мужественно сопротивлялись; во время частыхъ вылазокъ противъ непріятеля, они дѣйствовали копьемъ и мечемъ; множество изъ нихъ погибало и возносилось, какъ выражаются лѣтописи, въ небесный Іерусалимъ.

Саладинъ расположился лагеремъ сначала на западной сторонѣ Іерусалима, на тѣхъ самыхъ возвышенностяхъ, гдѣ были разставлены палатки Раймонда Тулузскаго восемьдесятъ восемь лѣтъ тому назадъ. Потомъ онъ перемѣнилъ позицію и сталъ на сѣверной сторонѣ города, на томъ мѣстѣ, откуда Готтфридъ дѣйствовалъ своими огромными боевыми машинами. Султанъ велѣлъ сдѣлать подкопы подъ тѣ укрѣпленія, которыя тянутся отъ Іосафатовыхъ воротъ до воротъ Св. Стефана; мужественныя усилія осаждаемыхъ — воспрепятствовать угрожающимъ работамъ Сарацинъ — были безуспѣшны. Башни и стѣны готовы были рушиться по первому сигналу. Велико было отчаяніе въ Іерусалимѣ; духовенство совершало процессіи по улицамъ; повсюду только и слышались мольбы и стоны, взывающіе къ божественному милосердію.

Среди этого смятенія и общаго тревожнаго волненія открытъ былъ заговоръ греческихъ и сирійскихъ христіанъ, которые съ трудомъ переносили подчиненіе свое власти Латинянъ; заговоръ имѣлъ цѣлію предать Іерусалимъ мусульманамъ; это довершило отчаяніе жителей. Балеанъ Ибелинскій и главныя лица города явились къ Саладину и просили его о томъ, чтобы онъ принялъ капитуляцію на тѣхъ условіяхъ, которыя онъ самъ предложилъ жителямъ до начала осады Но Саладинъ вспомнилъ, что на первый отказъ жителей онъ отвѣчалъ клятвою разрушить іерусалимскія стѣны и истребить всѣхъ жителей. Нѣсколько разъ возвращался Балеанъ Ибелинскій въ лагерь султана, но тотъ оставался неумолимъ. Однажды старый воинъ объявилъ Саладину, что если онъ не умилосердится надъ христіанами, то они окончательно придутъ въ отчаяніе, подожгутъ Іерусалимъ и превратятъ священный городъ въ кучу развалинъ и въ одну обширную могилу. Испуганный этими словами султанъ, посовѣтовавшись со своими учеными законниками, которые рѣшили, что онъ можетъ принять капитуляцію, не нарушая своей клятвы, подписалъ предложенныя условія. Побѣдитель даровалъ жизнь жителямъ и позволилъ имъ выкупить свою свободу. Выкупъ состоялъ изъ десяти червонцевъ за мужчину, пяти — за женщину и двухъ за ребенка. Всѣ воины, бывшіе въ Іерусалимѣ при заключеніи капитуляціи, получили разрѣшеніе удалиться въ Тиръ или въ Триполи.

Съ приближеніемъ дня, въ который христіане должны были удалиться изъ Іерусалима, — мысль, что они оставляютъ навсегда св. мѣста, прощаются навѣкъ съ божественною Гробницею и Голгоѳою, погрузила весь этотъ несчастный народъ въ глубочайшее горе; всѣ желали въ послѣдній разъ облобызать священные слѣды Іисуса Христа и совершить послѣднее молебствіе въ тѣхъ церквахъ, гдѣ они такъ часто молились; слезы были у всѣхъ на глазахъ, и никогда Іерусалимъ не былъ такъ дорогъ христіанамъ, какъ въ тотъ день, когда имъ приходилось подвергнуться изгнанію изъ этого святаго отечества. Когда наступилъ этотъ печальный день, то всѣ городскія ворота, исключая воротъ Давидовыхъ, были закрыты. Саладинъ, сидя на тронѣ, смотрѣлъ, какъ проходилъ мимо него погруженный въ уныніе народъ. Патріархъ въ сопровожденіи духовенства, шелъ впереди, унося съ собою священные сосуды, украшенія Св. Храма и

сокровища, цѣнность которыхъ была извѣстна одному только Богу, какъ выражается арабскій лѣтописецъ. За патріархомъ шла королева Сибилла, окруженная знатнѣйшими баронами и рыцарями; Саладинъ отнесся почтительно къ ея горю и сказалъ ей нѣсколько привѣтливыхъ словъ. За королевой шло множество женщинъ съ дѣтьми на рукахъ, потрясая слухъ раздирающими воплями. Проходя мимо Саладина, онѣ умоляли его возвратить имъ ихъ мужей и сыновей, содержащихся въ неволѣ, и онъ внялъ ихъ мольбамъ. Многіе христіане оставили въ городѣ свое имущество и драгоцѣннѣйшія вещи и несли на плечахъ — кто — престарѣлыхъ родителей, кто — недужныхъ и увѣчныхъ друзей. Это зрѣлище растрогало сердце Саладина. Въ порывѣ великодушнаго сostраданія онъ позволилъ рыцарямъ Іоаннитамъ остаться въ городѣ, чтобы ухаживать за больными пилигримами и другими, кому болѣзнь помѣшала выдти изъ города. Большинство христіанъ было освобождено отъ рабства.

Почитаніе пророка Мекки замѣнило поклоненіе Іисусу Христу въ завоеванномъ городѣ. Всѣ церкви, исключая Храма Св. Гроба, были обращены въ мечети. Саладинъ приказалъ обмыть розовой водой, доставленной изъ Дамаска, внутреннія и наружныя стѣны Омаровой мечети. Въ первую пятницу, послѣдовавшую за взятіемъ Іерусалима, главный имамъ произнесъ рѣчь въ честь побѣдъ Саладина. Въ то время, какъ Святыя Мѣста оглашались хвалебными молитвословіями чуждаго вѣроисповѣданія, христіане печально бродили по сирійскимъ равнинамъ, отверженные своими братьями, обвинявшими ихъ въ томъ, что они предали Гробъ Сына Божія. Городъ Триполи закрылъ передъ ними свои ворота. Тѣ, которые удалились въ Египетъ, были менѣе несчастливы и нашли состраданіе въ серцахъ мусульманъ; многіе возвратились морскимъ путемъ въ Европу, гдѣ и возвѣстили съ печалію, что Іерусалимъ подчинился власти Саладина.

ГЛАВА XIV.

Призывъ къ новому крестовому походу.—Экспедиція императора Фридриха I.

(Отъ 1188 до 1189 г.)

По понятіямъ современниковъ, спасеніе вѣры христіанской, самая слава Божія состояла въ прямой связи съ сохраненіемъ Іерусалима; потеря священнаго города должна была, слѣдовательно, произвести общее уныніе на Западѣ. Урбанъ I, получивъ это извѣстіе, умеръ отъ горя. Имя Іерусалима переходило изъ устъ въ уста съ воплями отчаянія. Знаменія небесныя, казалось, предвозвѣщали о бѣдствіяхъ Святой Земли; вслѣдъ за несчастіями, разразившимися надъ Святыми Мѣстами, — явились чудеса, какъ-бы въ отзывъ на общую скорбь: слезы вѣрующихъ смѣшивались съ кровавыми слезами, источаемыми Святымъ Распятіемъ и иконами св. угодниковъ Божіихъ. Всѣ обвиняли себя въ бѣдствіяхъ Іерусалима, почитая ихъ наказаніемъ Божіимъ за грѣхи; всѣ стремились — смиреннымъ покаяніемъ умилостивить прогнѣваннаго Господа. За этимъ взрывомъ общей скорби и раскаянія послѣдовали разныя благочестивыя преобразованія. Европа была готова отозваться на призывъ папы Григорія VIII, который умеръ, не осуществивъ начатаго предпріятія; руководительство крестовымъ походомъ принялъ папа Климентъ III.

Вильгельмъ, архіепископъ Тирскій, прибывшій съ востока, чтобы испросить помощь князей, былъ уполномоченъ папою проповѣдывать священную войну. Прежде всего онъ обратился къ народамъ Италіи, а потомъ поѣхалъ во Францію; онъ явился на собраніе, созванное близъ Жизора Генрихомъ II, англійскимъ королемъ, и Филиппомъ-Августомъ, королемъ французскимъ. По прибытіи Вильгельма Тирскаго оба эти короля, находившіеся въ войнѣ за Вессенъ, заключили миръ. Епископъ Святой Земли прочелъ во всеуслышаніе, въ присутствіи собравшихся князей и рыцарей, донесеніе о взятіи Іерусалима Саладиномъ, и при описаніи этого бѣдствія всѣ присутствовавшіе рыдали. Ораторъ началъ убѣждать вѣрующихъ принять крестъ; онъ представилъ имъ страданія христіанъ, изгнанныхъ изъ ихъ жилищъ, лишенныхъ имущества, скитающихся среди азіатскаго населенія, не имѣя гдѣ приклонить голову; онъ упрекалъ князей и рыцарей, допустившихъ похитить наслѣдіе Іисуса Христа, забывшихъ христіанское государство, основанное ихъ отцами; онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они ведутъ войны между собою изъ за-границъ провинціи или береговъ рѣки, между тѣмъ какъ невѣрные побѣдоносно попираютъ царство Іисуса Христа. Эти увѣщанія растрогали всѣ сердца. Непримиримые дотого враги, Генрихъ II и

Филиппъ-Августъ со слезами обняли другъ друга и приняли крестъ. Ричардъ, сынъ Генриха и герцогъ Гвіенскій, Филиппъ графъ Фландрскій, Гуго герцогъ Бургундскій, Генрихъ графъ Шампанскій, Тибо графъ Блоасскій, Ротру графъ Першскій, графы Суассонскій, Неверскій, Барскій и Вандомскій, братья Іосцелинъ и Матвѣй де-Монморанси, множество бароновъ и рыцарей, нѣсколько епископовъ и архіепископовъ французскихъ и англійскихъ дали клятву освободить Іерусалимъ. Все собраніе повторяло слова: «крестъ! крестъ!» и на этотъ крикъ, призывающій къ войнѣ, отозвались всѣ провинціи. Энтузіазмъ крестоваго похода овладѣлъ всею Франціею и всѣми сосѣдними странами.

Не доставало денегъ для святаго предпріятія; на совѣтѣ князей и епископовъ было рѣшено, что всѣ тѣ, которые не примутъ креста, должны будутъ уплатить десятую часть своихъ доходовъ и стоимости своего движимаго имущества. Этотъ налогъ былъ названъ Саладиновою десятиною, какъ бы въ объясненіе воинственныхъ цѣлей, ради которыхъ онъ былъ назначенъ. Тѣхъ, кто отказывался уплатить этотъ священный налогъ, подвергали отлученію отъ церкви. Духовенство заявляло, что оно можетъ быть полезно крестоносцамъ только молитвами, но на эти заявленія не было обращено никакого вниманія; церковь также была принуждена подчиниться налогу. Взиманіе Саладиновой десятины было опредѣлено статутами. Но такъ какъ и этого налога оказалось недостаточно, то вспомнили, что Евреи богаты. Король французскій приказалъ ихъ арестовать въ ихъ синагогахъ и принудилъ внести въ государственну юкассу пять тысячъ серебряныхъ марокъ.

Приношенія вѣрующихъ не достигли ихъ священнаго назначенія; они были употреблены на войну, предпринятую противъ короля Генриха сыномъ его Ричардомъ, перешедшимъ на сторону Филиппа-Августа. Папскій легатъ отлучилъ Ричарда отъ церкви и угрожалъ Филиппу наложеніемъ духовнаго запрещенія на все королевство; оба государя отнеслись съ пренебреженіемъ къ этимъ проклятіямъ и угрозамъ. Кончина Генриха II положила конецъ этой распрѣ; англійскій монархъ умеръ, проклиная своего непокорнаго сына. Сдѣлавшись англійскимъ королемъ и обвиняя себя въ смерти своего отца, Ричардъ устремилъ всѣ свои помышленія на священную экспедицію. Онъ собралъ близъ Нортэмптона всѣхъ бароновъ и прелатовъ королевства; на собраніи этомъ архіепископъ Кентерберійскій Бальдуинъ проповѣдывалъ крестовый походъ. Этотъ прелатъ посѣтилъ также и провинціи, стараясь вездѣ возбуддить общее религіозное и воинственное настроеніе; миссія его сопровождалась чудесными случаями. Энтузіазмъ Англичанъ проявился прежде всего въ видѣ гоненія на Евревъ; кровь ихъ полилась въ Лондонѣ и въ Іоркѣ. Ричардъ, надѣясь извлечь изъ этого преслѣдованія выгоды для своей казны, не торопился обуздывать ярость толпы. Богатствъ, добытыхъ путемъ гоненія на Евреевъ, и Саладиновой десятины, которая взыскивалась въ Англіи съ безпощадною строгостью, — оказалось однакоже не достаточно для короля Ричарда; онъ посягнулъ и на государственныя земли и положилъ продать съ аукціона права на высшія государственныя должности; онъ не поколебался-бы, какъ говорили тогда, продать и Лондонъ, еслибы только нашелъ на него покупателя.

Между тѣмъ, какъ совершались эти приготовленія къ крестовому походу и знаменитый Петръ Блоасскій воспламенялъ своимъ краснорѣчіемъ благочестивое рвеніе бароновъ и рыцарей, въ Нонанкурѣ произошло свиданіе между Филиппомъ-Августомъ и Ричардомъ.

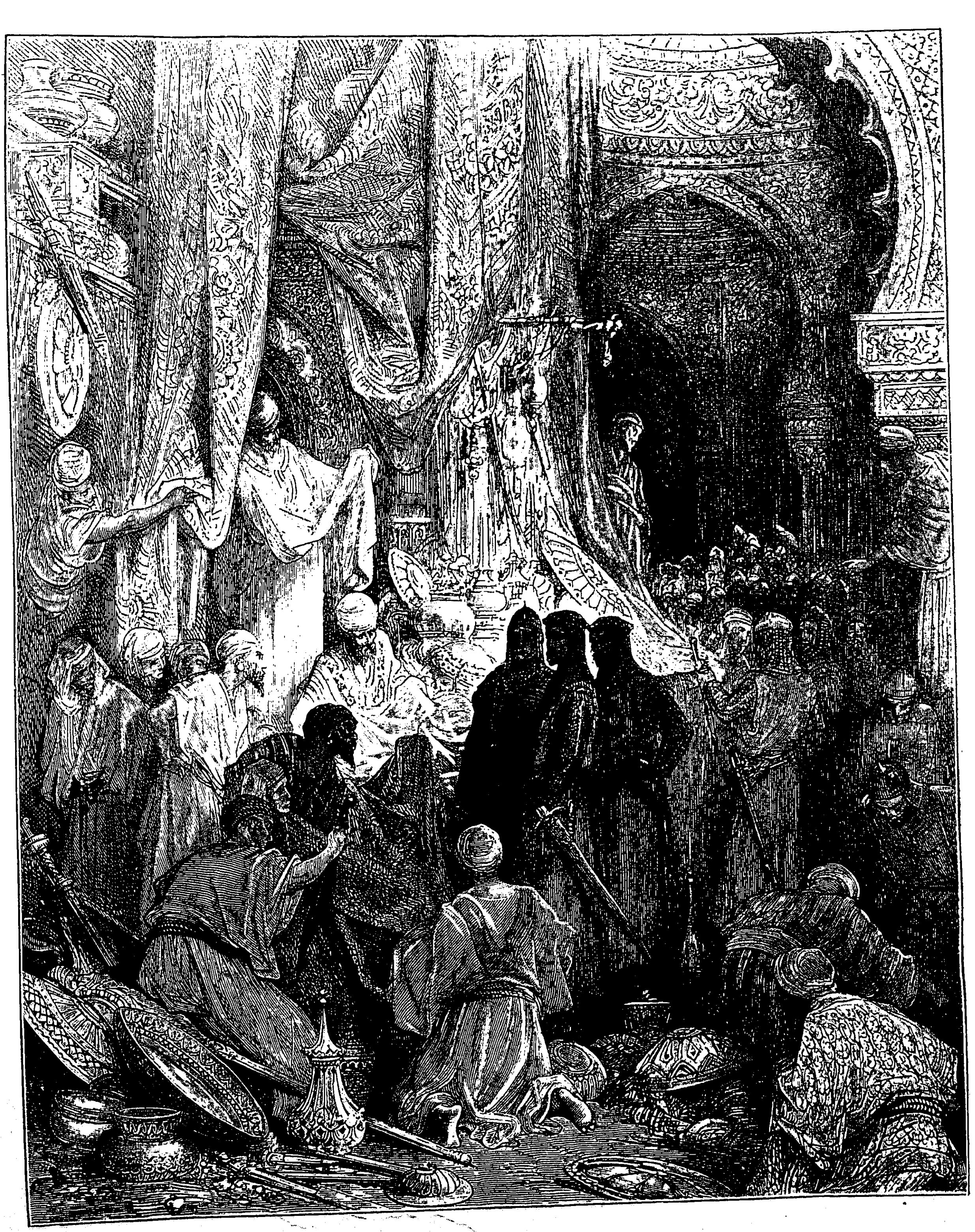
Оба короля, желая обезпечить порядокъ и дисциплину въ тѣхъ арміяхъ, которыя они должны были вести на Востокъ, составили очень строгія постановленія для обузданія страстей и пороковъ пилигримовъ. Присутствіе женщинъ во время перваго крестоваго похода было причи-

ною многихъ безпорядковъ; Нонанкурское собраніе запретило имъ путешествіе въ Св. Землю. Запрещены были всѣ азартныя игры; умѣрена была роскошь стола и одежды Ричардъ отправился въ Марсель, а Филиппъ-Августъ въ Геную, чтобы ѣхать дальше морскимъ путемъ. Управленіе королевствомъ французскій монархъ поручилъ матери своей Адели и дядѣ своему кардиналу Шампаньскому. Въ Сенъ-Дени онъ принялъ посохъ и котомку пилигрима.

Простясь въ Жизорѣ съ королями французскимъ и англійскимъ, архіепископъ Тирскій, уполномоченный проповѣдывать священную войну, отправился въ Германію, чтобы убѣдить Фридриха Барбароссу принять крестъ. Этотъ государь былъ въ разладѣ съ папскимъ престоломъ, и крестовый походъ представился ему естественнымъ средствомъ помириться съ святѣйшимъ отцомъ. Храбростію своею Фридрихъ Барбаросса уже прославилъ себя въ сорока сраженіяхъ; но въ XII вѣкѣ одна только слава признавалась истинною славою, это—та, за которою приходилось отправляться въ Азію; императоръ германскій увлекся современными воззрѣніями. Онъ принялъ крестъ на сеймѣ въ Майнцѣ; знаменитѣйшіе германскіе воины послѣдовали примѣру Фридриха. Увѣщаніями римскаго двора огласились всѣ церкви Германіи. Апостолы-проповѣдники священной войны и депутаты Палестины разсѣялись повсюду, оплакивая участь христіанства на Востокѣ и кровныя оскорбленія, нанесенныя Кресту Спасителя.

Фридрихъ сопутствовалъ своему дядѣ Конраду во время втораго крестоваго похода; ему были извѣстны тѣ безпорядки, которыми сопровождались эти отдаленныя экспедиціи. На нюренбергскомъ собраніи и на многихъ другихъ, имѣвшихъ предметомъ приготовленія къ священной войнѣ, постановлены были мудрыя распоряженія; приняты были всѣ мѣры, чтобы предохранить многочисленную армію отъ необузданности и нужды. Тевтонскіе крестоносцы получили предписаніе соединиться въ Регенсбургѣ. Императоръ германскій выступилъ въ походъ съ своей арміей незадолго до праздника Пятидесятницы, въ 1189 году, предоставивъ сыну своему Генриху управленіе государствомъ во время его отсутствія. По пути на Востокъ Фридрихъ отправлялъ впереди себя пословъ ко всѣмъ мусульманскимъ и христіанскимъ князьямъ и государямъ, черезъ владѣнія которыхъ онъ долженъ былъ проходить; Генрихъ графъ Голландскій былъ уполномоченъ вести переговоры съ Саладиномъ; императоръ, напоминая ему о своихъ дружескихъ отношеніяхъ къ султану каирскому и дамасскому, объявлялъ, что онъ не можетъ болѣе оставаться въ дружбѣ съ нимъ, и что вся Римская Имперія возстанетъ противъ него, если онъ не возвратитъ Іерусалима и Креста Спасителя, доставшихся въ его руки. Отвѣтомъ Саладина было объявленіе войны.

Проходя черезъ Венгрію, армія Фридриха встрѣчала вездѣ гостепріимное населеніе. Она извѣдала нужду, только проходя черезъ Болгарію, еще болѣе дикую теперь, чѣмъ во времена Петра Пустынника. Города здѣсь опустѣли, мельницы были разрушены, горные проходы завалены огромными камнями и служили притонами для разбойничьихъ шаекъ. Жители обращались грубо съ пилигримами и грабили ихъ; имъ это не сходило даромъ: «ихъ вѣшали на деревьяхъ, какъ поганыхъ собакъ или какъ хищныхъ волковъ», по выраженію лѣтописи. Прибывъ въ Филиппополь, германская армія узнала, что послы, отправленные къ императору Исааку, были заключены имъ въ тюрьму, въ Константинополѣ; тогда преданы были забвенію договоры, заключенные передъ выступленіемъ изъ Регенсбурга, и въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вся страна была въ страшномъ волненіи. Когда послы, выпущенные на свободу, появились среди пилигримовъ, то они разожгли въ нихъ вражду, напомнивъ о коварствѣ византійскаго государя, сдѣлавшагося союзникомъ Саладина.

Восторгъ крестоносцевъ при видѣ роскоши Востока

Адріанополь, Дидимотика, Селиврія, Галлиполи и всѣ укрѣпленныя мѣста по правому берегу Пропонтиды и Геллеспонта подчинились Германцамъ. Подготовляемо было нападеніе и на Константинополь; послали просить у Венеціи, Анконы и Генуи большихъ и малыхъ судовъ, чтобы предпринять осаду императорскаго города со стороны моря. Фридрихъ убѣждалъ папу проповѣдывать крестовый походъ противъ Грековъ. Наконецъ, Исаакъ, долго противившійся пропустить крестоносцевъ чрезъ свои владѣнія, смирился передъ ними и понялъ необходимость поставить море между Греціею и этою грозною арміею. Тысяча-пять-сотъ кораблей и двадцать-шесть галеръ перевезли пилигримовъ на азіатскій берегъ. Герцогъ Швабскій, во главѣ своего отряда, первый перешелъ чрезъ Геллеспонтъ; императоръ Фридрихъ при звукахъ трубъ переплылъ черезъ проливъ съ остальнымъ корпусомъ арміи. Фридрихъ вышелъ изъ Лампсака, перешелъ чрезъ рѣку Граникъ близъ того мѣста, гдѣ встрѣтились арміи Александра и Дарія, и оставивъ налѣво за собою гору Олимпъ, а направо гору Иду, направился къ Филадельфіи. Христіанской арміи приходилось обуздывать дерзость греческихъ отрядовъ, которые часто нападали на безоружныхъ пилигримовъ и грабили убитыхъ. Крестоносцы, — сказано въ одной лѣтописи, — находились на землѣ скорпіоновъ, головы которыхъ не представляютъ ничего, внушающаго опасеніе, но которые уязвляютъ хвостомъ. Рѣки и города, чрезъ которые проходилъ Фридрихъ на пути своемъ отъ Лампсака до Филадельфіи, называются славными именами, къ которымъ примѣшиваются поэтическія преданія древности; у лѣтописцевъ же они означены только варварскими именами; Исопъ, Эрмъ и Пактолъ, Пергамъ, Сарды и Магнезія не пробуждали никакихъ воспоминаній въ воображеніи тевтонскихъ крестоносцевъ.

Филадельфія, — послѣдній греческій городъ на границѣ мусульманскихъ владѣній, — отказала въ продовольствіи арміи Франковъ. Рыцари, раздраженные такимъ пріемомъ, выломали однѣ изъ городскихъ воротъ и ранили многихъ Грековъ; другіе крестоносцы метали въ нихъ со стѣнъ стрѣлами и камнями и эти враждебныя дѣйствія прекращены были только вмѣшательствомъ Фридриха. На пути изъ Филадельфіи въ Лаодикею крестоносцы потеряли много лошадей въ горахъ Месосійскихъ. Проходили они мимо развалинъ Триполи и Іераполиса; послѣднія находились по южному скату одной горы, въ двухъ часахъ пути отъ Лаодикеи. Христіанская армія перешла черезъ р. Ликъ, которую лѣтописцы называютъ Малымъ Меандромъ, и вступила въ Лаодикею, гдѣ продовольствіе было доставлено ей въ изобиліи.

Описывая путь Фридриха отъ Лаодикеи, лѣтописцы прежде всего упоминаютъ объ озерѣ Солончакѣ, находившемся въ шестнадцати миляхъ отъ этого города. Императорская армія потеряла много вьючнаго скота въ этой безплодной мѣстности, гдѣ не растетъ ни деревьевъ, ни цвѣтовъ, ни даже травы; близъ озера армія встрѣтила большое стадо, принадлежавшее Туркменамъ, кочевавшимъ по его берегамъ; Туркмены бросили свои палатки и убѣжали въ горы; но германскіе пилигримы не желая возбуждать ненависть туземныхъ племенъ, заблагоразсудили не касаться этого стада; во время прежнихъ экспедицій войска не явили-бы такого примѣра воздержанія и дисциплины. Отъ озера Солончака путь крестоносцевъ былъ постоянною борьбою и непрестаннымъ рядомъ разныхъ бѣдствій. Этотъ путь продолжался двадцать дней. Близъ Филомелія напали на лагерь христіанской арміи мусульманскіе отряды, но были отражены. На другой день послѣ праздника Св. Пятидесятницы, въ семи или восьми верстахъ отъ Иконіи, крестоносцы вступили въ битву съ войскомъ султана иконійскаго; лѣтописцы говорятъ, что это войско состояло изъ трехъ сотъ тысячъ воиновъ. «Подобно саранчѣ, налетѣли во множествѣ и покрыли равнину турецкіе всадники», — говорится въ лѣтописи. Но Тевтоны принудили обратиться въ бѣгство эти

непріятельскія полчища. Одинъ пилигримъ поклялся «честію крестоносца», что онъ видѣлъ Св. Георгія, сражающагося во главѣ батальоновъ креста. Остатки султанской арміи искали убѣжища въ Иконіи.

Одинъ мусульманинъ служилъ проводникомъ Германцамъ на пути ихъ къ столицѣ Ликаоніи; этотъ проводникъ завелъ ихъ въ пустынную и безводную мѣстность; имъ пришлось испытать всѣ мученія жажды: иные, чтобы утолить ее, пили кровь своихъ лошадей; другіе пили урину или жевали листья и траву, чтобы сокомъ ихъ хотя сколько-нибудь освѣжить воспаленную гортань. Встрѣтивъ болото, гнилая вода котораго показалась имъ пріятною, какъ нектаръ, они — по выраженію лѣтописца-очевидца — бросились къ нему, «какъ олень, убѣгающій отъ охотниковъ, устремляется къ источникамъ воднымъ».

Одинъ мусульманскій посолъ явился предложить Фридриху продать за триста червонцевъ свободный проходъ арміи черезъ непріятельскія земли. «Мы имѣемъ обычай, — отвѣчалъ Фридрихъ:— не золотомъ покупать себѣ путь, а пролагать его оружіемъ и помощію Господа нашего Іисуса Христа». Германскіе лѣтописцы подробно описываютъ битвы, посредствомъ которыхъ открылись для крестоносцевъ ворота въ Иконію; армія раздѣлена была на два корпуса, изъ которыхъ однимъ командовалъ Фридрихъ, а другимъ — Герцогъ Швабскій; первый долженъ былъ напасть на непріятеля, разсыпавшагося по равнинѣ, а второй — направить удары на городъ. Императоръ и сынъ его, послѣ цѣлаго ряда чудныхъ подвиговъ, овладѣли городомъ. Одинъ свидѣтель разсказываетъ объ этой побѣдѣ, какъ о событіи, совершенно достойномъ того, чтобы быть помѣщеннымъ на страницахъ исторіи, такъ какъ «городъ Иконія, — говоритъ онъ, — равняется по величинѣ городу Кёльну». Германцы, продолжая свой путь, прибыли въ Ларанду, городъ, находящійся въ тридцати-пяти миляхъ отъ Иконіи, извѣстный нынѣ подъ именемъ Карамана. Одинъ лѣтописецъ, описывая этотъ путь, говоритъ, что ни на какомъ языкѣ, даже на ангельскомъ, не нашлось-бы достойныхъ словъ, чтобы описать всѣ страданія, которыя безъ малѣйшаго ропота вытерпѣла германская армія во имя Іисуса и во славу честнаго креста Его.

Тевтоны приближались къ границамъ христіанскихъ владѣній. Армянскіе князья выслали имъ на встрѣчу пословъ, чтобы предложить Фридриху всякаго рода помощь. Пилигримамъ нечего уже было больше опасаться нападенія или какихъ-нибудь неожиданностей со стороны Турокъ, но ихъ терпѣнію и мужеству оставалось еще преодолѣвать трудности перехода черезъ Тавръ. «Кто не былъ-бы растроганъ до слезъ, — разсказываетъ старинный лѣтописецъ, — при видѣ благороднѣйшихъ вождей арміи, которымъ болѣзнь или утомленіе мѣшали идти и которые, лёжа на мулахъ, переносились по крутымъ утесамъ и опаснымъ тропинкамъ! Кто взглянулъ-бы безъ содроганія на этихъ рыцарей, князей, знаменитыхъ епископовъ, когда они пробирались по крутизнамъ, недоступнымъ даже для дикихъ сернъ, или по краю пропастей, цѣпляясь руками и ногами, какъ четвероногія животныя! Сколько пилигримовъ лишились тогда и оружія, и имущества, и лошадей, рискуя при томъ и сами скатиться въ пропасть! Любовь къ Тому, Кто направлялъ ихъ шаги, надежда обрѣсти отечество на небесахъ, къ которому они стремились (такъ выражается современный историкъ), заставляли ихъ безропотно переносить всѣ эти страданія.»

Мы приближаемся теперь къ катастрофѣ, которая бѣдственнымъ образомъ закончила эту экспедицію, слухи о которой привели въ трепетъ Азію. Армія креста слѣдовала по берегамъ Селефы, маленькой рѣчки, вытекающей близъ Ларанды и впадающей въ Киликійское море. Императоръ Фридрихъ, желая ли выкупаться или только переплыть черезъ эту рѣчку, спустился въ

воду, и черезъ минуту былъ вытащенъ оттуда безъ всякихъ признаковъ жизни. Смерть его привела въ смятеніе и уныніе всю армію; нѣкоторые пилигримы не могли пережить этого бѣдствія; другіе, предавшись отчаянію, отпали отъ вѣры Христовой. Современная исторія, описывая это несчастное событіе, въ трепетѣ отступаетъ передъ ужасающими тайнами Провидѣнія. Крестоносцы продолжали медленно подвигаться впередъ, унося съ собою останки знаменитаго ихъ вождя, который до сихъ поръ поддерживалъ въ нихъ бодрость; свидѣтельства лѣтописцевъ представляютъ несогласіе относительно того мѣста, гдѣ предано было погребенію тѣло Фридриха; иные говорятъ, что въ Тирѣ, другіе — что въ Антіохіи. Раздѣлившись на нѣсколько корпусовъ, часть арміи крестоносцевъ прибыла въ Антіохію, гдѣ сдѣлалась жертвою чумной эпидеміи; другіе, проходя черезъ владѣнія Алеппскія, всѣ почти попали подъ власть мусульманъ. «Во всей странѣ, — говорилъ одинъ арабскій писатель: — не было семьи, въ которой не имѣлось-бы трехъ или четырехъ невольниковъ-германцевъ». Изъ ста тысячъ тевтонскихъ крестоносцевъ, отправившихся изъ Европы, едва только пять тысячъ добрались до Палестины. Несчастная участь, постигшая эту могущественную армію, приводитъ въ недоумѣніе человѣческую мудрость — при мысли о всемъ, что произвелъ проницательный геній Фридриха для того, чтобы обезпечить успѣхъ этой экспедиціи.

ГЛАВА XV.

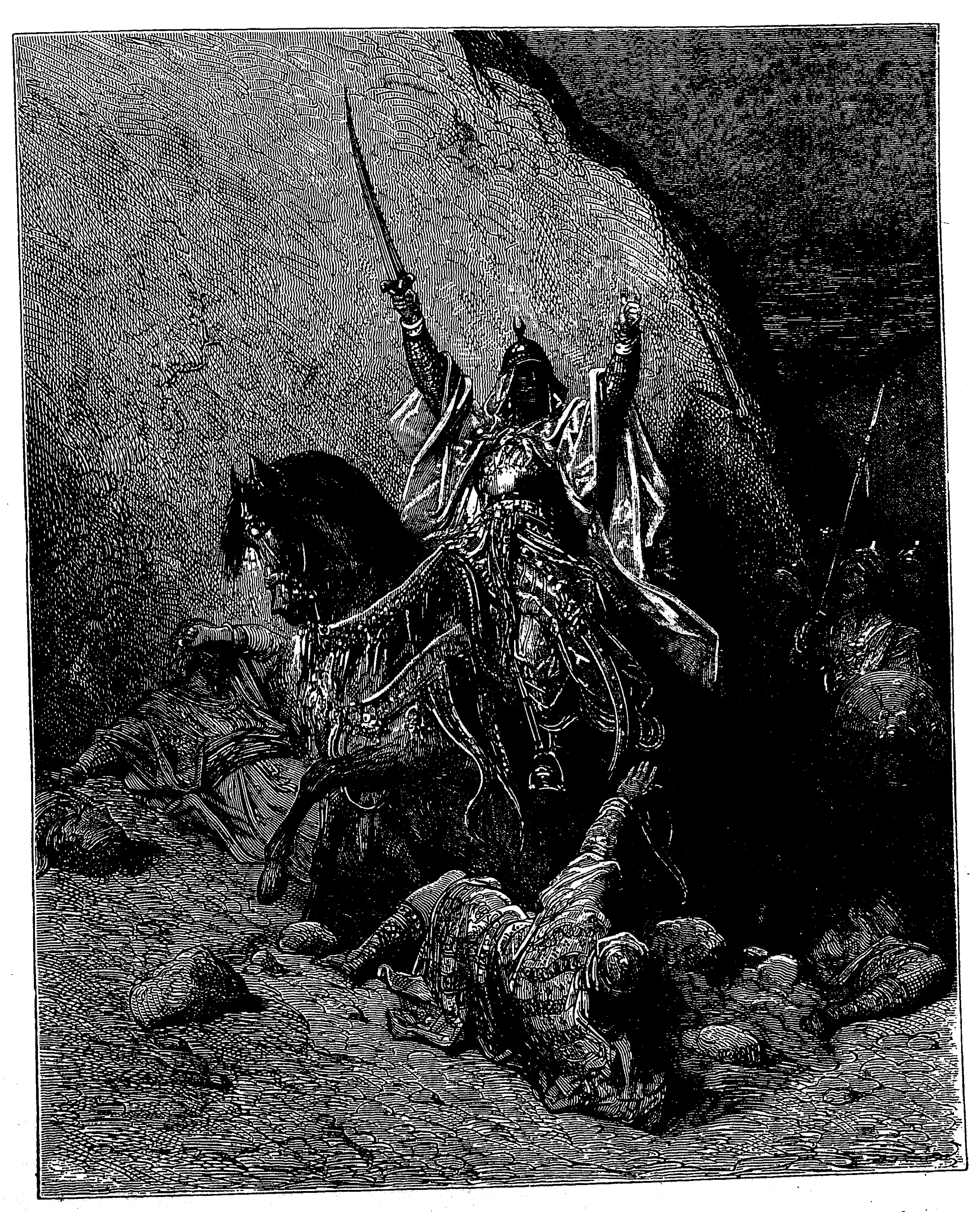
Побѣды Саладина. — Осада Сенъ-Жанъ-д'Акры.

(Отъ 1189 по 1190 г.)

После всего, разсказаннаго до сихъ поръ о священныхъ войнахъ, историкъ останавливается въ затрудненіи среди множества совершившихся уже фактовъ и передъ вновь возникающими со всѣхъ сторонъ событіями. Становится трудно передавать ихъ въ полной послѣдовательности и съ соблюденіемъ строгой точности въ числахъ; приходится то забѣгать впередъ, то возвращаться назадъ, чтобы представить въ большей ясности различныя происшествія.

Между тѣмъ какъ въ Европѣ слышались повсюду новые призывы къ крестовому походу противъ Саладина, побѣдителя Тиверіады и Іерусалима, войска султана продолжали вторгаться во владѣнія Христіанъ. Однакоже, одинъ городъ внезапно проявилъ сопротивленіе соединеннымъ силамъ новаго властелина Востока; жители Тира поклялись скорѣе умереть, чѣмъ подчиниться мусульманской власти; эту великодушную рѣшимость возбудилъ въ нихъ Конрадъ, сынъ маркиза Монфератскаго, прибывшій въ городъ въ то время, когда истомленные жители помышляли уже сдаться на капитуляцію Саладину. Конрадъ принялъ на себя начальство въ городѣ, расширилъ рвы, возстановилъ укрѣпленія и подъ его руководствомъ жители поняли, какъ слѣдовало вести борьбу съ сухопутными и морскими силами Сарацинъ.

Отецъ Конрада, взятый въ плѣнъ во время Тиверіадской битвы, томился въ заключеніи въ Дамаскѣ, когда вдругъ Саладинъ велѣлъ привести его къ себѣ; онъ вздумалъ воспользоваться личностью стараго маркиза Монферратскаго, чтобы обезоружить храбраго защитника Тира. Султанъ обѣщалъ Конраду возвратить ему его отца и предоставить ему богатыя владѣнія въ Сиріи, если онъ откроетъ для него городскія ворота. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ угрожалъ ему выставить маркиза Монферратскаго впереди рядовъ Сарацинъ и такимъ образомъ подвергнуть его ударамъ осажденныхъ. Конрадъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ презрѣнными дары невѣрныхъ, что жизнь отца для него менѣе дорога, чѣмъ успѣхъ христіанскаго дѣла, и что если варварство Сарацинъ дойдетъ до того, что они погубятъ старца, то онъ вмѣнитъ себѣ въ славу быть сыномъ мученика. Саладинъ возобновилъ осаду, а сопротивленіе Тирянъ доходило до героизма. Среди волнъ, у подножія укрѣпленій возникали безпрерывно новыя битвы. Вездѣ мусульмане встрѣчали тотъ же героизмъ христіанъ, который столько разъ приводилъ ихъ въ трепетъ. Отчаяваясь взять Тиръ, Саладинъ отправился осаждать Триполи, который также принудилъ его отступить.

Саладинъ!

Гюи Лузиньянъ, получивъ свободу, задумалъ возвратить себѣ престолъ, который былъ однажды предоставленъ ему судьбою. Онъ явился въ Тиръ, но здѣсь не захотѣли признать его королемъ, и тогда онъ предпринялъ осаду Птолемаиды во главѣ девяти тысячъ человѣкъ, которыхъ ему удалось собрать подъ свои знамена. Городъ Птолемаида или Сенъ-Жанъ-д'Акра, выстроенный на берегу моря, на окраинѣ большой равнины, былъ окруженъ съ этой стороны высокими стѣнами, глубокими рвами и грозными башнями, между которыми замѣчательна была башня подъ названіемъ Проклятой. Каменная плотина ограждала гавань и заканчивалась фортомъ, выстроеннымъ на уединенномъ утесѣ, возвышавшемся среди волнъ. Осада Птолемаиды, длившаяся два года, началась въ концѣ августа 1189 г. Флотъ, состоявшій изъ Пизанцевъ, заграждалъ всѣ входы въ крѣпость со стороны моря. Немногочисленное войско короля Гюи размѣстилось въ палаткахъ по скату холма Туронскаго, одного изъ холмовъ, пересѣкающихъ равнину по сосѣдству съ Акрою. Спустя три дня послѣ своего прибытія, христіане сдѣлали энергическое нападеніе на городъ. По словамъ лѣтописца, это первое нападеніе открыло-бы входъ въ крѣпость, еслибы вѣсть о приближеніи Саладина не распространила паническаго страха между осаждающими. Между тѣмъ сюда прибыли двѣнадцать тысячъ Фризонскихъ и Датскихъ воиновъ и отрядъ Англичанъ и Фламандцевъ подъ начальствомъ архіепископа Кэнтерберійскаго и Іакова Авенскаго и подкрѣпили силы небольшаго войска Гюи Лузиньяна.

Саладинъ между-тѣмъ также приблизился съ своей арміей, раскинулъ свои палатки по холму Кизанскому и окружилъ ими со всѣхъ сторонъ лагерь христіанъ. Послѣ многихъ битвъ, которыя не могли поколебать христіанъ, султанъ пожелалъ дать генеральное сраженіе и назначилъ его на пятницу, въ день, который у всѣхъ народовъ, исповѣдующихъ магометанскую вѣру, посвящается молитвѣ; онъ выбралъ этотъ день и часъ, чтобы возбудить фанатизмъ и усиленное рвеніе мусульманской арміи. Во время этого сраженія Саладинъ вытѣснилъ христіанъ со всѣхъ постовъ, которые они занимали по берегу моря, и пробился за стѣны крѣпости. Здѣсь оставилъ онъ самыхъ надежныхъ воиновъ и возвратился на Кизанскій холмъ.

Ежедневно приходили сюда новые христіанскіе отряды изъ западныхъ странъ; съ прибытіемъ подкрѣпленій изъ Италіи, Франціи, Германіи и Англіи лагерь все болѣе и болѣе увеличивался; глубокіе рвы и земляные окопы окружали его и придавали ему видъ крѣпости. Больше ста тысячъ воиновъ собралось уже передъ Акрою, между тѣмъ какъ могущественные монархи, руководившіе крестовымъ походомъ, занимались еще только приготовленіями къ отъѣзду.

Уже сорокъ дней Франки осаждали эту крѣпость, и безпрерывно происходили у нихъ схватки или съ гарнизономъ или съ отрядами Саладина. 4-го октября христіанская армія спустилась съ холма и расположилась на равнинѣ въ боевомъ порядкѣ. На многихъ прелатахъ были каски и кирасы. Король Гюи, впереди котораго четыре рыцаря несли Евангеліе, начальствовалъ надъ Французами и надъ Іоаннитами. Конрадъ, прибывшій изъ Тира, чтобы раздѣлять труды христіанъ, предводительствовалъ венеціанскими, ломбардскими и тирскими воинами, Ландграфъ Тюрингскій шелъ во главѣ Германцевъ, Пизанцевъ и Англичанъ, составлявшихъ центръ арміи. Великій магистръ Храмовниковъ съ своими рыцарями, герцог Гвельдрскій со своими ратниками составляли резервный корпусъ; охраненіе лагеря было поручено Готтфриду Лузиньянскому и Іакову Авенскому. При первомъ столкновеніи лѣвый флангъ мусульманской арміи отступилъ въ безпорядкѣ. Лагерь Саладина былъ взятъ. Множество Сарацинъ подъ вліяніемъ страха обратились въ бѣгство по направленію къ Тиверіадѣ.

Овладѣвъ турецкимъ лагеремъ, христіане бросились грабить палатки, и всякій порядокъ былъ нарушенъ. Тогда Сарацины, замѣтивъ, что ихъ больше не преслѣдуютъ, соединились

по призыву Саладина и сраженіе возобновилось. Изумленіе и ужасъ овладѣли толпою христіанъ. Разные слухи, распространившіеся подъ вліяніемъ страха, довершаютъ безпорядокъ; растерянная толпа не повинуется болѣе своимъ вождямъ. Андрея Бріеннскаго опрокидываютъ съ лошади въ ту минуту, когда онъ старается собрать свой разсѣявшійся отрядъ; онъ раненъ, ему угрожаетъ смерть, но крики его не возбуждаютъ состраданія ни въ комъ, ни даже въ братѣ его Эрардѣ Бріенскомъ; маркизъ Тирскій, покинутый своими, обязанъ былъ своимъ спасеніемъ только великодушной храбрости Гюи Лузиньяна. Іаковъ Авенскій спасся, благодаря только преданности одного молодаго воина, который рѣшился предложить своего коня знаменитому вождю. Рыцари Храмовники почти одни сопротивлялись Сарацинамъ; большинство ихъ погибло; начальникъ ихъ, попавшійся въ руки мусульманъ, былъ преданъ смерти въ палаткѣ Саладина. Въ этотъ день болѣе двухъ-сотъ тысячъ сражающихся было на Акрской равнинѣ.

При наступленіи зимы мусульманская армія удалилась въ Саронскія горы, называемыя Арабами Каруба — по-причинѣ огромнаго количества растущихъ на нихъ рожковыхъ деревьевъ (caroubiers). Что же касается крестоносцевъ, то, оставшись на равнинѣ одни, они растянули линіи своихъ войскъ по всей цѣпи холмовъ, окружающихъ Птолемаиду. Христіане вырыли рвы по скату холмовъ, на вершинахъ которыхъ они расположились; они обнесли свои участки высокими стѣнами и лагерь ихъ былъ такъ сильно укрѣпленъ, что даже, какъ выражается арабскій историкъ, «и птицы съ трудомъ могли-бы туда проникнуть». Зимніе потоки разлились по равнинѣ. Крестоносцамъ нечего было опасаться теперь внезапныхъ нападеній арміи Саладина, и они дѣятельно продолжали осаду Птолемаиды; гарнизонъ крѣпости уже не могъ долго поддерживать защиту безъ помощи мусульманской арміи.

Съ наступленіемъ весны нѣсколько мусульманскихъ князей изъ Сиріи и Месопотаміи присоединились къ арміи Саладина, который спустился съ Рожковыхъ горъ и въ виду христіанъ перешелъ черезъ равнину, съ распущенными знаменами и при звукахъ трубъ и литавровъ. Тогда начались новыя битвы. Зимою три большія перекатныя башни пробили стѣны Акры; во время одного генеральнаго сраженія, эти башни были сожжены новаго рода греческимъ огнемъ, изобрѣтателемъ котораго былъ одинъ дамасскій житель; сожженіе этихъ трехъ башенъ привело въ уныніе христіанскую армію; ландграфъ Тюрингскій, потерявъ надежду на успѣшный исходъ дѣла, возвратился въ Европу.

Осаждающую армію тревожили безпрерывныя нападенія непріятеля. Подъ знаменами обоихъ вѣроисповѣданій одновременно шла борьба на морѣ и на сушѣ; между европейскими и мусульманскими судами, нагруженными оружіемъ и продовольствіемъ происходили ожесточенныя схватки въ Птолемаидской гавани; отъ побѣды или пораженія зависѣли поочередно изобиліе или голодъ въ городѣ или въ лагерѣ христіанскомъ. Съ другой стороны, берега рѣки Вила и Тюронскій, Магамерійскій и Кизанскій холмы всякій день оглашались громомъ оружія и шумомъ битвъ. Колесница, на которой возвышалась башня, увѣнчанная крестомъ и бѣлымъ флагомъ, указывала мѣсто сбора христіанъ и предшествовала имъ въ битвѣ. Въ арміи Франковъ оказывалось, однакоже, болѣе храбрости, чѣмъ дисциплины; жажда военной добычи увлекала ихъ за предѣлы строя, и вожды ихъ, не пользовавшіеся въ ихъ глазахъ достаточнымъ авторитетомъ, не въ состояніи были удерживать ихъ. Саладинъ, болѣе уважаемый своими подчиненными, часто пользовался безпорядками и неурядицею, бывшими у крестоносцевъ, чтобы съ выгодою нападать на нихъ и вырывать изъ ихъ рукъ побѣду.

Между тѣмъ, на Востокѣ распространились слухи о скоромъ прибытіи арміи германскаго

императора. Встревоженный Саладинъ выслалъ отряды на встрѣчу такого опаснаго врага; нѣсколько мусульманскихъ князей покинули лагерь въ Акрѣ, чтобы идти на защиту своихъ владѣній, угрожаемыхъ со стороны новыхъ пилигримовъ съ Запада. Крестоносцы, опасаясь, чтобы Германцы не подоспѣли раздѣлить съ ними честь побѣды надъ Птолемаидой, понуждали своихъ вождей подать сигналъ къ битвѣ, тѣмъ болѣе, что ослабленіе Саладинова лагеря казалось имъ благопріятною минутою для нанесенія рѣшительнаго удара. Князья и духовенство старались обуздать ихъ неблагоразумное рвеніе: напрасныя старанія! Въ день праздника Св. Іакова, посредствомъ возмущенія и насилія открываются всѣ выходы изъ лагеря, и толпы христіанъ быстро наводняютъ равнину и пробиваются въ лагерь Саладина; пораженные ужасомъ, мусульмане отступаютъ сначала передъ этимъ бурнымъ нападеніемъ. Но между тѣмъ какъ христіане увлекаются жаждою грабежа, мусульмане соединяются и настигаютъ внезапно побѣдителей, занятыхъ разграбленіемъ палатки Малекъ-Аделя, брата Саладина.

Мечъ Турокъ является искупленіемъ необузданности и корысти христіанъ. «Враги Господа,— повѣствуетъ одинъ арабскій лѣтописецъ: — дерзнули войти въ лагерь львовъ исламизма, но они подверглись ужаснымъ послѣдствіямъ божественнаго гнѣва; они пали подъ ударами мусульманскихъ мечей, какъ листья падаютъ осенью подъ ударами бури». «Девять рядовъ мертвецовъ, — говоритъ другой арабскій писатель, — покрывали равнину, лежащую между холмами и моремъ; въ каждомъ ряду было по тысячѣ воиновъ». Нападеніе птолемаидскаго гарнизона на лагерь крестоносцевъ довершило бѣдствія этого дня; палатки христіанъ были разграблены; множество женщинъ и дѣтей уведены въ неволю мусульманами. Горе христіанской арміи перешло въ мрачное отчаяніе, когда до нихъ дошла вѣсть о смерти Фридриха Барбароссы и о бѣдствіяхъ, вынесенныхъ германской арміей. Вожди пилигримовъ только и думали теперь о возвращеніи въ Европу; но вдругъ въ гавани Птолемаидской показался флотъ; надежды крестоносцевъ оживились при видѣ огромнаго количества высаживающихся на берегъ Французовъ, Англичанъ, Итальянцевъ подъ предводительствомъ Генриха, графа Шампаньскаго.

Саладинъ, устрашенный прибытіемъ этого подкрѣпленія изъ Европы, отступилъ во второй разъ на высоты Карубы. Городу пришлось подвергнуться новымъ нападеніямъ. Тараны колоссальной величины, двѣ громадныя башни изъ дерева, желѣза, стали и мѣди, сооруженіе которыхъ стоило графу Шампаньскому полторы тысячи червонцевъ, угрожали стѣнамъ крѣпости; нѣсколько разъ уже крестоносцы ходили на приступъ крѣпости и почти готовы были водрузить на стѣнахъ ея свои побѣдоносныя знамена. Осаждаемые, однакоже, неутомимо защищая крѣпость, сожгли боевыя машины христіанъ и, въ свою очередь, произвели нѣсколько вылазокъ, посредствомъ которыхъ они оттѣснили крестоносцевъ и загнали ихъ въ лагерь.

Между тѣмъ съ моря подоспѣвала помощь акрскому гарнизону; крестоносцы, чтобы воспрепятствовать сообщеніямъ крѣпости съ моремъ, рѣшились овладѣть Мушиною башнею, господствовавшею надъ Птолемаидскимъ портомъ. Экспедиція противъ этого укрѣпленія, подъ начальствомъ герцога Австрійскаго, не имѣла успѣха; въ гавань была пущена подожженная барка, наполненная горючими веществами, для того чтобы поджечь мусульманскія суда, но внезапно перемѣнившійся вѣтеръ направилъ пылающую барку къ деревянной башнѣ, поставленной на кораблѣ герцога Австрійскаго, и пламя охватило башню и христіанскій корабль. Въ то время, какъ герцогъ Австрійскій старался овладѣть Мушиной башней, армія крестоносцевъ совершала безполезное нападеніе на городъ; отряды Саладина, пользуясь этимъ, нахлынули на лагерь осаждающихъ, и тѣ должны были поспѣшно возвратиться, чтобы защитить свои палатки отъ пожара и разграбленія.

Въ это время прибылъ сюда Фридрихъ герцогъ Швабскій съ жалкими остатками германской арміи. Онъ пожелалъ ознаменовать свое прибытіе битвою, которая не привела ни къ чему, кромѣ безплодныхъ подвиговъ. Въ христіанской арміи начали чувствовать голодъ. Конные воины, побуждаемые голодомъ, убивали своихъ лошадей; внутренности лошади или вьючнаго скота продавались за десять золотыхъ су. — Владѣтельные князья, бароны, привыкшіе къ роскошной жизни, съ жадностію розыскивали растенія и коренья, чтобы утолить ими свой голодъ. Доведенные голодомъ до отчаянія, многіе христіанскіе воины перешли подъ знамя исламизма.

Въ скоромъ времени появились заразительныя болѣзни отъ труповъ, разбросанныхъ по равнинѣ. Въ христіанскомъ лагерѣ, подъ стѣнами Акры, возобновились мрачныя сцены смерти и похоронъ — бывшія во время осады Антіохіи, зимою 1097-го года. Чума поразила знаменитыхъ вождей, избѣжавшихъ роковыхъ случайностей войны. Герцогъ Швабскій умеръ вслѣдствіе лишеній и болѣзни. Въ довершеніе бѣдствій возникли распри изъ-за наслѣдованія оставшагося вакантнымъ іерусалимскаго престола. Сибилла, жена Гюи Лузиньяна, и двое дѣтей ея умерли; Изабелла, вторая дочь Амори и сестра королевы Сибиллы, осталась наслѣдницею іерусалимской короны. Гюи Лузиньянъ также предъявлялъ на нее свои права; но этотъ принцъ, не умѣвшій защитить Іерусалима, не имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ. Конрадъ маркизъ Тирскій, прославившійся своею храбростію, также питалъ честолюбивые замыслы — царствовать надъ Палестиною; женатый на сестрѣ Исаака Ангела, императора константинопольскаго, онъ задумалъ жениться на Изабеллѣ, бывшей уже за-мужемъ за Гумфридомъ Торонскимъ. Лесть, дары, обѣщанія — все было пущено въ ходъ со стороны маркиза Тирскаго, и наконецъ, Духовный Совѣтъ рѣшилъ разводъ принцессы Изабеллы съ Гумфридомъ Торонскимъ, и наслѣдница королевства сдѣлалась супругою Конрада, у котораго такимъ образомъ оказалось двѣ жены, одна — въ Сиріи, другая — въ Константинополѣ. Подобный скандалъ не могъ содѣйствовать успокоенію враждующихъ сторонъ. Въ концѣ концовъ рѣшено было отдать это дѣло на судъ Ричарда и Филиппа, прибытія которыхъ ожидали въ скоромъ времени.

Въ Мессинѣ произошло свиданіе этихъ двухъ монарховъ. По прибытіи въ Сицилію, они застали здѣсь войну за наслѣдство по смерти Вильгельма II. Констанція, дочь Вильгельма II, вышла замужъ за Генриха VI, Римскаго короля, и поручила ему защиту своихъ правъ; Танкредъ, братъ Констанціи, любимый и народомъ и высшимъ сословіемъ страны, держался, между-тѣмъ, силою оружія на престолѣ, принадлежащемъ сестрѣ. Нѣмецкіе отряды, призванные поддерживать права Констанціи, опустошали Апулію. Танкредъ, не успѣвшій еще упрочить за собою власть, опасался встрѣтить въ Филиппѣ-Августѣ — союзника германскаго императора, а въ Ричардѣ — брата королевы Іоанны, вдовы Вильгельма, которую онъ держалъ въ тюремномъ заключеніи. Покорностью и угодливостью онъ обезоружилъ короля французскаго, но Ричардъ, умиротворить котораго оказалось труднѣе, гордо потребовалъ приданаго Іоанны и овладѣлъ двумя фортами, господствовавшими надъ Мессиною. Онъ выставилъ свое знамя въ самой столицѣ Сициліи, но это знамя было сорвано по приказанію Филиппа-Августа. Недовѣріе и ненависть возникли между двумя королями, а слѣдовательно и между Франціей и Англіей. Ричардъ отказался жениться на принцессѣ Алисѣ, сестрѣ Филипа-Августа, руки которой онъ прежде добивался и ради которой велъ войну съ своимъ отцомъ Генрихомъ II. Элеонора Вѣнская, питая непримиримую вражду къ Французамъ, хлопотала о томъ, чтобы Ричардъ женился на принцессѣ Беранжерѣ, дочери Дона Санхо-Наварскаго. . . . .

Однакоже, англійскій король, увлеченный внезапно порывомъ раскаянія и покаянія, пожелалъ

подчиниться бичеванію — чтобы искупить вину свою передъ крестоносцами. Онъ рѣшился обратиться къ одному отшельнику, по имени Іоакиму, спасавшемуся въ уединеніи въ горахъ Калабрійскихъ и славившемуся искусствомъ открывать тайны будущаго, посредствомъ Апокалипсиса. На вопросъ о послѣдствіяхъ предполагаемой войны въ Палестинѣ, Іоакимъ отвѣчалъ, что Іерусалимъ будетъ освобожденъ черезъ семь лѣтъ послѣ взятія Птолемаиды, и что до тѣхъ поръ Богъ ниспошлетъ побѣды Ричарду и прославитъ имя его выше всѣхъ земныхъ князей. Изъ этого предсказанія исполнились только слова отшельника относительно будущей славы Ричарда.

Въ первый весенній день христіанскіе флоты отправились въ Палестину. Филиппъ-Августъ былъ принятъ какъ ангелъ Божій въ христіанскомъ лагерѣ подъ Акрою. Французы расположились лагеремъ на разстояніи выстрѣла отъ непріятельскихъ укрѣпленій; они сдѣлали такія приготовленія къ приступу, что, какъ говорятъ, могли-бы овладѣть городомъ; но Филиппъ, воодушевляемый рыцарскимъ духомъ болѣе чѣмъ политическимъ разсчетомъ, пожелалъ, чтобы Ричардъ присутствовалъ при этой первой побѣдѣ. Это великодушіе было невыгодно въ томъ отношеніи, что предоставило осажденнымъ время получить подкрѣпленіе.

Флотъ Ричарда, по выходѣ изъ Месссинской гавани, былъ застигнутъ сильною бурею; три корабля были разбиты у береговъ о-ва Кипра, и спасшіеся отъ кораблекрушенія были очень грубо приняты жителями. Корабль, на которомъ находились Беранжера Наваррская и Іоанна, королева Сициліи, не былъ даже допущенъ въ портъ Лимиссо. Самому Ричарду, прибывшему сюда съ соединеннымъ флотомъ, было отказано въ пріемѣ; одинъ греческій князь, по имени Исаакъ, владѣтель и притѣснитель о-ва Кипра, сталъ угрожать англійскому королю. Немного понадобилось времени, чтобы укротить этого греческаго князя. Ричардъ овладѣлъ островомъ, который оставался потомъ триста лѣтъ во владѣніи Латинянъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ Филиппъ-Августъ поджидалъ своего соперника, чтобы отнять крѣпость у Сарацинъ, Рицардъ положилъ основаніе новому королевству. Въ г. Лимиссо, пососѣдству съ древнимъ Амаѳунтомъ, Ричардъ отпраздновалъ свою свадьбу съ Беранжерой Наваррской. Послѣ этого онъ отправился въ путь, чтобы присоединиться къ крестоносцамъ, стоявшимъ въ лагерѣ близъ Птолемаиды.

Узнавъ о прибытіи съ Запада двухъ могущественныхъ государей, Саладинъ разослалъ во всѣ стороны своихъ пословъ къ мусульманскимъ князьямъ; во всѣхъ мечетяхъ возносились молитвы о дарованіи побѣды его арміи и имамы призывали народъ къ возстанію противъ враговъ Магомета. «Походы ваши противъ невѣрныхъ, — говорили имамы: — опасности, раны и даже, просто, переходъ черезъ потокъ — все будетъ записано въ книгѣ у Бога». Воодушевляемые рѣчами апостоловъ исламизма, мусульмане со всѣхъ сторонъ Азіи стекались въ лагерь Саладина.

Со времени ссоры въ Мессинѣ, отношенія между Филиппомъ и Ричардомъ приняли характеръ раздражительной зависти; частыя разногласія между ними, хотя и кончались завѣреніями въ дружбѣ, но эти завѣренія скоро забывались. Филиппу-Августу досадно было выслушивать восхваленія Ричарду за покореніе имъ о-ва Кипра; армія англійскаго короля была многочисленнѣе арміи короля французскаго. Ричардъ, истощившій всѣ средства своего государства передъ отправленіемъ своимъ въ походъ, былъ теперь, по прибытіи въ Акру, богаче Филиппа; союзъ между этими людьми ни въ какомъ случаѣ не могъ быть вполнѣ искреннимъ, въ особенности-же если принять въ соображеніе пылкій нравъ Ричарда; притомъ, герой съ львинымъ сердцемъ сознавалъ свои достоинства и былъ не такой человѣкъ, чтобы смиренно переносить положеніе вассала, въ которомъ онъ находился. Такіе поводы къ соперничеству между Французами и Англичанами повредили успѣшному ходу осадныхъ работъ и замедлили взятіе Птолемаиды.

Филиппъ-Августъ, обязанный принять рѣшеніе по поводу споровъ о коронѣ іерусалимской, объявилъ себя на сторонѣ Конрада; этого было достаточно, чтобы Ричардъ принялъ сторону Гюи Лузиньяна. Христіанская армія распалась на двѣ части; въ одной были: Французы, Германцы, Храмовники, Генуэзцы; другое состояло изъ Англичанъ, Пизанцевъ и Іоаннитовъ. Филиппъ-Августъ и Ричардъ, захворавъ по прибытіи въ Палестину, вынуждены были оставаться въ бездѣйствіи въ своихъ палаткахъ. Во время болѣзни оба короля поддерживали съ Саладиномъ отношенія, отличавшіяся такою вѣжливостію и великодушіемъ, что это не могло пройти незамѣченнымъ въ исторіи. Выздоровѣвъ, оба монарха занялись соединеніемъ всѣхъ христіанскихъ силъ противъ общаго врага; и прежде всего покончили съ гибельными спорами, порѣшивъ, что Гюи Лузиньянъ пожизненно сохранитъ титулъ короля, а Конрадъ и его потомство будутъ по смерти Гюи Лузиньяна наслѣдниками Іерусалимскаго королевства. Въ довершеніе мирнаго согласія рѣшено было, что въ то время, когда Ричардъ или Филиппъ-Августъ поведетъ аттаку противъ города, — одинъ изъ нихъ останется оберегать лагерь и противодѣйствовать арміи Саладина.

Явившись снова подъ стѣнами города, осаждающіе встрѣтили сопротивленіе, какого не ожидали; мусульмане успѣли укрѣпить городъ въ то время, когда христіане заняты были безплодными спорами. Тутъ начались страшныя битвы, такъ какъ приходилось то вести осаду города, то отражать армію Саладина. Теперь, какъ подъ знаменемъ Креста, такъ и подъ знаменемъ исламизма — дѣятельность, мужество, презрѣніе къ смерти заявили себя, по-истинѣ, чудными подвигами. Христіане ежедневно пускали въ ходъ новыя средства, чтобы сокрушить стѣны и проникнуть въ крѣпость. Когда ихъ деревянныя башни и тараны были сожжены, они дѣлали подкопы и пробирались подземнымъ ходомъ до самой основы укрѣпленій. Въ особенности, замѣчательна была храбрость Французовъ; цѣлію своихъ нападеній они избрали Проклятую башню на восточной сторонѣ города; стѣны съ этой стороны уже начали обрушиваться и скоро долженъ былъ открыться проломъ. Встревоженные близкою опасностію и ослабѣвшіе отъ болѣзней и голода, воины гарнизона пришли въ уныніе. Комендантъ крѣпости рѣшился просить о капитуляціи; онъ явился къ Филиппу-Августу и предложилъ отдать ему городъ на тѣхъ-же условіяхъ, на которыхъ христіане отдали его мусульманамъ четыре года тому назадъ, т. е. съ предоставленіемъ осаждаемымъ жизни и свободы искать убѣжища, гдѣ они пожелаютъ. Французскій король, посовѣтовавшись съ главными начальниками войска, отвѣчалъ, что крестоносцы не согласятся даровать пощаду жителямъ и гарнизону Птолемаиды, если мусульмане не возвратятъ Іерусалима и всѣхъ христіанскихъ городовъ, перешедшихъ въ ихъ власть со времени Тиверіадской битвы. Комендантъ удалился, поклявшись Магометомъ погребсти себя за-живо подъ развалинами города.

Плодомъ этого мужественнаго рѣшенія было послѣднее и сильное сопротивленіе. Но послѣ этого мимолетнаго порыва отчаянія, видъ разрушенныхъ башенъ, бѣгство нѣсколькихъ вождей, бѣдственное положеніе жителей побудили эмировъ къ новымъ переговорамъ съ христіанами. Возвратясь въ палатку Филиппа-Августа, вожди обѣщали заставить возвратить Франкамъ Древо Животворящаго Креста и тысячу-шесть-сотъ плѣнныхъ; сверхъ того они обязались уплатить государямъ христіанскимъ двѣсти тысячъ червонцевъ. Заложники со стороны мусульманъ и весь народъ, заключенный въ Птолемаидѣ, должны были остаться во власти христіанъ, въ ожиданіи полнаго осуществленія договора. Эта капитуляція была принята. Саладинъ получилъ извѣстіе объ этомъ въ ту минуту, когда онъ былъ готовъ употребить послѣднія усилія, чтобы спасти крѣпость; такой исходъ дѣла послѣ стольких битвъ поразилъ душу его глубокою скорбью.

Такимъ образомъ кончилась осада Птолемаиды; жители города и гарнизонъ защищались въ про-

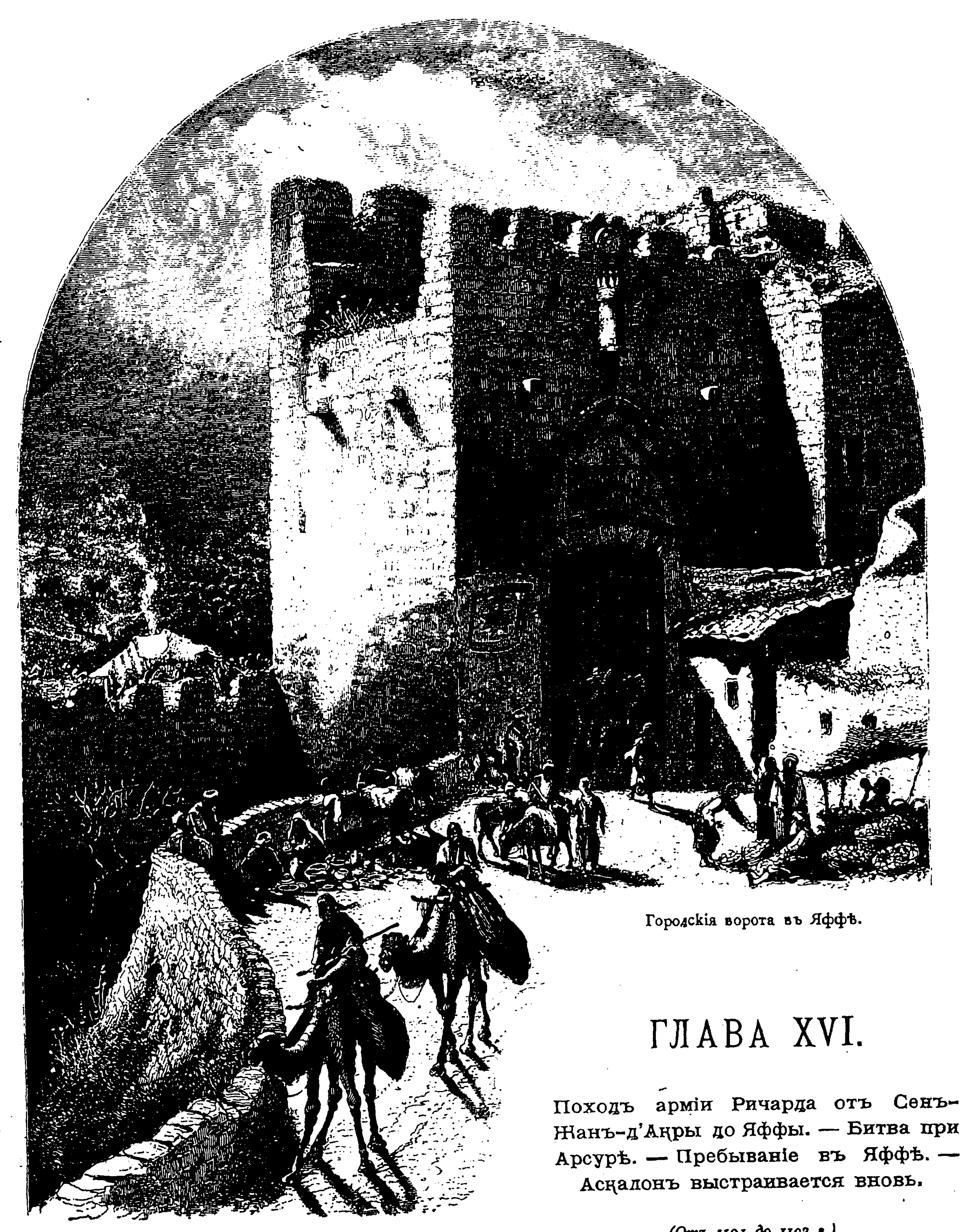
долженіе двухъ лѣтъ съ непоколебимою стойкостію, съ неутомимымъ рвеніемъ. Крестоносцы подъ стѣнами этого города пролили болѣе крови и проявили болѣе храбрости, чѣмъ было бы нужно для завоеванія цѣлой Азіи. Во все это время болѣе ста тысячъ христіанъ пали жертвами меча и болѣзней. По мѣрѣ того, какъ легіоны европейскіе гибли на Акрской равнинѣ, прибывали съ Запада новыя силы; суда, отправляемыя изъ всѣхъ западныхъ портовъ, доставляли вооруженныхъ ратниковъ, которымъ предстояло также бѣдственно исчезнуть вокругъ возвышенности Гюронской или на песчаномъ днѣ р. Вилы; можно было бы предположить, что море и земля Сиріи вошли въ соглашеніе между собою и что одна взялась поглощать то, что доставляло ей другое. Эта осада Птолемаиды, предпринятая королемъ-бѣглецомъ, соединила мало-по-малу всѣ разрозненныя христіанскія силы. Цѣлыя государства возстали и стремились къ освобожденію Іерусалима, и вся эта гроза разразилась и замерла въ одномъ изъ прибрежныхъ городовъ Палестины. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что спасеніе христіанскихъ войскъ подъ стѣнами Акры послѣдовало отъ превосходства христіанскаго флота надъ флотомъ мусульманскимъ; еслибы франкскія суда, доставлявшія продовольствіе въ лагерь крестоносцевъ, потерпѣли пораженіе въ битвахъ съ судами Сарацинъ, то армія осаждающихъ погибла бы отъ голода.

Во время этой продолжительной осады Акры обнаружились и получили толчекъ къ развитію духъ, нравы и страсти христіанскаго народа и мусульманскаго. Средства для нападенія и для защиты усовершенствовались. Не являются болѣе, какъ въ прежнихъ экспедиціяхъ, чудесныя знаменія для возбужденія благочестиваго рвенія крестоносцевъ; но фанатизмъ европейскихъ воиновъ тѣмъ не менѣе силенъ и неустрашимость ихъ тѣмъ не менѣе непоколебима. Среди разгара войны, когда многія изобрѣтенія увеличили число гибельныхъ случаевъ, съ обѣихъ сторонъ оказались проявленія человѣчности, и христіане, такъ же какъ и мусульмане, чуждались иногда варварскаго образа дѣйствій. Въ дни перемирія рыцарскія празднества прерывали печальное однообразіе битвъ: на Акрской равнинѣ происходили турниры, на которые бывали приглашаемы и сарацинскіе воины. Франки танцовали подъ звуки арабскихъ инструментовъ, а мусульмане плясали подъ акомпанементъ пѣсенъ менестреля. Лагерь крестоносцевъ близъ Птолемаиды какъ бы превратился въ большой европейскій городъ съ его ремеслами, механическими искусствами и рынками. Жадная промышленность часто пользовалась бѣдствіями крестоносцевъ, но часто и пополучала подобающую кару. Пороки, всегда присущіе многочисленнымъ сборищамъ, и сцены разврата примѣшивались къ зрѣлищу бѣдствій. Были однакоже и назидательныя проявленія и блистательные примѣры милосердія. Образовались учрежденія для напутствія умирающихъ и для погребенія умершихъ. Во время этой осады великодушная заботливость о сѣверныхъ воинахъ положила основаніе благодѣтельной ассоціаціи Тевтонскихъ рыцарей. Въ это же время возникло учрежденіе во имя Св. Троицы, цѣлью котораго былъ выкупъ христіанъ, взятыхъ въ плѣнъ мусульманами.

Филиппъ-Августъ и Ричардъ раздѣлили между собою продовольствіе, военные запасы и богатства города, къ великому неудовольствію множества крестоносцевъ, пострадавшихъ и участвовавшихъ въ битвахъ подъ стѣнами Птолемаиды въ продолженіе двухъ лѣтъ. Король французскій выказалъ въ своихъ дѣйствіяхъ мягкость и умѣренность; англійскій же король воспользовался побѣдою безъ всякаго стѣсненія не только въ отношеніи къ невѣрнымъ, но и въ отношеніи къ крестоносцамъ. Леопольдъ австрійскій оказалъ чудеса доблести и знамя его развѣвалось на одной изъ городскихъ башенъ; Ричардъ приказалъ его снять и бросить въ ровъ. Леопольдъ удержалъ германскихъ воиновъ, которые взялись за оружіе, чтобы отомстить за такое оскорбленіе; сама судьба

позаботилась впослѣдствіи объ удовлетвореніи его справедливаго негодованія. Конрадъ, имѣвшій причины быть недовольнымъ англійскимъ королемъ, внезапно удалился въ Тиръ. Филиппъ-Августъ объявилъ въ скоромъ времени о своемъ намѣреніи возвратиться въ свое государство и отправился морскимъ путемъ въ Европу, оставивъ въ Палестинѣ десять тысячъ Французовъ подъ начальствомъ герцога Бургундскаго. Онъ понялъ, что крестовый походъ не представлялъ дальнѣйшаго поприща для его славы.

Городскія ворота въ Яффѣ.

ГЛАВА XVI.

Походъ арміи Ричарда отъ Сенъ-Жанъ-д'Акры до Яффы. — Битва при Арсурѣ. — Пребываніе въ Яффѣ. — Аскалонъ выстраивается вновь.

(Отъ 1191 до 1192 г.).

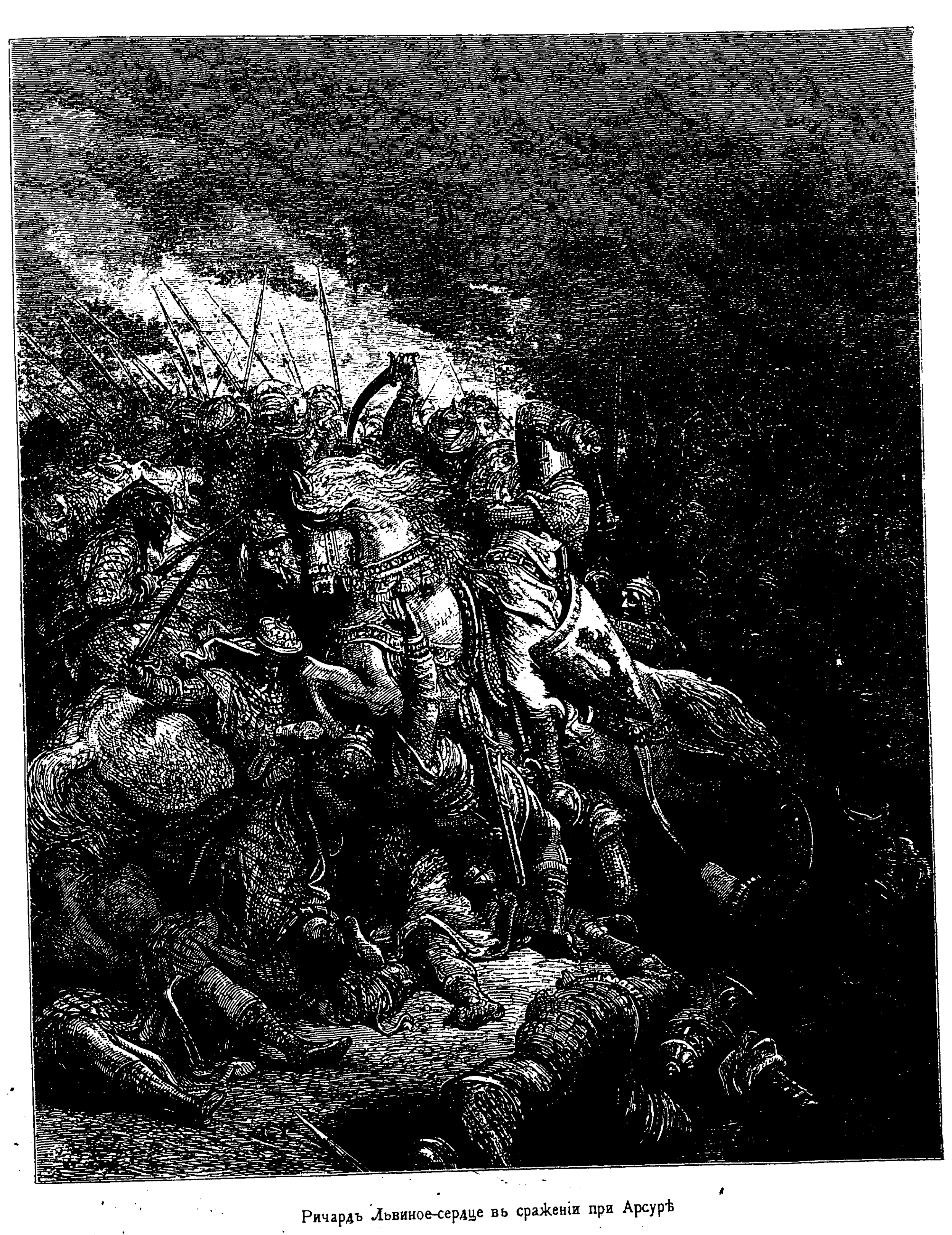
Прошло уже болѣе мѣсяца, а условія Птолемаидской капитуляціи еще не были выполнены. Саладинъ не могъ рѣшиться выдать крестоносцамъ двухъ тысячъ плѣнныхъ, готовыхъ снова вооружиться противъ него, двухъ-сотъ тысячъ червонцевъ, назначенныхъ на содержаніе той арміи, которую онъ не могъ побѣдить, и Древо Честнаго Креста, видъ котораго возбуждалъ энтузіазмъ и рвеніе христіанскихъ воиновъ. Христіане уже нѣсколько разъ обращались къ султану съ требованіемъ исполненія данныхъ имъ обѣщаній, угрожали умерщвленіемъ мусульманъ,

находившихся въ ихъ власти, если онъ не исполнитъ условій договора; но политика Саладина оставалась непоколебимою. Страшныя угрозы христіанъ были не напрасны. Двѣ тысячи семьсотъ Сарацинъ въ оковахъ были выведены на равнину и поставлены въ виду лагеря султана; выборъ мѣста казни несчастныхъ плѣнниковъ былъ какъ бы послѣднимъ напоминаніемъ Саладину объ исполненіи договора. Затѣмъ Ричардъ отдалъ приказъ умертвить этихъ 2,700 плѣнниковъ. Не слѣдуетъ обвинять въ этомъ варварскомъ поступкѣ одного только англійскаго короля, такъ какъ казнь плѣнныхъ рѣшена была на общемъ совѣтѣ вождей христіанской арміи. Нѣкоторые лѣтописцы говорятъ, что Саладинъ еще прежде того велѣлъ умертвить христіанскихъ плѣнниковъ, которыхъ онъ обязался возвратить въ обмѣнъ на мусульманскихъ. Впрочемъ, мусульмане не упрекали Ричарда въ умерщвленіи ихъ плѣнныхъ братьевъ, но они вознегодовали на султана, который могъ бы выкупить ихъ жизнь и свободу, еслибы исполнилъ условія договора.

Послѣ продолжительныхъ трудовъ наступилъ теперь отрадный отдыхъ для христіанъ-побѣдителей. Изобиліе продовольствія и кипрскаго вина заставляло крестоносцевъ забывать суровую цѣль ихъ похода. Не безъ сожалѣнія покинули они городъ, въ которомъ жизнь ихъ была полна удовольствій. Въ назначенный день сто-тысячъ крестоносцевъ, подъ предводительствомъ Ричарда, перешли р. Вилу, обошли Каифскій заливъ и направились къ Кесаріи, куда они прибыли послѣ шести дней утомительнаго пути. На колесницѣ, поставленной на четырехъ колесахъ, обтянутыхъ желѣзомъ, водруженъ былъ высокій шестъ, на которомъ развѣвалось знамя священной войны; вокругъ нея же соединялись всѣ въ минуту общей опасности. Шествіе христіанъ было продолжительною битвою и постояннымъ страданіемъ; имъ приходилось на всякомъ шагу отражать нападенія непріятеля и бороться съ трудностями пути. Армія проходила не болѣе трехъ лье въ день; каждый вечеръ она разставляла свои палатки, и прежде, чѣмъ войско предавалось ночному покою, герольдъ провозглашалъ на весь лагерь: — «Господи, помоги Святому Гробу Твоему!» — Трижды повторялъ онъ этотъ возгласъ, и все войско повторяло эти слова вслѣдъ за нимъ, возведя къ небу глаза и руки.

Лѣтописцы отмѣтили тѣ мѣстности, по которымъ проходила христіанская армія; прежде всего упоминаютъ они о замкѣ Капернаумскомъ, котораго не находятъ теперь путешественники; затѣмъ упоминаютъ они объ «узкихъ дорогахъ»: это было что-то въ родѣ дороги, пробитой въ камнѣ человѣческою рукою — между двумя грядами скалъ, на протяженіи полу-мили; за равниною, въ концѣ этихъ узкихъ дорогъ, возвышается теперь замокъ пилигримовъ, называемый Атликъ, выстроенный Храмовниками черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ проходилъ тутъ Ричардъ. Крестоносцы перешли черезъ рѣку Крокодиловъ, называемую теперь Нхаръ-Кукахъ. Въ Кесаріи, гдѣ остановилась на отдыхъ армія Ричарда, нѣтъ теперь жителей, но уцѣлѣли еще ея башни на морскомъ берегу.

Миновавъ Кесарію, крестоносцы подверглись большимъ опасностямъ. Саладинъ, сгорая нетерпѣніемъ отомстить за потерю Птолемаиды и избіеніе мусульманскихъ плѣнныхъ, собралъ всю свою армію. Двѣсти тысячъ Сарацинъ расположились по горамъ и на равнинѣ; они заняли берега рѣки, извѣстной у лѣтописцевъ подъ названіемъ Рошеталіи (нынѣ Леддаръ), чтобы преградить путь крестоносцамъ. При видѣ мусульманской арміи Ричардъ приготовился къ битвѣ. Христіанскія войска раздѣлились на пять отрядовъ: они были такъ тѣсно сомкнуты, — говоритъ одинъ лѣтописецъ, — что нельзя было бы бросить между ними какого-нибудь плода, не задѣвъ человѣка или лошадь. Воины получили приказъ не выступать изъ рядовъ и стоять неподвижно при приближеніи непріятеля. Вдругъ, въ третьемъ часу дня на арьергардъ крестоносцевъ нападаетъ толпа Сарацинъ,

Ричардъ Львиное-сердце въ сраженіи при Арсурѣ

спустившихся съ горъ съ быстротою молніи, при звукахъ трубъ и литавровъ, оглашая воздухъ страшнымъ ревомъ. За первыми фалангами варваровъ слѣдуютъ другія, и вскорѣ мусульманская армія, какъ выражается арабскій писатель, окружила христіанскую армію, «какъ рѣсницы окружаютъ глазъ». Іоанниты, позади которыхъ выступали стрѣлки и метальщики, составлявшіе арьергардъ крестоносцевъ, отразили этотъ первый натискъ непріятеля; христіане, не смотря на повторяющіяся нападенія, не прерывали своего шествія. Ричардъ возобновилъ приказъ оставаться въ оборонительномъ положеніи и не бросаться на непріятеля прежде, чѣмъ будетъ поданъ сигналъ изъ шести трубъ: двухъ — во главѣ арміи, двухъ — въ центрѣ и двухъ въ арьергардѣ.

Наконецъ, однакоже, нѣсколько рыцарей, не стерпѣвъ позора бездѣйствія и не дождавшись сигнала Ричарда, бросились на Сарацинъ. Примѣромъ ихъ увлеклись и разные отряды арміи, горѣвшей нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ, и битва закипѣла. Король Ричардъ появлялся всюду, гдѣ нужна была помощь христіанамъ, и повсюду его появленіе сопровождалось бѣгствомъ Турокъ. Сраженіе происходило на пространствѣ между возвышенностью Арсуркою и равниною Рамлы, отъ моря до горъ. Земля была покрыта изорванными знаменами, переломленными копьями и мечами. Въ двадцати телегахъ не помѣстились бы всѣ стрѣлы и дротики, которыми была усѣяна земля, — разсказываетъ лѣтописецъ-очевидецъ. Сарацины не могли выдержать яростнаго напора Франковъ; желтые значки Саладина отступили передъ знаменами Ричарда.

Христіане, съ трудомъ вѣря своей побѣдѣ, оставались еще на полѣ сраженія. Они занялись уходомъ за ранеными и уборкою оружія, покрывавшаго поле битвы, когда вдругъ двадцать тысячъ Сарацинъ, собранные своими вождями, появились вновь, чтобы возобновить битву. Не ожидая новаго нападенія, крестоносцы были сначала поражены изумленіемъ. Изнемогая отъ зноя и усталости, они нуждались для своего ободренія въ присутствіи Ричарда, передъ которымъ ни одинъ Сарацинъ не могъ устоять, и котораго, среди этой ужасной схватки, лѣтописцы сравниваютъ съ «жнецомъ, пожинающимъ колосья». Въ то время, какъ побѣдоносные христіане снова двинулись къ Арсуру, отчаяніе придало силы мусульманамъ еще разъ напасть на ихъ арьергардъ. Ричардъ, два раза отразившій непріятеля, устремляется на мѣсто битвы, въ сопровожденіи только пятнадцати рыцарей и громко повторяя военный лозунгъ: «Господи, спаси святой гробъ!» И мусульмане разбѣгаются при первомъ столкновеніи; войско ихъ, трижды пораженное, было бы истреблено совершенно, еслибы уцѣлѣвшимъ остаткамъ его не удалось поспѣшнымъ бѣгствомъ скрыться въ Арсуркомъ лѣсу. Больше восьми тысячъ мусульманскихъ воиновъ и тридцать два эмира погибли во время сраженія. Христіанская же армія потеряла только около тысячи человѣкъ. Велика была скорбь христіанъ, когда они увидѣли между мертвыми Іакова Авенскаго. Его нашли покрытаго ранами и окруженнаго товарищами и родственниками, убитыми возлѣ него. Неустрашимый Іаковъ Авенскій, который продолжалъ битву и тогда, какъ у него были уже оторваны рука и нога воскликнулъ умирая: — «о Ричардъ! отомсти за мою смерть!» Этотъ защитникъ креста былъ похороненъ въ Арсурѣ, въ церкви Богородицы, оплаканный всею арміею.

Лѣтописи древности и новыхъ временъ не представляютъ битвы болѣе замѣчательной, чѣмъ эта битва Арсурская; тутъ встрѣтились храбрѣйшіе воины Европы и Азіи; берега Леддара, на которыхъ теперь виднѣются только черные шатры Бедуиновъ и слышатся только робкіе шаги пилигрима, направляющаго свой путь къ св. Мѣстамъ, — были тогда свидѣтелями такого героизма, какого не видѣли Граникъ и Симоисъ. Современныя лѣтописи съ изумленіемъ повѣствуютъ о невѣроятныхъ подвигахъ Ричарда. Изъ одного изъ писемъ короля англійскаго мы узнаемъ, что онъ былъ раненъ слегка въ лѣвый бокъ. Эта битва могла бы рѣшить участь крестоваго похода: еслибы побѣда оста-

лась за Саладиномъ, то крестъ исчезъ бы изъ Сиріи. Франки не воспользовались своимъ торжествомъ, но еслибы они продолжали преслѣдовать побѣжденнаго непріятеля, то могли бы вырвать Сирію и Египетъ изъ-подъ власти мусульманъ.

Сарацинскіе воины, устрашенные воспоминаніями объ осадѣ Птолемаиды, не рѣшались болѣе запираться въ укрѣпленіяхъ. Саладинъ разорялъ города и замки, которыхъ не могъ защищать; прибывъ въ Яффу, крестоносцы нашли тамъ только развалины. Между предводителями христіанскими одни хотѣли воспользоваться страхомъ, овладѣвшимъ непріятелемъ послѣ Арсурской битвы, и были того мнѣнія, что слѣдуетъ немедленно идти къ Іерусалиму; другіе думали, что благоразумнѣе возстановить сначала разрушенныя крѣпости. Первое изъ этихъ мнѣній принадлежало герцогу Бургундскому, второе — Ричарду. Вѣроятно, эти различныя мнѣнія вытекали не изъ убѣжденія въ ихъ справедливости, а были внушены духомъ противорѣчія и соперничества. Англійская партія оказалась многочисленнѣе и мнѣніе Ричарда восторжествовало. Рѣшено было приступить къ возстановленію стѣнъ Яффы. Сюда пріѣхали къ королю англійскому — королева Беранжера, вдова Вильгельма, короля Сициліи, и дочь Исаака. Шатры христіанъ были раскинуты среди огородовъ и фруктовыхъ садовъ Яффы, и всѣ роскошные дары осени предоставлены были пользованію пилигримовъ.

Во время пребыванія христіанской арміи въ Яффѣ Ричардъ едва не попался въ руки мусульманъ. Однажды, охотясь на поляхъ Саронскихъ, онъ прилегъ отдохнуть подъ деревомъ и заснулъ. Вдругъ онъ былъ разбуженъ криками своихъ товарищей, завидѣвшихъ приближающійся отрядъ Сарацинъ. Англійскій король вскакиваетъ на лошадь и приготовляется къ битвѣ; вскорѣ непріятель окружаетъ его и тѣснитъ; Ричарду становится трудно бороться съ многочисленнымъ непріятелемъ и ему угрожала неминуемая опасность, но въ это время одинъ изъ рыцарей его свиты, по имени Вильгельмъ де-Пратель, восклицаетъ на мусульманскомъ языкѣ: «я — король! пощадите жизнь мою! — Великодушнаго воина берутъ въ плѣнъ, а Ричардъ, обязанный, такимъ образомъ, своимъ спасеніемъ преданности французскаго рыцаря, успѣваетъ добраться до Яффы, гдѣ христіанское войско съ ужасомъ приняло вѣсть объ опасности, которой подвергался король. Вильгельмъ де-Пратель, между-тѣмъ, былъ отведенъ въ Дамасскую тюрьму. Ричардъ, впослѣдствіи, не находилъ, что онъ заплатилъ слишкомъ дорого за свободу своего вѣрнаго рыцаря — возвративъ Саладину десять его эмировъ, взятыхъ въ плѣнъ крестоносцами.

Христіанская армія выступила изъ Яффы и къ празднику Всѣхъ Святыхъ расположилась лагеремъ между замками Планскимъ и Мае. Сарацины и крестоносцы не искали болѣе новыхъ битвъ и, проходя по странѣ, разоренной ихъ побѣдами, одни старались только о томъ, чтобы разрушать города, а другіе — чтобы строить вновь башни и стѣны. Тѣмъ не менѣе, время отъ времени блистательные подвиги примѣшивались къ трудамъ христіанской арміи; въ Лиддѣ, въ Рамлѣ, въ Аскалонѣ произошли стычки съ непріятелемъ, и Ричардъ продолжалъ одерживать верхъ надъ Сарацинами. Между тѣмъ герцогъ Бургундскій и его Французы неохотно подчинялись власти англійскаго короля. Конрадъ, маркизъ Тирскій, подъ вліяніемъ враждебнаго чувства къ нему, дерзнулъ даже предложить мусульманамъ соединиться съ ними противъ Ричарда. Англійскій король, съ своей стороны, повторивъ Саладину обѣщаніе, данное уже имъ Малекъ-Аделю, объявилъ ему, что онъ готовъ возвратиться въ Европу, если христіанамъ возвратятъ Іерусалимъ и Древо Животворящаго Креста. Ричардомъ сдѣланы были и другія предложенія, которыя, по своему свойству, не могли вызвать одобренія христіанской арміи: онъ предложилъ Іоанну, вдову Вильгельма Сицилійскаго, въ супружество Малекъ-Аделю; подъ покровительствомъ Саладина и англійскаго ко-

роля супруги эти должны были царствовать надъ мусульманами и христіанами и управлять королевствомъ Іерусалимскимъ. Мысль о подобномъ союзѣ поразила удивленіемъ законниковъ исламизма; султанъ же, повидимому, принялъ ее не безъ сочувствія. Но епископы христіанскіе энергически возстали противъ этого союза, и переговоры по этому поводу не привели ни къ чему.

Ричардъ, обвиняемый въ намѣреніи измѣнить дѣлу Креста и желая возвратить утраченное имъ довѣріе пилигримовъ, велѣлъ обезглавить всѣхъ мусульманъ, находившихся у него въ плѣну, и объявилъ о своемъ намѣреніи идти на освобожденіе Іерусалима. Зимніе дожди привели христіанскій лагерь въ бѣдственное состояніе; погибло громадное количество лошадей и вьючнаго скота; большинство пилигримовъ снова упали духомъ. Однакоже надежда увидѣть въ скоромъ времени городъ Іисуса Христа оживила умы и возбудила вновь мужество. Между тѣмъ, Саладинъ окружалъ Іерусалимъ новыми окопами и распоряжался починкою стѣнъ и башенъ. Конница мусульманская оберегала пути къ священному городу.

Въ христіанской арміи нѣкоторые были противъ плана предпринимать осаду Іерусалима въ зимнее время, но большинство крестоносцевъ были подъ вліяніемъ пламеннаго энтузіазма. Когда вожди рѣшили приступить къ возстановленію Аскалона, одной изъ крѣпостей, разрушенныхъ Саладиномъ, — это привело христіанскую армію въ глубокое уныніе; среди толпы, столько выстрадавшей ради того, чтобы идти въ Іерусалимъ, послышались вопли отчаянія; поднялся горькій ропотъ противъ вождей, противъ Ричарда и противъ самого Бога. Герцогъ Бургундскій и его Французы покинули знамя Ричарда; но депутаты, которые стали убѣждать ихъ именемъ Іисуса Христа, склонили ихъ возвратиться въ лагерь.

Въ Аскалонѣ глазамъ крестоносцевъ представились только груды каменьевъ. Они принялись перестраивать городъ. Ричардъ являлся повсюду, чтобы ободрять работниковъ, и самъ рылъ землю и ворочалъ каменья. Тысяча-двѣсти плѣнныхъ христіанъ, освобожденныхъ Ричардомъ на египетской дорогѣ, присоединились къ работникамъ-крестоносцамъ. Однакоже, построеніе Аскалона сопровождалось ропотомъ. Леопольдъ Австрійскій, на обвиненіе въ томъ, что онъ остается въ праздности съ своими Германцами, отвѣчалъ Ричарду, что онъ не плотникъ и не каменьщикъ. Многіе рыцари громко высказывали, что они прибыли въ Азію не для того, чтобы строить Аскалонъ, а для освобожденія Іерусалима. Герцогъ Бургундскій внезапно покинулъ армію. Произошелъ также открытый разладъ между королемъ англійскимъ и маркизомъ Тирскимъ; взаимныя оскорбленія и угрозы сдѣлали примиреніе между ними невозможнымъ. Армія отпраздновала Пасху въ 1192 г. на равнинѣ Аскалонской; среди обрядовъ, приводящихъ на память страданія, смерть и славное воскресеніе Іисуса Христа, не одинъ пилигримъ возроптал въ душѣ на Ричарда за то, что онъ не продолжалъ вести войско въ Іерусалимъ...

ГЛАВА XVII.

Послѣднія событія крестоваго похода Ричарда

(1192 г.).

Вскорѣ послѣ праздника Пасхи прибыли къ Ричарду послы изъ Англіи и извѣстили его, что братъ его Іоаннъ поднялъ смуты въ королевствѣ. Англійскій король объявилъ собравшимся вождямъ, что ему скоро нужно будетъ возвратиться на Западъ, но что, уѣзжая, онъ оставитъ въ Палестинѣ триста человѣкъ конницы и двѣ тысячи отборнаго пѣхотнаго войска. Вожди сожалѣли о необходимости его отъѣзда. Они предложили избрать короля, чтобы поставить его во главѣ интересовъ христіанъ; выборъ палъ на Конрада, котораго хотя и не очень любили въ арміи, но уважали за его мужество и искусство въ дѣлахъ. Ричардъ, хотя и удивленный этимъ выборомъ, далъ однако свое согласіе. Отправлено было посольство для объявленія маркизу Тирскому объ избраніи его королемъ іерусалимскимъ. Конрадъ не могъ скрыть своего удивленія и радости передъ послами Ричарда при такомъ извѣстіи, но ему не пришлось наслаждаться королевскимъ достоинствомъ. Два молодыхъ Измаелита, рабы «Старца Горы», пронзили кинжалами маркиза Тирскаго въ то время, когда народъ привѣтствовалъ его избраніе пиршествами и праздниками.

Иные писатели обвиняютъ Саладина въ томъ, что онъ потребовалъ этого убійства и заплатилъ за него; другіе приписываютъ убіеніе Конрада Гонфриду Торонскому, который могъ мстить ему за похищеніе своей жены и за потерю своихъ правъ на престолъ іерусалимскій; но ни то, ни другое предположеніе не достовѣрны. Смерть Конрада могла быть особенно желательною для англійскаго короля, и французскіе крестоносцы обвиняли его въ ней. Хотя героическое мужество Ричарда и не допускало мысли о такомъ позорномъ мщеніи, тѣмъ не менѣе, ненависть, возбужденная имъ къ себѣ, заставила повѣрить этому обвиненію. Узнавъ о смерти Конрада, Филиппъ-Августъ началъ опасаться подобной же участи и появлялся въ народѣ не иначе, какъ окруженный стражею. Генрихъ графъ Шампаньскій, приходившійся племянникомъ и англійскому и французскому королямъ, замѣнилъ Конрада въ управленіи Тиромъ; онъ избранъ былъ также вмѣсто него іерусалимскимъ королемъ и вступилъ въ супружество со вдовою убитаго государя.

Ричардъ дѣйствовалъ на равнинахъ Рамлы, заявляя себя ежедневно новыми подвигами противъ Сарацинъ, когда вдругъ до него дошла вѣсть о смерти Конрада и о возвышеніи Генриха Шампаньскаго. Онъ послалъ за своимъ племянникомъ и уступилъ ему христіанскіе города, завоеванные его оружіемъ. Новый король іерусалимскій отправился потомъ въ Птолемаиду, гдѣ народъ

съ восторгомъ привѣтствовалъ его; всѣ улицы были украшены шелковыми тканями, на площадяхъ курился ѳиміамъ, пѣли женскіе и дѣтскіе хоры; духовенство встрѣтило и проводило въ церковь преемника Давида и Готфрида. Слѣдуетъ припомнить, что въ силу рѣшенія, принятаго вождями при осадѣ Акры, іерусалимская корона должна была достаться Гюи Лузиньяну; но теперь никто не вспомнилъ о соперникѣ маркиза Тирскаго; его считали человѣкомъ совершенно неискуснымъ и никто въ христіанской арміи не произнесъ его имени.

Между тѣмъ, новые послы, прибывшіе съ Запада, возбудили безпокойство Ричарда вѣстями о смутахъ въ королевствѣ, произведенныхъ принцемъ Іоанномъ, и о томъ, что Филиппъ-Августъ угрожаетъ Нормандіи. Незадолго передъ этимъ англійскій монархъ овладѣлъ замкомъ Дарумскимъ, на югѣ Палестины; подъ знаменами своими онъ видѣлъ только покорныхъ воиновъ и вѣрныхъ союзниковъ; въ ту минуту когда счастіе улыбалось ему, мысль объ отъѣздѣ становилась на-перекоръ его блестящимъ надеждамъ. Всѣ вожди собрались и поклялись не оставлять крестоваго похода - уѣдетъ-ли Ричардъ, или отложитъ свой отъѣздъ. Это рѣшеніе распространило радость въ христіанскомъ лагерѣ. Но англійскій король задумывался и уединялся среди танцевъ, пировъ и пѣсенъ, и-безъ сомнѣнія, это общее веселье наводило на него тоску. Армія расположилась лагеремъ по близости Хеврона, города, гдѣ покоятся въ каменныхъ гробницахъ предки Израиля. Мрачное раздумье не покидало Ричарда. Страхъ, внушаемый его суровымъ нравомъ, препятствовалъ рѣшиться предложить ему какой-нибудь совѣтъ или утѣшеніе.

Однажды, когда король англійскій одиноко сидѣлъ въ своей палаткѣ, склонивъ голову какъ-бы подъ вліяніемъ особенно тяжкаго раздумья, передъ нимъ явился одинъ пилигримъ, — священникъ, по имени Вильгельмъ. Лицо его выражало печаль и состраданіе; остановясь на порогѣ палатки, священникъ, казалось, ожидалъ знака, чтобы приблизиться къ королю; онъ смотрѣлъ на короля и по лицу его струились слезы. Ричардъ пригласилъ его войти, спросилъ его, почему онъ плачетъ и не онъ ли причинилъ ему скорбь? Получивъ отъ короля обѣщаніе выслушать его безъ гнѣва, священникъ сказалъ королю, что рѣшеніе его покинуть Палестину возбуждаетъ сожалѣніе всей арміи и въ особенности тѣхъ, которые принимаютъ близко къ сердцу ея славу и что его ожидаютъ упреки потомства въ томъ случаѣ, если онъ покинетъ дѣло христіанъ. Онъ напомнилъ королю англійскому многочисленные его подвиги, сказалъ ему, что пилигримы смотрятъ на него, какъ на опору и на своего отца и что отъѣздъ его повергнетъ всѣхъ въ отчаяніе. Ричардъ выслушалъ священника; онъ ничего не отвѣчалъ ему, но выраженіе лица его сдѣлалось еще пасмурнѣе. На другой день англійскій король объявилъ графу Генриху и герцогу Бургундскому, что онъ не поѣдетъ въ Европу до праздника Пасхи, слѣдующаго года; герольдъ, провозгласивъ это рѣшеніе, объявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что христіанская армія скоро выступитъ къ священному городу. Эта вѣсть подняла духъ арміи; всѣ бѣдствія были забыты; повсюду раздавались восхваленія Ричарду, и такое доброе настроеніе предвѣщало побѣду. Но всѣ эти благородныя стремленія, неустрашимое рвеніе — должны были остаться безплодными, благодаря возникшимъ вслѣдъ за тѣмъ роковымъ несогласіямъ.

Крестоносцы расположились лагеремъ въ Виѳинополѣ, нынѣшней Бэйтнубѣ, въ семи миляхъ къ востоку отъ Іерусалима. Ричардъ остановился тутъ на нѣсколько недѣль, потому-ли, что его устрашило приготовленіе Сарацинъ, или потому что онъ снова былъ подъ вліяніемъ своего непостояннаго характера. Герцогъ Бургундскій и многіе другіе вожди, завидуя славѣ Ричарда, неохотно содѣйствовали его предпріятію. Послѣ цѣлаго мѣсяца напраснаго ожиданія въ Виѳинополѣ, христіане съ горестью восклицали: «Вѣрно мы не пойдемъ въ Іерусалимъ!» Ричардъ дѣлалъ видъ,

что не слышитъ ропота пилигримовъ, но онъ раздѣлялъ ихъ горе и негодовалъ на свою собственную судьбу. Однажды, увлеченный въ погонѣ за непріятелемъ до возвышенности Модинской, откуда виднѣется Іерусалимъ, Ричардъ заплакалъ при видѣ священнаго города, который онъ еще не освободилъ. Вынужденный принять какое-нибудь рѣшеніе, онъ созвалъ совѣтъ, изъ пяти рыцарей Іоаннитовъ, пяти французскихъ бароновъ и пяти бароновъ или владѣтелей палестинскихъ. Этотъ совѣтъ обсуждалъ дѣло впродолженіе нѣсколькихъ дней. Тѣ, которые стояли за начатіе осады Іерусалима, говорили о возстаніи, послѣдовавшемъ въ Месопотаміи противъ власти Саладина и объ угрозахъ султану со стороны калифа багдадскаго; они прибавляли, что мамелюки отказываются запереться въ Іерусалимѣ, если Саладинъ не придетъ туда, чтобы раздѣлить съ ними всѣ опасности, и что, слѣдовательно, время для осады теперь самое благопріятное. Другіе, державшіеся противоположнаго мнѣнія, видѣли во всѣхъ этихъ извѣстіяхъ только ловушку со стороны Саладина; они выставляли на видъ недостатокъ воды въ лѣтнюю пору въ безплодныхъ окрестностяхъ Іерусалима, длинные, узкіе проходы по этой гористой мѣстности, гдѣ нѣсколько мусульманскихъ солдатъ могли легко уничтожить цѣлыя фаланги христіанъ, и притомъ, вслучаѣ неудачи подъ стѣнами священнаго города, какимъ образомъ обезпечить отступленіе христіанской арміи, окруженной со всѣхъ сторонъ войсками Саладина?

Такова была сущность преній на этомъ совѣтѣ, какъ намъ сообщаетъ исторія; но причины, которыя представлялись въ защиту необходимости удалиться отъ Іерусалима, не имѣли ничего новаго или непредвидѣннаго; тѣ же препятствія существовали для арміи Готфрида, но не остановили ея движенія впередъ. Слѣдовательно, въ основаніи этого вопроса были какіе-нибудь другіе мотивы, кромѣ тѣхъ, которые передаютъ современныя извѣстія. Эта часть нашего разсказа остается неясною. Исторія можетъ наблюдать за человѣческими страстями, когда онѣ разыгрываются, такъ сказать, при солнечномъ свѣтѣ, но она безсильна описать ихъ съ полною достовѣрностью, когда онѣ сосредоточиваются въ совѣтѣ князей, и когда къ нимъ примѣшиваются множество неизвѣстныхъ побужденій.

Впрочемъ, колебанія эти и споры не препятствовали Ричарду производить постоянныя нападенія на Сарацинъ. Нѣсколько Сирійцевъ явились предупредить его, что изъ Египта въ Іерусалимъ идетъ богатый караванъ. Ричардъ немедленно собираетъ лучшихъ воиновъ, къ которымъ присоединяются и Французы. Вечеромъ отрядъ этотъ выступаетъ изъ лагеря, идетъ всю ночь при лунномъ свѣтѣ и на зарѣ подходитъ къ мѣстечку Хари, въ Хевронской области; тутъ стоялъ караванъ съ конвоемъ, состоявшимъ изъ двухъ тысячъ Сарацинъ. Ричардъ устремился на мусульманъ, которые не выдержали даже перваго натиска и разбѣжались, — повѣствуетъ лѣтопись, — какъ «зайцы, которыхъ преслѣдуютъ собаки». Караванъ былъ забранъ, Ричардъ съ своими спутниками возвратился въ лагерь, ведя за собою четыре тысячи семь-сотъ верблюдовъ, множество лошадей, ословъ и муловъ, навьюченныхъ самыми цѣнными азіатскими товарами. Добыча эта была раздѣлена по-ровну между тѣми, кто сопровождалъ англійскаго короля и тѣми, кто оставался въ лагерѣ. Взятіе этого каравана произвело смятеніе въ священномъ городѣ; въ мусульманской арміи поднялся ропотъ противъ Саладина.

Однакоже христіане не воспользовались смятеніемъ Сарацинъ и безпорядками, возникшими въ войскахъ Саладина. На совѣтѣ рыцарей и бароновъ было рѣшено удаленіе арміи отъ горъ Іудейскихъ и возвращеніе ея къ морскому берегу. Это повергло пилигримовъ въ великое отчаяніе. Вражда между Французами и Англичанами усилилась. Герцогъ Бургундскій и Ричардъ язвили другъ друга сатирическими пѣснями. Надежды на этотъ крестовый походъ исчезали вслѣдствіе распа-

денія христіанской арміи. Во время колебаній Ричарда, армія Саладина, подкрѣпленная эмирами алеппскимъ, мессопотамскимъ и египетскимъ, напала на Яффу и послѣ нѣсколькихъ приступовъ овладѣла городомъ. Цитадель, куда укрылся гарнизонъ, готова была тайно капитулировать, какъ вдругъ Ричардъ прибылъ изъ Птолемаиды съ нѣсколькими кораблями, на которыхъ были посажены войска. Въ гавани Яффы было множество Сарацинъ; англійскій король, сопровождаемый храбрѣйшими изъ своихъ воиновъ, бросился въ воду по поясъ, достигъ берега, разогналъ всѣхъ передъ собою, выгналъ изъ города только-что одержавшихъ побѣду мусульманъ и преслѣдуя ихъ по равнинѣ, раскинулъ свой лагерь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ стояли палатки Саладина.

Но Ричардъ еще не восторжествовалъ надъ всѣми опасностями. Присоединивъ къ своему отряду гарнизонъ цитадели, онъ насчитывалъ у себя не болѣе двухъ тысячъ солдатъ. Черезъ три дня по освобожденіи Яффы, одинъ Генуэзецъ, выйдя рано утромъ изъ города, увидѣлъ въ полѣ мусульманскіе батальоны и возвратился въ городъ съ крикомъ: «къ оружію, къ оружію!» Ричардъ вскочилъ со сна и едва успѣлъ надѣть кирасу, какъ нахлынули толпы Сарацинъ; король и большинство его приближенныхъ бросились въ битву съ босыми ногами, иные въ одной рубашкѣ; въ отрядѣ христіанъ оказалось не болѣе десяти лошадей. Одну изъ нихъ подали Ричарду. Мусульмане принуждены были отступить; англійскій король спѣшилъ воспользоваться этою первою удачею, чтобы поставить своихъ воиновъ въ боевой порядокъ на равнинѣ и воодушевить къ новымъ битвамъ. Вскорѣ семь тысячъ Сарацинъ, возвратясь назадъ, снова устремляются на христіанъ; христіане выдерживаютъ яростный натискъ непріятеля; удивленіе и ужасъ распространяются въ рядахъ мусульманъ; Ричардъ бросается впередъ и нападаетъ съ своими воинами на Сарацинъ; въ это время ему объявляютъ, что непріятель вступилъ Яффу и избиваетъ христіанъ, оставшихся для защиты воротъ города; король спѣшитъ къ нимъ на помощь въ сопровожденіи только двухъ всадниковъ и нѣсколькихъ метальщиковъ; при видѣ его, мамелюки разбѣгаются; онъ убиваетъ всѣхъ, кто оказываетъ сопротивленіе. Выгнавъ непріятеля изъ города, онъ возвращается на равнину, гдѣ идетъ схватка его воиновъ съ мусульманской конницей. Ричардъ, расточая чудеса храбрости, приводитъ въ смятеніе толпу Сарацинъ. Наконецъ онъ такъ порывисто устремляется въ ряды непріятелей, что никто не поспѣваетъ слѣдовать за нимъ и онъ исчезаетъ изъ вида своихъ воиновъ. Когда онъ возвратился къ крестоносцамъ, которые считали его уже погибшимъ, то лошадь его была вся въ крови и въ пыли, а самъ онъ, по наивному выраженію очевидца-свидѣтеля — «весь пронизанный стрѣлами, былъ похожъ на подушечку, со всѣхъ сторонъ унизанную иголками». Эту необычайную побѣду, одержанную доблестью одного только человѣка, можно считать самымъ чуднымъ событіемъ въ лѣтописяхъ человѣческаго героизма.

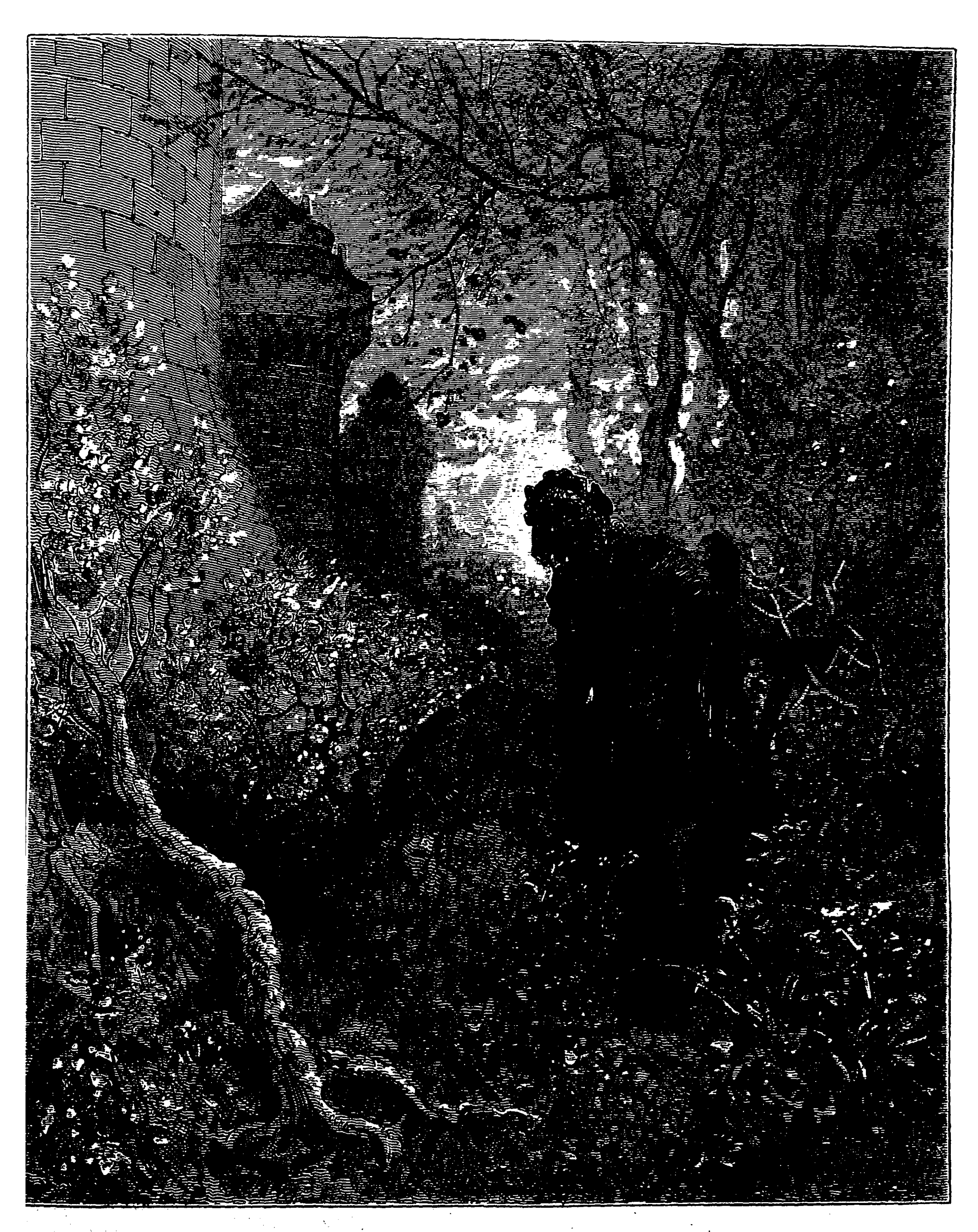
Столько подвиговъ и славы должны были остаться безплодными для крестоваго похода. Герцогъ Бургундскій, удалившійся въ Тиръ, отказывался принимать какое-либо участіе въ войнѣ. Германцы, подъ предводительствомъ герцога австрійскаго, покинули Палестину. Ричардъ, захворавъ, пожелалъ отправиться въ Птолемаиду, а несправедливость его воиновъ упрекала его въ желаніи покинуть ихъ. Вынужденный довѣрять только одному своему мечу онъ думалъ теперь только о томъ, какъ-бы возобновить переговоры съ Саладиномъ. И христіане, и Сарацины, казалось, были одинаково утомлены войною; Саладинъ, покинутый многими своими союзниками, опасался смутъ и возстанія въ своемъ государствѣ. Для султана, какъ и для англійскаго короля миръ былъ желателенъ, и потому заключено было между ними перемиріе на три года и восемь мѣсяцевъ. Доступъ въ Іерусалимъ былъ открытъ для паломниковъ христіанскихъ, и сверхъ того христіанамъ

предоставлено было владѣніе морскимъ берегомъ, отъ Яффы до Тира. Крѣпость Аскалонъ, на которую заявляли свои притязанія и крестоносцы, и мусульмане, рѣшено было разрушить. О Древѣ Честнаго Креста, для востребованія котораго Ричардъ прежде отправлялъ къ Саладину многихъ пословъ, теперь не упоминалось. Главные вожди обѣихъ армій поклялись, одни — кораномъ, другіе — евангеліемъ, соблюдать условія договора. Султанъ и король англійскій ограничились взаимнымъ честнымъ словомъ и пожатіемъ руки посланниковъ. Имени Гюи Лузиньяна не было упомянуто въ трактатѣ; лишенный своего королевства, онъ получилъ королевство Кипрское, обладаніе которымъ представляло болѣе существенное значеніе, но за него слѣдовало еще уплатить Храмовникамъ, которымъ Ричардъ продалъ его или заложилъ. Палестина была уступлена Генриху графу Шампаньскому. Прежде чѣмъ возвратиться въ Европу, крестоносцы, раздѣлившись на нѣсколько каравановъ, отправились поклониться Гробу Іисуса Христа. Французы, оставшіеся въ Тирѣ, не захотѣли воспользоваться доступомъ въ Іерусалимъ, который былъ открытъ для нихъ Ричардомъ: предубѣжденія и зависть оказались сильнѣе, чѣмъ усердіе къ св. Мѣстамъ. Герцогъ Бургундскій умеръ въ то самое время, когда уже готовился къ отъѣзду на Западъ.

Когда англійскій король сѣлъ на корабль въ Птолемаидѣ, христіане св. Земли не могли удержать своихъ слезъ, — они сознавали, что лишаются въ немъ единственной своей опоры противъ Сарацинъ. Ричардъ самъ плакалъ; выѣзжая изъ гавани Акрской, онъ устремилъ свой взоръ къ берегамъ и воскликнулъ: «О святая Земля! Поручаю народъ твой Господу Богу и молю Бога, да снабдитъ меня — опять посѣтить тебя и помочь тебѣ!»

Таковъ былъ этотъ третій крестовый походъ, въ которомъ Германцы потеряли одного изъ величайшихъ своихъ императоровъ и лучшую изъ своихъ армій, а Франція и Англія лишились множества людей, составлявшихъ цвѣтъ ихъ воинственнаго дворянства. Весь вооружившійся Западъ не могъ достигнуть бо́льшаго успѣха, какъ только взятія Птолемаиды и разрушенія Аскалона. Но не смотря на несчастный исходъ этого крестоваго похода, онъ не возбудилъ въ Европѣ такого ропота, какъ походъ св. Бернара, такъ какъ воспоминаніе о немъ было соединено съ воспоминаніями о подвигахъ, прославившихъ крестоносцевъ. На Востокѣ узнали тогда двухъ великихъ монарховъ, которые могли вести войну между собою, не переставая уважать другъ друга; казалось, что оба народа отрѣшились отчасти отъ своего варварства. Эмиры сарацинскіе бывали приглашаемы иногда къ столу Ричарда, а крестоносцы обѣдали за столомъ Саладина; сообщаясь между собою, христіане и мусульмане могли позаимствоваться другъ у друга нѣкоторыми хорошими обычаями, познаніями и даже добродѣтелями. Страсть къ славѣ была для спутниковъ Ричарда такимъ же могущественнымъ двигателемъ, какъ и религіозный энтузіазмъ.

Двѣ славы затмѣваютъ все остальное въ исторіи этого крестоваго похода: Ричардъ и Саладинъ, различные между собою по генію и по характеру, являются оба героями великой эпопеи, которая сосредоточивала на себѣ вниманіе Востока и Запада въ послѣдніе годы XII вѣка. Первый былъ смѣлѣе и мужественнѣе, второй отличался благоразуміемъ, степенностью и умѣніемъ вести дѣла. У Ричарда было больше воображенія, у Саладина больше разсудительности; увлекаемый непостоянствомъ своего характера, необузданно предаваясь разгулу страстей, англійскій король никогда не понималъ, что значитъ воздерживать себя; онъ не былъ бы способенъ къ управленію людьми, потому что онъ не умѣлъ управлять самимъ собою; знакомясь съ его жизнью и судьбою, испытываешь больше удивленія, чѣмъ восхищенія. Изъ всѣхъ героевъ новѣйшихъ временъ, Ричардъ представляетъ наиболѣе сходство съ героями Гомера; въ немъ снова встрѣчается то мужество, которое не останавливается ни передъ чѣмъ, та самонадѣянность, которая никогда не сомнѣвается

Блондель узнаетъ голосъ плѣннаго Ричарда

въ побѣдѣ, то стремленіе возвести до небесъ славу своего оружія и также та слабость душевная, та чувствительность, которыя заставляютъ Ахилла плакать, какъ женщина. Саладинъ, ставшій во главѣ государства, доставшагося ему не по праву рожденія, но которое, можно сказать, было вручено ему случайностями войны, загладилъ преступленіе узурпаціи своимъ искусствомъ въ войнѣ, своими высокими добродѣтелями и постоянною любовію къ добру. «Среди своей походной жизни онъ осѣнялъ народы крылами своего правосудія», говорится въ одной восточной лѣтописи, — «и подобно облакамъ, низводилъ свои щедроты на города, ему подвластные». Христіане прославляли благородное великодушіе Саладина, невѣрные восхваляли непобѣдимое мужество короля Франковъ; имя англійскаго короля впродолженіе цѣлаго вѣка наводило ужасъ на жителей Востока; если на дорогѣ лошадь мусульманина пугалась внезапно тѣни, кустовъ или дерева, то всадникъ спрашивалъ у своего коня: — «Ужь не привидѣлась-ли тебѣ тѣнь Ричарда?..»

Однимъ изъ самыхъ важныхъ послѣдствій третьяго крестоваго похода было то, о которомъ христіане и не помышляли, а именно: основаніе Кипрскаго королевства. На островѣ Кипрѣ, самомъ значительномъ изъ острововъ Средиземнаго моря, были цвѣтущіе города, плодоносныя равнины, и онъ славился своимъ виномъ; гавани его давали убѣжище судамъ, идущимъ съ Запада въ Азію и возвращавшимся изъ Сиріи въ Европу. Королевство, завоеванное Ричардомъ, было полезнымъ сосѣдомъ для христіанскихъ колоній. Когда мусульмане разрушили латинскія владѣнія, то на островѣ Кипрѣ сосредоточились остатки ихъ. Изъ латинскихъ государей одни только никозійскіе сохранили ассизы королевства іерусалимскаго, учрежденные Готтфридомъ и его пріемниками.

Крестовый походъ разорилъ Англію. Филиппу-Августу онъ доставилъ средства ослабить знатнѣйшихъ вассаловъ и присоединить къ коронѣ Нормандію. Пользуясь бѣдствіемъ своихъ сосѣдей, Франція усилилась увеличеніемъ территоріи и утвержденіемъ власти королевской.

Героя же этого крестоваго похода ожидала въ Европѣ томительная неволя. Возвращаясь въ Европу, Ричардъ подвергся кораблекрушенію близъ береговъ Италіи, и не желая проѣзжать черезъ Францію, отправился черезъ Германію, скрываясь подъ одеждою простаго пилигрима. Но его щедрость выдала въ немъ короля; враги у него были повсюду и солдаты герцога австрійскаго задержали его: Леопольдъ не забылъ оскорбленій, нанесенныхъ ему при осадѣ Птолемаиды. Ричардъ былъ заключенъ въ темницу, а Европа ничего не знала о постигшей его участи; Англію же извѣстилъ о ней одинъ преданный королю дворянинъ — трубадуръ. Блондель, отыскивая слѣды своего государя, пробирался по Германіи въ одеждѣ и съ лирою менестреля. Однажды подошелъ онъ къ башнѣ, гдѣ томился въ заключеніи, какъ ходили слухи, какой-то знаменитый плѣнникъ. Вдругъ онъ услышалъ пѣніе перваго куплета той пѣсни, которую онъ сочинилъ когда-то вмѣстѣ съ Ричардомъ; менестрель пропѣлъ второй куплетъ пѣсни, устремивъ глаза къ верху той башни, откуда послышались ему знакомые звуки; плѣнникъ узналъ Блонделя. Герцогъ австрійскій, узнавъ, что мѣстопребываніе его плѣнника было открыто, поспѣшилъ выдать его императору германскому, который также имѣлъ причины мстить Ричарду. Генрихъ VI недостойнымъ образомъ заключилъ его въ тяжелыя оковы. Плѣнный король принужденъ былъ явиться на германскій сеймъ, въ Вормсѣ; здѣсь, въ присутствіи епископовъ и знатнѣйшихъ владѣтелей, онъ былъ обвиненъ во всевозможныхъ преступленіяхъ, которыя только могли измыслить зависть и злоба; но когда царственный узникъ произнесъ рѣчь въ свое оправданіе, то все собраніе залилось слезами; тѣ, которые явились въ Вормсъ, чтобы осудить Ричарда, должны были отступить передъ его славой. Тѣмъ не менѣе императоръ Генрихъ, не обращая вниманія на проклятія св. престола, продолжалъ

держать Ричарда въ заточеніи еще болѣе года и возвратилъ ему свободу не прежде, какъ получивъ за него выкупъ отъ Англіи, который окончательно разорилъ эту страну.

Между тѣмъ какъ томился въ тѣсной германской темницѣ герой, слава котораго наполняла весь міръ, Саладинъ лежалъ больной въ Дамаскѣ и предавался печальнымъ предчувствіямъ своей близкой кончины. Латинскія лѣтописи, описывая его смерть, повѣствуютъ, что султанъ, умирая, приказалъ одному изъ своихъ эмировъ носить по всѣмъ улицамъ Дамаска его саванъ и повторять во всеуслышаніе: «Вотъ что Саладинъ, побѣдитель Востока, уноситъ съ собою изъ всѣхъ своихъ завоеваній.

Геѳсиманскій садъ.

ГЛАВА XVIII.

Четвертый крестовый походъ. — Призывъ къ крестовому походу въ Германіи. — Императоръ Генрихъ принимаетъ крестъ и покоряетъ Сицилію. — Дѣла въ Палестинѣ. — Осада Торона. — Смерть Генриха VI и конецъ крестоваго похода.

(1195 г.)

По смерти Саладина въ основанной имъ имперіи начались смуты; историки восточные говорятъ, что послѣ него осталось семнадцать сыновей, которые раздѣлили между собою его на-

слѣдство; одинъ изъ нихъ былъ признанъ султаномъ египетскимъ, другой — каирскимъ, прочіе — князьями мессопотамскими; но ни одинъ изъ этихъ князей не наслѣдовалъ генія своего отца и не могъ сохранить власть, предоставленную ему судьбою. Малекъ-Адель, братъ Саладина, ловко воспользовался раздорами, возникшими между его плѣнниками и соединилъ наконецъ въ своихъ могущественныхъ рукахъ всѣ разсѣянные остатки имперіи Аюбитовъ. Такимъ образомъ, во второй уже разъ, втеченіе немногихъ лѣтъ, оправдалось арабское замѣчаніе, что «большая часть тѣхъ, которые были основателями государствъ, не оставили ихъ въ наслѣдство своему потомству».

Усиленіемъ своего могущества Малекъ-Адель былъ обязанъ не только раздорамъ между невѣрными, но также и духу несогласія и унынія, господствовавшему между христіанами. По отъѣздѣ англійскаго короля христіанская колонія все болѣе и болѣе приходила въ упадокъ. Сколько разъ Генрихъ шампаньскій въ своемъ жалкомъ іерусалимскомъ королевствѣ съ сожалѣніемъ вспоминалъ о своемъ графствѣ Шампаньскомъ, о своихъ замкахъ Труаскомъ и Провинскомъ! Буэмундъ III, князь антіохійскій находился постоянно въ войнѣ съ князьями Арменіи и обѣ эти области поочередно подвергались непріятельскому вторженію и разоренію; сильная распря вспыхнула между Іоаннитами и Храмовниками, изъ-за права владѣнія однимъ изъ замковъ, по сосѣдству съ Маргатомъ. Голосъ самого папы оказывался безсильнымъ среди этихъ гибельныхъ раздоровъ; христіане палестинскіе имѣли перемиріе съ Сарацинами, но не имѣли достаточно силы, чтобы заставить ихъ соблюдать условія договора.

Съ другой стороны, Западъ, утомленный столькими усиліями, столькими чудесными подвигами, которые ни къ чему не привели, казалось, былъ не очень расположенъ помогать св. Землѣ. Въ это-то время Целестинъ III, на призывъ котораго отозвались и отправились на Востокъ Ричардъ-Львиное сердце, Филиппъ-Августъ II и Фридрихъ Барбаросса, задумалъ возбудить снова воинственный энтузіазмъ христіанъ. Въ краснорѣчивомъ бреве, въ которомъ онъ объявлялъ о смерти Саладина, онъ убѣждалъ всѣхъ вѣрующихъ принять крестъ и вооружиться; оскверненіе святыхъ Мѣстъ, угнетеніе христіанъ на Востокѣ, дерзость и все возрастающая наглость Сарацинъ, — таковы были причины, на которыхъ онъ основывалъ свои апостольскія увѣщанія. Папа очень желалъ, чтобы Ричардъ опять отправился на Востокъ, но Ричардъ опасался Филиппа-Августа; Филиппъ-Августъ, съ своей стороны, побаивался Ричарда; оба монарха на призывъ папы отвѣтили торжественнымъ увѣреніемъ въ своей преданности дѣлу Іисуса Христа, но остались въ своихъ владѣніяхъ; высшее сословіе и народъ послѣдовали ихъ примѣру. У Целестина осталась одна надежда на Германію.

Хотя императоръ Генрихъ VI былъ отлученъ отъ церкви святымъ престоломъ за удержаніе Ричарда въ заключеніи, папа все-таки послалъ къ нему легатовъ, уполномоченныхъ напомнить ему о примѣрѣ его знаменитаго отца, Фридриха; Генрихъ, у котораго было больше честолюбія, чѣмъ благочестія, сообразилъ, что священная экспедиція можетъ оказаться благопріятною для завоеванія Сициліи и даже для замышляемаго имъ покоренія Греціи. Онъ принялъ римскихъ легатовъ съ большимъ почетомъ и проповѣдывалъ крестовый походъ на общемъ Сеймѣ въ Вормсѣ. Краснорѣчіе главы имперіи и говорившихъ послѣ него епископовъ такъ воспламенило умы, что и знатные люди и простолюдины не могли не «признать въ этомъ перста Божія». Генрихъ, въ присутствіи своего двора, облачился въ одежду крестоносца; множество знатныхъ германскихъ владѣтелей приняли крестъ, иные — ради угожденія Богу, другіе — въ угоду императору; во всѣхъ провинціяхъ Германіи нашлись воины для священной войны. Генрихъ VI возвѣстилъ о своемъ намѣреніи вести на Востокъ крестоносцевъ; но такъ какъ война, которую онъ хотѣлъ вести съ Сициліею, уже началась, то его очень легко было убѣдить остаться въ Европѣ. Онъ выступилъ во

главѣ арміи въ Неаполитанскую область. Двѣ же другія арміи крестоносцевъ, одна — подъ предводительствомъ герцога Саксонскаго и Брабантскаго, другая — подъ предводительствомъ епископа Майнцскаго и Валерана графа Лимбургскаго, сѣли на суда и отправились на Востокъ. Первые крестоносцы, прибывшіе въ Палестину, захотѣли нарушить перемиріе съ Сарацинами, между тѣмъ какъ мѣстные христіане желали его сохраненія. Это повело къ оживленнымъ преніямъ, въ которыхъ съ одной стороны ставилась въ упрекъ неразумная опрометчивость, могущая погубить все дѣло, а съ другой стороны — трусливое благоразуміе, которое не осмѣливалось возстать на защиту своего дѣла. Германцы сами начали войну. Среди смутъ и опасностей этой новой войны, христіанамъ пришлось сверхъ того оплакивать смерть Генриха Шампаньскаго, упавшаго изъ окна своего дворца. И другое несчастіе постигло христіанъ: Малекъ-Адель, при первыхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ со стороны крестоносцевъ, осадилъ Яффу, взялъ городъ приступомъ и все населеніе погибло отъ меча Сарацинъ.

Христіанская армія, усилившаяся ежедневно прибывавшими германскими пилигримами, выступила тогда изъ Птолемаиды и направилась противъ невѣрныхъ. Рѣшено было приступить къ осадѣ Бейрута, гдѣ мусульмане держали множество плѣнныхъ и хранили большую добычу, захваченную въ покоренной странѣ; Малекъ-Адель выступилъ на-встрѣчу христіанамъ; обѣ арміи сошлись на берегахъ Элевтера (нынѣ Нахръ-Эль-Кебиръ), между Триполи и Тортозой; побѣда осталась за крестоносцами. Сарацины покинули нѣсколько прибрежныхъ городовъ, и Бейрутъ, слабо защищаемый, безъ битвы подчинился власти воиновъ креста. Во всѣхъ христіанскихъ городахъ были отслужены благодарственныя молебствія, и, въ упоеніи отъ этого перваго успѣха, только и шли толки о походѣ въ Іерусалимъ.

Между тѣмъ какъ крестоносцы заняты были войною въ Сиріи, Генрихъ VI пользовался всѣми средствами и всѣми силами, предоставленными ему по случаю крестоваго похода, чтобы закончить покореніе королевства Неаполитанскаго и Сицилійскаго. Онъ женился на Констанціи, дочери Рожера, и на этомъ основаніи заявилъ свои права, съ оружіемъ въ рукахъ, на престолъ и на наслѣдство государей нормандскихъ; сначала ему пришлось бороться съ Танкредомъ, сыномъ Рожера, котораго высшее сословіе Сициліи избрало своимъ королемъ; но по смерти послѣдняго, королевство, оставшееся безъ короля, раздираемое множествомъ партій, было со всѣхъ сторонъ открыто для вторженій Германцевъ; при этомъ завоеваніи Генрихъ VI дѣйствовалъ болѣе посредствомъ палачей, чѣмъ солдатъ, и ужасъ казней довершилъ то, что было начато побѣдами.

Новый владѣтель Сициліи, залитый кровью христіанъ и все еще отлученный отъ церкви, прославлялъ себя тѣмъ не менѣе, какъ перваго между воинами Іисуса Христа; такъ какъ ему больше нечего было дѣлать въ Сициліи, то онъ занялся войною съ Сарацинами. Онъ послалъ письменный приказъ во всѣ провинціи своей имперіи — ускорить выступленіе въ походъ тѣхъ, которые приняли крестъ, но оставались еще дома. Въ посланіи своемъ Генрихъ обѣщалъ содержать армію втеченіе года и выдать по тридцати унцій золота всѣмъ крестоносцамъ, которые дослужатъ до конца священной войны. Конрадъ, епископъ Хидельсгеймскій, канцлеръ имперіи, сопровождавшій Генриха VI и помогавшій ему совѣтами во время войны въ Сициліи, долженъ былъ вести въ Сирію эту третью армію пилигримовъ.

Прибытіе въ Палестину такого сильнаго подкрѣпленія удвоило силы и рвеніе христіанскихъ воиновъ; теперь можно было начать осаду Іерусалима; но наступала зима, и рѣшено было дождаться весны, чтобы начать осаду, которая могла затянуться и сдѣлаться опасною. Съ другой стороны, всѣ другіе города палестинскіе снова подчинились власти христіанъ. Итакъ рѣшено было употребить всѣ силы крестоносцевъ на осаду укрѣпленія Торонскаго, грознаго замка, выстроен-

наго на горахъ Ливанскихъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Тира; здѣшній мусульманскій гарнизонъ постоянно угрожалъ Галилеѣ и приморскимъ равнинамъ. Когда армія собралась подъ стѣнами Торона, то тутъ только замѣчены были всѣ трудности осады; стрѣлы и камни, метаемые машинами, едва могли достигать укрѣпленій и башенъ, между тѣмъ какъ бревна и обломки скалъ катились съ высоты укрѣпленія, производя опустошеніе въ рядахъ христіанъ. Неимовѣрныхъ трудовъ стоило крестоносцамъ раскопать землю и пробить себѣ путь черезъ скалистую гору, на которой былъ выстроенъ замокъ Торонскій; на эту трудную работу употреблены были рабочіе изъ Гоцларскихъ рудниковъ, послѣдовавшіе за пилигримами въ Сирію. Осаждающимъ удалось наконецъ укрѣпиться у самыхъ стѣнъ; съ помощію своихъ машинъ они могли поколебать стѣны и провести подкопы подъ основаніе башенъ. Осаждаемые, не надѣясь на возможность дальнѣйшаго сопротивленія, предложили сдаться на капитуляцію. Въ это самое время возникли между христіанами такіе раздоры, какихъ еще и не бывало съ самаго начала крестовыхъ походовъ. Депутаты, посланные въ лагерь крестоносцевъ, не знали сначала, къ кому изъ вождей они должны были обратиться.

Генриха, палатина Рейнскаго, герцога Саксонскаго и Брабантскаго слушались только одни ихъ солдаты; канцлеръ Конрадъ занимался только введеніемъ роскоши, неизвѣстной въ лагерѣ; военные же труды были не по его лѣнивому характеру. Христіане палестинскіе, съ самой смерти Генриха Шампаньскаго, не имѣли вождей, которые руководили бы ими. Депутаты мусульманскіе были приняты въ собраніи, волнуемомъ самыми различными страстями. Сарацины предлагали покинуть крѣпость и просили только пощадить ихъ жизнь и оставить имъ свободу. Когда начались разсужденія по поводу этого предложенія, то одни приняли его съ радостію, а другіе хотѣли взять городъ приступомъ. Но такъ какъ мнѣніе послѣднихъ не было преобладающимъ, то они дошли до того, что посовѣтовали осажденнымъ защищаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ они обращались къ христіанскимъ воинамъ и говорили имъ, что предстоитъ заключеніе постыднаго договора съ невѣрными. Когда депутаты возвратились въ крѣпость, они повторяли, что слышали и разсказали также о несогласіяхъ, возникшихъ между христіанами. Съ этой минуты осаждаемые забыли, что стѣнамъ ихъ угрожаетъ паденіе; они поклялись скорѣе умереть, чѣмъ сдаться. Отчаяніе придало имъ силы; они сдѣлали нѣсколько удачныхъ вылазокъ. Между крестоносцами была одна партія, которая защищалась, другая же какъ будто и забыла объ осадѣ. Скоро пришла вѣсть, что Малекъ-Адель приближается съ арміею; эта вѣсть распространила ужасъ и была какъ бы сигналомъ отступленія, которое произошло въ величайшемъ безпорядкѣ; христіанская армія, которую ожидала полная побѣда, возвратилась такимъ образомъ въ Тиръ, обращенная въ бѣгство побѣжденнымъ врагомъ. Духъ раздора все усиливался между крестоносцами, которые упрекали другъ друга въ позорѣ своего бѣгства. Дѣло дошло до того, что христіане сирійскіе и крестоносцы германскіе не могли оставаться подъ одними знаменами.

Однако же приближеніе мусульманской арміи возбудило мужество въ воинахъ креста. Въ битвѣ близъ Яффы побѣда осталась за тевтонскими крестоносцами. Въ то же время Амори, преемникъ Гюи Лузиньяна въ королевствѣ Кипрскомъ, былъ призванъ царствовать надъ тѣмъ, что оставалось отъ королевства Іерусалимскаго, и прибылъ сюда, чтобы раздѣлить съ Изабеллой, вдовой Генриха Шампаньскаго, малозначащія почести королевскаго достоинства. Явилась надежда, что согласіе возстановится и что крестовый походъ кончится лучше, чѣмъ начался. Но между тѣмъ какъ праздновали свободу Амори, пришла вѣсть о смерти императора Генриха VI; эта неожиданная новость измѣнила все дѣло и внезапно положила конецъ священному походу.

Князья и владѣтели германскіе только и думали о возвращеніи въ Европу; изъ всѣхъ князей, прибывшихъ съ Запада для защиты дѣла Господня, одна только королева венгерская оказалась вѣрною своимъ обѣтамъ и осталась съ своими рыцарями въ Палестинѣ.

Этотъ четвертый походъ, въ которомъ всѣ силы Германской имперіи разбились о стѣны одной крѣпости на Ливанѣ, и который представляетъ намъ странное зрѣлище священной войны, веденной отлученнымъ отъ церкви монархомъ, — не ознаменованъ въ исторіи столькими чрезвычайными событіями и великими бѣдствіями, какъ предыдущія экспедиціи. У воиновъ креста не было недостатка ни въ рвеніи, ни въ мужествѣ во время опасности, но имя Іерусалима уже не воспламеняло болѣе энтузіазма пилигримовъ; въ прежнихъ священныхъ войнахъ было болѣе религіознаго чувства, чѣмъ политики, въ этой же, можно сказать, главную роль играла политика, а не религія. Въ то время, какъ христіане возносили къ Богу молитвы объ успѣхѣ похода, двигателемъ и главою котораго былъ императоръ Генрихъ VI, — этотъ государь велъ безбожную войну и опустошалъ христіанскую страну, чтобы подчинить ее своей власти. Мы увидимъ впослѣдствіи, какія смуты среди христіанскихъ народовъ произвело это покореніе Сициліи и какую ужасную вражду вызвало оно между сыновьями Генриха VI и преемниками Целестина.

ГЛАВА XIX.

Пятый крестовый походъ. — Организаторъ похода Фулькъ Нельискій. — Переговоры вождей крестоваго похода съ Венеціею о флотѣ. — Дожъ венеціанскій принимаетъ крестъ. — Осада Зары. — Разногласія между крестоносцами. — Алексѣй, сынъ Исаака, обращается къ помощи крестоносцевъ. — Выступленіе арміи въ Константинополь. — Нападеніе крестоносцевъ на Константинополь.

(Отъ 1202 до 1204 г.).

Плачевный исходъ послѣдняго крестоваго похода и столько бѣдствій безъ всякой славы поумѣрили религіозное рвеніе и воинственное благочестіе христіанъ. Никогда въ Европѣ не было такъ мало заботы объ освобожденіи Іерусалима. Среди общаго равнодушія одинъ только человѣкъ былъ тронутъ жалобами, доносившимися изъ-за моря, и сохранилъ надежду спасти христіанское населеніе на Востокѣ.

Иннокентій III, достигшій тридцати-трехъ-лѣтняго возраста, былъ только-что избранъ папою, и едва вступилъ онъ на престолъ, какъ началъ стараться вновь воспламенить священный огонь крестовыхъ походовъ; въ посланіи къ епископамъ, духовенству, высшему сословію и простому народу во Франціи, Англіи, Венгріи и Сициліи, папа возвѣщалъ волю, угрозы и обѣтованія Бога христіанскаго. «Если Богъ принялъ смерть ради человѣка, — прибавлялъ Иннокентій въ заключеніе своего посланія: — то неужели человѣкъ побоится умереть для Бога? Неужели онъ откажется пожертвовать своею мимолетною жизнью и тлѣнными благами этого міра Тому, Кто предлагаетъ намъ сокровища вѣчной жизни?» Легаты, посланные римскимъ дворомъ, обѣщали отпущеніе грѣховъ и особенное покровительство церкви всѣмъ тѣмъ, кто приметъ крестъ и вооружится, или кто будетъ доставлять одежду и содержаніе воинству Христову. Въ церквахъ были разставлены кружки для пріема приношеній отъ вѣрующихъ; священникамъ было вмѣнено въ обязанность вліять на свою паству во время исповѣди и возбуждать раскаяніе грѣшниковъ и сочувствіе ихъ въ пользу крестоносцевъ и христіанъ на Востокѣ.

Проповѣдуя крестовый походъ, Иннокентій III сначала не имѣлъ успѣха по многимъ причинамъ. Оттонъ Саксонскій и Филиппъ Швабскій оспаривали другъ у друга германскую корону; папа объявилъ себя на сторонѣ Оттона и угрожалъ громами церкви приверженцамъ Филиппа; вся Германія была вовлечена въ эту великую распрю и никто не принялъ креста. Въ это же время Филиппъ-Августъ состоялъ подъ проклятіемъ Рима за свой незаконный союзъ съ Агнесою Меранійскою; Франція, на которую глава церкви только-что наложилъ интердиктъ, не могла обратить своего вниманія на христіанскія колоніи на Востокѣ. Римскій дворъ желалъ въ особенности, чтобы Ричардъ сталъ во главѣ крестоваго похода; англійскій король устроилъ въ Лондонѣ турниръ, на

которомъ самъ проповѣдывалъ священную войну; но, въ сущности, этотъ государь не имѣлъ намѣренія возвращаться на Востокъ, и хотя онъ часто возобновлялъ обѣщаніе снова отправиться на битву съ невѣрными, но до самой смерти воевалъ только съ христіанами.

Между тѣмъ, одинъ священникъ изъ Нельи-на-Марнѣ пріобрѣлъ большое вліяніе на народъ своимъ краснорѣчіемъ и чудесами. Проповѣдники самые ученые становились въ ряды его учениковъ и говорили, что «Св. Духъ глаголетъ его устами»; онъ воспламенялъ по своему желанію страсти толпы, и даже до дворцовъ государей доносились возвѣщаемые имъ «громы евангельскихъ угрозъ». Иннокентій III обратилъ вниманіе на Фулька и возложилъ на него ту миссію, которую исполнилъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ св. Бернаръ.

Для дѣла Іисуса Христа нужны были въ особенности примѣръ и мужество государей и бароновъ. Въ Шампаньи былъ объявленъ турниръ, на которомъ должны были присутствовать самые доблестные воины Франціи, Германіи и Фландріи; поэтому Фулькъ пріѣхалъ въ замокъ Экри-сюръ-Энь, гдѣ назначено было собраться рыцарямъ. Среди мірскаго веселія рыцарства послышались вдругъ жалобные стоны Сіона, выраженные краснорѣчіемъ Фулька; когда ораторъ креста заговорилъ объ Іерусалимѣ, плѣненномъ Сарацинами, то рыцари и бароны забыли бой на копьяхъ, и ломаніе копій, и блистательныя состязанія, и подвиги, и даже присутствіе «дамъ и дѣвицъ, раздававшихъ награды отличившимся». Во главѣ владѣтельныхъ князей, принявшихъ участіе въ крестовомъ походѣ, были: Тибо графъ Шампаньскій и Людовикъ графъ Шартрскій и Блоаскій. Ихъ примѣру послѣдовали: графъ де-Сенъ-Поль, графы Готье и Жанъ Бріеннскіе, Манассія Илльскій, Ренаръ де-Дампьерръ, Матвѣй де-Монморанси, Гугъ и Робертъ де-Борнъ, графы Амьенскіе, Рено Булоньскій, Готтфридъ Першскій, Рено Монмиральскій, Симонъ Монфортскій и Готфридъ де-Виллегардуэнь, маршалъ Шампаньскій, который оставилъ намъ реляцію объ этомъ походѣ на наивномъ языкѣ своего времени.

Дворянство фландрское также захотѣло выразить свое усердіе къ освобожденію св. Мѣстъ; графъ Бальдуинъ поклялся во храмѣ Св. Донатіана Брюжскаго отправиться въ Азію для битвы съ Сарацинами; Марія графиня Фландрская пожелала сопровождать своего супруга; примѣру Бальдуина послѣдовали оба его брата, Евстафій и Генрихъ, графы Саарбрукскій и Генегау, и Кононъ Бетюнскій, извѣстный своею храбростію и краснорѣчіемъ. Главные вожди крестоваго похода, собравшись сначала въ Суассонѣ, а потомъ въ Компьенѣ, избрали предводителемъ священной экспедиціи Тибо графа Шампаньскаго. На томъ же собраніи было рѣшено — отправить армію крестоносцевъ на Востокъ морскимъ путемъ и съ этою цѣлію послать шесть депутатовъ въ Венецію, чтобы выпросить у республики суда, необходимыя для переправы войска и лошадей.

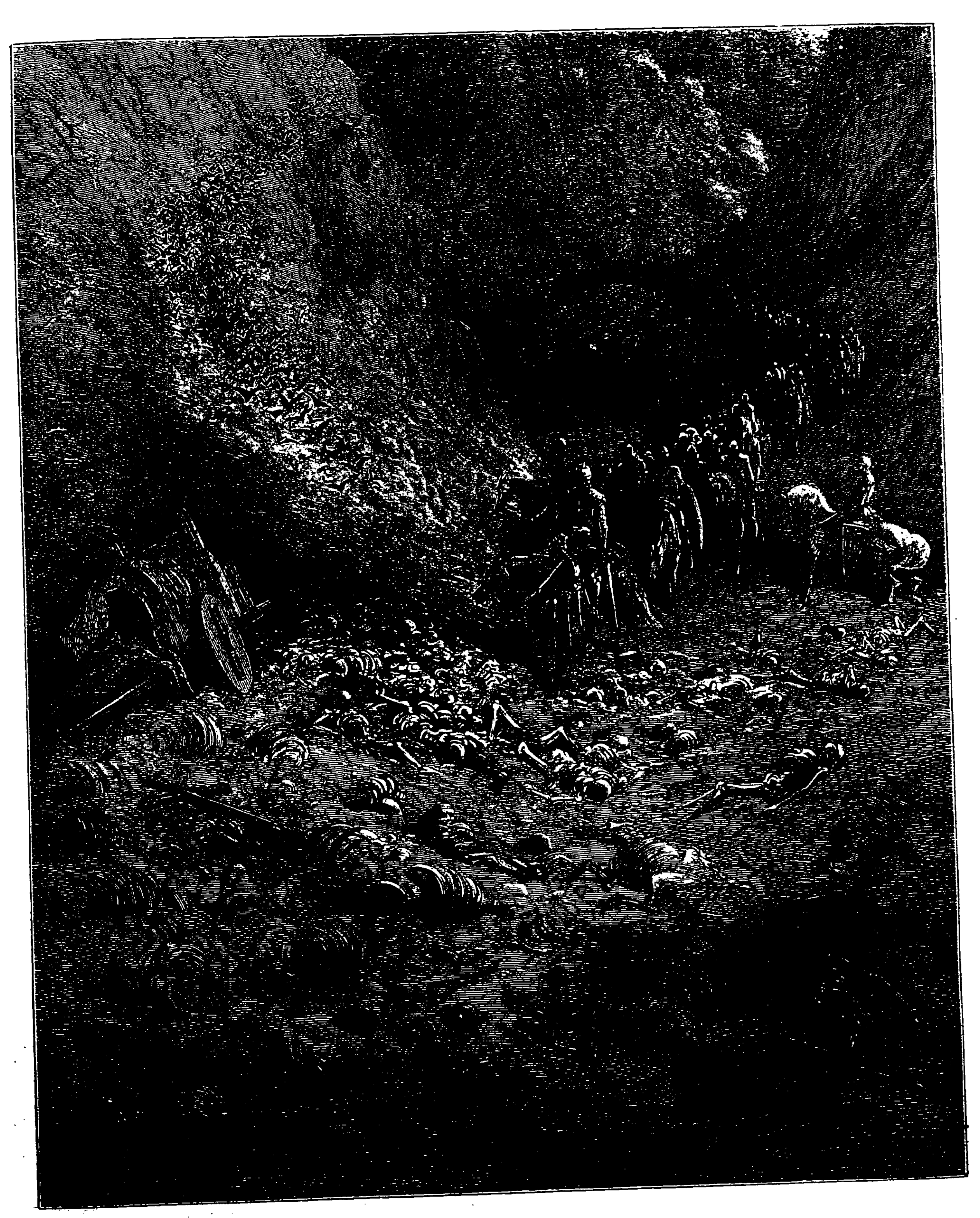
Маршалъ Шампаньскій, бывшій въ числѣ этихъ депутатовъ, подробно разсказываетъ о переговорахъ рыцарей креста съ дожемъ и народомъ венеціанскимъ. Депутаты были приняты съ восторгомъ девяностолѣтнимъ дожемъ Дандоло, старость котораго состояла только въ опытности и добродѣтели, но сердце котораго еще воспламенялось при одномъ имени отечества и славы. Дандоло обѣщалъ доставить крестоносцамъ суда для четырехъ тысячъ пяти-сотъ рыцарей, двадцати тысячъ человѣкъ пѣхоты, и продовольствіе для всей христіанской арміи впродолженіе девяти мѣсяцевъ. Онъ предлагалъ, сверхъ того, отъ имени Венеціи — вооружить пятьдесятъ галеръ съ условіемъ, чтобы Венеціанцамъ была предоставлена половина будущихъ завоеваній крестоносцевъ. Рыцари и бароны съ своей стороны обѣщали уплатить республикѣ восемьдесятъ пять тысячъ серебряныхъ марокъ. Этотъ договоръ, обсужденный и одобренный на совѣтахъ дожа и патриціевъ, былъ представленъ на утвержденіе народа, собравшагося въ соборѣ Св. Марка. Маршалъ Шампань-

скій, говорившій отъ имени знатныхъ владѣтелей и бароновъ Франціи, заклиналъ Венеціанцевъ имѣть состраданіе къ Іерусалиму, который былъ въ плѣненіи у Турокъ. — «Князья и бароны, — сказалъ онъ въ заключеніе: — поручили намъ припасть къ ногамъ вашимъ и не подыматься до тѣхъ поръ, пока вы не исполните мольбы нашей.» При этихъ словахъ депутаты преклонили колѣна и протянули умоляющія руки къ собравшемуся народу; тогда десять тысячъ голосовъ слились въ одномъ восклицаніи: — «Мы на это согласны, мы на это согласны!»

Когда депутаты возвратились въ Шампань, они нашли Тибо опасно больнымъ. Узнавъ о договорѣ, заключенномъ съ Венеціанцами, этотъ молодой князь былъ такъ обрадованъ, что, забывая о болѣзни, удерживавшей его въ постели, захотѣлъ облечься въ свои доспѣхи и сѣсть на коня, «но, — прибавляетъ Виллыардуэнъ: — это было великимъ горемъ и несчастіемъ; болѣзнь развилась и усилилась до такой степени, что онъ приступилъ къ завѣщанію и раздѣлу своего имущества и уже не садился на коня». Въ скоромъ времени Тибо скончался, и бароны избрали тогда Бонифація маркиза Монферратскаго, «князя доблестнаго, одного изъ самыхъ искусныхъ во владѣніи оружіемъ и въ военномъ дѣлѣ». Бонифацій пріѣхалъ въ Суассонъ, гдѣ и принялъ крестъ изъ рукъ священника Нельискаго и былъ провозглашенъ вождемъ крестоваго похода въ церкви Божіей Матери, въ присутствіи духовенства и народа.

Весною 1202 г. всѣ, принявшіе крестъ, отправились въ путь, «не безъ того, чтобы многими слезами не было оплакиваемо ихъ отбытіе». Графъ Фландрскій, графы Блоасскій и де-Сенъ-Поль, маршалъ Шампаньскій и множество рыцарей фламандскихъ и шампаньскихъ перешли черезъ Альпы и прибыли въ Венецію. Вскорѣ послѣ ихъ прибытія сюда нужно было уплатить республикѣ условленныя восемьдесятъ пять тысячъ серебряныхъ марокъ. Крестоносцы, еслибы они даже отдали все, что имѣли, могли бы уплатить не болѣе третьей части такого значительнаго долга. Тогда дожъ собралъ народъ и объявилъ ему, что недостойно прибѣгать къ строгому взысканію съ пилигримовъ Іисуса Христа; а крестоносцамъ было предложено помочь республикѣ подчинить городъ Зару, возставшую противъ Венеціи. Бароны, которымъ открывалась такимъ образомъ возможность уплатить ихъ долги побѣдами, приняли съ радостію это условіе. Однакоже, многіе пилигримы вспомнили, что они клялись сражаться съ невѣрными и потому не могутъ обратить своего оружія противъ христіанъ. Папскій легатъ, Петръ Капуанскій почиталъ святотатствомъ предпріятіе, въ которое хотѣли вовлечь воиновъ креста. Чтобы побѣдить всѣ колебанія и разсѣять всѣ опасенія, дожъ рѣшился принять личное участіе въ трудахъ и опасностяхъ крестоваго похода и убѣдить своихъ соотечественниковъ объявить себя товарищами по оружію крестоносцевъ. Въ одномъ народномъ собраніи Дандоло попросилъ позволенія стать въ ряды крестоносцевъ и прикрѣпилъ крестъ на свою дожескую шапку; многіе Венеціанцы послѣдовали его примѣру и поклялись умереть за освобожденіе Святыхъ Мѣстъ; крестъ пилигримовъ сдѣлался знакомъ союза между Венеціанцами и Французами и слилъ ихъ, такъ сказать, въ одинъ народъ; съ этихъ поръ стали менѣе слушать тѣхъ, кто говорилъ отъ имени папы, и пилигримы выказали столько же усердія въ экспедиціи противъ Зары, какъ и народъ венеціанскій.

Въ то время, когда крестоносцы готовы были къ отплытію, внезапно приключилось, говоритъ Виллыардуэнъ, «большое чудо, неожиданное и самое странное, неслыханное событіе». Исаакъ Ангелъ, императоръ константинопольскій, былъ лишенъ престола братомъ своимъ Алексѣемъ, ослѣпленъ и брошенъ въ темницу; сынъ Исаака, убѣжавъ изъ своего заточенія, прибылъ на Западъ, чтобы умолять о состраданіи христіанскихъ государей. Послѣ напраснаго обращенія къ Филиппу Швабскому и къ папѣ, онъ перенесъ свои упованія на крестоносцевъ, этихъ избранныхъ воиновъ

Передовое войско крестоносцевъ

Запада; посолъ сына Исаака произвелъ сильное впечатлѣніе на бароновъ и Венеціанцевъ. Но такъ какъ все уже было готово для экспедиціи въ Зару, то рѣшеніе этого дѣла было отложено до болѣе благопріятнаго времени.

Зара не могла долго сопротивляться силамъ французскихъ крестоносцевъ и Венеціанцевъ; осада, продолжавшаяся не болѣе двухъ недѣль, не замѣчательна и не возбуждаетъ вниманія ничѣмъ, кромѣ несогласій, возникшихъ по ея поводу между крестоносцами. Многіе пилигримы, какъ это уже было и въ Венеціи, съ жаромъ возстали противъ завоеванія христіанскаго города; жалобы недовольныхъ поддерживались и неоднократными осужденіями главы церкви, который настойчиво напоминалъ крестоносцамъ ихъ клятвы, значеніе и цѣль крестоваго похода. Папа съ горечью упрекалъ Венеціанцевъ въ томъ, что они вовлекли Христовыхъ воиновъ въ мірскую и несправедливую войну; въ письмахъ своихъ онъ убѣждалъ одновременно и бароновъ и рыцарей раскаяться въ своихъ дѣйствіяхъ и исправить ущербъ, нанесенный жителямъ Зары. Тѣмъ не менѣе Венеціанцы разрушили укрѣпленія города, взятаго приступомъ; что касается французскихъ бароновъ, то они отправили въ Римъ депутатовъ, чтобы испросить прощеніе папы. Иннокентій, тронутый ихъ покорностію, отозвался на нее съ кротостію, далъ имъ отпущеніе грѣховъ и благословилъ ихъ, какъ дѣтей своихъ; въ письмѣ своемъ къ нимъ онъ увѣщевалъ ихъ отправиться въ Сирію, «не оглядываясь ни направо, ни налѣво», и позволялъ имъ переправиться черезъ море съ Венеціанцами, которыхъ онъ передъ тѣмъ отлучилъ отъ церкви, «но только по необходимости и съ болью сердечною».

Скоро послѣ того прибыли въ Зару послы Филиппа Швабскаго, чтобы исходатайствовать у воиновъ креста великодушную помощь молодому принцу Алексѣю, сыну Исаака; принцъ-изгнанникъ обѣщалъ продовольствовать цѣлый годъ армію и флотъ пилигримовъ и уплатить двѣсти тысячъ серебряныхъ марокъ на военные расходы; сверхъ того онъ обѣщалъ подчинить греческую церковь римской и уничтожить всѣ преграды между Востокомъ и Западомъ, воздвигнутыя отпаденіемъ одной церкви отъ другой. Когда приступили къ переговорамъ по поводу этихъ блистательныхъ предложеній, то крестоносцы, которые возставали противъ осады Зары, удивлялись тому, что Богъ и Алексѣй поставлены на тѣ же вѣсы, и что приходится выбирать между наслѣдіемъ Іисуса Христа и наслѣдіемъ Исаака; безъ сомнѣнія, похвально было увлекаться великодушнымъ сочувствіемъ къ несчастію, но развѣ великія бѣдствія Святой Земли не даютъ ей еще большаго права на помощь? Не слѣдуетъ ли при этомъ принять въ соображеніе опасности и трудности подобнаго предпріятія? Эти недоумѣнія и опасенія благочестивѣйшихъ пилигримовъ не могли удержать бароновъ, которыхъ привлекала самая перспектива опасностей и особенно чудесныя приключенія экспедиціи. Подобныя соображенія не могли вліять и на Венеціанцевъ, которые горѣли нетерпѣніемъ уничтожить конторы Пизанцевъ, основанныя въ Греціи, и видѣть свои суда, съ торжествомъ вступающія въ Босфоръ. Итакъ, на совѣтѣ рѣшено было принять предложеніе Алексѣя и отправить армію креста на судахъ въ Константинополь въ первые весенніе дни 1203 г.

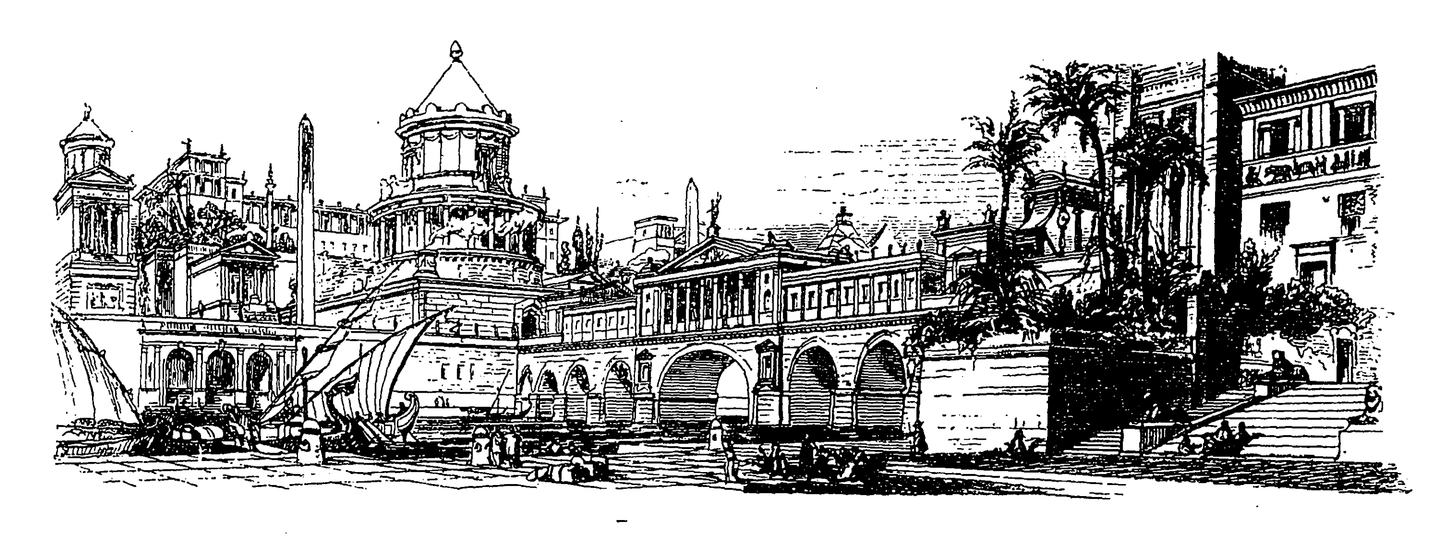
Какъ только папа узналъ о рѣшеніи крестоносцевъ, то обратился къ нимъ съ самыми горькими обвиненіями и укорялъ ихъ за то, что они, подобно женѣ Лота, оглядываются назадъ на пути своемъ. Иннокентій заключалъ письмо свое лишеніемъ ихъ своего благословенія и угрожалъ имъ Божіимъ гнѣвомъ. Вожди крестоваго похода были искренно огорчены неодобреніемъ верховнаго владыки, но тѣмъ не менѣе, не отказались отъ своего рѣшенія; они убѣждали себя, что побѣдами они оправдаются въ глазахъ папы и что онъ признаетъ тогда въ ихъ завоеваніяхъ выраженіе Божіей воли.

Крестоносцы уже были готовы сѣсть на суда, когда сынъ Исаака явился лично въ Зару; онъ возобновилъ обѣщанія, сдѣланныя отъ его имени, и получилъ обѣщанія крестоносцевъ. Рыцари креста были, безъ сомнѣнія, удивлены отсутствіемъ посланниковъ или посланій отъ государя, царствовавшаго тогда надъ Греками; похититель престола Исаака не сдѣлалъ ни одного шага, чтобы предупредить готовую вспыхнуть войну, и если вѣрить греческимъ историкамъ, онъ не предпринялъ даже ничего, чтобы защитить свою имперію отъ угрожавшей ей опасности; отдаленные слухи о силахъ крестоваго похода, направленнаго противъ него, нисколько не смутили ни его, ни его народа. Армія пилигримовъ выступила въ море въ послѣднихъ числахъ апрѣля; она высадилась въ Дураццо и Корфу, гдѣ молодой Алексѣй былъ провозглашенъ императоромъ. Во время пребыванія въ Корфу, воспоминаніе крестоносцевъ объ Іерусалимѣ, сдѣлавшемся предметомъ раздора между ними, возобновило несогласія, возникшія въ Зарѣ. Многіе воины креста хотѣли покинуть своихъ товарищей, но тѣ бросились къ ногамъ несогласныхъ и удержали ихъ, при восклицаніяхъ: «благодаримъ!»

Флотъ съ пилигримами отошелъ изъ Корфу 24-го мая, наканунѣ дня Св. Пятидесятницы; онъ приблизился къ берегамъ Пелопонеса, обогнулъ мысъ Тенаръ (Матапанскій) и остановился передъ Андросомъ и Негропонтомъ. Идя подъ всѣми парусами, сопутствуемые постоянно благопріятнымъ вѣтромъ, крестоносцы вошли въ Геллеспонтъ, прошли мимо береговъ Троады, запаслись продовольствіемъ въ городѣ Абидосѣ, или Ависъ, какъ его назвалъ маршалъ Шампаньскій. Переплывъ черезъ Пропонтиду или Мраморное море, флотъ бросилъ якорь 23-го іюня у мыса Санъ-Стефано; тутъ бароны и рыцари высадились на берегъ, и взорамъ ихъ представился царь городовъ съ своими высокими стѣнами и башнями. На другой день, когда флотъ, пробираясь по проливу, подошелъ подъ стѣны Константинополя, не было ни одного между этими гордыми воинами Запада, «чье сердце не дрогнуло бы» и чья рука не потянулась бы къ мечу. Армія пилигримовъ пристала сначала къ Халкидону, а потомъ къ Скутари. Здѣсь уже, въ самомъ дворцѣ императоровъ, Николай Росси, посланный похитителемъ престола Алексѣемъ съ привѣтствіемъ къ баронамъ и рыцарямъ, спросилъ ихъ: — зачѣмъ они пожаловали въ чужую имперію? — «Земля, на которой мы стоимъ, — отвѣчалъ ему Кононъ Бетюнскій: — принадлежитъ императору Исааку, незаконно лишенному ея; она принадлежитъ этому молодому государю, который находится теперь между нами. Если вашъ господинъ желаетъ загладить свою вину, то скажите ему, что мы ходатайствуемъ за молодаго государя; если же нѣтъ, то берегитесь возвращаться!»

Послѣ такого отвѣта, даннаго Николаю Росси, всѣ вожди крестоносцевъ сѣли на коней и стали держать совѣтъ на обширной равнинѣ, гдѣ теперь Скутарійское кладбище. Было рѣшено, что армія переправится черезъ проливъ и высадится на правомъ берегу Босфора. Въ десятый день ихъ прибытія, 6-го іюля, трубы подали сигналъ и вся армія сѣла на суда, чтобы переплыть проливъ. Похититель престола Алексѣй, стоявшій съ семидесяти-тысячнымъ войскомъ у подошвы Фиговаго холма или Перы, не посмѣлъ дожидаться крестоносцевъ и возвратился въ городъ прежде, чѣмъ они высадились на берегъ. Вскорѣ знамена креста уже развѣвались на Галатской башнѣ и по всему западному берегу Босфора; въ то же время цѣпь, запиравшая входъ гавани или Золотаго Рога, была разбита, и флотъ крестоносцевъ бросилъ якорь въ гавани Константинопольской.

Древняя Александрія.

ГЛАВА XX.

Первая осада Константинополя Латинянами.— Бѣгство похитителя престола Алексѣя.— Исаакъ и сынъ его возстановлены на императорскомъ престолѣ.— Договоръ съ крестоносцами.— Смуты и возстанія въ Константинополѣ.

Овладѣвъ Галатою и гаванью, крестоносцы помышляли теперь о томъ, чтобы сдѣлать нападеніе на императорскій городъ и со стороны моря; венеціанскій флотъ двинулся въ самую глубь гавани; французскіе крестоносцы, раздѣлившись на шесть батальоновъ, перешли черезъ рѣку Кидарисъ и расположились лагеремъ между дворцомъ Влахернскимъ и замкомъ Боэмунда, бывшимъ тогда монастыремъ, защищеннымъ стѣнами. Маршалъ Шампаньскій, описывая осаду, говоритъ, что рыцарямъ и баронамъ удалось осадить только однѣ изъ константинопольскихъ воротъ, и «это было большое чудо, ибо на четырехъ человѣкъ западныхъ приходилось двѣсти городскихъ обывателей».

Крестоносцы раскинули свои палатки на самой оконечности мыса, близъ того мѣста, гдѣ венеціанскій флотъ былъ расположенъ въ боевомъ порядкѣ; они не имѣли ни минуты покоя и проводили дни и ночи подъ оружіемъ. Непріятель дѣлалъ частыя вылазки и толпился на укрѣпленіяхъ; Латиняне встрѣчали его повсюду и, не смотря на свое мужество, съ недоумѣніемъ отступали пока передъ его численностію. Венеціанцы на своихъ корабляхъ сражались при болѣе выгодныхъ условіяхъ. Во время одного общаго приступа, Генрихъ Дандоло, который, «будучи старымъ человѣкомъ», захотѣлъ дать примѣръ своимъ товарищамъ, велѣлъ высадить себя на берегъ; но вдругъ, какъ бы водруженное невидимою рукою, является на одной башнѣ знамя св. Марка; вслѣдъ затѣмъ двадцать пять башенъ оказываются во власти осаждающихъ; побѣдители преслѣдуютъ Грековъ до самаго города и поджигаютъ ближайшіе къ укрѣпленіямъ дома; въ то же время, похититель престола, побуждаемый народомъ, садился на коня, а императорское войско выходило изъ трехъ разныхъ воротъ, чтобы сразиться съ французскими крестоносцами;

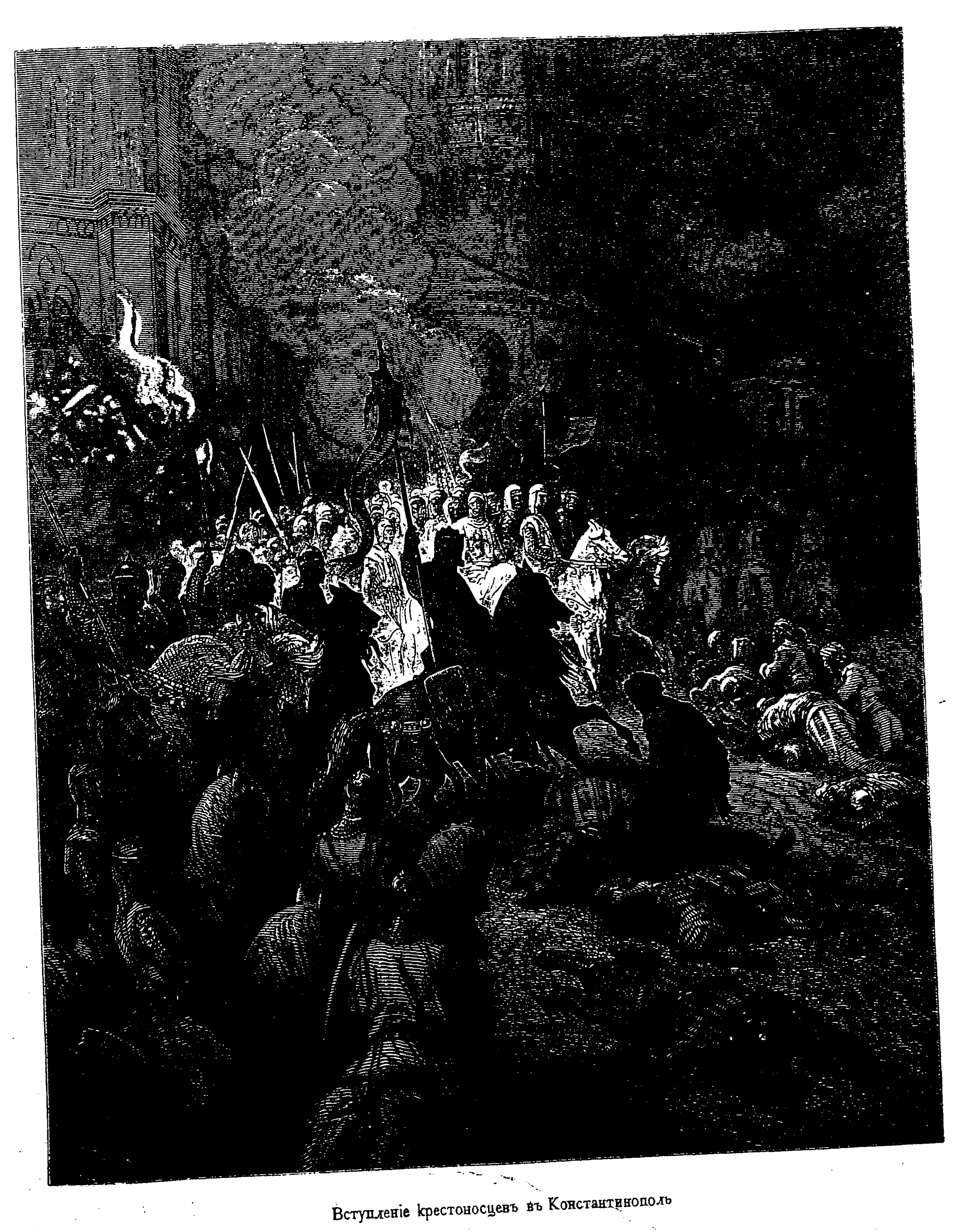
эта армія, состоявшая изъ шестидесяти батальоновъ, была вчетверо многочисленнѣе войска Латинянъ; бароны и рыцари укрылись за своими укрѣпленіями, гдѣ и ожидали, не безъ нѣкотораго страха, сигнала страшной битвы; Венеціанцы, узнавъ объ опасномъ положеніи французскихъ воиновъ, прерываютъ свои побѣдоносныя дѣйствія и спѣшатъ на помощь своимъ товарищамъ по оружію. Видя, что пилигримы дѣйствуютъ соединенными силами, похититель престола Алексѣй не осмѣливается нападать на нихъ въ ихъ ретраншаментахъ и велитъ трубить отступленіе. Потерянное большое сраженіе не могло бы распространить большаго ужаса въ городѣ, чѣмъ это отступленіе безъ всякой битвы... Императоръ, точно онъ остался безъ войска и какъ будто Греки покинули его, искалъ только спасенія своей жизни и на слѣдующую ночь отплылъ со всѣми своими сокровищами, надѣясь найти убѣжище въ какомъ-нибудь уголкѣ своей имперіи.

Когда на слѣдующее утро Греки узнали, что у нихъ нѣтъ больше императора, то безпорядокъ и смятеніе въ народѣ дошли до крайнихъ предѣловъ. Среди шумныхъ волненій Исаака выводятъ изъ его темницы и ведутъ во Влахернскій дворецъ, гдѣ на него, слѣпаго, возлагаютъ императорскую порфиру и возводятъ его на престолъ. При этомъ извѣстіи, вожди крестоваго похода собираются въ палаткѣ маркиза Монферратскаго; они приказываютъ войску построиться въ боевомъ порядкѣ и, готовые къ битвѣ, посылаютъ Матвѣя де-Монморанси, Готфрида де-Виллъгардуэнь и двухъ патриціевъ венеціанскихъ въ Константинополь, чтобы освѣдомиться о настоящемъ положеніи дѣлъ.

Эта депутація находитъ Исаака, дѣйствительно, возсѣдающимъ на блестящемъ золотомъ престолѣ и окруженнымъ многочисленнымъ дворомъ; депутаты привѣтствуютъ императора и предлагаютъ ему утвердить договоръ, заключенный съ крестоносцами сыномъ его Алексѣемъ. Условія этого договора, какъ уже извѣстно, были очень неудобоисполнимы; но Исаакъ не могъ ни въ чемъ отказать крестоносцамъ; онъ могъ удивляться, что они не потребовали отъ него половины его имперіи. По возвращеніи депутатовъ, дожъ и главные вожди арміи садятся на коней и сопровождаютъ молодаго Алексѣя въ императорскій дворецъ; народъ встрѣчаетъ и привѣтствуетъ ихъ восторженными восклицаніями; на площадяхъ общественныхъ, въ церквахъ и во дворцахъ раздаются радостные и благодарственные священные гимны; никогда еще рыцарская храбрость не получала такого отраднаго вознагражденія. Въ радостномъ чаду этого дня, болѣе всего тронуты были рыцари зрѣлищемъ встрѣчи Исаака съ своимъ сыномъ и выраженіями общей ихъ благодарности своимъ освободителямъ.

Вожди крестоваго похода извѣстили народы христіанскіе и государей о чудномъ успѣхѣ ихъ предпріятія. Слава именъ ихъ разнеслась по всѣмъ странамъ Запада; но между тѣмъ, какъ слава ихъ наполняла весь міръ, они вмѣняли ее въ ничто, если не получать одобренія папы; они написали папѣ и представили ему, что побѣды ихъ не были дѣломъ рукъ человѣческихъ, но дарованы самимъ Богомъ; дѣйствуя въ одномъ духѣ съ вождями арміи, и молодой Алексѣй написалъ папѣ съ цѣлію оправдать себя и крестоносцевъ.

Въ скоромъ времени слѣдовало уже приступить къ исполненію условій договора; слѣдовало уплатить крестоносцамъ обѣщанныя суммы и объявить подчиненіе греческой церкви — церкви латинской. Тутъ обнаружилось недовольство народа и возникли вновь враждебныя чувства, затихшія временно въ удовлетворенныхъ побѣдою крестоносцахъ. Для предупрежденія несчастій, угрожавшихъ имперіи и ему самому, сынъ Исаака заклиналъ бароновъ и знатныхъ рыцарей содѣйствовать укрѣпленію его власти, которую они возстановили съ такою славою. «Отложите отъѣздъ вашъ, — просилъ онъ ихъ: — до той минуты, когда въ имперіи возстановится миръ подъ управленіемъ ея законныхъ

Вступленіе крестоносцевъ въ Константинополь

государей. Тогда вы пріобрѣтете всю Грецію въ союзники для вашего священнаго предпріятія; тогда я самъ буду въ состояніи исполнить клятвы, приковывающія меня къ вашему дѣлу, и сопровождать васъ въ Сирію съ арміей, достойной быть императорскою арміею.» Вожди крестоваго похода передали на обсужденіе совѣта предложенія Алексѣя. Тѣ крестоносцы, которые хотѣли отдѣлиться отъ арміи въ Зарѣ и въ Корфу, возстали всѣми силами противъ всякой новой задержки крестоваго похода; тѣмъ не менѣе, дожъ венеціанскій и большинство бароновъ, которые видѣли славу свою въ константинопольской экспедиціи, не могли рѣшиться пожертвовать плодами своихъ трудовъ; императоръ, котораго они только-что возстановили на престолѣ, нуждался еще въ содѣйствіи ихъ оружія не только для сохраненія имперіи, но и для того, чтобы быть въ состояніи исполнить условія договора, заключеннаго съ пилигримами. Что сказали бы на Западѣ, еслибы они теперь покинули несчастнаго императора и предоставили бы торжество греческой церкви? Послѣ долгихъ разсужденій было рѣшено отложить выступленіе арміи до праздниковъ Пасхи слѣдующаго года.

Чтобы уплатить долгъ крестоносцамъ, пришлось перелить въ монету серебряные священные сосуды и украшенія св. иконъ; это возбудило сильный ропотъ въ народѣ. Вожди арміи, побуждаемые совѣтами латинскаго духовенства и страхомъ передъ папой, потребовали, чтобы патріархъ, священники и монахи константинопольскіе немедленно и торжественно отреклись отъ заблужденій, которыя отдѣляли церковь греческую отъ церкви римской. Греческій патріархъ, съ высоты каѳедры во храмѣ св. Софіи, объявилъ отъ своего имени и отъ имени императоровъ и всего христіанскаго народа на Востокѣ, что онъ признаетъ «Иннокентія, третьяго по имени, за преемника Св. Петра и за единственнаго намѣстника Іисуса Христа на землѣ». Съ этихъ поръ Греки и Латиняне разъединились еще болѣе, чѣмъ прежде, такъ какъ чѣмъ болѣе заявляли о соединеніи двухъ церквей, тѣмъ болѣе оба народа удалялись одинъ отъ другаго и смертельно ненавидѣли другъ друга.

Скоро послѣ этой церемоніи въ столицѣ произошелъ страшный пожаръ. Этотъ пожаръ, который, по словамъ однихъ, начался съ мечети, по словамъ другихъ — съ синагоги, распространился отъ ближайшаго къ Золотымъ воротамъ квартала до прибрежья залива и гавани и истребилъ половину императорскаго города. Народъ, оставшійся безъ пріюта, бродящій среди развалинъ, обвинялъ въ своемъ бѣдствіи латинскихъ воиновъ и обоихъ императоровъ, которыхъ они возстановили на престолѣ. Въ это время сынъ Исаака возвратился изъ экспедиціи противъ похитителя престола Алексѣя и Болгаръ. Эта экспедиція еще болѣе отвратила Грековъ отъ императоровъ: такъ какъ бароны и рыцари сопровождали императора и онъ съ каждымъ днемъ все болѣе сближался съ крестоносцами, то его начали обвинять въ томъ, что онъ принимаетъ обычаи Франковъ и развращается въ сближеніи съ варварами.

Священныхъ сосудовъ и церковныхъ драгоцѣнностей оказалось недостаточно, чтобы уплатить долгъ Латинянамъ; народъ, обремененный вслѣдствіе этого страшными налогами, возсталъ, говоритъ Никита, подобно морю, взволнованному бурею. Толпа, стремившаяся выместить на чемъ-нибудь свои бѣдствія, начала съ мрамора и мѣди: въ своемъ суевѣрномъ озлобленіи она опрокинула статую Аѳины, украшавшую площадь Константина. Этой статуѣ Аѳины приписывали то, что она привлекла варваровъ, и объясняли такое предположеніе тѣмъ, что она была изображена съ глазами и руками, устремленными къ западу. Недовольные имѣли обыкновеніе высказывать свои жалобы — собираясь въ Ипподромѣ, вокругъ Калидонскаго вепря, служившаго символомъ и изображеніемъ раздраженнаго народа. Для успокоенія расходившихся страстей толпы, мудрость императоровъ не придумала другаго средства, кромѣ перенесенія Калидонскаго вепря во Влахернскій дворецъ. Между

тѣмъ какъ со всѣхъ сторонъ собиралась гроза, готовая разразиться, молодой Алексѣй, повидимому, выпустилъ изъ рукъ бразды правленія, а старый Исаакъ цѣлые дни проводилъ съ астрологами, которые предсказывали ему чудное царствованіе. Враждебное настроеніе Грековъ къ Латинянамъ съ каждымъ днемъ возрастало; наконецъ, народъ, перейдя отъ ропота къ открытому возстанію, устремился во дворецъ императоровъ, сталъ упрекать ихъ въ измѣнѣ Богу и отечеству и съ громкими криками требовалъ оружія и мщенія.

Народъ этотъ былъ возбужденъ однимъ молодымъ принцемъ изъ императорскаго дома Дуковъ. Онъ также носилъ имя Алексѣя, имя, которому суждено было всегда быть соединеннымъ съ исторіею несчастій имперіи; онъ былъ прозванъ Мурзуфломъ, что означаетъ на греческомъ языкѣ, что брови у него сходились одна съ другою. Мурзуфлъ превосходилъ всѣхъ Грековъ въ искусствѣ скрытности; слова: отечество, свобода, религія были постоянно на устахъ его, но они служили только прикрытіемъ его честолюбивыхъ замысловъ. У Мурзуфла не было недостатка въ храбрости, и въ городѣ, охваченномъ трепетомъ, мнѣніе, составившееся объ его храбрости, было достаточно, чтобы обратить на него общее вниманіе. Ненависть, которую онъ выказывалъ къ иностранцамъ, подавала надежду, что онъ избавитъ отъ нихъ имперію. Онъ успѣлъ убѣдить молодаго Алексѣя въ необходимости прервать сношенія съ Латинянами, чтобы пріобрѣсти довѣріе Грековъ; онъ сильно возбудилъ народъ противъ крестоносцевъ, и чтобы произвести разрывъ, самъ, во главѣ отряда, на-скоро собравшагося подъ его знамя, сдѣлалъ вылазку противъ враговъ. Послѣдствіемъ этого неосторожнаго и безуспѣшнаго нападенія была война, погубившая имперію, которую онъ надѣялся спасти.

ГЛАВА XXI.

Крестоносцы продолжают свое пребываніе въ Константинополѣ. — Соединеніе греческой церкви съ латинскою. — Недовольство Византійскаго народа. — Умерщвленіе молодаго Алексѣя. — Мурзуфлъ провозглашенъ императоромъ. — Вторичная осада и взятіе императорскаго города крестоносцами.

Въ это самое время прибыла въ лагерь крестоносцевъ депутація отъ христіанъ палестинскихъ; депутаты эти привезли самыя печальныя извѣстія: страшный голодъ свирѣпствовалъ въ Египтѣ и въ Сиріи впродолженіе двухъ лѣтъ; потомъ явились заразительныя болѣзни; больше двухъ тысячъ христіанъ въ одинъ день было предано погребенію въ Птолемаидѣ. Большое число фламандскихъ и англійскихъ крестоносцевъ погибли въ несчастныхъ экспедиціяхъ. «Еслибы армія креста переплыла черезъ море, — прибавляли депутаты: — то ей представилось бы много случаевъ побѣдить Сарацинъ; но задержки ея на пути подвергли опасности самое существованіе христіанскихъ колоній, которыя своимъ спасеніемъ обязаны были теперь только перемиріямъ, плохо уважаемымъ невѣрными, да общественнымъ бѣдствіямъ, удерживавшимъ всѣ восточные народы въ выжидательномъ и въ бездѣятельномъ состояніи».

Посланные народа христіанскаго, передавая свои жалобные разсказы, взывали со слезами и рыданіями о быстрой помощи со стороны арміи крестоносцевъ. Рыцари креста отвѣчали, что войны съ Греціею теперь нельзя избѣгнуть и что для нихъ не безопасно удалиться отъ Византіи, готовой нарушить всѣ свои обѣщанія. Въ то же время депутація изъ вождей арміи была отправлена къ Алексѣю, чтобы убѣдить его исполнить его клятвы. «Если вы не исполните условій договора, — сказали ему депутаты: — то крестоносцы не будутъ больше помнить того, что они были вашими союзниками и друзьями, и будутъ дѣйствовать не просьбами, а мечами; выбирайте миръ или войну.»

Эти слова, произнесенныя угрожающимъ тономъ, были выслушаны съ сильнымъ негодованіемъ. «При этомъ, — говоритъ Виллѣгардуэнь: — поднялся во дворцѣ страшный шумъ; послы поспѣшили скрыться за дверями, и когда они удалились, то каждый изъ нихъ могъ поздравить себя, что дешево отдѣлался, потому что весьма легко могло статься, что ихъ задержали бы или даже не выпустили живыми». Съ этого дня о мирѣ не было и рѣчи; Греки, не рѣшаясь вступить съ Латинянами въ открытый бой, задумали сжечь венеціанскій флотъ. Семнадцать судовъ съ гре-

ческимъ огнемъ и легковоспламеняемыми веществами были пущены въ темную ночь въ гавань, гдѣ стояли на якорѣ венеціанскіе корабли. Попытка эта оказалась безуспѣшною, такъ какъ крестоносцы успѣли удалить всѣ 17 судовъ прежде, чѣмъ тѣ успѣли нанести имъ какой-нибудь ущербъ. Послѣ такой враждебной выходки Грекамъ оставалось только запереться въ своихъ укрѣпленіяхъ; Латиняне же только и думали о войнѣ и мщеніи. Алексѣй, встревоженный ихъ угрозами, снова обратился къ ихъ великодушію, обвиняя народъ, котораго онъ не могъ обуздать. Онъ заклиналъ ихъ придти на защиту престола, близкаго къ паденію, и предлагалъ предать имъ свой собственный дворецъ. Мурзуфлъ принялъ на себя передать крестоносцамъ эти мольбы Алексѣя, а пока онъ исполнялъ это порученіе, преданныя ему лица распространяли вездѣ слухъ, что рѣшено предать Константинополь западнымъ варварамъ. Вскорѣ народъ страшно заволновался, бросился въ храмъ св. Софіи и рѣшилъ избрать новаго императора. Въ перемѣнѣ властителя народъ видитъ единственное избавленіе отъ своихъ бѣдствій; всѣ порфироносныя личности кажутся ему достойными его избранія; онъ побуждаетъ ихъ, онъ угрожаетъ тѣмъ, кто отказывается отъ этой опасной почести; наконецъ, послѣ трехъ дней бурныхъ обсужденій одинъ безразсудный юноша, по имени Канавъ, позволяетъ провозгласить себя преемникомъ Исаака и Алексѣя. Мурзуфлъ все подготовилъ и пользовался такимъ образомъ неизвѣстною личностію, чтобы испытать степень опасности; маркизъ Монферратскій, къ состраданію котораго прибѣгнулъ Алексѣй, явился во главѣ избраннаго войска, чтобы защитить престолъ и жизнь обоихъ императоровъ. Мурзуфлъ спѣшитъ тогда къ сыну Исаака и убѣждаетъ его, что все потеряно, если вооруженные Франки покажутся въ его дворцѣ. Когда Бонифацій является передъ Влахернскимъ дворцомъ, то находитъ всѣ входы запертыми; Алексѣй высылаетъ ему сказать, что онъ болѣе не властенъ принять его, и умоляетъ его выйти изъ Константинополя съ своими воинами. Отступленіе Франковъ возбуждаетъ бодрость и ярость толпы, она обступаетъ дворецъ, и начинается возстаніе; Мурзуфлъ, показывая видъ, что спѣшитъ на помощь Алексѣю, увлекаетъ его въ уединенное мѣсто и запираетъ въ темницѣ; вслѣдъ за тѣмъ онъ является объявить народу о томъ, что онъ сдѣлалъ ради спасенія Византіи. Тогда народъ проникается убѣжденіемъ, что только Мурзуфлъ можетъ спасти имперію; его увлекаютъ въ храмъ св. Софіи и сто тысячъ голосовъ провозглашаютъ его императоромъ. Едва получаетъ онъ императорскую власть, какъ спѣшитъ обезпечить плоды своего преступленія; опасаясь измѣнчивости народа и судьбы, онъ идетъ въ темницу Алексѣя, заставляетъ его проглотить отравленный напитокъ, и такъ какъ онъ медленно дѣйствуетъ на молодаго государя, то Мурзуфлъ задушаетъ его собственными руками.

Но ему остается совершить еще одно великое преступленіе, онъ пытается погубить посредствомъ измѣны главныхъ вождей арміи. Онъ отправляетъ посла въ лагерь крестоносцевъ, чтобы объявить имъ, что императоръ Алексѣй, о смерти котораго еще не было извѣстно, приглашаетъ въ свой Влахернскій дворецъ дожа венеціанскаго и всѣхъ главныхъ французскихъ вождей чтобы передать въ ихъ руки всѣ суммы, обѣщанныя по договору. Бароны, которые не могли подозрѣвать такого низкаго коварства, обѣщали сначала явиться на приглашеніе императора; они съ радостію готовились отправиться туда, когда вдругъ Дандоло, который, по словамъ Никиты, заставлялъ называть себя «осторожнымъ изъ осторожныхъ», возбудилъ въ нихъ недовѣріе. Между тѣмъ слухи объ умерщвленіи Алексѣя и о кончинѣ отца его, умершаго отъ отчаянія и испуга, не замедлили распространиться. При этомъ извѣстіи, всѣ пилигримы пришли въ крайнее не-

годованіе; на совѣтѣ вождей было рѣшено объявить безпощадную войну Мурзуфлу и наказать народъ, который возложилъ царскій вѣнецъ на измѣнника и цареубійцу.

Новый похититель престола всю надежду на спасеніе возлагалъ на укрѣпленія столицы, которыя онъ велѣлъ возстановить, и на двусмысленную доблесть своихъ воиновъ, которыхъ онъ старался воодушевить своимъ примѣромъ. Для того, чтобы имѣть средства для содержанія своей арміи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы угодить народу, онъ конфисковалъ имущество тѣхъ, которые обогатились въ предшествовавшія царствованія. Ежедневно Греки дѣлали вылазки, стараясь застигнуть врасплохъ Латинянъ, но всякій разъ они были отражаемы. Снова и опять безуспѣшно попытались Греки сжечь флотъ крестоносцевъ.

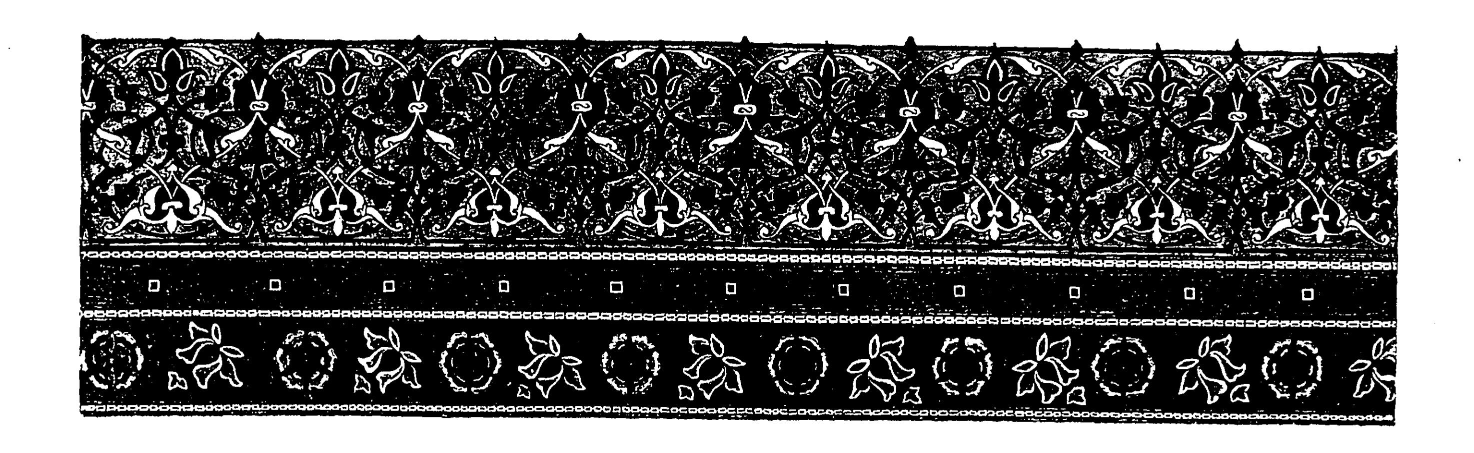
Во время первой осады Французы хотѣли сдѣлать нападеніе на городъ со стороны суши, но опытъ заставилъ ихъ наконецъ оцѣнить разумные совѣты Венеціанцевъ. Вожди единогласно рѣшили направить всѣ войска со стороны моря. Армія сѣла на суда 8-го апрѣля. На другой день, при первыхъ лучахъ солнца, флотъ снялся съ якоря и приблизился къ стѣнамъ. Корабли и галеры, выстроенные въ одну линію, покрывали море на пространствѣ трехъ полетовъ стрѣлы или полуторы мили. Укрѣпленія городскія и суда были покрыты оружіемъ и воинами; самъ Мурзуфлъ расположился на одномъ изъ семи холмовъ Византійскихъ, по близости отъ Влахернскаго дворца.

При первомъ сигналѣ къ битвѣ, Греки пускаютъ въ ходъ всѣ свои машины, крестоносцы дѣлаютъ усилія взобраться на стѣны и на башни. Преимущество было сначала на сторонѣ осаждаемыхъ, которыхъ защищали высокія стѣны. Крестоносцы и въ особенности французскіе воины, толпившіеся на судахъ и непривычные къ такому подвижному полю сраженія, дѣйствовали вяло и въ большомъ безпорядкѣ противъ отчаянныхъ усилій непріятеля. «Около 3-го часа дня,» — говоритъ Виллыгардуэнь: — «по грѣхамъ нашимъ судьбѣ угодно было, чтобы насъ отразили». Вожди, опасаясь потерять и флотъ и армію, приказали трубить отступленіе.

Вечеромъ, въ тотъ же день дожъ и бароны собрались въ одномъ домѣ, на берегу моря, чтобы обсудить дальнѣйшія дѣйствія; «люди съ Запада были сильно взволнованы тѣмъ, что приключилось имъ»; однакоже, на совѣтѣ было рѣшено сдѣлать новое нападеніе на городъ и на тотъ же пунктъ, но только въ большемъ порядкѣ, чѣмъ прежде. Два дня было употреблено на починку судовъ и машинъ; на третій день, 12-го апрѣля, раздался призывный звукъ трубъ; флотъ тронулся и подступилъ къ укрѣпленіямъ; суда были связаны между собою и шли попарно; вскорѣ подъемные мостики были спущены и покрыты неустрашимыми воинами; вожди воодушевляли всѣхъ своимъ примѣромъ и шли на приступъ рядомъ съ простыми солдатами. Солнце было уже высоко, а чудеса храбрости не могли еще восторжествовать надъ сопротивленіемъ осаждаемыхъ, когда вдругъ поднялся сѣверный вѣтеръ и направилъ подъ самыя стѣны два корабля, бившіеся рядомъ; на этихъ корабляхъ находились епископъ Труасскій и епископъ Суассонскій, прозывавшіеся Пилигримомъ и Парадизомъ. Едва только подъемные мостики были прикрѣплены къ стѣнамъ, какъ на одной изъ городскихъ башенъ показались два франкскихъ воина; эти два воина, изъ которыхъ одинъ былъ Французъ, по имени д'Арбуазъ, а другой — Венеціанецъ, по имени Петръ Альберти, увлекли за собою толпу своихъ товарищей; и вотъ знамена епископовъ Труасскаго и Суассонскаго, развѣвающіяся на вершинѣ башни, поражаютъ взоры всего войска; со всѣхъ сторонъ бросаются на приступъ, овладѣваютъ четырьмя башнями; трое городскихъ воротъ сокрушаются подъ ударами тарана; рыцари выскакиваютъ на берегъ съ своими конями; все войско за-разъ устремляется въ городъ; Мурзуфлъ покидаетъ холмъ, на которомъ стоялъ его лагерь: крестоносцы овладѣваютъ

императорскими палатками и поджигаютъ всѣ дома на своемъ пути; ужасъ и отчаяніе распространяются во всѣхъ частяхъ города; но между тѣмъ, какъ все бѣжало передъ ними, побѣдитители удивлялись своему торжеству. Когда наступила ночь, Венеціанцы возвратились въ лагерь — въ виду своихъ кораблей, а бароны разставили свои палатки вблизи укрѣпленій. Византійскій народъ провелъ ночь въ страшной тревогѣ; Мурзуфлъ, покинутый своими, помышлялъ только о бѣгствѣ и вышелъ черезъ Золотыя ворота, намѣреваясь искать убѣжища въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ уголкѣ на берегахъ Геллеспонта или во Ѳракіи. Между тѣмъ, какъ совершалось такимъ образомъ паденіе имперіи, тѣ изъ Грековъ, которые еще не утратили всякой надежды собрались во храмѣ св. Софіи, чтобы избрать новаго императора; выборъ трепещущей толпы падаетъ на двухъ лицъ: Ѳеодора Дука и Ѳеодора Ласкариса. Ласкарисъ одерживаетъ верхъ надъ своимъ соперникомъ; но когда онъ хочетъ обратиться къ народу и къ знатнымъ лицамъ — съ увѣщаніемъ прибѣгнуть къ послѣднему усилію для спасенія имперіи, то не находитъ вокругъ себя ни гражданъ, ни воиновъ; оставшись одинъ, онъ принужденъ и самъ покинуть городъ, который никто не хочетъ защищать.

ГЛАВА XXII.

Разграбленіе и разореніе Константинополя.—Назначеніе императора латинскаго.—Раздѣлъ Греческой имперіи между побѣдителями.

Пожаръ, произведенный крестоносцами, охватилъ нѣсколько кварталовъ и истребилъ больше домовъ, чѣмъ ихъ могло быть въ трехъ большихъ городахъ Франціи и Германіи. Онъ продолжался всю ночь; на разсвѣтѣ крестоносцы готовились продолжать свое побѣдоносное наступленіе. Они ожидали, что имъ придется выдержать еще нѣсколько битвъ, когда вдругъ взорамъ ихъ представилась идущая къ нимъ на встрѣчу толпа женщинъ, дѣтей, стариковъ, оглашавшихъ воздухъ своими стонами и предшествуемыхъ духовенствомъ, которое несло въ рукахъ кресты и иконы. Вожди были тронуты слезами этихъ несчастныхъ и отдали приказъ воинамъ щадить жизнь жителей и уважать честь женщинъ и дѣвушекъ; латинское духовенство присоединило къ этому свои увѣщанія, и это содѣйствовало къ прекращенію кровопролитія. Историки единогласно свидѣтельствуютъ, что, среди самыхъ страшныхъ сценъ войны, погибло отъ меча не болѣе, двухъ тысячъ человѣкъ. Но если крестоносцы и пощадили жизнь своихъ враговъ, то ничто не могло ни сдержать, ни умѣрить того необузданнаго рвенія, съ которымъ они пользовались печальными преимуществами побѣды; неистово и безъ разбора розыскивали они добычу въ богатыхъ и бѣдныхъ жилищахъ; они не отступали ни передъ святынею церквей, ни передъ мирнымъ успокоеніемъ подъ крышею гроба, ни передъ невинностью молодыхъ существъ; запрестольный образъ Божіей Матери, служившій украшеніемъ храма св. Софіи и, какъ произведеніе искусства, возбуждавшій удивленіе, былъ искрошенъ въ мелкіе куски, а завѣса алтаря превращена въ лохмотья; побѣдители играли въ кости на мраморныхъ доскахъ съ изображеніемъ апостоловъ, и пили до опьянѣнія изъ сосудовъ, назначенныхъ для употребленія при божественной службѣ; Никита разсказываетъ, что одна дѣвица, которую онъ называетъ «служительницею демона», взобралась на патріаршую каѳедру, запѣла кощунственную пѣсню и начала плясать въ священномъ мѣстѣ въ присутствіи побѣдителей; загородныя мѣста, по сосѣдству Босфора, представляли не менѣе плачевное зрѣлище, чѣмъ столица: деревни,

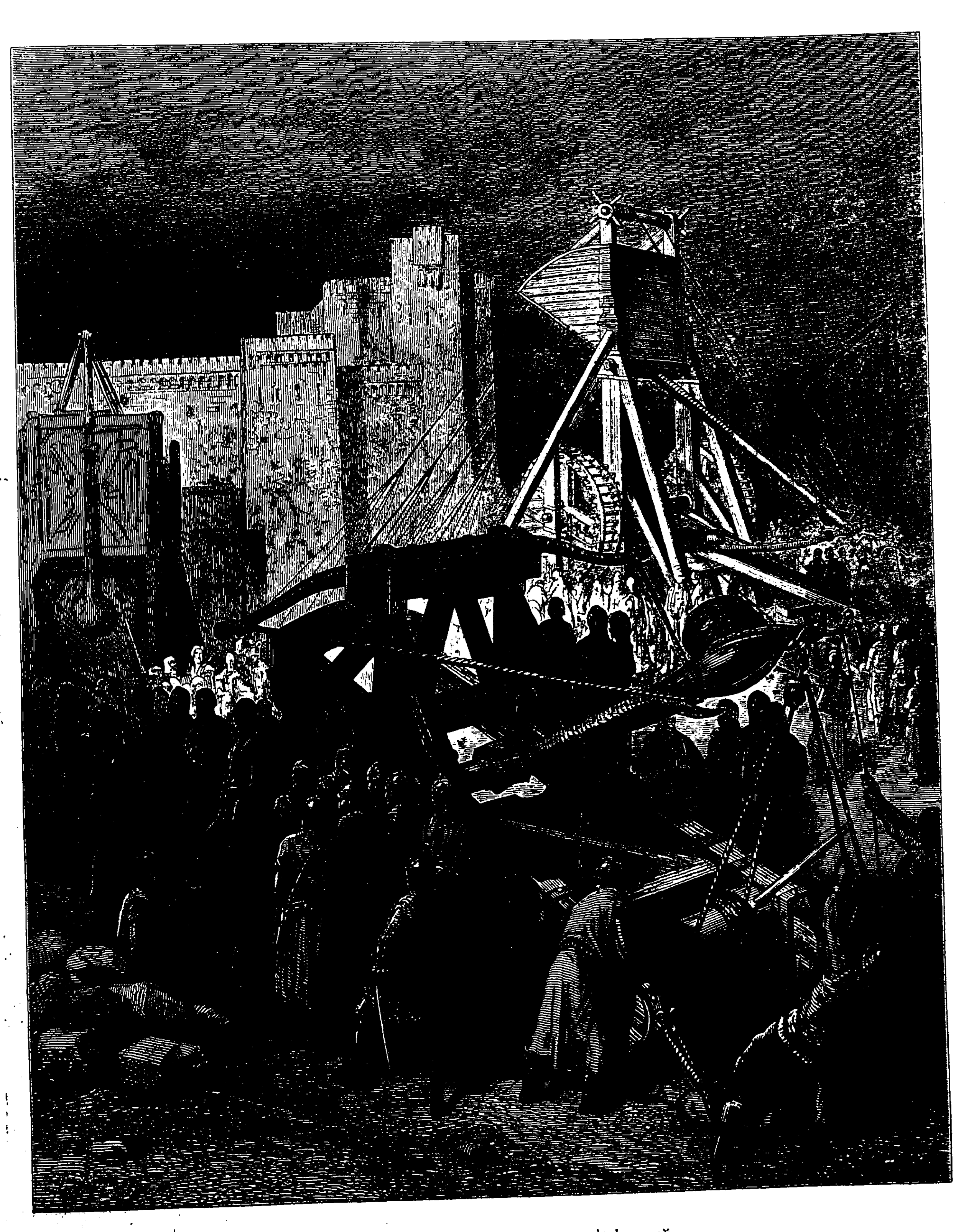
дачи были всѣ опустошены; патриціи царскаго происхожденія, сенаторы скитались въ лохмотьяхъ вокругъ императорскаго города, не находя нигдѣ пріюта. Между тѣмъ какъ происходило разгромленіе храма св. Софіи, патріархъ бѣжалъ изъ города, испрашивая подаянія у проходящихъ; всѣ богатые люди превратились въ нищихъ, а подонки народа, радуясь общественному бѣдствію, называли эти злополучные дни — днями равенства и справедливаго воздаянія.

Во всей Византіи оставалось только одно жилище неприкосновеннымъ, въ одномъ только императорскомъ дворцѣ нашлось вѣрное убѣжище для знаменитыхъ несчастливцевъ. Когда Бонифацій вошелъ во дворецъ Вуколеонскій, который, какъ полагали, былъ охраняемъ стражей, онъ съ удивленіемъ встрѣтилъ тамъ множество женщинъ изъ знатнѣйшихъ фамилій въ имперіи, не имѣвшихъ другой защиты, кромѣ слезъ и стенаній. Маргарита, дочь венгерскаго короля и жена Исаака, Агнеса, дочь французскаго короля, супруга двухъ императоровъ, бросились на колѣна передъ баронами и рыцарями, умоляя ихъ о пощадѣ; маркизъ Монферратскій и его товарищи были растроганы при видѣ такого несчастія и дворецъ Вуколеонскій сталъ для нихъ болѣе священнымъ, чѣмъ были церкви.

Историкъ Никита разсказываетъ самъ, какимъ образомъ онъ спасся во время послѣднихъ бѣдствій своего отечества. Онъ съ своимъ семействомъ укрылся въ одномъ домѣ близъ храма св. Софіи; здѣсь одинъ венеціанскій купецъ, котораго онъ спасъ еще прежде осады отъ ярости Грековъ, защищалъ теперь, впродолженіи нѣсколькихъ дней, входъ въ его жилище. Но наконецъ, угрожаемый самъ, онъ предупредилъ Никиту объ опасности, которую уже не имѣлъ средствъ предупредить, и предложилъ ему проводить его за городъ: Никита, съ женою и дѣтьми послѣдовалъ за вѣрнымъ венеціанцемъ и выбрался изъ Византіи среди тысячи опасностей.

Между разными сценами въ опустошенной столицѣ, Франкамъ нравилось переодѣванье въ греческіе костюмы; въ насмѣшку надъ изнѣженностію побѣжденныхъ, они драпировались въ ихъ широкія, развѣвающіяся одежды, окрашенныя въ разные цвѣта; они смѣшили своихъ товарищей, надѣвая на головы лошадямъ полотняные головные уборы съ шелковыми снурками, въ которые наряжались жители востока; нѣкоторые изъ нихъ расхаживали по улицамъ, нося въ рукахъ вмѣсто оружія — бумагу и чернильницу въ насмѣшку надъ Греками, которыхъ они называли націей писарей и переписчиковъ.

Константинополь, устоявшій до сихъ поръ среди развалинъ многихъ государствъ, наслѣдовалъ отъ нихъ остатки искусствъ и обладалъ еще множествомъ великихъ произведеній, пощаженныхъ временемъ и варварствомъ. Когда же онъ былъ завоеванъ Франками, то изъ бронзовыхъ предметовъ, на которыхъ отпечатлѣлся античный геній, стали выдѣлывать грубую монету; герои и боги Нила, древней Греціи, древняго Рима пали подъ ударами побѣдителей. Никита описываетъ въ своей исторіи большую часть примѣчательныхъ памятниковъ искусства, украшавшихъ тогда ипподромъ и площади императорскаго города. Венеція, въ которой съ этого времени появились мраморные дворцы, обогатилась нѣкоторыми богатыми остатками Византіи; но Фламандцы и Шампаньцы пренебрегли такого рода военною добычею; въ стѣнахъ Константинополя хранились другіе памятники, другія сокровища, болѣе драгоцѣнныя для Грековъ той эпохи: это были мощи и изображенія святыхъ. Эти священныя сокровища были соблазномъ для благочестивой стяжательности побѣдителей; между тѣмъ какъ большая часть воиновъ захватывали золото, драгоцѣнные камни, ковры и роскошныя восточныя ткани, благочестивѣйшіе изъ пилигримовъ и, въ особенности, лица духовнаго званія старались пріобрѣсти болѣе невинную и болѣе приличную Христовымъ воинамъ добычу; многіе изъ нихъ дѣйствовали вопреки запрещеній своихъ вождей и

Машины крестоносцевъ для штурма крѣпостей

начальниковъ и не боялись прибѣгать къ угрозамъ и насилію, чтобы завладѣть какими-нибудь частицами мощей, этимъ предметомъ ихъ благоговѣйнаго почитанія; большинство византійскихъ церквей лишились такимъ образомъ своихъ украшеній и богатствъ, которыя составляли ихъ блескъ и славу; священники и монахи греческіе со слезами разставались съ останками мучениковъ и апостоловъ и орудіями страданій Спасителя, охраненіе которыхъ возложено было на нихъ ихъ религіей; этимъ священнымъ останкамъ предстояло теперь украшать церкви во Франціи и въ Италіи и они были приняты вѣрующими Запада, какъ самый достославный трофей крестоваго похода.

Константинополь былъ взятъ Латинянами 12-го апрѣля; это было въ концѣ великаго поста; маршалъ Шампаньскій, описывая сцены и смуты, послѣдовавшія за побѣдою, наивно говоритъ: «такъ проведены были праздники Вербнаго Воскресенья». Всю добычу, собранную въ Константинополѣ, рѣшено было сложить въ трехъ церквахъ; подъ страхомъ смерти и отлученія отъ Церкви запрещено было присвоивать себѣ что-нибудь изъ этихъ предметовъ; не смотря на эту двойную угрозу, нашлись между крестоносцами ослушники; Виллегардуэнь, упоминая о строгости суда надъ виновными, говоритъ: «много было казнено повѣшеніемъ, и господинъ де-Сень-Поль велѣлъ повѣсить одного изъ своихъ со щитомъ на шеѣ.» Три части добычи были раздѣлены между Французами и Венеціанцами, а четвертая часть была отложена въ запасъ. Изъ части добычи, доставшейся Французамъ, было взято цѣнностей на пятьдесятъ тысячъ марокъ въ уплату ихъ долга Венеціанской республикѣ. Хотя Виллегардуэнь и восклицаетъ, что «такой богатой добычи не видано было отъ созданія міра», но въ общемъ распредѣленіи оказалось не болѣе какъ по двадцати серебряныхъ марокъ на каждаго рыцаря, по десяти на коннаго воина и по пяти марокъ на пѣхотинца. Всѣ богатства Византіи доставили сумму, не превышавшую милліона ста тысячъ марокъ.

Крестоносцы, подѣливъ между собою достояніе Византіи, не подумали о томъ, что разореніе побѣжденныхъ ведетъ за собою разореніе побѣдителей и что они не замедлятъ обѣднѣть такъ же какъ и Греки, которыхъ они орабили. Ни о чемъ не жалѣя и ничего не предусматривая, разсчитывая только на свой мечъ, они занялись теперь избраніемъ правителя надъ утратившимъ все народомъ и надъ разореннымъ городомъ Для этого назначены были шесть патриціевъ венеціанскихъ и шесть лицъ изъ французскаго духовенства. Выборъ избирателей долженъ былъ пасть на одного изъ главныхъ предводителей арміи: Андрея Дандоло, маркиза Монферратскаго и Балдуина графа Фландрскаго. Дожъ венеціанскій былъ признанъ достойнымъ императорскаго престола за его заслуги и благородный характеръ, но Венеціанцы опасались поставить во главѣ большаго государства главу ихъ республики. Бонифацій былъ уже признанъ главою Латинянъ и Греки заранѣе привѣтствовали его, какъ своего будущаго властелина; но Венеціанцы, по зависти, не могли допустить, чтобы какой-нибудь князь Монферратскій возсѣдалъ на престолѣ константинопольскомъ. Что касается Балдуина графа Фландрскаго, то съ его стороны нечего было опасаться, и выборъ остановился на немъ; его молодость, отважный и вмѣстѣ съ тѣмъ воздержный характеръ давали предполагать его товарищамъ по оружію, что онъ будетъ достойнымъ этого выбора. Двѣнадцать избирателей обсуждали это дѣло въ продолженіи двухъ дней; въ концѣ втораго дня, въ самую полночь, епископъ Суассонскій обратился ко всѣмъ собравшимся пилигримамъ и сказалъ имъ: — въ тотъ самый часъ, когда родился Іисусъ Христосъ, мы произвели избраніе императора, этотъ императоръ есть Балдуинъ графъ Фландрскій и Генегаускій. — Балдуина подняли на щитѣ и торжественно понесли въ храмъ св. Софіи.

Коронованіе новаго императора произошло не раньше четвертаго воскресенья послѣ Пасхи. Оно

происходило со всею торжественностію греческихъ обрядовъ; во время божественной службы Балдуинъ возсѣдалъ на золотомъ тронѣ; онъ принялъ порфиру изъ рукъ папскаго легата, который совершалъ службу вмѣсто патріарха; два рыцаря несли передъ нимъ латиклаву римскихъ консуловъ и мечъ императорскій, который снова оказался наконецъ въ рукахъ воиновъ и героевъ; глава духовенства, ставъ передъ алтаремъ, произнесъ по-гречески: «онъ достоинъ царствовать», и всѣ присутствующіе повторили хоромъ: «онъ этого достоинъ, онъ этого достоинъ!»

Высшія должности при императорскомъ дворѣ были распредѣлены между баронами и знатнѣйшими владѣтелями; дожъ венеціанскій назначенъ былъ деспотомъ или Римскимъ княземъ, съ привиллегіею носить пурпуровые сапоги; Виллегардуэнь получилъ титулъ маршала Романійскаго; графъ де-Сенъ-Поль — великаго коннетабля; Кононъ Бетюнскій былъ наименованъ протовестіаріемъ, Макарій Сенъ-Менегудскій — великимъ или главнымъ кравчимъ; Миль Брабантскій — главнымъ виночерпіемъ, Манассія Лильскій — главнымъ гофмаршаломъ, и т. д. На совѣтѣ, состоявшемъ изъ двѣнадцати патриціевъ венеціанскихъ и двѣнадцати французскихъ рыцарей, было рѣшено раздѣлить всѣ завоеванныя земли между обоими народами. Виѳинія, Романія или Ѳракія, Ѳессалоника, вся древняя Греція, отъ Ѳермопилъ до мыса Сунія, самые большіе изъ островов Архипелага: Хіосъ, Лесбосъ, Родосъ и Кипръ — достались Французамъ; Венеціанцы получили многіе острова изъ тѣхъ, которые называются Спорадскими и Цикладскими, острова вдоль восточнаго берега Адріатическаго моря, Пропонтиду и Геллеспонтъ съ ихъ гаванями и станціями; острова Кіанейскіе и устье Понта Евксинскаго; города: Кипседъ, Дидимотику, Адріанополь, прибрежныя мѣстности Ѳессаліи и проч. Таковъ былъ первоначальный раздѣлъ провинцій и владѣній имперіи, доставшихся крестоносцамъ по взятіи ими Константинополя; современемъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, въ немъ произошли измѣненія, за которыми неудобно слѣдить въ этомъ сокращенномъ описаніи.

Земли, расположенныя по ту сторону Босфора, были превращены въ королевство и вмѣстѣ съ островомъ Кандіею предоставлены маркизу Монферратскому; Бонифацій обмѣнилъ ихъ на провинцію Ѳессалоникскую или древнюю Македонію и продалъ островъ Кандію Венеціанской республикѣ за 30 фунтовъ золотой монеты. Азіатскія провинціи достались графу Блуаскому, который принялъ титулъ герцога Никейскаго и Виѳинійскаго. Если основываться на показаніяхъ Никиты, то крестоносцы раздѣлили между собою города, которыхъ не существовало, провинціи, которыя уже съ давняго времени не принадлежали имперіи; греческіе историки сообщаютъ, что Мидія, Парѳія и королевства, бывшія подъ властію Турокъ и Сарацинъ, были раздѣлены по жребію. Константинополь впродолженіи нѣсколькихъ дней былъ рынкомъ, на которомъ шелъ торгъ о морѣ и объ островахъ, о Востокѣ и о народахъ, обитающихъ тамъ.

Латинское духовенство также не упустило случая воспользоваться своею долею при дѣлежѣ остатковъ Греціи; вожди крестоваго похода порѣшили между собою, что если императоръ константинопольскій былъ избранъ изъ Французовъ, то патріархъ долженъ быть избранъ изъ Венеціанцевъ; по этому соглашенію, сдѣланному еще до побѣды, на каѳедру св. Софіи былъ возведенъ венеціанскій священникъ Ѳома Морозини, который послѣ того былъ утвержденъ или избранъ снова папою. Во всѣ церкви, отнятыя у побѣжденныхъ, поставлены были священники, избранные изъ обоихъ народовъ, и доходы со всѣхъ константинопольскихъ церквей были раздѣлены между ними; въ то же время и въ другіе покоренные города были посланы латинскіе епископы и священники, которые и овладѣли всѣми церковными должностями и имуществомъ греческаго духовенства.

Послѣ своего коронованія Балдуинъ написалъ папѣ, извѣщая его о необыкновенныхъ побѣдахъ, которыми Богу угодно было увѣнчать храбрость воиновъ креста; маркизъ Монферратскій также написалъ папѣ письмо, въ которомъ выражалъ свою смиренную покорность и свое полное послушаніе всѣмъ рѣшеніямъ святаго престола. Дожъ венеціанскій, который до сихъ поръ съ такимъ гордымъ пренебреженіемъ относился къ угрозамъ и къ громамъ Рима, призналъ теперь высшую власть папы и присоединилъ выраженіе своей покорности къ мольбамъ Бонифація и Балдуина.

ГЛАВА XXIII.

Крестоносцы проходятъ по провинціямъ имперіи для подчиненія ихъ. — Возстаніе Греновъ. — Война съ Болгарами. — Императоръ Балдуинъ взятъ въ плѣнъ. — Безпорядки и окончательное паденіе Византійской имперіи.

Важныя побѣды крестоносцевъ и смиренная покорность вождей не вполнѣ обезоружили гнѣвъ Иннокентія. Онъ упрекалъ побѣдоносную латинскую армію въ томъ, что она предпочла богатства земныя — сокровищамъ небеснымъ; онъ въ особенности не могъ простить воинамъ креста тѣхъ безчинствъ и крайностей, которымъ они предавались вслѣдъ за своими побѣдами. Однако же, глава вѣрующихъ не дерзалъ углубляться въ разсужденія о дѣлахъ Божіихъ; ему свойственно было думать, что Греки были справедливо наказаны за ихъ заблужденія и что Провидѣніе вознаградило пилигримовъ, какъ орудія своего правосудія; папа напоминалъ крестоносцамъ объ ихъ обѣщаніяхъ помочь Святой Землѣ, которыя они такъ часто повторяли.

Папа одобрилъ избраніе Балдуина, который принялъ при этомъ титулъ рыцаря св. престола, и не колеблясь призналъ имперію, которую побѣда подчинила его духовной власти; онъ написалъ епископамъ французскимъ и выразилъ имъ, что Господу угодно было утѣшить Церковь обращеніемъ въ ея лоно еретиковъ; въ то же время, отъ имени императора Балдуина онъ приглашалъ Французовъ всѣхъ сословій отправляться въ Грецію, завоеванную оружіемъ креста. Индульгенціи крестоваго похода были обѣщаны тѣмъ, кто присоединится къ побѣдителямъ Византіи, чтобы защищать и содѣйствовать процвѣтанію новой Восточной имперіи.

Нигдѣ покореніе Византіи не произвело такой радости, какъ въ Святой Землѣ. Защитники и жители христіанскихъ городовъ за моремъ, на долю которыхъ выпали только бѣдствія войны, пожелали раздѣлить счастіе и славу Французовъ и Венеціанцевъ; папскій легатъ Петръ Капуанскій, посланный въ Сирію Иннокентіемъ, покинулъ Палестину и пріѣхалъ въ Грецію, гдѣ присутствіемъ своимъ онъ оживлялъ ревность латинскаго духовенства къ обращенію Грековъ; Іоанниты и Тампліеры также прибыли въ Грецію, которая сдѣлалась настоящею обѣтованною землею; король іерусалимскій остался почти одинокимъ въ Птолемаидѣ.

Въ это время Балдуинъ получилъ вѣсть о кончинѣ жены своей, Маріи Фландрской. Принцесса эта, отправившаяся на флотѣ Іосифа Нелльскаго, думала, что встрѣтитъ своего мужа въ Палестинѣ; вслѣдствіе утомленія и можетъ быть также печали о разлукѣ съ мужемъ, она заболѣла и умерла, получивъ извѣстіе о взятіи Константинополя; корабль, на которомъ

новая императрица должна была пріѣхать къ берегамъ Босфора, привезъ только ея смертные останки; и Марія была погребена съ великою торжественностію въ храмѣ св. Софіи, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ Балдуинъ возложилъ на себя императорскую корону. Въ это же время крестоносцы лишились одного изъ своихъ вождей, Матвея де-Монморанси, при погребеніи котораго присутствовала вся армія, съ плачемъ слѣдовавшая за его гробомъ. Такимъ образомъ, Провидѣніе какъ бы предупреждало время отъ времени новыхъ властелиновъ Востока и предвѣщало имъ ненастные дни, которые приближались.

Двадцати-тысячной арміи крестоносцевъ было достаточно, чтобы сокрушить стѣны Византіи; но какъ ни грозна была эта армія, все же ея одной не было достаточно, чтобы занять и охранять всѣ города и провинціи, доставшіяся въ ихъ руки послѣ однодневной побѣды; народы Греціи были побѣждены, но не подчинены; въ томъ разстройствѣ, въ которомъ находилась побѣжденная имперія, всѣ Греки, у которыхъ только было оружіе, пожелали устроить свое княжество или королевство. Повсюду изъ развалинъ возставали новыя государства или имперіи и уже угрожали тому, которое было основано недавно крестоносцами; внукъ Андроника основалъ княжество Трапезондское въ одной изъ греческихъ провинцій, въ Малой Азіи; Левъ Сегуръ, владѣтель Наполи-ди-Романіи, царствовалъ или, вѣрнѣе, распространялъ ужасъ въ Арголидѣ и Коринѳскомъ перешейкѣ; Михаилъ Ангелъ Комненъ, дѣйствуя посредствомъ измѣны, возстановлялъ королевство Эпирское и удерживалъ подъ своей властію дикій и воинственный народъ. Ѳедоръ Ласкарисъ, который, подобно Энею, убѣжалъ изъ своего отечества, преданнаго пламени, собиралъ отряды въ Виѳиніи и провозгласилъ себя императоромъ Никейскимъ, откуда современемъ семейству его суждено было съ торжествомъ возвратиться въ Константинополь. Еслибы оба императора, свергнутые съ престола, имѣли сколько-нибудь умѣнія и мужества, если бы они соединились въ своемъ несчастіи, то могли бы сохранить что-нибудь изъ остатковъ своего собственнаго достоянія и снова укрѣпиться. Но таковы были эти государи, что если они сближались между собою, то только для того, чтобы измѣнить другъ другу, и Провидѣнію, чтобы ихъ наказать, достаточно было только свести ихъ между собою; Алексѣй, осыпавъ ласками Мурзуфла, привлекъ его къ себѣ въ домъ и велѣлъ вырвать ему глаза. Мурзуфлъ, покинутый всѣми своими сторонниками, попался въ руки крестоносцевъ, которые отправили его въ Константинополь и сбросили съ вершины колонны Ѳеодосія; Алексѣй въ свою очередь, покинутый всѣми приближенными, долго скитался въ Азіи и въ Европѣ; и дошелъ до такого бѣдственнаго и недостойнаго царскаго сана положенія, что современная исторія совершенно потеряла его изъ вида и не могла сообщить, каковъ былъ его конецъ.

Между тѣмъ какъ греческіе князья оспаривали другъ у друга остатки имперіи и воевали между собою, французскіе бароны оставляли столицу, чтобы вступить во владѣніе доставшимися на ихъ долю городами и провинціями; но вмѣсто того, чтобы найти повсюду подчиненные народы, они часто встрѣчали враговъ, съ которыми приходилось вступать въ битву; имъ приходилось завоевывать то, что имъ было дано, и въ довершеніе несчастія, между ними стали возникать такіе же раздоры, какъ и между побѣжденными ими. Императоръ Балдуинъ, посѣтивъ Ѳракію, во главѣ своихъ отрядовъ, захотѣлъ вступить, какъ властелинъ, и въ Ѳессалоникское королевство, не смотря на просьбы и сопротивленіе Бонифація Монферратскаго; эта распря, которую Виллыгардуэнь приписываетъ «возбужденію со стороны нѣкоторыхъ льстецовъ», превратилась въ большую ссору, которая довела противниковъ до открытой вражды; Генрихъ Дандоло, графъ Блуаскій и главные вожди приняли тогда на себя посредничество между воюющими

сторонами; новый императоръ и король ѳессалоникскій не могли сопротивляться голосу самыхъ знаменитыхъ своихъ товарищей, которые убѣждали ихъ именемъ Іисуса Христа и крестоваго похода, и ради ихъ собственной славы и той имперіи, которую они основали общими силами. Наконецъ, оба государя подчинились окончательно доводамъ бароновъ, поклялись не поддаваться болѣе коварнымъ внушеніямъ и обнялись въ присутствіи войска. «Если бы въ этомъ Богъ не умилосердился надъ крестоносцами, — говоритъ Виллъгардуэнь: — то они были бы въ опасности потерять всѣ свои завоеванія, и христіанству восточному могла бы приключиться погибель.»

Возстановивъ миръ между Балдуиномъ и Бонифаціемъ, знатные владѣтели и бароны продолжали проходить по провинціямъ для подчиненія ихъ своей власти; графу Людовику Блуасскому, получившему Виѳинію, пришлось вступить въ битву съ воинами Ласкариса; Никомидія и многіе другіе города открыли передъ нимъ свои ворота; всѣ прибрежныя мѣстности Пропонтиды и канала св. Георгія, съ одной стороны до горы Олимпа, а съ другой до устья Понта-Евксинскаго, подчинились владычеству французскихъ рыцарей; Генриху Геннегаусскому поручено было подчинить азіатскій берегъ Геллеспонта отъ Эзепа и Граника до порта Адрамитскаго и древняго мыса Лектоса (нынѣ Баба). Братъ Балдуина и его товарищи безъ затрудненія утвердили власть Латинянъ въ мѣстности по сосѣдству съ Идой и не встрѣтили враговъ въ странѣ, гдѣ былъ Иліонъ. Въ то же время новый король ѳессалоникскій или македонскій продолжалъ завоеваніе Греціи; побѣдоносное войско его выступило въ Ѳессалію, перешло черезъ горы Олимпъ и Оссу и овладѣло Лариссою; Бонифацій съ своими рыцарями, безъ страха и безъ опасности, перешли черезъ перешеекъ Ѳермопильскій и добрались до Віотіи и Аттики. Между тѣмъ какъ маркизъ Монферратскій овладѣвалъ прекраснѣйшими странами Греціи, Готтфридъ де-Виллъгардуэнь, племянникъ маршала Шампаньскаго, заставлялъ признавать законы Франковъ въ Пелопонессѣ; въ Греціи, подчинившейся военнымъ феодальнымъ обычаямъ, появились знатные владѣтели: Аргосскій, Коринѳскій, вассалы Ѳивскіе, герцоги Аѳинскіе, князья Ахайскіе.

Однакоже, новая имперія, едва побѣжденная, склонялась уже къ своему паденію; побѣдители, лишивъ Грековъ ихъ достоянія, не захотѣли оставить имъ ихъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ; они думали, что мечъ побѣдителя достаточенъ для охраненія ихъ могущества. Они не удостоивали даже принимать дѣтей Греціи въ свои войска и довели ихъ такимъ образомъ до отчаянія. Императоръ Балдуинъ не удовольствовался тѣмъ, что относился къ Грекамъ съ полнымъ презрѣніемъ; онъ пренебрегъ и болѣе могущественными сосѣдями — Болгарами, оттолкнулъ ихъ какъ союзниковъ, не имѣя однакоже достаточно силъ, чтобы обращаться съ ними какъ съ врагами. Въ Грекахъ, притѣсняемыхъ такимъ образомъ и доведенныхъ до крайности, проснулось наконецъ утраченное мужество; составился обширный заговоръ, въ которомъ приняли участіе всѣ, кому рабство сдѣлалось невыносимымъ, и Болгары, презираемые Латинянами, сдѣлались естественными союзниками всѣхъ, вооружившихся противъ владычества Франковъ. По условному сигналу возстала вся Ѳракія. На стѣнахъ Адріанополя, Дидимотики и многихъ другихъ городовъ появились флаги возставшихъ Грековъ или варваровъ, привлеченныхъ надеждою военной добычи.

По берегамъ Геллеспонта и Пропонтиды не было ни одного мѣста, которое не служило бы полемъ гибельной битвы; воины латинскіе выступили со всѣхъ сторонъ на встрѣчу побѣдоносному непріятелю и защищали теперь остатки новой имперіи съ такимъ же мужествомъ, какъ и завоевывали ее; но никакія усилія ихъ не могли уже отвратить великихъ бѣдствій, и самъ императоръ Балдуинъ, жертва своей безумной отваги, попалъ въ руки Болгаръ.

Пораженіе и плѣнъ императора распространили отчаяніе между Латинянами. Множество ры-

царей, пораженныхъ такимъ оборотомъ дѣлъ, поспѣшили возвратиться на венеціанскихъ судахъ на Западъ, чтобы объявить о гибельномъ положеніи латинско-византійской имперіи. Крестоносцы не могли больше остановить успѣховъ Грековъ и Болгаръ и опасались нападенія ихъ на самую столицу; епископъ Суассонскій и многіе бароны и рыцари были посланы въ Италію, Францію и Фландрію — печальными вѣстниками гибели имперіи. Въ церквахъ оплакивали несчастія Византіи, какъ въ прежнее время оплакивали бѣдствія Іерусалима; но проповѣди и воззванія къ народу были безуспѣшны. Среди опасностей, которыми угрожали со всѣхъ сторонъ новые завоеватели, никто не могъ узнать, какая участь постигла несчастнаго Балдуина; обращались къ папѣ съ просьбою разузнать о военно-плѣнномъ императорѣ; болгарскій король ограничился отвѣтомъ, что «освобожденіе плѣннаго монарха уже не во власти смертныхъ». Генрихъ Гайнаускій получилъ тогда печальное наслѣдіе своего брата и былъ коронованъ среди общей скорби народа. Вскорѣ Латинянамъ пришлось оплакивать смерть Дандоло, которому суждено было видѣть въ послѣднія минуты жизни быстрое паденіе основанной имъ имперіи. Большинство вождей крестоваго похода погибли въ битвѣ. Бонифацій получилъ смертельную рану въ одной экспедиціи противъ жителей Родопскихъ горъ; о наслѣдствѣ его возникли споры между крестоносцами, и Ѳессалоникское королевство, которое успѣло заявить себя съ нѣкоторымъ блескомъ въ свое недолгое существованіе, исчезло въ смутахъ войны междоусобной и войны съ иноземцами.

Слѣдуетъ прочесть въ нашей пространной исторіи крестовыхъ походовъ подробное описаніе этого пятаго крестоваго похода. Никогда ни одна эпоха не представляла болѣе величественныхъ подвиговъ и болѣе великихъ несчастій. Эти славныя и трагическія сцены сильно поражаютъ воображеніе и заставляютъ его переходить отъ удивленія къ удивленію. Сначала удивляетъ тридцати-тысячная армія, переплывающая море для завоеванія страны, у которой могло найтись нѣсколько милліоновъ защитниковъ; буря, эпидемія, недостатокъ продовольствія, раздоры между вождями, нерѣшительная битва, — все могло погубить армію крестоносцевъ и сдѣлать ихъ предпріятіе безуспѣшнымъ. При неслыханномъ счастіи, ни одно изъ этихъ бѣдствій не постигло ихъ; они спасаются отъ всякихъ опасностей и преодолѣваютъ всѣ препятствія; не имѣя на своей сторонѣ никакихъ пособниковъ въ Греціи, они овладѣваютъ столицею и провинціями; но въ то время какъ уже развѣваются ихъ побѣдоносныя знамена, счастіе покидаетъ ихъ и все вокругъ нихъ начинаетъ разрушаться. Въ этомъ виденъ великій урокъ народамъ со стороны Провидѣнія, которое пользуется иногда завоевателями для наказанія царей и народовъ и послѣ того сокрушаетъ орудія своего правосудія.

Герои этой войны не сдѣлали ничего для освобожденія Іерусалима, о которомъ они постоянно упоминали въ письмахъ къ папѣ; Византія, подчинившаяся оружію крестоносцевъ, вмѣсто того чтобы быть путемъ къ землѣ Іисуса Христа, какъ это думали, была только препятствіемъ къ завоеванію священнаго города. Европа до сихъ поръ должна была поддерживать христіанскія колоніи въ Сиріи, теперь ей нужно было поддерживать еще новую колонію, основанную на берегахъ Босфора, а энтузіазма къ крестовымъ походамъ, который становился все слабѣе, уже не доставало для этого.

Фландрія, Шампань и большая часть провинцій Франціи, пославшія въ походъ своихъ лучшихъ воиновъ, безплодно пожертвовали своимъ народомъ и своими богатствами на завоеваніе Византіи; можно сказать, что Французы не выиграли въ этой войнѣ ничего, кромѣ той славы, что дали на одну минуту Константинополю властителей, а Греціи — феодальныхъ владѣтелей; одна Венеціанская республика извлекла выгоды изъ этой войны: посредствомъ покоренія Византіи она распро-

странила свое могущество и свою торговлю на Востокѣ; венеціанскіе крестоносцы, подъ знаменемъ креста, никогда не переставали вести борьбу ради интересовъ и славы своего отечества. Три года спустя послѣ взятія Константинополя, венеціанскій сенатъ издалъ декретъ, которымъ разрѣшалось всѣмъ гражданамъ республики завоевывать острова Архипелага — съ правомъ пріобрѣтать въ свою собственность покоренныя ими страны. Скоро, рядомъ съ герцогами Аѳинскими, владѣтелями Ѳивскими, князьями Морейскими, появились князья Наксосскіе, герцоги Паросскіе, владѣтели Микенскіе; но герцоги и князья Архипелага были только вассалами республики, и Венеція умѣла извлекать пользу изъ доблести и честолюбія своихъ гражданъ и воиновъ.

ГЛАВА XXIV.

Іоаннъ Бріеннскій, король іерусалимскій. — Соборъ, созванный въ Римѣ Иннокентіемъ III по поводу крестоваго похода. — Начало шестаго крестоваго похода. — Экспедиція въ Святую Землю короля венгерскаго, Андрея II.

(Отъ 1215 до 1217 г.).

Иннокентій, который до сихъ поръ употреблялъ напрасныя старанія для освобожденія Св. Мѣстъ, не могъ утѣшиться въ утратѣ большихъ армій на завоеваніе Греціи; однакоже, онъ все еще не терялъ надежды на осуществленіе своихъ намѣреній. Но послѣ того, что произошло на Востокѣ, ничего не могло быть труднѣе, какъ вовлечь Европу въ новый крестовый походъ. Энтузіазмъ священныхъ войнъ, которому представляли нѣсколько предметовъ за-разъ, и который вызывали въ одно и то же время и въ пользу Византіи, и въ пользу Іерусалима,— ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ. Къ возрастающимъ бѣдствіямъ христіанскихъ колоній общество относилось равнодушно. Жители Святой Земли лишились короля своего Амори. Изабелла, царствовавшая лишь надъ опустѣвшими городами, скончалась черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего супруга. Королевство Готтфрида должно было перейти по наслѣдству къ молодой принцессѣ, дочери Изабеллы и Конрада, маркиза Тирскаго. Аймаръ, владѣтель Кесарійскій, и епископъ птолемаидскій отправились за море, прибыли къ Филиппу-Августу и умоляли его, именемъ христіанъ Святой Земли, назначить правителемъ королевства одного изъ его бароновъ. Рука молодой королевы, королевскій вѣнецъ и благословеніе Божіе должны были служить наградою тому, кто отправится сражаться за наслѣдіе Іисуса Христа. Французскій король принялъ съ большимъ почетомъ депутатовъ восточныхъ христіанъ и предложилъ имъ Іоанна Бріеннскаго, брата Готье, только-что скончавшагося въ Апуліи со славою героя и съ титуломъ короля: можно было надѣяться посредствомъ этого брака возбудить рыцарскій духъ и возродить рвеніе къ войнамъ въ дальнихъ странахъ.

Папа одобрилъ выборъ Филиппа-Августа и далъ свое благословеніе новому іерусалимскому королю. Прибытіе Іоанна Бріеннскаго въ Птолемаиду очень обрадовало палестинскихъ христіанъ, но не внушило страха Сарацинамъ, такъ какъ его сопровождали не болѣе трехъ сотъ рыцарей. Едва только совершилось торжественное коронованіе новаго короля, едва только онъ отпраздновалъ свою свадьбу съ дочерью Изабеллы, какъ уже ему пришлось защищать свое королевство, угрожаемое со всѣхъ сторонъ, и отражать нападеніе на самую столицу. Преемникъ Амори, ко-

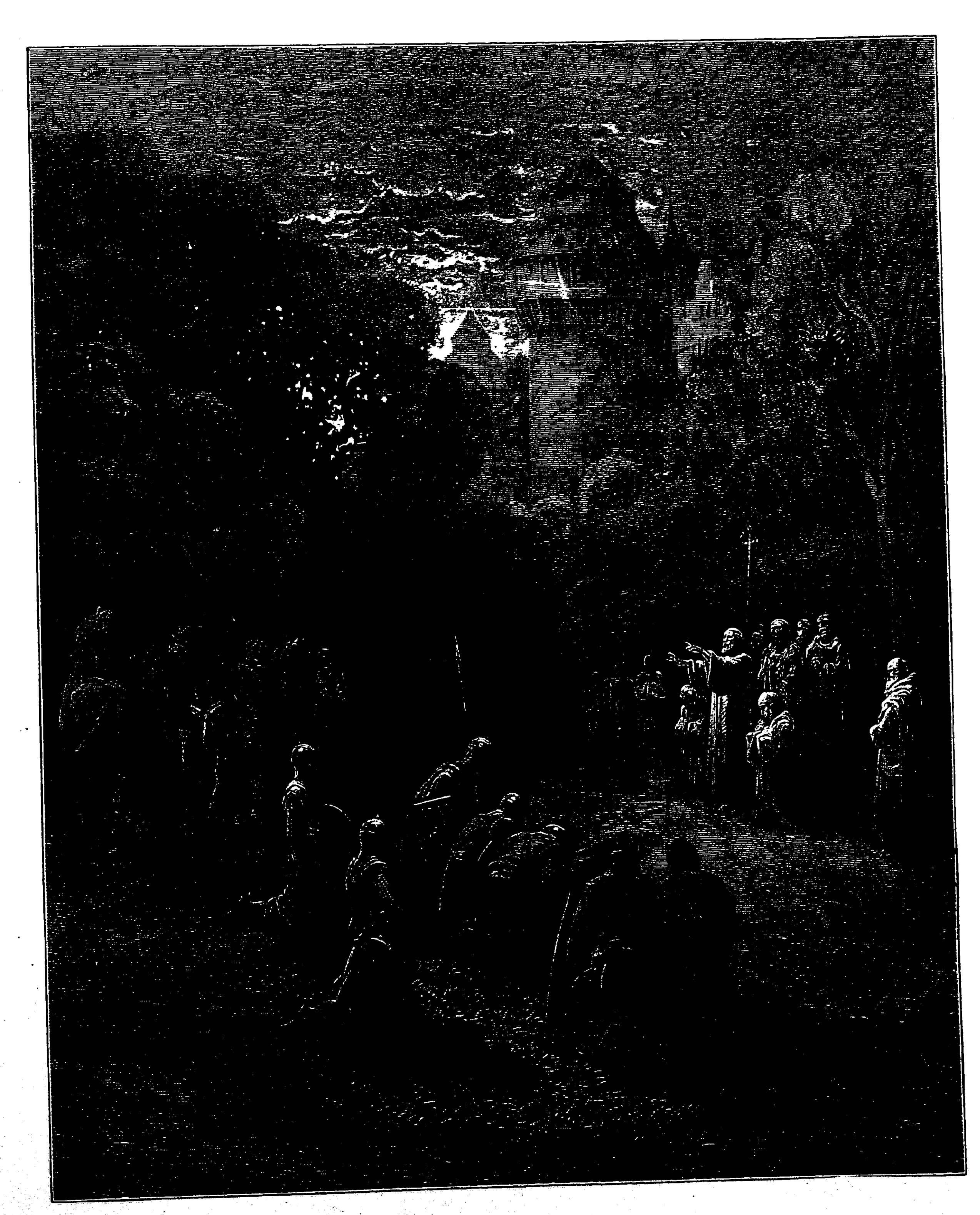
тораго ожидали какъ спасителя христіанъ заморскихъ, вскорѣ вынужденъ былъ обратиться къ Филиппу-Августу, къ папѣ, ко всѣмъ государямъ на Западѣ, заклиная ихъ придти къ нему на помощь для спасенія вѣнца, который они ему предоставили.

Смуты, волновавшія тогда Церковь, не давали возможности христіанскимъ государствамъ и особенно Франціи помочь христіанскимъ колоніямъ за моремъ; Лангедокъ и южныя провинціи королевства опустошаемы были религіозными войнами, въ которыхъ принимали участіе храбрые бароны и рыцари. И въ то время, когда шла война противъ Альбигойцевъ, Сарацины становились болѣе грозными въ Испаніи; папа проповѣдывалъ походъ противъ Мавровъ и все христіанское рыцарство призывалось на борьбу за Пиренеями.

Тогда представилось міру зрѣлище, невиданное даже въ эти времена, богатыя чудесами и необыкновенными событіями. Пятьдесятъ тысячъ дѣтей соединились и ходили по городамъ и селамъ, повторяя слова: — «Господи, возврати намъ нашъ святой крестъ». — Когда у нихъ спрашивали, куда они идутъ и что они хотятъ дѣлать, они отвѣчали: — «Мы идемъ въ Іерусалимъ, для освобожденія Гроба Господня». — Большинство вѣрующихъ видѣло въ этомъ Божіе внушеніе и думало, что Іисусъ Христосъ, чтобы посрамить гордыню могущественныхъ и мудрыхъ земли, вручилъ свое дѣло простодушнымъ и робкимъ дѣтямъ; многіе изъ этихъ юныхъ крестоносцевъ заблудились въ пустыняхъ, погибли отъ зноя, голода, жажды и утомленія; другіе возвратились домой, говоря, что «они не знали, зачѣмъ уходили»; изъ тѣхъ, кто отправился моремъ, многіе потерпѣли кораблекрушеніе или попали въ руки Сарацинъ, съ которыми они шли сражаться. Этотъ дѣтскій крестовый походъ служитъ нагляднымъ выраженіемъ того, до какой степени поколеблена была и ослабѣла идея крестовыхъ походовъ. Чтобы воспламенить энтузіазмъ вѣрующихъ, Иннокентій рѣшился созвать въ Римѣ общій соборъ. «Необходимость помочь Святой Землѣ, — писалъ онъ въ своихъ пригласительныхъ посланіяхъ: — надежда побѣдить Сарацинъ теперь болѣе велика, чѣмъ когда-нибудь.» Папа сравнивалъ Іисуса Христа съ государемъ, изгнаннымъ изъ своего царства, а христіанъ — съ вѣрными подданными, которые должны помочь Ему возвратиться въ свои владѣнія; могущество Магомета близилось къ своему концу, и, подобно звѣрю въ Апокалипсисѣ, онъ не долженъ былъ превзойти числа шести сотъ шестидесяти шести лѣтъ. Глава Церкви требовалъ отъ всѣхъ вѣрующихъ — молитвъ, отъ богатыхъ людей — милостыни и вкладовъ, отъ воиновъ — примѣровъ мужества и самопожертвованія, отъ приморскихъ городовъ — кораблей, и съ своей стороны обязывался сдѣлать самыя значительныя пожертвованія. Исторія не можетъ почти прослѣдить за Иннокентіемъ, воздвигающимъ повсюду враговъ невѣрнымъ; онъ охватывалъ взоромъ одновременно и Востокъ и Западъ, письма его и посланники способны были расшевелить Европу и Азію.

Во всѣ христіанскія государства посланы были папскіе легаты; на проповѣдниковъ было возложено убѣждать вѣрующихъ къ принятію креста. Іаковъ де-Витри проповѣдывалъ по берегамъ Рейна; Петръ Курсонскій — въ провинціяхъ Франціи; Филиппъ-Августъ предоставилъ сороковую часть своихъ удѣльныхъ доходовъ на издержки крестоваго похода; многіе знатные владѣтели и прелаты послѣдовали примѣру монарха. Архіепископъ Кэнтерберійскій призывалъ Англію вооружиться противъ невѣрныхъ; король Іоаннъ, находившійся въ войнѣ съ баронами и общинами, принялъ крестъ, надѣясь такимъ образомъ снискать покровительство Церкви; въ Германіи, Фридрихъ II также принялъ облаченіе пилигрима, но съ единственною цѣлью угодить римскому папѣ и найти поддержку святаго престола въ войнѣ противъ Оттона Саксонскаго.

Въ мірѣ христіанскомъ шли приготовленія къ общему собору, объявленному папою Иннокен-

Благословеніе

тiемъ. Въ Римъ уже прибыли депутаты изъ Антiохiи и Александрiи, патрiархи константинопольскiй и iерусалимскiй, послы Фридриха, Филиппа-Августа, королей англiйскаго и венгерскаго. Соборъ, на которомъ присутствовало болѣе пяти сотъ епископовъ и архiепископовъ, происходилъ въ Латеранской церкви подъ предсѣдательствомъ папы. Иннокентiй произнесъ рѣчь, въ которой онъ оплакивалъ заблужденiя своего вѣка и несчастiя Церкви; онъ обратился къ духовенству и ко всѣмъ вѣрующимъ съ увѣщанiемъ освятить своими молитвами тѣ мѣры, которыя предстояло принять противъ еретиковъ и Сарацинъ; онъ представилъ Iерусалимъ облеченнымъ въ печаль, изнемогающимъ въ оковахъ своего плѣненiя и вѣщающимъ устами своихъ пророковъ — чтобы тронуть сердца христiанъ. Соборъ употребилъ нѣсколько засѣданiй на обсужденiе вопроса о средствахъ доставить помощь Святой Землѣ. Было постановлено, что духовенство будетъ уплачивать двадцатую часть своихъ доходовъ для издержекъ крестоваго похода, папа же и кардиналы — десятую часть; рѣшено было соблюдать пяти-лѣтнее перемирiе между всѣми христiанскими государями; соборъ Латеранскiй предалъ проклятiю пиратовъ, которые затрудняли путь пилигримовъ, и тѣхъ, кто доставлялъ продовольствiе и оружiе невѣрнымъ. Постановленiя о священной войнѣ были возвѣщены во всѣхъ церквахъ Запада; толпѣ начали чудиться сверхъестественныя явленiя, какъ и во время первыхъ крестовыхъ походовъ, и христiане, которые только-что передъ тѣмъ воевали между собою, сблизились теперь и поклялись Евангелiемъ не имѣть другихъ враговъ, кромѣ мусульманъ.

Однакоже, Иннокентiй III не могъ довершить начатаго имъ предпрiятiя и умеръ среди заботъ объ улаженiи распрей, возникшихъ между Пизанцами и Генуэзцами. Первая мысль преемника его, Гонорiя III, была объ освобожденiи Iерусалима. «Да не сокрушитъ вашего мужества смерть Иннокентiя! — писалъ онъ христiанамъ палестинскимъ: — я проявлю не меньше усердiя для освобожденiя Св. Земли и употреблю всѣ старанiя помочь вамъ». Въ письмѣ своемъ ко всѣмъ епископамъ и государямъ Запада, папа увѣщевалъ ихъ продолжать проповѣдывать крестовый походъ и приготовляться къ этой священной войнѣ.

Между государями, принявшими крестъ, былъ также и венгерскiй король, Андрей II; онъ покинулъ дворъ и королевство, раздираемыя партiями. Подобно своей матери, вдовѣ Бала, онъ надѣялся найти въ мѣстахъ, освященныхъ страданiями Iисуса Христа, вѣрное прибѣжище отъ горя, которое преслѣдовало его во всю жизнь; венгерскiй монархъ могъ надѣяться также, что пилигримство съ священною цѣлью доставитъ ему уваженiе его подданныхъ и что Церковь, всегда вооруженная въ пользу государей-крестоносцевъ, лучше нежели онъ самъ, защититъ права его короны. Андрей, въ сопровожденiи герцога Баварскаго, герцога Австрiйскаго и многихъ германскихъ владѣтелей, отправился на Востокъ во главѣ многочисленнаго войска и прибылъ въ Спалатро, древнiй Салонъ, гдѣ ждали его корабли венецiанскiе, анконскiе и изъ Зары. Множество крестоносцевъ, сѣвъ на суда въ Бриндизи, Генуѣ и Марсели, опередили короля венгерскаго; кипрскiй король Лузиньянъ съ своими баронами также отправился изъ Лимиссо въ Птолемаиду. Со временъ Саладина у христiанъ не было такой многочисленной армiи въ Сирiи.

Когда крестоносцы прибыли въ Палестину, тамъ свирѣпствовалъ сильный голодъ; недостатокъ жизненныхъ припасовъ и крайность нужды доводили пилигримовъ до распущенности и разбойничества; чтобы прекратить безпорядки, вожди поспѣшили перевести своихъ воиновъ во владѣнiя невѣрныхъ. Крестоносцы нахлынули на область Наплузскую и на верхнюю Галилею, принадлежавшiя мусульманамъ, и опустошили ихъ; Малекъ-Адель, поспѣшно прибывшiй съ войскомъ изъ Египта, принужденъ былъ обратиться въ бѣгство передъ побѣдоносными батальонами креста.

Возвратясь въ Птолемаиду, христiанская армiя ожидала сигнала для новыхъ битвъ. Рѣшено

было сдѣлать нападеніе на крѣпость, которую Саладинъ велѣлъ выстроить на горѣ Ѳаворѣ. Передъ выступленіемъ въ путь крестоносцевъ, патріархъ пришелъ въ лагерь и принесъ частицу Честнаго Креста, которую, какъ увѣряли, удалось спасти во время битвы при Тиверіадѣ; пилигримы благоговѣйно преклонились передъ знаменемъ спасенія и выступили въ путь, воодушевленные воинственнымъ энтузіазмомъ. Армія, выстроенная въ боевомъ порядкѣ, прошла по горѣ подъ градомъ стрѣлъ и камней и преслѣдовала непріятеля до самой крѣпости, къ осадѣ которой и приступила немедленно. Послѣ нѣсколькихъ приступовъ, мусульманскій гарнизонъ готовъ былъ сдаться на капитуляцію, когда вдругъ христіане были охвачены паническимъ страхомъ и отступили въ безпорядкѣ, какъ будто бы они были побѣждены. Это отступленіе, причины котораго исторія не объясняетъ, произвело смятеніе и уныніе между пилигримами. Патріархъ іерусалимскій съ гнѣвомъ покинулъ армію, унося съ собою Честное Древо, въ присутствіи котораго христіане вели себя такимъ недостойнымъ образомъ. Князья и государи, которые руководили крестовымъ походомъ, не посмѣли возвратиться въ Плолемаиду и отправились въ Финикію, стараясь загладить позоръ своего отступленія на горѣ Ѳаворѣ. Здѣсь крестоносцы не встрѣтили враговъ, съ которыми имъ нужно было бы сражаться; но зима уже началась, имъ пришлось много пострадать отъ ураагановъ, отъ дождя, отъ холода, голода, болѣзней; ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединились и раздоры.

Въ арміи христіанской было три короля, и ни одинъ изъ нихъ не командовалъ; новый король іерусалимскій предводительствовалъ только своими рыцарями и баронами Святой Земли; король кипрскій заболѣлъ и умеръ, когда уже собирался возвратиться въ свое королевство. Король венгерскій, оставившій Европу какъ вождь крестоваго похода, не съумѣлъ пріобрѣсть повиновенія себѣ среди свой арміи, какъ и между подданными своего собственнаго государства. Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ Палестинѣ, онъ забылъ свои клятвы и, ничего не сдѣлавъ для дѣла Іисуса Христа, думалъ только о своемъ отъѣздѣ; патріархъ старался удержать его подъ знаменами священной войны, но такъ какъ венгерскій монархъ былъ глухъ ко всѣмъ просьбамъ, то прелатъ осыпалъ его угрозами церковнаго наказанія; тѣмъ не менѣе Андрей настаивалъ на своемъ рѣшеніи покинуть Востокъ; но, чтобы не казаться измѣнникомъ дѣлу Іисуса Христа, онъ оставилъ половину своего войска іерусалимскому королю. Венгерскій король привезъ въ свое отечество драгоцѣнныя частицы мощей, пріобрѣтенныя имъ во время посѣщенія Святой Земли; если вѣрить современной лѣтописи, то, по возвращеніи его въ Венгрію, принесенія этой святыни было достаточно, чтобы прекратить смуты въ его государствѣ и доставить процвѣтаніе въ его провинціяхъ миру, законамъ и правосудію. Большинство венгерскихъ историковъ говоритъ, наоборотъ, что эта безславная экспедиція навлекла на него презрѣніе его народа и только усилила безпорядки въ его королевствѣ.

Развалины на берегу Нила.

ГЛАВА XXV.

Продолженіе шестаго крестоваго похода. — Осада Даміетты. — Битвы и бѣдствія крестоносцевъ. — Взятіе города.

(Отъ 1218 до 1219 г.).

После отъѣзда венгерскаго короля, въ Птолемаиду прибыло множество крестоносцевъ, выѣхавшихъ изъ гаваней Голландіи, Франціи и Италіи. Крестоносцы изъ Фрисландіи, изъ Кельна, съ береговъ Рейна остановились на португальскомъ берегу и въ нѣсколькихъ битвахъ нанесли пораженіе Маврамъ. Прибытіе этихъ воиновъ, разсказы объ ихъ побѣдахъ оживили мужество пилигримовъ, остававшихся въ Палестинѣ подъ начальствомъ герцога австрійскаго Леопольда; при такомъ сильномъ подкрѣпленіи только и было рѣчи что о возобновленіи военныхъ дѣйствій, и на совѣтѣ князей и вождей было рѣшено перенести войну на берега Нила.

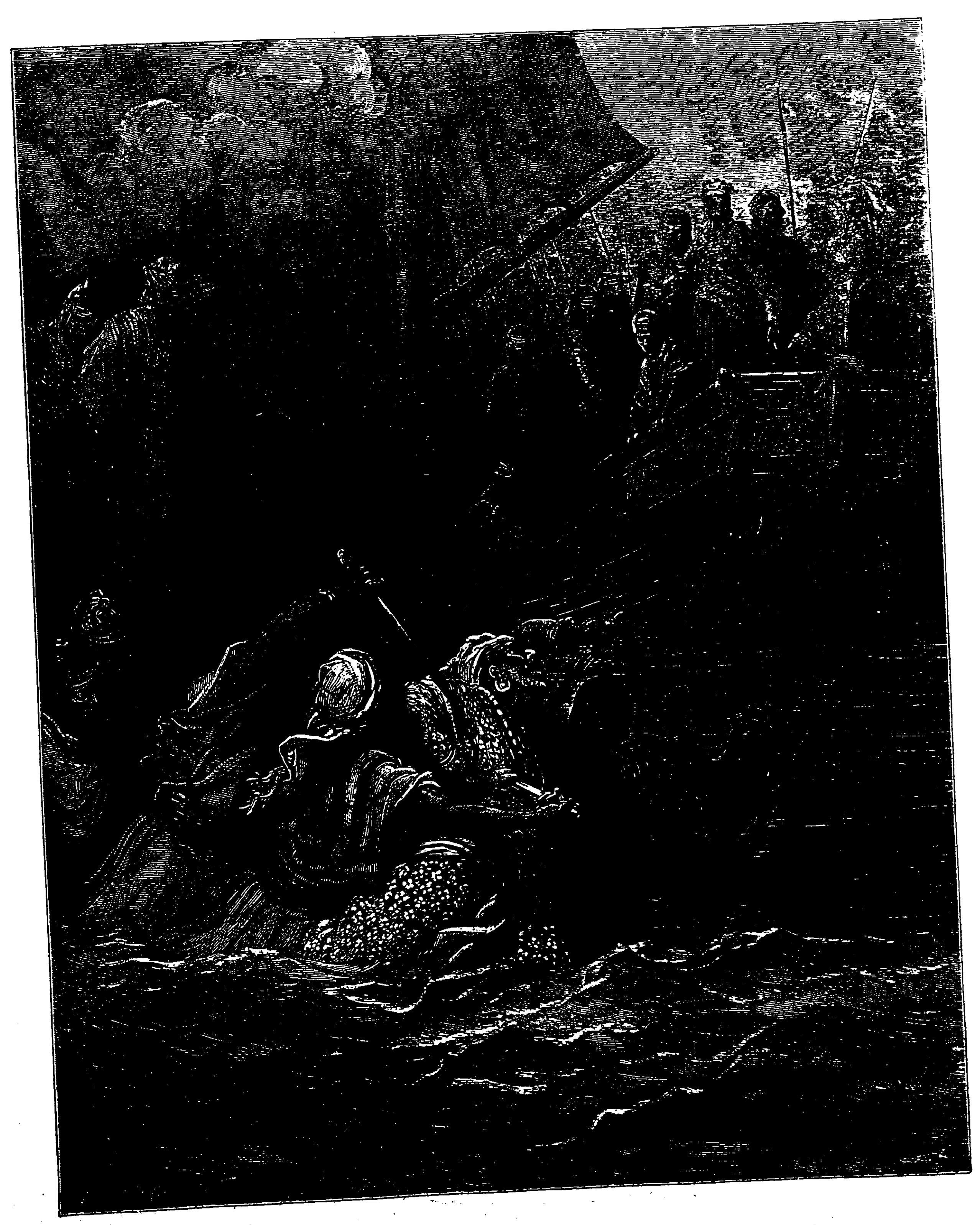
Христіанская армія подъ предводительствомъ короля іерусалимскаго, герцога австрійскаго и Вильгельма графа голландскаго выступила изъ Птолемаиды въ началѣ весны 1218 г., и высадилась въ виду Даміетты. Городъ Даміетта, расположенный на разстояніи одной мили отъ моря, на правомъ берегу Нила, былъ укрѣпленъ двойнымъ рядомъ стѣнъ со стороны рѣки и тройнымъ рядомъ со стороны суши; посреди рѣки возвышалась башня; проходъ для судовъ былъ загражденъ желѣзною

цѣпью, протянутою отъ города къ башнѣ. Въ городѣ былъ многочисленный гарнизонъ, снабженный достаточнымъ количествомъ продовольствія и военныхъ снарядовъ, что давало ему возможность выдержать продолжительную осаду.

Крестоносцы расположились лагеремъ по лѣвому берегу Нила, на равнинѣ, на которой не произрастало ни деревьевъ, ни растеній и которая представляла съ западной и южной стороны безплодную пустыню; передъ ними былъ городъ, выстроенный между рѣкою и озеромъ Мензалехъ, на пространствѣ, прорѣзанномъ множествомъ каналовъ и покрытомъ пальмовымъ лѣсомъ. Едва они успѣли устроить лагерь, какъ сдѣлалось совершенно темно по случаю луннаго затмѣнія; это небесное явленіе воспламенило мужество крестоносцевъ и было для нихъ предзнаменованіемъ блистательнѣйшихъ побѣдъ.

Первыя нападенія были направлены на башню, выстроенную посреди Нила; пущены были въ ходъ всякаго рода боевыя машины, сдѣлано было также нѣсколько приступовъ. Башня, какъ видно изъ предъидущаго, соединялась съ городомъ посредствомъ деревяннаго моста; такимъ образомъ, она получала помощь, при которой всѣ чудеса храбрости оказывались безполезными; послѣ осады, продолжавшейся нѣсколько недѣль, крестоносцы сдѣлали нападеніе на мостъ и разрушили его; потомъ соорудили громадную деревянную крѣпость, которая была поставлена на двухъ судахъ, связанныхъ вмѣстѣ; на этой подвижной крѣпости избранные воины двинулись на приступъ башни. Мусульмане, съ высоты своихъ стѣнъ, крестоносцы — съ береговъ рѣки слѣдили глазами за христіанскою крѣпостью; два судна, которыя подымали ее, бросили якорь у подножія стѣнъ; Сарацины осыпали ихъ тогда градомъ каменьевъ и потоками греческаго огня; воины креста, бросившись на приступъ, вскорѣ достигли зубцовъ башни. Среди битвы, въ которой дѣйствовали мечи и копья, пламя вдругъ охватываетъ деревянный замокъ крестоносцевъ, и подъемный мостъ, перекинутый на стѣны башни, колеблется; знамя герцога Австрійскаго, командовавшаго аттакующимъ отрядомъ, — уже въ рукахъ осажденныхъ! Крики радости раздаются въ городѣ, продолжительный стонъ слышится съ берега, гдѣ стоятъ крестоносцы. Патріархъ іерусалимскій, духовенство, вся армія колѣнопреклоненно съ мольбою воздѣваютъ руки къ небу. Вскорѣ, какъ будто бы Богу было угодно внять ихъ молитвамъ, пламя угасаетъ, машина снова дѣйствуетъ, подъемный мостъ утвержденъ. Товарищи Леопольда возобновляютъ нападеніе съ большимъ жаромъ; повсюду, подъ ударами христіанъ рушатся стѣны; растерянные мусульмане кладутъ оружіе и молятъ побѣдителей пощадить ихъ жизнь. Крестоносцы приготовлялись къ этой побѣдѣ молитвами, постомъ, религіозными процессіями. Видны были лики воиновъ небесныхъ среди сражающихся; всѣ пилигримы считали взятіе башни дѣломъ Божіимъ.

Христіане не могли вполнѣ воспользоваться этимъ первымъ успѣхомъ своимъ — за неимѣніемъ судовъ для переправы черезъ Нилъ. Большая часть кораблей, на которыхъ они прибыли въ Египетъ, возвратилась обратно; даже многіе изъ пилигримовъ, присутствовавшихъ при началѣ осады, возвратились на этихъ судахъ въ Европу. Это бѣгство ихъ, повѣствуютъ лѣтописи, такъ разгнѣвало на нихъ Бога, что множество изъ нихъ погибло отъ кораблекрушенія, а иные погибли несчастнымъ образомъ уже по возвращеніи домой. Между тѣмъ, папа не переставалъ торопить отъѣздомъ тѣхъ, которые приняли крестъ; и въ то время, какъ христіанская армія оплакивала еще удаленіе крестоносцевъ фрисландскихъ и голландскихъ, въ лагерь при Даміеттѣ прибыли новые воины изъ Германіи, Пизы, Генуи и Венеціи; прибыли также воины изъ всѣхъ провинцій Франціи; Англія выслала въ Египетъ своихъ храбрѣйшихъ рыцарей, явившихся сюда для исполненія клятвы

Смерть Альмоадама

монарха ихъ, Генриха III. Между пилигримами, высадившимися тогда на берегахъ Нила, исторія не должна забывать кардинала Пелагія; его сопровождало множество римскихъ крестоносцевъ; онъ привезъ съ собою сокровища, собранныя съ вѣрующихъ на Западѣ и назначенныя для расходовъ на священную войну. Папа поручилъ ему вести крестовый походъ съ твердостію и не вступать въ переговоры о мирѣ иначе, какъ съ побѣжденными и подчинившимися власти римской церкви врагами. Войну съ мусульманами хотѣли вести такую же, какъ съ Греками и еретиками: хотѣли одновременно и побѣждать ихъ и обращать. Пелагій, избранный для этой миссіи, былъ человѣкъ ревностный и горячій, имѣлъ характеръ упрямый и непоколебимый. Черезъ нѣсколько дней послѣ его пріѣзда, въ день св. Діонисія, Сарацины произвели нападеніе на крестоносцевъ; новый легатъ выступилъ во главѣ христіанской арміи; онъ несъ крестъ Спасителя и вслухъ молился: «О Господи, спаси насъ и яви намъ помощь Твою, чтобы мы могли обратить этотъ жестокій и развращенный народъ!..» Побѣда осталась на сторонѣ христіанъ. Пелагій оспаривалъ командованіе арміей у короля іерусалимскаго; въ подкрѣпленіе своихъ притязаній онъ говорилъ, что крестоносцы вооружились по призыву папы римскаго и что они были воинами Церкви. Толпа пилигримовъ подчинялась его распоряженіямъ, убѣжденная, что на это была Божія воля, но притязаніе Пелагія руководить дѣйствіями возмущало рыцарей Креста и должно было привести къ бѣдственнымъ послѣдствіямъ.

Христіанская армія, не смотря на всѣ свои побѣды, оставалась на лѣвомъ берегу Нила и не могла приступить къ осадѣ Даміетты. Много разъ она дѣлала попытки переправиться черезъ рѣку, но всегда была останавливаема Сарацинами и часто повторяющимися здѣсь, въ зимнее время, бурями. Пилигримы начали наконецъ роптать на легата. «Въ этой песчаной пустынѣ, — говорили они: — что съ нами будетъ? Развѣ въ нашей странѣ не доставало могилъ?» Пелагій, до слуха котораго доходили эти жалобы, приказалъ соблюдать постъ впродолженіе трехъ дней и молиться передъ святымъ Крестомъ, чтобы Іисусъ Христосъ научилъ ихъ, какъ перебраться черезъ рѣку. Въ это самое время поднялась страшная буря и полилъ такой дождь, что нельзя было отличить рѣки отъ моря, и вода сдѣлалась вездѣ горькою; лагерь былъ затопленъ, на вопли растерявшихся христіанъ легатъ повторялъ имъ то, что Іисусъ Христосъ сказалъ Петру, когда его лодку заливало волнами: «Маловѣрные, зачѣмъ усомнились вы?» Вскорѣ вновь просіяло солнце и вода начала убывать. Крестоносцы сдѣлали новыя усилія переправиться черезъ Нилъ, но берегъ, занятый Сарацинами, оставался все-таки недоступнымъ. Христіанской арміи оставалось возложить надежду только на небесную помощь. Незадолго до празднованія памяти св. Агаѳіи, — говорится въ лѣтописи, — произошло великое чудо. Св. Георгій и многіе другіе воины небесные, облеченные въ бѣлую одежду и вооруженные, представились Сарацинамъ въ ихъ лагерѣ, и три дня сряду Сарацинамъ слышался голосъ: «Бѣгите отсюда, иначе вы погибнете!» На третій день голосъ послышался вдоль рѣки и возвѣстилъ христіанамъ: «Вотъ, Сарацины убѣгаютъ!»

Сарацины, дѣйствительно, покинули лагерь, и вотъ какъ разсказываютъ объ этомъ чудномъ событіи арабскіе историки. Между эмирами составился заговоръ противъ Малекъ-Камеля; наканунѣ того дня, когда предполагалось привести его въ исполненіе, султанъ, предупрежденный объ этомъ, вышелъ ночью изъ лагеря, а войско его, не имѣя больше вождя, разбѣжалось въ безпорядкѣ; тогда христіане могли совершить переправу черезъ Нилъ и безпрепятственно расположиться на правомъ берегу рѣки. Они раскинули лагерь подъ стѣнами Даміетты, и городъ былъ осажденъ и со стороны Нила, и со стороны суши.

Въ это самое время князья мусульманскіе рѣшились разрушить укрѣпленія и стѣны Іерусалима; они разрушили также крѣпость Ѳаворскую и всѣ укрѣпленія, которыя еще оставались у нихъ въ Палестинѣ и въ Финикіи. Всѣ сирійскія войска были призваны на защиту Египта. Прибытіе ихъ на берега Нила и сознаніе опасности, распространившееся между невѣрными, возбудило мужество Малекъ-Камеля; разбѣжавшаяся египетская армія поспѣшно возвратилась, полная рвенія и усердія, на помощь Даміеттѣ. Крестоносцамъ пришлось одновременно сражаться съ гарнизономъ крѣпости и несмѣтными толпами Сарацинъ, покрывавшихъ оба берега рѣки.

Въ Вербное воскресенье произошла битва на Нилѣ и на равнинѣ. Воины Креста, говоритъ современная исторія, вмѣсто пальмовыхъ вѣтвей держали въ рукахъ въ этотъ день обнаженные мечи и обагренныя кровью копья; пять тысячъ мусульманскихъ труповъ остались на полѣ битвы. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, въ день памяти Іоанна Крестителя, демонъ зависти и гордости предалъ христіанъ мечу ихъ враговъ. Христіанская пѣхота, постоянно сражавшаяся на приступахъ и на судахъ, жаловалась, что на нее убрушивается все бремя войны, и упрекала рыцарей за то, что они сидятъ спокойно въ лагерѣ. Рыцари же хвастались тѣмъ, что они держатъ въ страхѣ Сарацинъ, и приписывали себѣ всѣ побѣды крестоваго похода. Вспыхнула ссора, и, чтобы доказать, на чьей сторонѣ было больше храбрости,— и конница, и пѣхота поспѣшно устремились въ бой съ непріятелемъ; бились въ ожесточеніемъ, но безъ всякаго порядка; вожди, слѣдившіе за этою толпою, дѣйствовавшею безъ всякой дисциплины, не могли добиться отъ нея подчиненія своимъ распоряженіямъ; король іерусалимскій, старавшійся соединить воиновъ Креста, едва спасся отъ греческаго огня, пущеннаго въ него Сарацинами; множество христіанъ погибло отъ меча. «Это пораженіе, — говоритъ очевидецъ-историкъ: — было намъ наказаніемъ за наши грѣхи, и наказаніемъ, далеко не превышающимъ грѣхи наши.»

Весна и лѣто 1217 г. прошли въ постоянныхъ битвахъ. Христіанская армія, хотя понесла уже значительныя потери, все еще покрывала всѣ окрестности Даміетты на протяженіи болѣе десяти миль; при всякомъ новомъ приступѣ къ городу, жители зажигали огни на башнѣ, называемой Муркита, и армія султана спѣшила на помощь городу. Нѣсколько разъ христіанамъ приходилось выдерживать сильныя нападенія, но они отражали ихъ, «потому что Богъ былъ съ ними».

Съ каждымъ днемъ прибывали съ моря новые крестоносцы; получено было извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ германскаго императора, также принявшаго крестъ. Невѣрные съ трепетомъ ожидали вступленія въ борьбу съ могущественнѣйшимъ монархомъ Запада. Султанъ каирскій отправилъ, отъ имени принцевъ своей фамиліи, пословъ въ лагерь крестоносцевъ, чтобы просить ихъ о заключеніи мира; онъ возобновилъ предложеніе, сдѣланное имъ въ началѣ осады—уступить Франкамъ королевство іерусалимское и оставлялъ въ своемъ владѣніи только крѣпости Каракъ и Монреаль, за которыя онъ соглашался платить дань. Вожди крестоваго похода приступили къ обсужденію этого предложенія. Король іерусалимскій, бароны французскіе, англійскіе, германскіе находили этотъ миръ столько же выгоднымъ, сколько славнымъ; но кардиналъ Пелагій и большинство прелатовъ не раздѣляли этого мнѣнія; въ предложеніяхъ непріятеля они видѣли только новую ловушку — ради того, чтобы замедлить взятіе Даміетты и выиграть время. Для нихъ казалось постыднымъ отказываться отъ завоеванія города, противъ котораго велась осада уже впродолженіи семнадцати мѣсяцевъ и который не въ силахъ былъ оказывать дальнѣйшее сопротивленіе. Разсужденія тянулись нѣсколько дней, но не привели ни къ какому соглашенію, а между тѣмъ, какъ обѣ

стороны вели горячіе споры, враждебныя дѣйствія возобновились; тогда всѣ крестоносцы соединились, чтобы продолжать осаду Даміетты.

Въ окрестностяхъ города произошло еще нѣсколько битвъ. Назначая день общаго наступленія, готовились къ нему трехъ-дневнымъ постомъ, процессіею, за которою слѣдовали пѣшкомъ, съ босыми ногами, и молебствіями передъ Честнымъ Крестомъ. Во время битвъ трупы Сарацинъ покрывали равнину, какъ снопы покрываютъ плодородную землю во время жатвы, а невѣрные, сражавшіеся на Нилѣ, бѣдственно гибли въ волнахъ, какъ Фараоновы воины. Наконецъ, — говорится въ лѣтописи, дѣти и старики въ городѣ съ плачемъ восклицали на стѣнахъ: «О, Магометъ, зачѣмъ ты покидаешь насъ?»

Кое-какое соленое мясо, дыни, арбузы, сберегаемые въ кожаныхъ мѣшкахъ, и хлѣбы, завернутые въ саванахъ вмѣстѣ съ покойниками, которыхъ спускали по теченію Нила, были для самыхъ богатыхъ людей послѣднею поддержкою противъ голода. Многіе мусульманскіе воины, пытавшіеся проникнуть въ крѣпость, погибли подъ ударами христіанъ. Крестоносцы ловили сѣтями и предавали смерти пловцовъ, которые, ныряя подъ водою, добирались до города съ какими-нибудь порученіями; всякое сообщеніе между крѣпостію и мусульманскою арміею было прервано; ни султану каирскому, ни крестоносцамъ не могло быть извѣстно, что дѣлалось въ осажденномъ городѣ, гдѣ царствовало молчаніе смерти и который, по выраженію одного арабскаго писателя, былъ уже ничто иное, какъ закрытая могила.

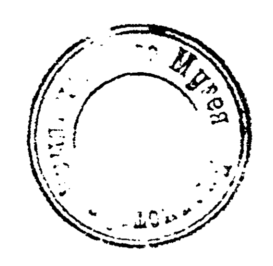
Кардиналъ Пелагій, проповѣдывавшій на совѣтѣ вождей войну, ревностно слѣдилъ за ея продолженіемъ; безпрерывно воодушевлялъ онъ крестоносцевъ своими рѣчами; въ лагерѣ ежедневно совершались имъ молебствія Богу браней. Дѣйствуя то обѣщаніями, то угрозами Церкви, онъ имѣлъ индульгенціи для случаевъ опасности, индульгенціи по поводу бѣдствій, которыя терпѣли пилигримы, и всѣхъ трудовъ, которые онъ возлагалъ на нихъ. Никто и не помышлялъ теперь покидать знамена креста; воины и вожди только и дышали битвами. Въ первые дни ноября герольды объѣзжали лагерь, повторяя громогласно: «Во имя Господа и Богородицы, мы идемъ на приступъ Даміетты; съ помощію Божіею мы ее возьмемъ.» И вся армія отвѣчала: «Да будетъ воля Божія!» Пелагій проходилъ по рядамъ, обѣщая побѣду пилигримамъ. Для рѣшительнаго нападенія онъ разсудилъ воспользоваться темнотою ночи, и въ глубокую ночь былъ поданъ сигналъ. Бушевала сильная гроза; подъ укрѣпленіями и въ городѣ все было тихо. Крестоносцы въ молчаніи взобрались на стѣны и убили нѣсколькихъ Сарацинъ, которыхъ нашли тамъ. Овладѣвъ башнею, они призвали на помощь тѣхъ, которые слѣдовали за ними, и, не встрѣчая нигдѣ враговъ, начали пѣть: «Киріе, элейсонъ!» Армія, выстроенная въ боевомъ порядкѣ у подножія укрѣпленій, отозвалась словами: Gloria in excelsis. Немедленно выломаны были двое городскихъ воротъ, чрезъ которыя открылся свободный проходъ осаждающей арміи. Впродолженіи этого времени кардиналъ Пелагій, окруженный епископами, воспѣвалъ побѣдный гимнъ: Te Deum laudamus!

На разсвѣтѣ дня воины Креста, съ мечами въ рукахъ, двинулись преслѣдовать невѣрныхъ въ ихъ послѣднихъ убѣжищахъ; но когда они вошли въ городъ, представившееся имъ страшное зрѣлище поразило ихъ ужасомъ и заставило даже сначала отступить: городскія площади, дома, мечети были завалены трупами. При началѣ осады, въ Даміеттѣ насчитывалось до семидесяти тысячъ жителей, теперь же оставалось едва три тысячи, да и тѣ были еле живы и бродили, какъ блѣдныя тѣни въ громадной могилѣ.

Въ городѣ была знаменитая мечеть, украшенная шестью обширными галлереями и полуто-

растами мраморными колоннами и увѣнчанная башнею. Эта мечеть была посвящена Богородицѣ. Вся христіанская армія собралась въ мечети, чтобы принести благодареніе Богу за торжество, дарованное оружію пилигримовъ. На другой день бароны и прелаты снова собрались здѣсь, для совѣщанія о новомъ своемъ завоеваніи, и единодушно рѣшили предоставить городъ Даміетту — королю іерусалимскому.

ГЛАВА XXVI.

Крестоносцы остаются въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Даміеттѣ. — Выступленіе къ Каиру. — Крестоносцы остановлены въ Манзурахѣ. — У нихъ прерваны всѣ сообщенія. — Христіанская армія подвергается голоду и сдается на капитуляцію мусульманамъ.

(Отъ 1218 до 1219 г.).

Крѣпость Танисъ, выстроенная посреди озера Мензалехъ, была покинута защитниками, и христіане безъ битвы овладѣли ею. Судьба, казалось, доставляла крестоносцамъ благопріятный случай для покоренія Египта; все обращалось въ бѣгство при ихъ приближеніи. Нилъ, вошедшій въ свое русло, не затоплялъ больше своихъ береговъ; пути къ Каиру были открыты для христіанъ. Къ несчастію, раздоры, возникшіе между побѣдителями, задерживали ихъ въ бездѣйствіи: Пелагій распоряжался въ лагерѣ, какъ хозяинъ; іерусалимскій король, не будучи въ состояніи переносить его первенства, удалился въ Птолемаиду. Между тѣмъ, каждый день прибывали новые пилигримы; герцогъ баварскій и четыреста бароновъ и рыцарей германскихъ, посланныхъ Фридрихомъ II, высадились на берега Нила; прелаты и архіепископы привезли съ собою множество крестоносцевъ изъ всѣхъ провинцій Германіи, Франціи и Италіи; папа прислалъ своему легату продовольствіе для арміи и значительную сумму денегъ, частію изъ своей казны, частію — пожертвованныхъ вѣрующими. Всѣ эти пособія внушили Пелагію мысль довершить свои завоеванія; онъ рѣшился идти на столицу Египта. Его воинственное рѣшеніе не встрѣтило сопротивленія въ духовенствѣ, но рыцари и бароны отказались слѣдовать за нимъ, и такъ какъ причиною своего отказа они выставляли отсутствіе короля іерусалимскаго, то прелатъ вынужденъ былъ послать депутатовъ къ Іоанну Бріеннскому, чтобы просить его возвратиться въ армію.

Крестоносцы потеряли такимъ образомъ нѣсколько мѣсяцевъ. Мусульмане ободрились, а Нилъ началъ выступать изъ своихъ береговъ; султанъ каирскій удалился съ своими войсками за каналъ Ашмонскій, въ двѣнадцати лье отъ Даміетты и въ пятнадцати отъ столицы. Здѣсь онъ ежедневно принималъ подъ свои знамена воиновъ, собиравшихся изо всѣхъ странъ мусульманскихъ. Въ своемъ лагерѣ онъ велѣлъ выстроить дворецъ, окруженный стѣнами; тутъ выстроены были также дома, бани, лавки; лагерь султана превратился въ городъ, названный Манзурахъ (побѣдоносный); кото-

рому суждено было прославиться въ исторіи пораженіемъ при немъ и уничтоженіемъ многихъ христіанскихъ армій.

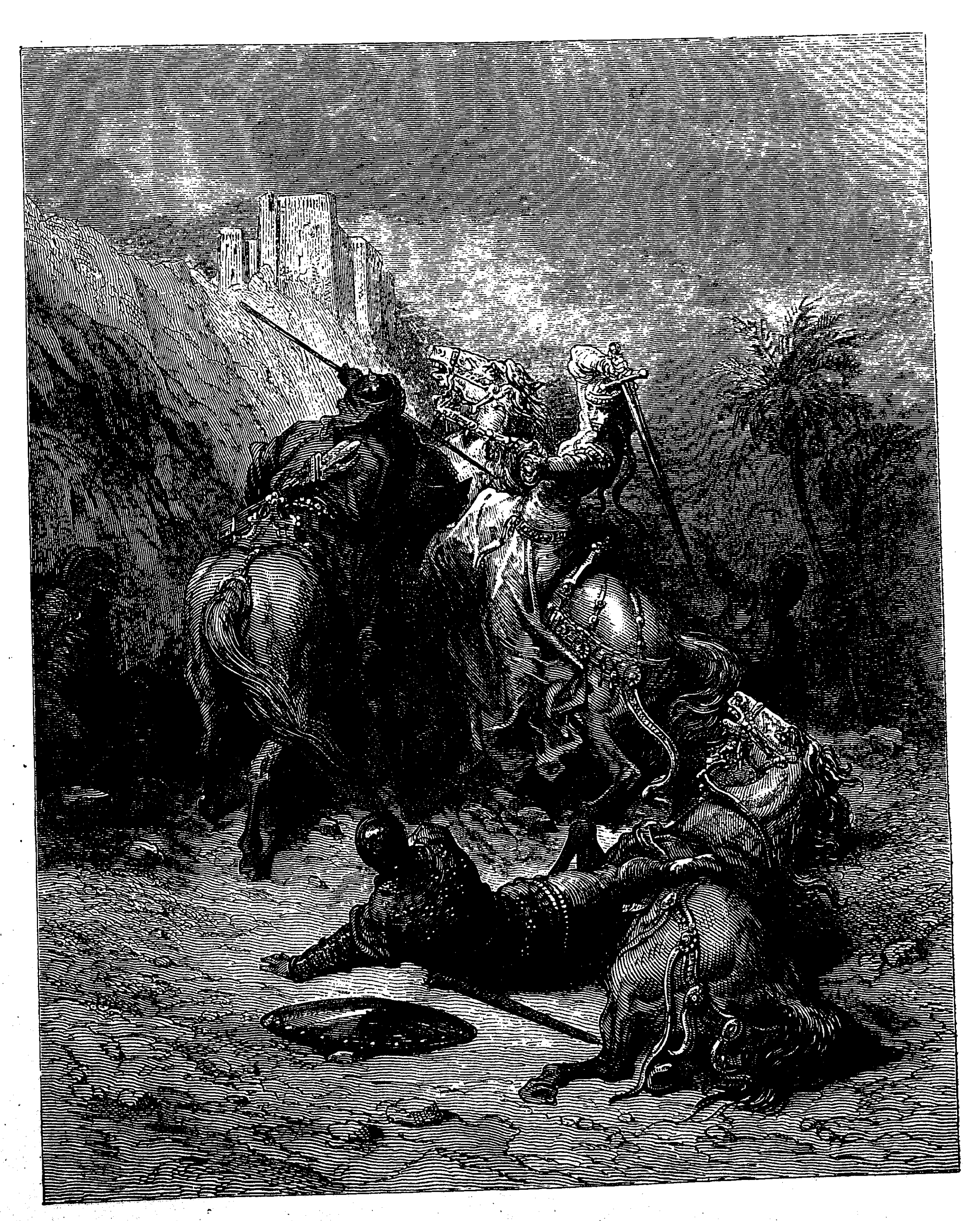
По возвращеніи Іоанна Бріеннскаго въ христіанскій лагерь, начались совѣщанія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Папскій легатъ первый высказалъ свое мнѣніе и предложилъ идти на столицу Египта. Взоры всего христіанскаго міра были обращены на крестоносцевъ; отъ нихъ ожидали не только освобожденія Святыхъ Мѣстъ, но и покоренія и уничтоженія всѣхъ народовъ, которые осквернили своимъ владычествомъ городъ Іисуса Христа. Епископы, прелаты, большая часть духовныхъ лицъ, Тампліеры апплодировали рѣчамъ легата. Іерусалимскій король, не раздѣлявшій мнѣнія Пелагія, возразилъ ему, что предполагаемая экспедиція могла быть успѣшною три мѣсяца тому назадъ, но что она имѣетъ меньше вѣроятностей на успѣхъ съ тѣхъ поръ, какъ началось разлитіе Нила; онъ прибавилъ, что, выступивъ противъ Каира, придется имѣть дѣло не съ одной арміей, но съ цѣлымъ народомъ, доведеннымъ до отчаянія. Такое возраженіе іерусалимскаго короля раздражило Пелагія, и онъ съ горечью выразился противъ тѣхъ, которые имѣютъ въ виду опасности, а не славу предпріятія, которые расположены болѣе къ разсужденіямъ, чѣмъ къ битвамъ. Прелатъ и его сторонники представили на видъ, сверхъ того, что верховный первосвященникъ запретилъ мириться съ невѣрными безъ его согласія; наконецъ, тѣ, кто противился походу на Каиръ, были устрашены отлученіемъ отъ церкви. Совѣтъ утвердилъ мнѣніе Пелагія.

Христіанская армія соединилась въ Фарескурѣ, расположенномъ въ четырехъ лье отъ Даміетты, и двинулась по лѣвому берегу Нила. Многочисленный флотъ, нагруженный продовольствіемъ, оружіемъ и боевыми машинами, подымался въ то же время по рѣкѣ. Не встрѣтивъ ни препятствій, ни непріятеля, крестоносцы прибыли къ тому мѣсту, гдѣ каналъ Ашмонскій отдѣляется отъ Нила. Лагерь Сарацинъ былъ раскинутъ на противоположномъ берегу канала, по равнинѣ и въ городѣ Манзурахѣ.

Уныніе охватило всѣ провинціи Египта; весь народъ взялся за оружіе, въ городахъ оставались только женщины и дѣти. Чтобы изобразить возбужденіе умовъ и состояніе египетскаго населенія, писатель арабскій ограничивается сообщеніемъ, что Нилъ тогда разливался, и никто не обращалъ на это никакого вниманія. Жители Сиріи и Египта, сбѣжавшіеся со всѣхъ сторонъ въ лагерь султана каирскаго, не содѣйствовали его успокоенію; онъ возобновилъ предложенія мира, дѣланныя уже имъ много разъ; онъ предлагалъ крестоносцамъ, если они оставятъ Даміетту, возвратить имъ Іерусалимъ и всѣ города Палестины, завоеванные Саладиномъ; онъ соглашался даже уплатить имъ триста тысячъ золотою монетою, чтобы они могли возобновить укрѣпленія священнаго города. Іерусалимскій король и бароны выслушали съ радостію эти предложенія и безъ всякаго колебанія готовы были принять ихъ; но они больше не пользовались никакимъ вліяніемъ ни въ арміи, ни въ совѣтѣ, и кардиналъ Пелагій, которому никто не сопротивлялся, настаивалъ на томъ, что слѣдуетъ воспользоваться паникою мусульманъ, и что настала минута — уничтожить исламизмъ.

Между тѣмъ какъ шли эти разсужденія и переговоры, и крестоносцы отказывались отъ выгоднаго мира, въ Манзурахъ ежедневно прибывали новые отряды, подвозилось продовольствіе и оружіе; мусульмане ободрились. Крестоносцы, остановленные Ашмонскимъ каналомъ, принуждены были укрѣпить свой лагерь противъ нападеній непріятеля. Продовольствіе, привезенное ими съ собою, начало вскорѣ истощаться; мусульманскія суда, вошедшія въ Нилъ черезъ одинъ изъ рукавовъ дельты, стали противъ Барамонта, въ четырехъ лье ниже отъ Манзураха.

Съ этого времени прервано было всякое сообщеніе христіанской арміи съ Даміеттой. Кре-

Героиня

стоносцамъ, терпѣвшимъ уже нужду въ продовольствіи и не бывшимъ въ состояніи двинуться впередъ, оставалось только поспѣшно отступить. По приказанію султана всѣ шлюзы были подняты на восточномъ берегу рѣки; въ то же время вся мусульманская армія переправилась черезъ Ашмонскій каналъ, и крестоносцевъ начали преслѣдовать заразъ — разлившіяся воды, многочисленные враги и голодъ. Вожди, отказавшіеся возвратить Даміетту въ обмѣнъ на іерусалимское королевство, предложили теперь возвратить ее ради спасенія своей арміи. Когда мусульманскіе князья обсуждали на совѣтѣ послѣднія предложенія христіанъ, то многіе изъ нихъ были того мнѣнія, что не слѣдуетъ щадить Франковъ, и что нужно покончить войну однимъ ударомъ. Каирскій султанъ, болѣе умѣренный, чѣмъ другіе, отвѣчалъ, что побѣжденные Франки не составляютъ всей христіанской арміи и что могутъ прибыть новыя арміи съ Запада. Переговоры продолжались нѣсколько дней; наконецъ, 13-го сентября, — говоритъ Оливьеръ Схоластикъ, — капитуляція была принята, «крестоносцы протянули руку Египтянину и Сиріянину, чтобы получить отъ него хлѣба и свободу уйти изъ Египта.» Итакъ, рѣшено было возвратить Даміетту султану каирскому, и сверхъ того заключить съ нимъ перемиріе на восемь лѣтъ. Обѣ стороны обмѣнялись заложниками; султанъ отдалъ своего собственнаго сына. Современная исторія не упоминаетъ болѣе о кардиналѣ Пелагіѣ кромѣ того, что онъ вмѣстѣ съ королемъ іерусалимскимъ и герцогомъ баварскимъ были отданы заложниками со стороны христіанъ.

Эта экспедиція, отъ которой ожидали завоеванія Египта и всего Востока, привела только къ тому, что началось преслѣдованіе мѣстныхъ христіанъ; всѣ послѣдователи Христа, жившіе по берегамъ Нила, лишились имущества, свободы, а многіе изъ нихъ и самой жизни; раздраженный фанатизмъ мусульманъ уничтожилъ повсюду христіанскіе храмы. Въ Птолемаидѣ же и во всѣхъ колоніяхъ Франковъ въ Сиріи всѣ ожидали своего возвращенія въ Іерусалимъ и въ прочіе города, завоеванные Саладиномъ. Каково же было отчаяніе христіанъ, когда они узнали, что армія, недавно побѣдоносная, со всѣми ея вождями и съ государемъ священнаго города должна была капитулировать передъ Сарацинами.

Кефръ-этъ-Туръ, селеніе на вершинѣ Масличной горы.

ГЛАВА XXVII.

Продолженіе крестоваго похода. — Приготовленія Фридриха II къ священной войнѣ; отъѣздъ его; отлученный отъ церкви за свое возвращеніе, онъ уѣзжаетъ во второй разъ.—Договоръ, по которому Іерусалимъ переходитъ къ христіанамъ.—Различныя сужденія о завоеваніи Іерусалима.

(Отъ 1228 до 1229 г.).

Во время этого крестоваго похода въ Сиріи и въ Египтѣ перебывало нѣсколько большихъ армій съ Запада. Но всѣ эти арміи ничего не сдѣлали ни для освобожденія Іерусалима, ни для спасенія христіанскихъ колоній. Іоаннъ Бріеннскій, возвратясь изъ Птолемаиды, увидѣлъ во-

ругъ себя только трепещущій и упавшій духомъ народъ; разоренный издержками, сдѣланными имъ во время послѣдней экспедиціи, не имѣя никакихъ средствъ защищать остатки своего слабаго королевства, онъ вознамѣрился отправиться за-море, чтобы лично ходатайствовать о доставленіи ему оружія и помощи со стороны христіанскихъ государей.

Папа принялъ короля іерусалимскаго съ большимъ почетомъ; во всѣхъ городахъ принимали короля въ процессіи и съ колокольнымъ звономъ; при дворахъ государей относились съ благоговѣніемъ къ охранителю государства Іисуса Христа. При всемъ этомъ представлялось вѣрующимъ и воспоминаніе о несчастной египетской экспедиціи и охлаждало рвеніе и энтузіазмъ ихъ къ заморскимъ войнамъ.

Самъ императоръ германскій, Фридрихъ II, который принялъ крестъ и отправилъ уже много рыцарей на помощь христіанамъ св. Земли, колебался ѣхать на Востокъ. Западъ, казалось, ожидалъ примѣра со стороны могущественнаго монарха, и папа не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы ускорить его отъѣздъ. Чтобы заинтересовать Фридриха крестовымъ походомъ, глава Церкви придумалъ предложить ему королевство на Востокѣ и женить его на Іолантѣ, дочери и наслѣдницѣ короля іерусалимскаго. Эта свадьба была отпразднована въ Римѣ, при благословеніяхъ духовенства и вѣрнаго народа. Фридрихъ возобновилъ при этомъ случаѣ клятву—вести свою армію за-море; посланные императора присоединились къ папскимъ легатамъ, съ цѣлію убѣждать князей и рыцарей принять крестъ; зять и наслѣдникъ короля іерусалимскаго выказалъ такую дѣятельность и такъ много рвенія и усердія, что обратилъ на себя вниманіе всего христіанскаго міра, и его начали почитать душою и двигателемъ священнаго предпріятія. Палестинскіе христіане возложили послѣднія надежды свои на Фридриха; съ Востока писали ему, что ожидаютъ его на берегахъ Нила и Іордана, «какъ нѣкогда ожидали Мессію или Спасителя міра». Слухи о приготовленіяхъ къ священной войнѣ дошли даже до отдаленной Грузіи, и царица этой страны увѣдомляла, что и она отправитъ своихъ лучшихъ воиновъ въ Палестину, для присоединенія къ воинамъ Креста, ожидаемымъ съ Запада.

Проповѣдываніе крестоваго похода продолжалось во всѣхъ христіанскихъ государствахъ. Хотя Франція была занята войною съ Альбигойцами и король Людовикъ VII находился въ распрѣ съ Генрихомъ III, во всѣхъ провинціяхъ Франціи народъ поклялся идти биться съ невѣрными заморемъ; такое же рвеніе выказалъ народъ и въ Англіи, гдѣ разныя небесныя явленія, принятыя народомъ за чудесныя знаменія, содѣйствовали успѣху краснорѣчія духовныхъ ораторовъ. Лучшія провинціи Италіи, хотя и находившіяся въ то время подъ вліяніемъ инаго энтузіазма — не крестовыхъ походовъ, а свободы, — тѣмъ не менѣе выставили многочисленныхъ воиновъ въ армію Іисуса Христа. Въ Германіи — ландграфъ Тюрингскій и герцоги Австрійскій и Баварскій приняли крестъ и примѣръ ихъ увлекъ высшее сословіе и народъ. Всѣ крестоносцы должны были соединиться въ Бриндизи, гдѣ ожидалъ ихъ флотъ, готовый къ отплытію на Востокъ.

Однако же Фридрихъ не безъ страха смотрѣлъ на участь своего владычества въ Италіи: онъ опасался намѣреній ломбардскихъ республикъ и даже римскаго двора, который съ безпокойствомъ смотрѣлъ на Германцевъ, занимающихъ сицилійскій тронъ; онъ попросилъ у папы позволенія отложить на два года исполненіе своего обѣта; папа съ трудомъ согласился на это. Еще одно обстоятельство содѣйствовало нарушенію согласія, существовавшаго между вождями священной войны. Между Фридрихомъ и королемъ Іоанномъ возникли сильные споры; папа Гонорій III употребилъ всѣ усилія, чтобы возстановить миръ и согласіе и уничтожить всѣ препятствія,

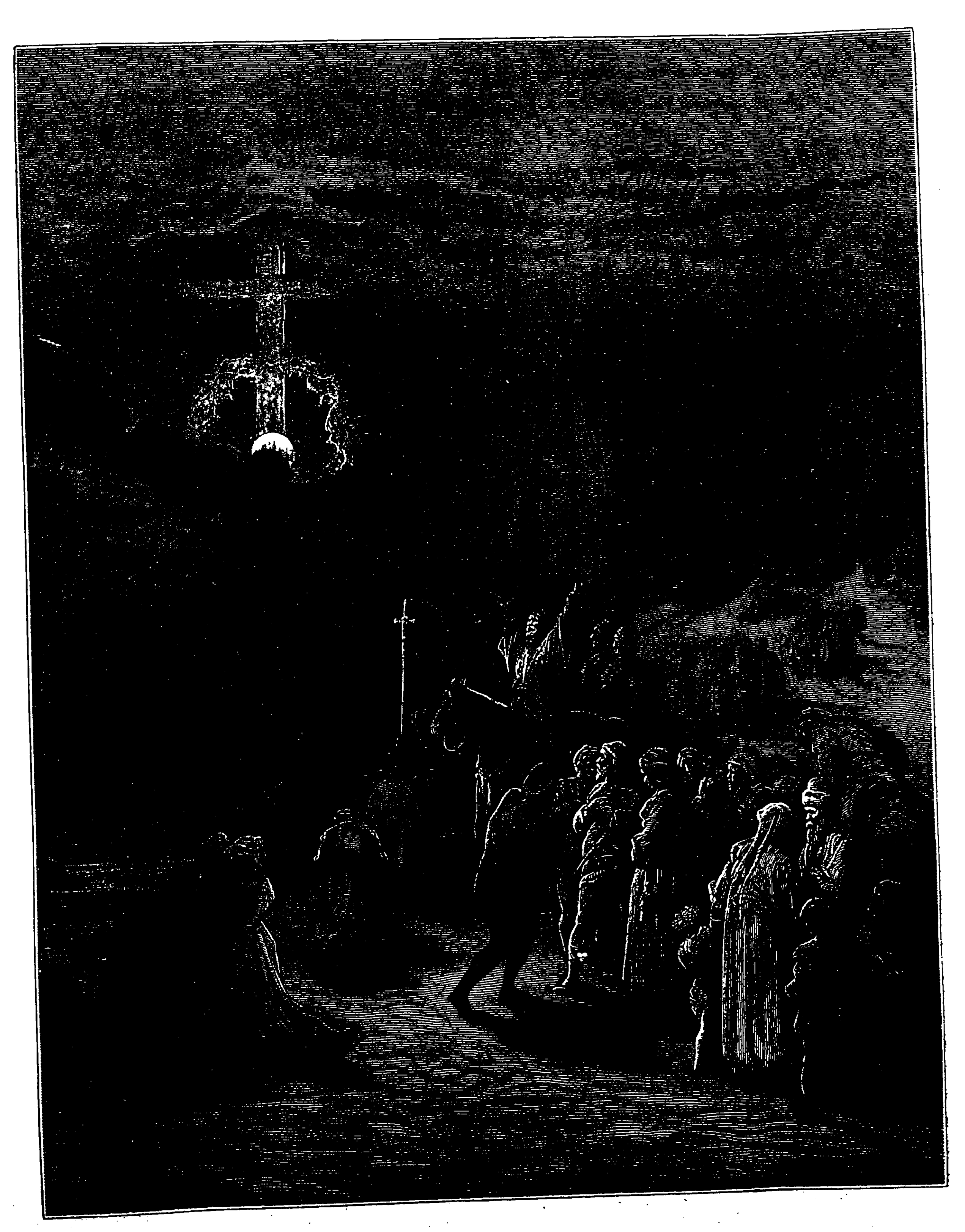
представлявшіяся къ отъѣзду крестоносцевъ; но первосвященникъ умеръ, не дождавшись начала войны, знамя которой онъ поднялъ и на которую онъ смотрѣлъ, какъ на славу своего царствованія. Преемникъ его, Григорій IX, обладалъ такою же твердостью и добродѣтелью, и былъ такъ же дѣятеленъ, какъ и Иннокентій III. Какъ только онъ возложилъ на себя тіару, то всѣ свои мысли сосредоточилъ на крестовомъ походѣ. Отсрочка, данная Фридриху, теперь кончилась, и пилигримы, прибывшіе изъ различныхъ мѣстностей Европы, собрались въ Бриндизи.

Папа, именемъ Іисуса Христа, увѣщевалъ императора ускорить свой отъѣздъ; каждый день прибывали изъ-за моря христіане, чтобы умолять вѣрующихъ о помощи. Европа, казалось, съ нетерпѣніемъ ожидала отъѣзда крестоносцевъ. Наконецъ, Фридрихъ, не смѣя больше откладывать, подалъ сигналъ къ отъѣзду; во всей его имперіи начались молебствія объ успѣхѣ его благочестиваго странствія. Но армія, которою онъ предводительствовалъ, подверглась эпидемическимъ болѣзнямъ и самъ онъ, казалось, не былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи. Едва только вышелъ флотъ изъ порта Бриндизи, какъ былъ разсѣянъ сильною бурею; императоръ заболѣлъ и, опасаясь за свою жизнь и, можетъ быть, также за имперію и королевство Сицилію, вдругъ отказался отъ своего отдаленнаго предпріятія и высадился на берегъ въ портѣ Отрантскомъ.

Григорій отпраздновалъ отъѣздъ Фридриха, какъ торжество Церкви, на возвращеніе же его онъ взглянулъ, какъ на возмущеніе противъ святаго престола. Императоръ отправилъ къ папѣ пословъ, чтобы оправдать передъ нимъ свой образъ дѣйствій. Папа отвѣчалъ ему проклятіями, онъ обратился ко всѣмъ вѣрующимъ и представилъ имъ Фридриха, какъ государя безбожнаго и клятвопреступника. Въ защитительномъ словѣ, обращенномъ ко всѣмъ христіанскимъ государямъ, раздраженный императоръ жаловался на превышеніе власти святымъ престоломъ и выставлялъ въ самомъ недостойномъ видѣ политику и намѣренія римскаго двора.

До сихъ поръ вниманіе всей Европы было обращено на приготовленія къ крестовому походу; теперь другое зрѣлище должно было представиться ея взорамъ, — печальное зрѣлище открытой войны между главою Церкви и главою христіанской имперіи. Фридрихъ, чтобы отомстить за отлученіе отъ Церкви, которому онъ подвергся, привлекъ на свою сторону все римское высшее сословіе, которое вооружилось, нанесло оскорбленія папѣ у подножія алтаря и принудило его бѣжать; изгнанный изъ Рима, папа употребилъ противъ своего врага страшную власть вселенской Церкви и освободилъ подданныхъ императора отъ присяги. Это возмущеніе Фридриха противъ Церкви повергло въ глубокое уныніе весь христіанскій міръ и въ особенности восточныхъ христіанъ, которые лишались такимъ образомъ всякой надежды на помощь. Патріархъ іерусалимскій, епископы кесарійскій, виѳлеемскій, великіе магистры орденовъ св. Храма, св. Іоанна и Тевтонскаго, обратились съ своими соболѣзнованіями къ святому отцу: Григорій снова обратился къ вѣрующимъ съ увѣщаніемъ — оказать помощь ихъ братіямъ въ св. Землѣ, но все христіанское общество, погруженное въ печаль и уныніе, казалось, забыло объ Іерусалимѣ,

Христіанскія колоніи, предоставленныя самимъ себѣ, преданныя на жертву всевозможнымъ бѣдствіямъ, дошли-бы тогда до окончательнаго паденія, еслибы Господь не допустилъ раздоровъ между мусульманскими князьями. Потомки Саладина и Малекъ-Аделя оспаривали другъ у друга обладаніе Сиріею и Египтомъ. Дѣло дошло до того, что султанъ каирскій рѣшился отправить пословъ къ Фридриху и просить его союза и помощи; султанъ приглашалъ императора германскаго прибыть на Востокъ и обѣщалъ отдать ему Іерусалимъ. Это обстоятельство побудило Фридриха рѣшиться на продолженіе крестоваго похода. Въ присутствіи народа сицилійскаго онъ

Явленія на небѣ

появился въ облаченіи пилигрима-крестоносца и, не обращаясь къ разрѣшенію святаго престола, не призывая имени Іисуса Христа, объявилъ самъ о своемъ отъѣздѣ въ Сирію.

Когда Фридрихъ пріѣхалъ въ Палестину, христіане приняли его не какъ освободителя, но какъ государя, котораго Богъ послалъ имъ во гнѣвѣ Своемъ. Напрасно обѣщалъ онъ имъ освобожденіе Гроба Господня,—христіанскій народъ отвѣчалъ на это мертвымъ молчаніемъ; на всѣхъ лицахъ выражались печаль и недовѣріе, и не оглашались церкви молебствіями о дарованіи побѣды христіанскому оружію. Когда Фридрихъ выступилъ во главѣ крестоносцевъ изъ Птолемаиды, Іоанниты и Тампліеры отдѣлились отъ него и слѣдовали за нимъ издали; воины Креста едва осмѣливались произносить имя своего вождя. Фридрихъ вынужденъ былъ убрать знамя имперіи, и приказы его провозглашались только отъ имени христіанской республики. Султанъ каирскій, который обѣщалъ императору предать ему Іерусалимъ, удерживаемый страхомъ другихъ князей мусульманскихъ, а можетъ быть и надеждою воспользоваться несогласіями, возникшими между Франками, сначала колебался и медлилъ исполненіемъ своего обѣщанія. Это происходило въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Переговоры длились всю зиму, и любопытное зрѣлище представляли эти переговоры между двумя государями, въ равной мѣрѣ подозрительными въ глазахъ тѣхъ, чье дѣло они защищали, и спорящими изъ-за города, къ обладанію которымъ они были равнодушны. Для султана каирскаго въ Іерусалимѣ ничего не было, кромѣ разрушенныхъ церквей и домовъ, а Фридрихъ постоянно повторялъ, что если онъ желаетъ водрузить свое знамя на Голгоѳѣ, то только ради того, «чтобы пріобрѣсти уваженіе Франковъ и приподнять свою голову надъ государями христіанскаго міра». Однакоже заключено было перемиріе на десять лѣтъ, пять мѣсяцевъ и сорокъ дней; Малекъ-Камель предоставлялъ Фридриху священный городъ, Виѳлеемъ и всѣ селенія, расположенныя по дорогѣ въ Яффу и Птолемаиду. По условіямъ договора мусульмане сохранили за собою въ священномъ городѣ Омарову мечеть и право свободно отправлять свое богослуженіе. Узнавъ объ условіяхъ перемирія, Сарацины, жившіе въ Іерусалимѣ, покинули со слезами свои жилища и прокляли египетскаго султана; христіане же сокрушались объ освобожденіи города, какъ сокрушались они въ прежнія времена объ его плѣненіи. Епископъ кесарійскій наложилъ интердиктъ на возвратившіяся во владѣніе христіанъ св. мѣста, а патріархъ іудейскій отказалъ пилигримамъ въ позволеніи посѣщать Гробъ Господень. Никто не сопровождалъ императора при вступленіи его въ Іерусалимъ, кромѣ бароновъ нѣмецкихъ и рыцарей Тевтонскаго ордена. Храмъ Воскресенія Христова, въ которомъ онъ пожелалъ короноваться, былъ обтянутъ траурной матеріей; иконы святыхъ и апостоловъ были также завѣшены. Фридрихъ взялъ вѣнецъ и самъ возложилъ его себѣ на голову, и былъ провозглашенъ королемъ іерусалимскимъ безъ всякихъ религіозныхъ церемоній.

Императоръ пробылъ только два дня въ священномъ городѣ и не позаботился даже о возстановленіи его укрѣпленій. Онъ возвратился въ Птолемаиду, гдѣ встрѣтилъ только возмущенныхъ подданныхъ и христіанъ, стыдящихся его побѣдъ надъ невѣрными. Послѣ своего коронованія онъ написалъ папѣ и всѣмъ западнымъ государямъ, что онъ вновь завоевалъ Іерусалимъ безъ пролитія крови и благодаря чудесному содѣйствію Божественнаго могущества. Въ то же время патріархъ обращался письменно къ Григорію IX и ко всѣмъ вѣрнымъ христіанамъ, съ цѣлію обличить нечестіе и позоръ договора, только-что заключеннаго нѣмецкимъ императоромъ. По возвращеніи въ Италію, Фридриху пришлось усмирять возставшія противъ него ломбардскія республики и вести войну противъ тестя своего, Іоанна Бріеннскаго, вступившаго въ Апулію во главѣ папскихъ войскъ.

Одного присутствія императора было достаточно, чтобы разсѣять всѣхъ его враговъ. Однакоже, Фридриху становилось трудно продолжать долѣе борьбу съ главою Церкви; онъ обратился со смиреніемъ къ милосердію верховнаго первосвященника, и, тронутый мольбами побѣдоноснаго монарха, папа даровалъ ему миръ и призналъ его королемъ іерусалимскимъ.

Эта экспедиція Фридриха II содѣйствовала, безъ сомнѣнія, къ ослабленію энтузіазма священныхъ войнъ. Жестокія распри между папскимъ престоломъ и имперіею, примѣшивавшіяся такимъ образомъ къ крестовымъ походамъ, должны были умалить въ представленіи вѣрующихъ все, что въ этихъ войнахъ было высокаго и святаго.

ГЛАВА XXVIII.

Конецъ шестаго крестоваго похода. — Экспедиція Тибо графа Шампаньскаго, герцога Бретанскаго и многихъ другихъ знатныхъ владѣтелей французскихъ.

(Отъ 1238 до 1240 г.).

Іерусалимъ былъ возвращенъ христіанамъ, но оставался безъ укрѣпленій; ему постоянно приходилось опасаться нападеній мусульманъ. Обитатели св. Земли жили въ безпрерывной тревогѣ, никто больше не осмѣливался посѣщать св. мѣста; болѣе десяти тысячъ пилигримовъ были умерщвлены въ іудейскихъ горахъ. На соборѣ, созванномъ папою въ Сполетѣ, вновь послышались стоны Сіона. Соборъ этотъ, на которомъ присутствовалъ Фридрихъ съ патріархами константинопольскимъ и іерусалимскимъ, постановилъ продолжать войну съ невѣрными и идти на помощь христіанскимъ колоніямъ на Востокѣ. Въ ожиданіи, пока соберутся арміи, папа послалъ за-море нѣсколькихъ миссіонеровъ — сражаться, мечемъ слова, съ учителями и послѣдователями исламизма; въ то же время Григорій обратился съ посланіями къ калифу багдадскому, къ султанамъ каирскому и дамасскому и ко многимъ князьямъ мусульманскимъ — убѣждая ихъ принять христіанскую вѣру или, по крайней мѣрѣ, покровительствовать христіанамъ. Такой способъ борьбы съ исламизмомъ былъ нѣчто новое въ священныхъ войнахъ; мысль о немъ явилась во время борьбы съ Альбигойцами и сѣверными язычниками, гдѣ миссіонеры почти всегда предшествовали воинамъ Креста.

Монахамъ доминиканскаго и францисканскаго орденовъ было поручено проповѣдывать священную войну всему христіанскому міру; они были уполномочены не только раздавать кресты пилигримамъ, но и освобождать отъ пилигримства тѣхъ, кто обязывался доставлять содержаніе крестоносцамъ. Вездѣ духовенство встрѣчало ихъ въ процессіи, съ хоругвями и самыми лучшими церковными украшеніями. Присутствующимъ на ихъ проповѣдяхъ выдавались индульгенціи, дѣйствіе которыхъ простиралось на нѣсколько дней; именемъ святаго престола они требовали, чтобы каждый вѣрующій вносилъ еженедѣльную подать на расходы для крестоваго похода. Они имѣли въ своемъ распоряженіи духовныя сокровища для всѣхъ, кто служилъ священному предпріятію, и — проклятія тѣмъ, кто измѣнялъ дѣлу Господа Бога или оставался равнодушнымъ къ нему.

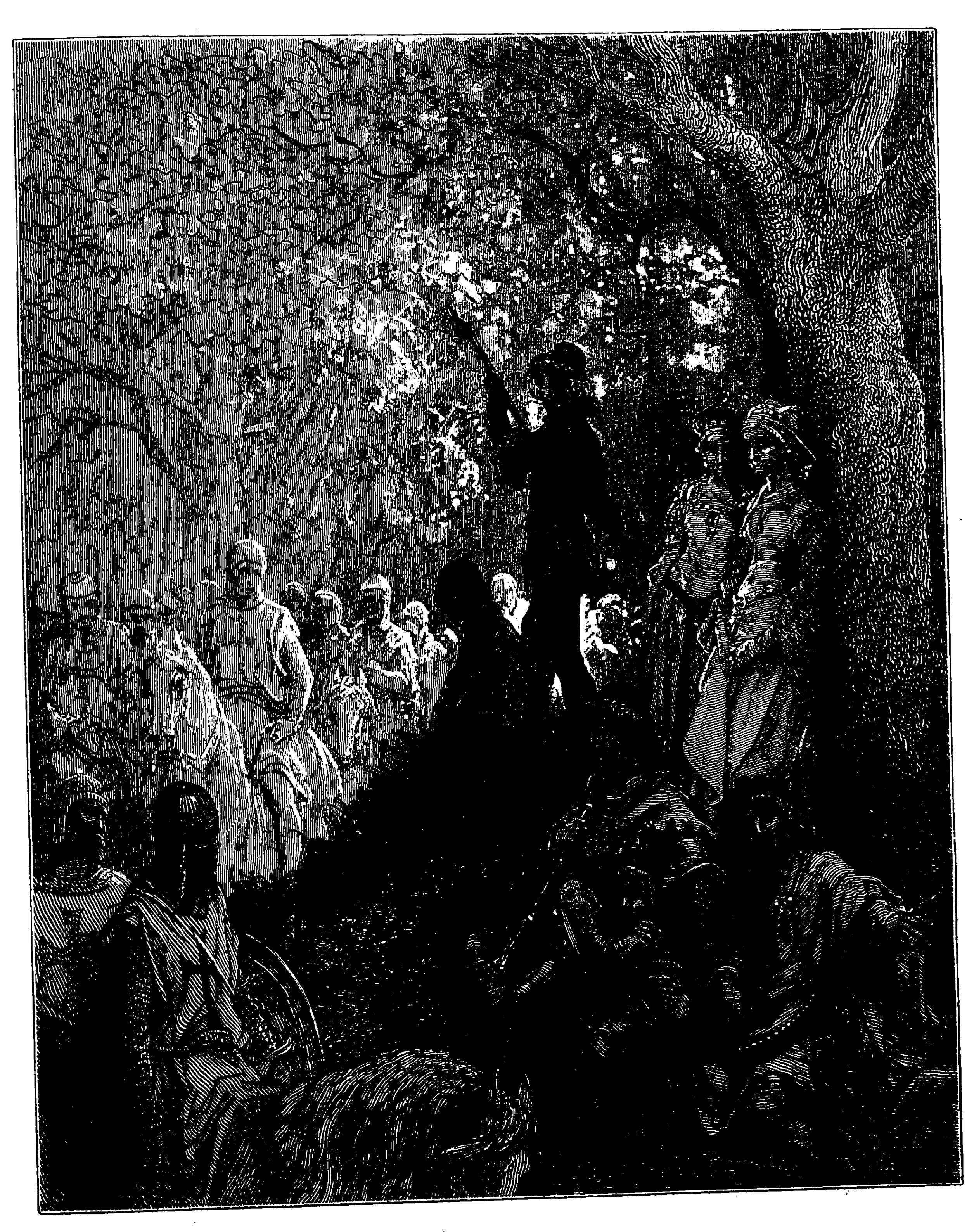
Всѣ эти средства, увѣщанія папы, имя Іерусалима, такъ могущественно дѣйствовавшія въ прежнія времена, не могли больше возбуждать энтузіазмъ народовъ, и дѣло этого крестоваго похода не двинулось бы дальше напраснаго проповѣдыванія его, еслибы нѣсколькимъ знатнымъ вассаламъ королевства Французскаго, возставшимъ противъ королевской власти и побѣжденнымъ

ею, не пришла мысль искупить посредствомъ священной войны преступленія междоусобной войны. Тибо графъ Шампаньскій и король Наваррскій, герцогъ Бретанскій, Петръ Моклеркъ приняли крестъ; по ихъ примѣру, графы Барскій, Форезскій, Маконскій, де-Жуаньи, Неверскій, Амори, сынъ Симона Монфортскаго, Андрей Витрейскій, Готтфридъ Ансенисскій, множество бароновъ и знатныхъ владѣтелей дали клятву отправиться на войну съ невѣрными въ Азіи. Тогда созванъ былъ въ Турѣ соборъ, — не для возбужденія усердія вѣрующихъ, но для обсужденія различныхъ вопросовъ, касающихся этого крестоваго похода. Въ прежнихъ экспедиціяхъ въ ряды воиновъ Іисуса Христа становились и воры, и разбойники, и такое чудо служило какъ бы въ назиданіе всѣмъ вѣрующимъ. Мнѣнія въ этомъ отношеніи измѣнились теперь, и соборъ, чтобы не вводить въ соблазнъ рыцарей Креста, былъ принужденъ постановить, чтобы великіе преступники не были принимаемы въ армію пилигримовъ. По причинѣ дурнаго обхожденія съ Іудеями, турскій соборъ оградилъ ихъ жизнь и имущество особеннымъ покровительствомъ Церкви.

Когда новые крестоносцы готовились къ отправленію въ Палестину, константинопольскіе Франки, доведенные до послѣдней крайности, явились на Западъ просить о немедленной помощи. Эта латинская имперія, основанная такимъ славнымъ образомъ, ограничивалась теперь предѣлами одной столицы, постоянно угрожаемой Болгарами и никейскими Греками. Іоаннъ Бріеннскій, которому судьба, повидимому, назначила въ удѣлъ — поддерживать всякое разрушающееся величіе, былъ призванъ спасать Византію, какъ прежде того онъ былъ призванъ спасти Іерусалимъ; но онъ не могъ побѣдами своими утвердить поколебленный тронъ. Процарствовавъ четыре года надъ остатками имперіи Константина, онъ скончался на восемьдесять девятомъ году жизни, въ смиренномъ облаченіи монаха францисканскаго ордена. Изъ императорской фамиліи Куртней оставался теперь только одинъ принцъ, который ѣздилъ по Европѣ, обращаясь къ милосердію государей и народовъ. Папа былъ тронутъ бѣдствіемъ и униженіемъ Балдуина II и не могъ равнодушно относиться къ жалобнымъ воплямъ латинской Церкви въ Византіи. Крестоносцы, готовые къ отъѣзду въ св. Землю, были приглашены помочь своимъ братіямъ въ Константинополѣ. Греція,—говорилъ имъ Григорій:—была путемъ къ Іерусалиму, и дѣло Балдуина становилось такимъ образомъ дѣломъ Божіимъ.

Крестоносцы колебались между Константинополемъ и Іерусалимомъ и, удерживаемые то папою, то Фридрихомъ, долго заставили ждать восточныхъ христіанъ обѣщанной имъ помощи. Въ довершеніе несчастія, вспыхнула новая ссора между Григоріемъ IX и германскимъ императоромъ. Пререканіе между папскимъ престоломъ и имперіею дошло до крайности; для императорской партіи Церковь не имѣла больше ничего священнаго. Папа проповѣдывалъ крестовый походъ противъ своего грознаго соперника и предлагалъ императорскую корону тому, кто будетъ въ состояніи свергнуть его съ престола. Фридрихъ выступилъ тогда противъ папы съ оружіемъ въ рукахъ и явился во главѣ арміи въ самую столицу христіанскаго міра.

Среди общаго смятенія и унынія не слышны были болѣе вопли и мольбы христіанскихъ колоній на Востокѣ. По окончаніи срока перемирія, заключеннаго съ Фридрихомъ, мусульмане возвратились въ Іерусалимъ, оставшійся безъ защиты. Птолемаида и христіанскіе города не имѣли болѣе сообщенія съ Европой, отъ которой они ожидали спасенія; между всѣми флотами въ Средиземномъ морѣ шла война — одни сражались за папу, другіе — за императора. Тибо и его спутники едва могли найти суда для переѣзда въ Сирію и одни выѣхали изъ Марсели, другіе — изъ разныхъ итальянскихъ портовъ. Прибывъ въ Палестину, они нашли эту страну раздираемою несогласіями: одна партія дѣйствовала въ пользу германскаго императора, другая стояла

Прощальная пѣсня

за короля кипрскаго, и не было никакой власти, которая могла бы управлять силами крестоваго похода. Толпа пилигримовъ не была связана никакимъ общимъ интересомъ, который могъ бы надолго удержать ее подъ одними и тѣми-же знаменами; каждый изъ вождей избиралъ своихъ враговъ и велъ войну за свой собственный счетъ и отъ своего имени. Герцогъ Бретанскій съ своими рыцарями произвелъ нападеніе на владѣнія дамасскія и возвратился со множествомъ буйволовъ, барановъ и верблюдовъ. При видѣ такой богатой добычи пробудилась зависть въ другихъ крестоносцахъ, и они отправились грабить плодородныя земли газскія. Самые пылкіе изъ крестоносцевъ очутились вдругъ лицомъ къ лицу съ мусульманской арміей и, не имѣя надежды на помощь со стороны своихъ товарищей, они не побоялись сразиться съ грознымъ непріятелемъ. Многіе изъ нихъ погибли на полѣ битвы; Симонъ Монфортскій, графъ Барскій съ самыми храбрыми рыцарями попали въ руки невѣрныхъ. Послѣ этого пораженія ни одинъ изъ князей-крестоносцевъ не осмѣливался вступать въ новыя битвы; въ арміи христіанской слышались только жалобы и ропотъ на бѣдствія крестоваго похода. Папскій легатъ и духовенство обличали въ своихъ проповѣдяхъ завистливый и высокомѣрный духъ вождей и не переставали молить Господа Іисуса Христа, чтобы Онъ пробудилъ въ нихъ усердіе къ Кресту и энтузіазмъ къ священной войнѣ. Праздность породила пороки и раздоры, которые заставляли отчаяваться въ исходѣ этой экспедиціи. Къ счастію для христіанскихъ колоній, между мусульманами также происходили раздоры, и они не производили нападеній на владѣнія Франковъ. Князья и бароны, просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ своихъ палаткахъ, думали теперь только о возвращеніи въ отечество; они вступили въ отдѣльные переговоры съ Сарацинами и заключили миръ такимъ же способомъ, какимъ они вели войну. Одни изъ нихъ заключили договоръ съ султаномъ дамасскимъ, другіе — съ султаномъ египетскимъ. Посредствомъ этихъ переговоровъ они снова пріобрѣли въ свое владѣніе св. мѣста. Но освобожденіе Іерусалима, который столько разъ былъ завоеванъ и который никогда не могъ быть сохраненъ, не было принято вѣрующими съ прежнимъ восторгомъ. Графъ Шампаньскій, герцоги Бретанскій и Бургундскій были замѣнены Ричардомъ Корнвалисскимъ, братомъ Генриха III и племянникомъ Ричарда Львиное-сердце. Послѣдній оказался не счастливѣе тѣхъ, которые ему предшествовали; все, что ему удалось пріобрѣсти посредствомъ своей экспедиціи — была только возможность предать погребенію тѣла крестоносцевъ, павшихъ въ сраженіи при Газѣ.

Таковы послѣднія событія этого крестоваго похода, во время котораго смѣнились четыре папы и который продолжался около тридцати лѣтъ.

Исторія слѣдующихъ крестовыхъ походовъ имѣла бы очень мало интереса, еслибы намъ не оставалось выставить личность великаго и святаго монарха, сражавшагося въ Египтѣ во главѣ своего дворянства, почитаемаго самими мусульманами, которыхъ онъ сдѣлался плѣнникомъ, и кончившаго впослѣдствіи жизнь свою на африканскомъ берегу въ борьбѣ за Крестъ. Намъ предстоитъ разсказать о двухъ экспедиціяхъ Людовика IX.

ГЛАВА XXIX.

Нашествіе Татаръ. — Нападеніе на св. Землю и опустошеніе ея Хoварезмійцами. — Ліонскій соборъ и низложеніе Фридриха II. — Седьмой крестовый походъ. — Экспедиція Людовика IX. — Приготовленія къ отъѣзду.

(Отъ 1244 до 1253 г.).

Въ началѣ XIII вѣка, Татары монгольскіе, предводительствуемые Чингисъ-ханомъ, нахлынули почти на всю Азію. Впослѣдствіи, безчисленныя орды этихъ варваровъ перешли черезъ Волгу и распространились въ восточной части Европы. Они опустошили берега Вислы и Дуная, и стали угрожать одновременно и Германіи, и Италіи. Папа хотѣлъ проповѣдывать Венгерцамъ крестовый походъ противъ Монголовъ; но въ этой странѣ, опустошенной варварами, не оставалось уже ни одного епископа, который могъ бы обратиться къ народу съ увѣщаніемъ принять крестъ. Папа хотѣлъ обратить въ христіанскую вѣру свирѣпыхъ побѣдителей и послалъ къ нимъ для проповѣди монаховъ францисканскаго и доминиканскаго орденовъ, — побѣдоносныя орды стали угрожать самому папѣ. Фридрихъ, императоръ германскій, отправилъ къ нимъ также своихъ пословъ, но и они были приняты не лучше. Глава имперіи написалъ тогда одновременно всѣмъ христіанскимъ монархамъ, убѣждая ихъ соединиться общими силами противъ этого народа, врага всѣхъ другихъ народовъ; но каждый изъ нихъ былъ такъ занятъ своими собственными дѣлами, что близость такой большой опасности не внушала никому рѣшенія вооружиться и поспѣшить на встрѣчу общаго врага. «Если варвары придутъ къ намъ, — говорилъ Людовикъ Святой королевѣ Бланкѣ, — то или они насъ пошлютъ въ рай, или мы ихъ отправимъ въ адъ.» Все, что могли тогда сдѣлать христіане, это — усилить молитвы и повторять во всѣхъ церквахъ слова: «Господи! избави насъ отъ ярости Татаръ!»

Хотя общее настроеніе въ пользу крестовыхъ походовъ очень ослабѣло, все-же они не выходили изъ мысли государей и народовъ. Европа, сильно потрясаемая борьбою духовной власти съ имперіею и угрожаемая ужаснѣйшимъ изъ нашествій, все еще устремляла свои взоры на Константинополь и на Іерусалимъ.

Татары, производя свои вторженія, не подумали о Византіи, имя которой имъ было даже неизвѣстно. Такъ какъ они не исповѣдывали никакой религіи, то безплодныя горы Іудейскія могли еще меньше обратить на себя ихъ вниманіе. Но весь Востокъ былъ потрясенъ ихъ нашествіемъ;

ни одна страна, ни одинъ народъ не могли пребывать спокойными. Одинъ народъ, выгнанный преемниками Чингисъ-хана изъ Персіи и искавшій страны, гдѣ бы онъ могъ поселиться, былъ призванъ въ Сирію султаномъ египетскимъ, бывшимъ тогда въ войнѣ съ эдесскими и дамасскими мусульманами и съ палестинскими Франками. Орды хорезмійскія поспѣшили въ Іудею, обѣщанную ихъ побѣдоносному оружію. Онѣ овладѣли Іерусалимомъ, въ который только-что возвратились тогда христіане; все христіанское населеніе было предано мечу. Скоро послѣ того, христіане, соединившіеся съ эмирами сирійскими, были побѣждены, и все войско ихъ истреблено въ большой битвѣ, происходившей близъ Газы.

Передать въ Римъ всѣ эти печальныя вѣсти поручено было епископу бейрутскому. Папа принялъ съ сочувствіемъ жалобы христіанъ палестинскихъ и далъ обѣщаніе помочь имъ. Въ то же время и Балдуинъ II вторично обратился къ помощи Запада; Иннокентій не отказалъ ему въ поддержкѣ. Къ нему обращались за помощію противъ Хорезмійцевъ, противъ Грековъ-схизматиковъ, противъ мусульманъ; самъ онъ велъ ожесточенную войну съ Фридрихомъ, а Европѣ угрожало нашествіе Татаръ. Папа не отступалъ ни передъ какою опасностью и рѣшился вооружить весь христіанскій міръ противъ всѣхъ враговъ за-разъ. Для этой цѣли онъ созвалъ въ Ліонѣ общій соборъ.

Восточные епископы и князья присутствовали также на этомъ соборѣ. Между прелатами замѣчателенъ былъ епископъ бейрутскій, который пріѣхалъ, чтобы разсказать о несчастіяхъ священнаго города. Между государями былъ императоръ константинопольскій Балдуинъ, умолявшій о состраданіи къ нему и къ его имперіи. Императоръ Фридрихъ также отправилъ на этотъ соборъ пословъ, уполномоченныхъ защищать его противъ обвиненій Иннокентія. Соборъ былъ открытъ 28 іюня 1245 года. Папа, пропѣвъ «Veni creator» (приди, Создатель!), произнесъ рѣчь, содержаніемъ которой были пять скорбей, которыми онъ былъ терзаемъ, уподобленныя пяти язвамъ Спасителя міра, распятаго на крестѣ. Первою скорбью было вторженіе Татаръ; второю — расколъ въ Греціи; третьею — нашествіе Хорезмійцевъ на Св. Землю; четвертою — успѣхъ еретическихъ ученій; пятою, наконецъ — преслѣдованіе со стороны Фридриха. Хотя папа и упомянулъ о Монголахъ въ началѣ своей рѣчи, на собраніе обратило на нихъ мало вниманія; Татары отступили передъ опустошеніями, произведенными ими самими, и удалились отъ Венгріи, которую они превратили въ пустыню. Удовольствовались по этому поводу тѣмъ, что предложили народамъ германскимъ выкапывать рвы, ограждаться стѣнами на пути варваровъ. Главнѣйшія же заботы отцовъ собора были о Константинополѣ и Іерусалимѣ. Проповѣданъ былъ крестовый походъ съ цѣлію освобожденія того и другаго; соборъ постановилъ, что духовенство будетъ уплачивать двадцатую часть, а папа и епископы — десятую часть въ пользу крестоваго похода. Половина бенефицій безъ резиденціи была опредѣлена собственно для латинской имперіи на Востокѣ.

Сдѣланы были также на ліонскомъ соборѣ нѣсколько постановленій для воспрепятствованія успѣхамъ ереси; но все это было не главною заботою Иннокентія. Изъ пяти великихъ скорбей, о которыхъ онъ упоминалъ въ своей рѣчи, — преслѣдованіе Фридриха принималъ онъ ближе всего къ сердцу. Напрасно императоръ обѣщалъ, черезъ своихъ посланныхъ, остановить вторженіе Монголовъ, возстановить въ Греціи владычество Латинянъ и пойти самому въ Св. Землю; напрасно обѣщалъ онъ возвратить св. престолу все, что онъ у него отнялъ, и загладить свою вину передъ Церковью. Папа, имѣвшій основаніе не довѣрять искренности его обѣщаній, былъ неумолимъ и не захотѣлъ отвратить «сѣкиру, готовую поразить». Разбирательство дѣла Фридриха заняло нѣсколько засѣданій; наконецъ, Иннокентій, какъ судья и владыка, произнесъ приговоръ: «Я —

намѣстникъ Іисуса Христа; сообразно съ обѣщаніемъ Бога главѣ Апостоловъ, все, что я свяжу на землѣ, будетъ связано на небесахъ. На этомъ основаніи, и посовѣтовавшись съ нашими братіями кардиналами и обсудивъ дѣло всѣмъ соборомъ, я объявляю Фридриха виновнымъ въ святотатствѣ и въ ереси, въ измѣнѣ и клятвопреступленіи; объявляю его отлученнымъ отъ Церкви и лишеннымъ императорской власти; разрѣшаю навѣкъ отъ присяги всѣхъ тѣхъ, которые клялись ему въ вѣрности; запрещаю навсегда повиноваться ему — подъ угрозою отлученія отъ Церкви за нарушеніе этого моего запрещенія. Повелѣваю, наконецъ, избирателямъ выбрать другаго императора, а себѣ предоставляю право располагать трономъ Сициліи.» Современный историкъ съ точностію передаетъ то глубокое впечатлѣніе, которое произвелъ на собраніе приговоръ папы. Когда папа и епископы, держа свѣчи въ рукахъ, наклонили ихъ къ землѣ въ знакъ проклятія и отлученія, всѣ затрепетали, какъ будто бы самъ Богъ пришелъ судить живыхъ и мертвыхъ. Среди молчанія, воцарившагося послѣ этого въ собраніи, послышались вдругъ слова пословъ Фридриха, внушенныя имъ отчаяніемъ: «теперь еретики воспоютъ побѣду; Ховарезмійцы и Татары воцарятся надъ міромъ.» Совершивъ благодарственное молебствіе и объявивъ распущеніе собора, папа удалился со словами: «я исполнилъ мой долгъ, да совершится воля Божія!»

На этомъ ліонскомъ соборѣ въ первый разъ кардиналы облеклись въ красную одежду — символъ ихъ крови, всегда готовой излиться — *ради торжества религіозной* истины. Западъ, погруженный въ трепетъ и смятеніе, безъ сомнѣнія, забылъ бы тогда о христіанахъ Св. Земли, еслибы одинъ благочестивый монархъ не явился во главѣ крестоваго похода, провозглашеннаго главою Церкви и епископами христіанскими.

За годъ до ліонскаго собора, въ то время, когда Европа узнала объ опустошеніяхъ, произведенныхъ Ховарезмійцами въ Палестинѣ, Людовикъ IX, только-что переживъ тяжкую болѣзнь, пожелалъ возложить на себя знакъ пилигримовъ. Чтобы придать болѣе торжественности своему рѣшенію, онъ созвалъ въ Парижѣ парламентъ, въ которомъ находились прелаты и знатнѣйшіе люди королевства. Послѣ папскаго легата заговорилъ самъ король Франціи и представилъ баронамъ ужасное положеніе св. мѣстъ. Онъ напомнилъ имъ о примѣрѣ Людовика Младшаго, Филиппа-Августа; онъ убѣждалъ всѣхъ слушающихъ его воиновъ вооружиться на защиту славы Божіей и славы французскаго имени на Востокѣ. Когда Людовикъ кончилъ свою рѣчь, три его брата, Робертъ графъ Артуасскій, герцоги Анжуйскій и Пуатьерскій, поспѣшили принять крестъ; королева Маргарита, графиня Артуасская и герцогиня Пуатьерская поклялись сопровождать своихъ супруговъ. Примѣру короля и принцевъ послѣдовала большая часть прелатовъ, присутствовавшихъ въ собраніи. Между знатными владѣтелями, поклявшимися тогда идти биться съ Сарацинами, были: Петръ Дре, герцогъ Бретанскій, графъ де-ла-Маршъ, герцогъ Бургундскій, Гугъ Шатильонскій, графы Суассонскій, Блуасскій, Ретельскій, Монфортскій, Вандомскій. Между этими благородными крестоносцами, исторія не можетъ забыть вѣрнаго Жуанвиля, имя котораго останется навсегда нераздѣльнымъ съ именемъ Людовика Святаго.

Между тѣмъ, рѣшеніе короля вызвало глубокую печаль среди его народа. Королева Бланка, — говоритъ Жуанвиль, — когда увидѣла сына своего въ одеждѣ крестоносца, была поражена трепетомъ, какъ будто бы увидѣла его мертвымъ. Безъ сомнѣнія, и для Людовика IX горестно было разставаться съ своею матерью, которой онъ никогда не покидалъ и которую онъ любилъ, по его собственному выраженію, «превыше всѣхъ созданій». Не безъ великой скорби разставался онъ и съ своимъ народомъ, который, во время болѣзни его, молился, чтобы отвлечь его отъ преддверія могилы, и который сокрушался теперь объ его отъѣздѣ, какъ сокрушался прежде

объ его болѣзни. Онъ самъ видѣлъ всѣ опасности и сознавалъ всѣ трудности, сопряженныя съ войною на Востокѣ; но онъ вѣрилъ, что повинуется внушенію свыше, и ничто не могло отклонить его отъ благочестиваго намѣренія.

Крестовый походъ проповѣдывался тогда во всѣхъ странахъ Европы; но голосъ духовныхъ ораторовъ терялся среди смятенія партій и шума оружія. Когда епископъ бейрутскій обратился къ Генриху III съ просьбою помочь христіанамъ Востока, то англійскій монархъ, бывшій въ войнѣ съ Шотландіею и Валлисомъ, отказался принять крестъ и запретилъ проповѣдывать крестовый походъ въ своемъ королевствѣ. Въ Германіи война была въ полномъ разгарѣ, и тевтонскіе народы, если брались за оружіе, то только для того, чтобы защищать дѣло Фридриха или Генриха, ландграфа Тюрингскаго, которому папа повелѣлъ передать императорскую корону. Италія была потрясена не менѣе, чѣмъ Германія; вооруженныя распри между св. престоломъ и императоромъ усилили вражду между гвельфами и гибеллинами. Проповѣдь священной войны имѣла нѣкоторый успѣхъ только въ провинціяхъ Фрисландіи и Голландіи и въ нѣкоторыхъ государствахъ на сѣверѣ. Гаконъ, король норвежскій, принялъ крестъ и возвѣстилъ о своемъ отъѣздѣ Людовика IX, который одобрилъ его рѣшеніе и обѣщалъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ; но послѣ долгихъ колебаній, государь норвежскій не уѣхалъ, а остался въ своемъ королевствѣ, удержанный надеждою самому воспользоваться смутами на Западѣ.

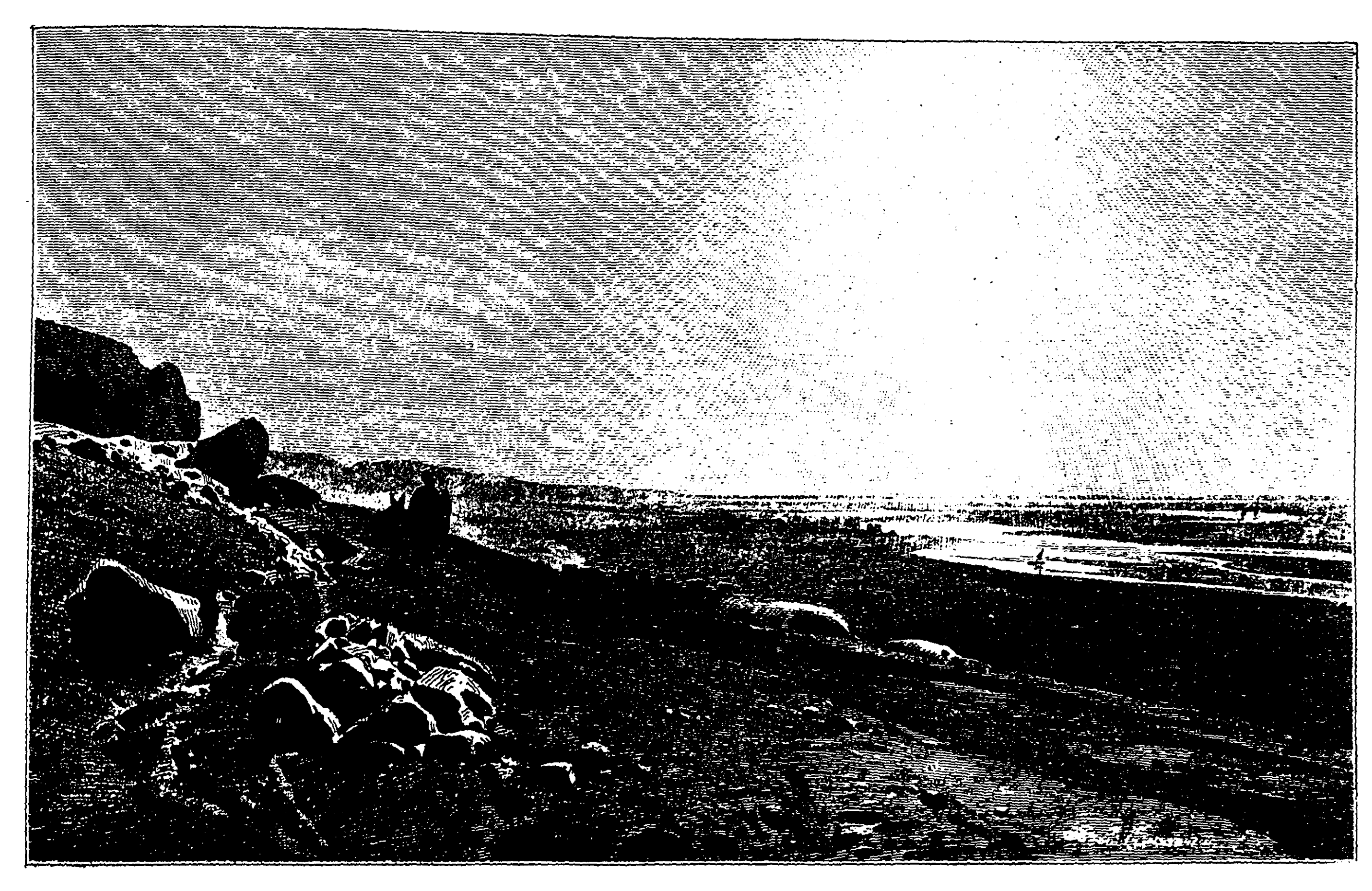
Въ интересахъ крестоваго похода Людовикъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ помирить императора съ папою. Нѣсколько пословъ были отправлены въ Ліонъ умолять папу слѣдовать въ этомъ дѣлѣ болѣе голосу милосердія, нежели правосудія; король французскій имѣлъ въ аббатствѣ Клюни два совѣщанія съ Иннокентіемъ, котораго онъ снова умолялъ своимъ великодушіемъ положить конецъ смутамъ, возникшимъ въ христіанствѣ. Но возстановленіе мира сдѣлалось затруднительнымъ. Напрасно императоръ, разстроенный и унылый, соглашался оставить престолъ и провести остатокъ дней своихъ въ Палестинѣ — съ однимъ только условіемъ, чтобы папа далъ ему свое благословеніе и чтобы сынъ его Конрадъ былъ наслѣдникомъ его престола. Христіане за-морскіе также просили папу въ пользу государя, отъ котораго они ожидали могущественной поддержки: — глава Церкви, хорошо понимавшій намѣренія Фридриха, оставался неумолимо-строгимъ. Папскимъ декретомъ было передано королю кипрскому королевство іерусалимское, которое принадлежало Фридриху; потомъ папа обратился къ султану каирскому и убѣждалъ его прервать всякій союзъ съ императоромъ германскимъ. Фридрихъ, съ своей стороны, не ожидая болѣе ничего отъ папы, началъ дѣйствовать теперь не щадя ничего и не соблюдая никакой мѣры, и такимъ образомъ сорвалъ покровы, въ которые облекалось его лицемѣріе. Онъ не боялся больше измѣнять дѣлу христіанъ, и доказалъ теперь, что, освобождая Гробъ Господень, онъ вовсе не имѣлъ въ виду дѣйствовать ради славы Іисуса Христа. Послы его отправились предупредить властителей мусульманскихъ обо всемъ, что приготовлялось противъ нихъ на Западѣ.

Франція была единственнымъ государствомъ въ Европѣ, гдѣ серьезно занимались крестовымъ походомъ. Людовикъ IX объявилъ о своемъ отъѣздѣ палестинскимъ христіанамъ и приготовлялся ко святому пилигримству. Королевство не имѣло ни флота, ни порта въ Средиземномъ морѣ. Людовикъ пріобрѣлъ въ свое владѣніе территорію и портъ Эгъ-Мортъ. Генуа и Барселона должны были доставить ему корабли. Въ то же время Людовикъ заботился о продовольствіи арміи Креста, объ устройствѣ запасныхъ складовъ на островѣ Кипрѣ, гдѣ предстояло быть первой высадкѣ на берегъ. Средства, которыя были употреблены, чтобы добыть необходимыя денежныя суммы, не возбудили никакихъ жалобъ и ропота, какъ это было во время крестоваго похода Людовика VII.

Богатые добровольно отдавали плоды своихъ сбереженій въ королевскую казну; бѣдные несли свои лепты въ церковныя кружки; арендаторы королевскихъ доменовъ выдали доходы за цѣлый годъ впередъ; духовенство уплатило больше, чѣмъ оно было обязано, и доставило десятую часть своихъ доходовъ.

Извѣстія, получавшіяся въ это время съ Востока, возвѣщали о новыхъ общественныхъ бѣдствіяхъ. Хеварезмійцы, опустошивъ Св. Землю, исчезли, погибнувъ отъ голода, отъ раздоровъ, отъ меча Египтянъ, воспользовавшихся ими только какъ орудіемъ; но другіе народы, напримѣръ Туркмены, превосходившіе свирѣпостью орды хеварезмійскія, опустошали берега Оронта и княжество Антіохійское. Султанъ каирскій, который перенесъ войну въ Сирію и покорилъ ее, овладѣлъ также Іерусалимомъ и угрожалъ покореніемъ всѣхъ городовъ христіанскихъ. Война противъ невѣрныхъ, провозглашенная на ліонскомъ соборѣ, усилила раздраженіе мусульманскихъ народовъ. Эти варвары не только укрѣпили свои города и границы, но, если вѣрить тогдашнимъ народнымъ слухамъ, высланы даже были на Западъ агенты Старца Горы, и Францiя трепетала за жизнь своего монарха. Съ ужасомъ повторяли во всѣхъ городахъ, что пряности, вывезенныя изъ восточныхъ странъ, были отравлены врагами Іисуса Христа. Всѣ эти слухи, выдуманные или преувеличенные легковѣрными людьми, наполняли сердца вѣрующихъ святымъ негодованіемъ. Народъ повсюду выражалъ нетерпѣніе отомстить Сарацинамъ и двинуться въ походъ подъ знаменемъ Креста.

Долина Нила близъ Бени-Назана.

ГЛАВА XXX.

Продолженіе приготовленій Людовика IX къ крестовому походу. — Отъѣздъ его изъ Эгъ-Морта. — Прибытіе его въ Кипръ. — Армія высаживается на берегъ въ Египтѣ. — Взятіе Даміетты.

Три года спустя послѣ принятія креста, Людовикъ созвалъ въ Парижѣ новый парламентъ, въ которомъ отъѣздъ крестоносцевъ былъ назначенъ въ іюнѣ 1247 г. Въ этомъ собраніи король назначилъ королеву Бланку регентшею королевства; всѣ знатные владѣтели и бароны поклялись, въ присутствіи монарха, пребыть вѣрными его семейству, еслибы съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе во время его поѣздки за-море.

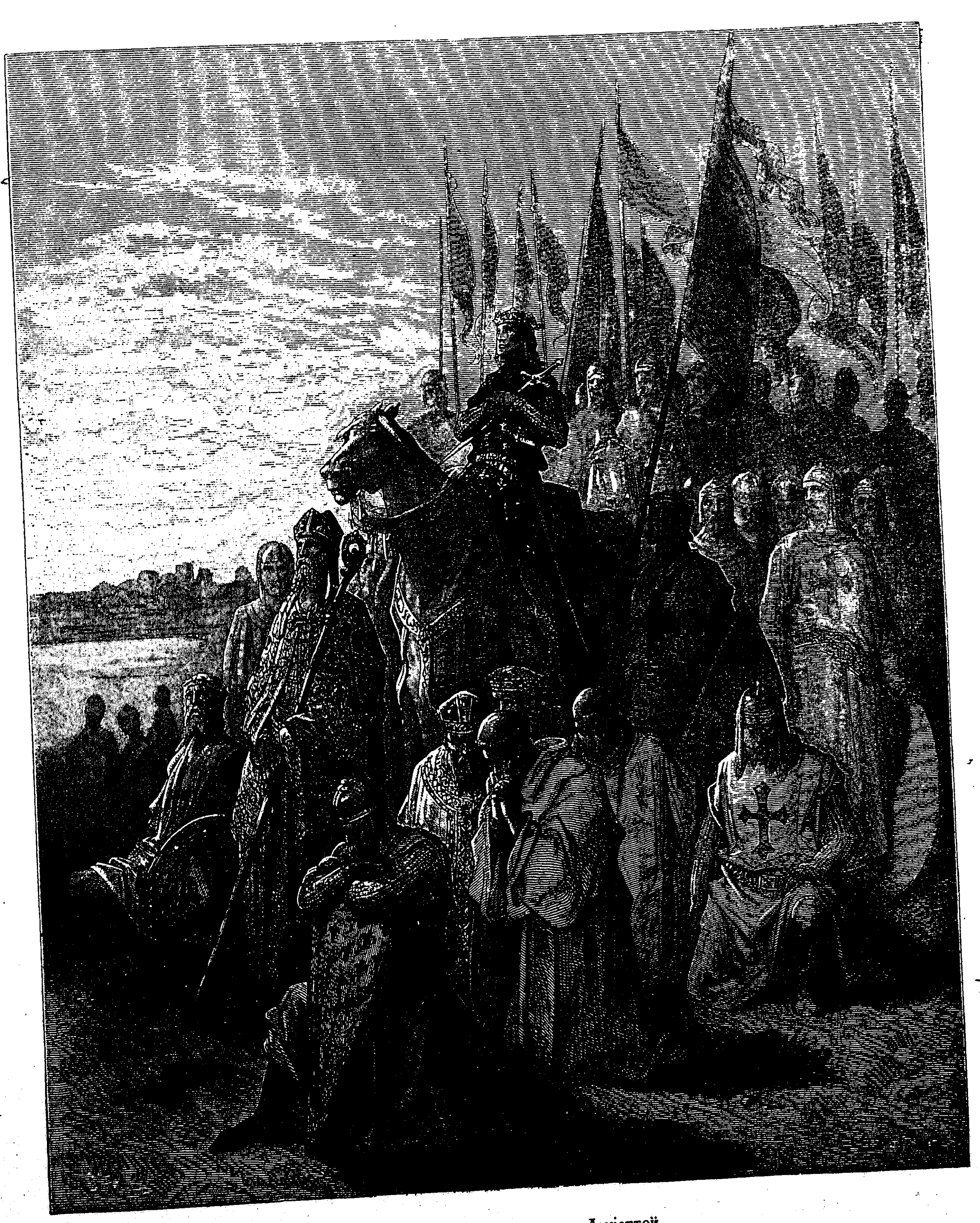
Людовикъ IX принялъ самыя мудрыя мѣры, чтобы обезпечить отправленіе правосудія и соблюденіе законовъ во время его отсутствія. Прежде чѣмъ идти воевать съ Сарацинами, благочестивый монархъ велъ борьбу съ ложью и несправедливостію; онъ разсылалъ по всѣмъ провинціямъ коммиссаровъ — съ цѣлію обличенія несправедливостей, учиняемыхъ именемъ королевской власти. Тщательно добирались они до злоупотребленій, отъ которыхъ приходилось страдать народу, и строго ихъ преслѣдовали. Частныя войны были отложены на пять лѣтъ, что должно было способствовать внутреннему спокойствію государства. Мудрость Людовика не упустила изъ виду

ничего, чтобы предохранить народъ отъ раздоровъ, которые могли возникнуть извнѣ. Богъ благословилъ отеческія попеченія монарха, и въ то время, какъ смуты волновали всю Европу, Франція въ мирѣ готовилась къ крестовому походу.

Въ это-то время во всѣхъ церквахъ было прочитано посланіе Иннокентія, обращенное и къ высшему сословію, и къ народу во Франціи. Апостолическое посланіе папы прославляло въ торжественныхъ выраженіяхъ храбрость и воинственную доблесть французской націи и ея монарха; папа посылалъ свое благословеніе французскимъ крестоносцамъ, и карою Церкви угрожалъ всѣмъ тѣмъ, кто, давъ обѣтъ пилигримства, отложитъ отъѣздъ въ Св. Землю. Вся Франція пришла въ движеніе; крупные вассалы собрали своихъ рыцарей и воиновъ; знатные владѣтели и бароны обмѣнивались посѣщеніями или переговаривались между собою черезъ посредство пословъ. Къ военнымъ приготовленіямъ присоединялось исполненіе благочестивыхъ обрядовъ. Всѣ пилигримы, съ босыми ногами, принимали у подножія алтаря знаки крестоваго похода; многіе рыцари, сложивъ съ себя щитъ и мечь, отправлялись на поклоненіе св. мощамъ, находившимся въ ближайшемъ сосѣдствѣ; во всѣхъ приходскихъ церквахъ совершались молебствія объ успѣхѣ священной войны. Воины Креста, со слезами на глазахъ, трогательно прощались съ своими родными, съ своими друзьями, со всѣмъ тѣмъ, что имъ предстояло покинуть; семьи поселянъ поручали дѣтей своихъ покровительству бароновъ и рыцарей, которые клялись или умереть, или возвратиться въ отечество со всѣми крестоносцами, отправившимися подъ ихъ знаменами.

Передъ празднованіемъ памяти св. Іоанна Крестителя, Людовикъ IX, въ сопровожденіи братьевъ своихъ, отправился въ Сенъ-Денисское аббатство. Прибѣгнувъ молитвенно къ помощи апостоловъ Франціи, онъ принялъ изъ рукъ легата посохъ и котомку пилигрима и ту хоругвь (oriflamme), которая уже два раза сопровождала на Востокъ его предшественниковъ. Послѣ того Людовикъ возвратился въ Парижъ, гдѣ онъ выслушалъ литургію въ церкви Нотръ-Дамъ; на другой день онъ выступилъ изъ столицы; духовенство и народъ провожали его до городскихъ воротъ, съ пѣніемъ священныхъ гимновъ. Королева Бланка проводила его до аббатства Клюни и возвратилась въ слезахъ, не надѣясь свидѣться съ своимъ сыномъ иначе, какъ уже въ будущемъ мірѣ.

Флотъ, который перевозилъ пилигримовъ, выступилъ въ море 25 августа и бросилъ якорь въ портѣ Лимиссо 22 сентября. Король французскій торжественно вступилъ въ Никозію, столицу королевства. Король, знатные владѣтели и прелаты кипрскіе — всѣ приняли крестъ и обѣщали королю Людовику присоединиться къ его святому предпріятію, если армія Креста отложитъ свой отъѣздъ до весны. Людовикъ согласился провести зиму на о. Кипрѣ и не замедлилъ раскаяться въ этомъ. Прелесть климата, продолжительная праздность породили нравственную испорченность и ослабленіе дисциплины въ арміи крестоносцевъ. Многіе знатные владѣтели начали роптать на то, что продали свои земли и разорились изъ-за того, чтобы послѣдовать за королемъ въ крестовый походъ; щедрыхъ подарковъ Людовика было недостаточно, чтобы успокоить жаловавшихся на свою судьбу. Невоздержность и знойный климатъ причинили болѣзни, жертвами которыхъ сдѣлалось множество пилигримовъ. Пребываніе короля французскаго на о. Кипрѣ не было, однакоже, безполезно для восточныхъ христіанъ. Тампліеры и Іоанниты обратились къ нему и сдѣлали его судьею въ своихъ, все возобновляющихся ссорахъ. Онъ заставилъ ихъ поклясться въ томъ, что они примирятся между собою и не будутъ имѣть другихъ враговъ, кромѣ враговъ Іисуса Христа. Генуэзцы и Пизанцы, поселившіеся въ Птолемаидѣ, также постоянно препирались между собою; обѣ стороны готовы были рѣшить свой споръ оружіемъ, и ничто не могло остановить

Людовикъ Святой передъ Даміеттой

ярости и позора междоусобной войны въ христіанскомъ городѣ. Мудрое посредничество Людовика возстановило между ними миръ. Много и другихъ неурядицъ было улажено. Монархъ французскій являлся такимъ образомъ на Востокѣ въ видѣ ангела согласія. Предсказанія, распространившіяся даже до Персіи, возвѣщали, что одинъ франкскій государь въ скоромъ времени освободитъ Азію отъ ига невѣрныхъ. Толпы христіанъ изъ Сиріи, Египта и самыхъ отдаленныхъ странъ поспѣшили поклониться тому, кого Богъ посылалъ для исполненія своихъ божественныхъ обѣтованій. Въ это же время прибыло къ Людовику посольство отъ хана татарскаго, который объявлялъ королю о своемъ обращеніи въ христіанскую вѣру и предлагалъ ему помогать крестоносцамъ въ ихъ экспедиціи. Людовикъ принялъ монгольскихъ пословъ со всякими изъявленіями радости, и въ письмахъ своихъ къ королевѣ Бланкѣ увѣдомлялъ ее, что татарскіе князья скоро соберутся подъ знаменами Христа. Это произвело сильное впечатлѣніе на всемъ Западѣ и подало самыя большія надежды на успѣхъ священной войны.

Рѣшено было сдѣлать нападеніе на Египетъ. Людовикъ, въ письменномъ обращеніи къ султану египетскому, объявлялъ ему войну. «Спѣши, — писалъ онъ ему, — покляться мнѣ въ подчиненіи, признать власть христіанской Церкви и воздать торжественное поклоненіе Кресту; иначе, я съумѣю добраться до тебя въ самомъ твоемъ дворцѣ; воины мои многочисленнѣе песка въ пустынѣ, и самъ Богъ повелѣлъ имъ вооружиться противъ тебя.» Арабскіе историки, передающіе объ этомъ письмѣ, говорятъ, что султанъ не могъ безъ слезъ читать его, но тѣмъ не менѣе, на угрозы, полученныя имъ, онъ отвѣчалъ другими угрозами. Египетскій государь, Негемъ-Эддинъ, съ которымъ предстояло вступить въ битву, былъ сынъ Малекъ-Камеля, который одержалъ побѣду надъ Іоанномъ Бріеннскимъ и взялъ его въ плѣнъ со всею арміею.

Около Троицына дня христіанскій флотъ выступилъ изъ Лимиссо; онъ состоялъ изъ тысячи восьми сотъ большихъ и малыхъ судовъ. Бывъ застигнутъ бурею, онъ остановился утромъ 4 іюня въ виду египетскихъ береговъ. Его скоро замѣтили съ башенъ Даміетты, и немедленно весь морской берегъ былъ покрытъ мусульманскими воинами. На королевскомъ кораблѣ собрался совѣтъ изъ прелатовъ и бароновъ; нѣкоторые изъ нихъ были того мнѣнія, что слѣдуетъ отложить нападеніе и выждать суда, разсѣянныя бурею. Но Людовикъ не хотѣлъ ждать и подалъ сигналъ къ высадкѣ на берегъ. Всѣ воины Креста пересѣли съ кораблей въ барки или плоскія лодки и выстроились въ двѣ линіи. Людовикъ IX былъ впереди съ обоими своими братьями. Рядомъ съ нимъ находились рыцарь, державшій хоругвь, и папскій легатъ, который несъ Крестъ Спасителя. Приблизившись къ берегу, вся армія бросилась въ море съ крикомъ: «Монъ-жуа-Сенъ-Дени!» (Mon joie St-Denis!) Король французскій шелъ во главѣ арміи, со щитомъ на груди и съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ. Вступивъ на берегъ, крестоносцы раскинули палатки и построились въ боевомъ порядкѣ. Вскорѣ завязалась битва на песчаной равнинѣ; конница мусульманская налетала нѣсколько разъ на ряды христіанъ, но повсюду натыкалась она на цѣлый лѣсъ копій, на стальную стѣну. Битва продолжалась весь день. Потерявъ многихъ изъ своихъ эмировъ, невѣрные въ безпорядкѣ отступили къ Даміеттѣ и оставили во власти христіанъ морское прибрежье и сѣверный берегъ Нила.

Въ радости провели ночь крестоносцы. На другой день, на зарѣ, нѣкоторые изъ нихъ выступили впередъ и дошли до Даміетты, не встрѣчая непріятеля; они перешли по деревянному мосту, перекинутому черезъ Нилъ, вошли въ городъ и нашли его пустымъ. Извѣстіе объ этомъ было сейчасъ же передано въ лагерь христіанскій. Вся армія двинулась въ боевомъ порядкѣ и овладѣла покинутымъ городомъ. Король французскій и всѣ пилигримы, впереди которыхъ шли

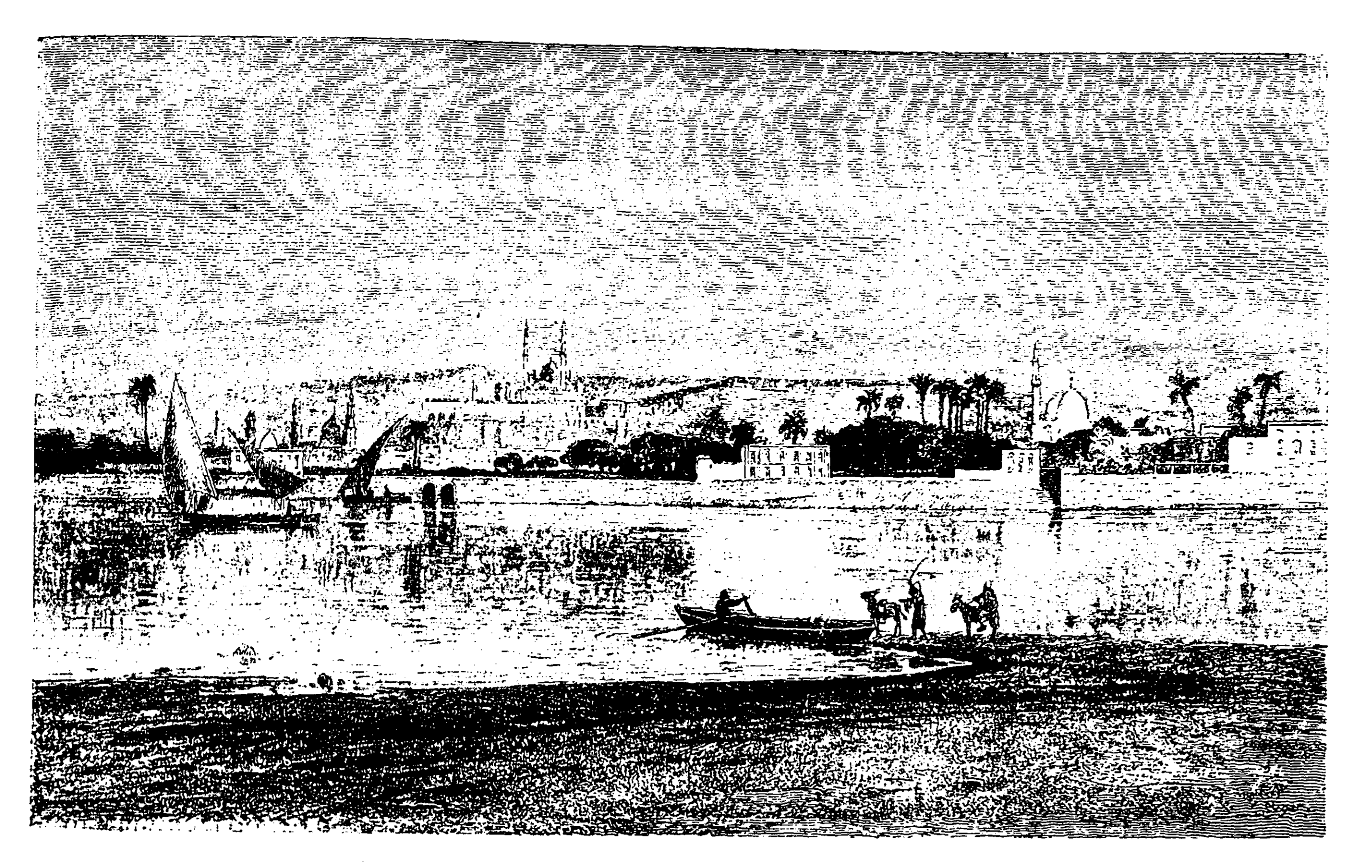
епископы, отправились совершить благодарственное молебствіе въ большую мечеть, изъ которой во второй разъ устроили церковь, посвященную Божіей Матери.

Слухъ о взятіи Даміетты распространился вскорѣ по всѣмъ египетскимъ провинціямъ. Одинъ арабскій историкъ, бывшій тогда въ Каирѣ, разсказываетъ, что всѣ мусульмане пребывали тогда въ печали и страхѣ, и что храбрѣйшіе изъ нихъ даже отчаявались въ спасеніи Египта. Султанъ Негемъ-Эддинъ лежалъ больной въ одномъ селеніи на берегу Нила и не могъ сѣсть на коня; онъ приказалъ обезглавить многихъ изъ своихъ воиновъ, которые покинули Даміетту, но зрѣлище мученій не могло заглушить страха, внушаемаго прибытіемъ Франковъ. Крестоносцы въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль не видѣли ни одного врага.

Многіе бароны предлагали Людовику воспользоваться страхомъ, охватившимъ мусульманъ, и двинуться на столицу Египта. Король же, для продолженія своихъ завоеваній, хотѣлъ выждать прибытія своего брата, графа Пуатьерскаго, который долженъ былъ выѣхать моремъ во главѣ дворянскаго ополченія французскаго королевства. Такое рѣшеніе короля было несчастливо, и бездѣятельность христіанской арміи сдѣлалась источникомъ величайшихъ безпорядковъ. Въ гибельной праздности рыцари Креста забыли свои воинственныя доблести и предметъ священной войны. Такъ какъ имъ были обѣщаны богатства Египта и Востока, то знатные владѣтели и бароны спѣшили истратить на пиры стоимость своихъ земель и замковъ. Страсть къ игрѣ овладѣла и вождями, и простыми солдатами, и они увлекались до проигрыша даже меча и шлема. Подъ сѣнію знаменъ Креста войско предавалось самому позорному распутству, какъ говоритъ Жуанвиль: — «вокругъ самой палатки короля, на разстояніи брошеннаго мелкаго камешка». Грабили купцовъ, доставлявшихъ продовольствіе войску. Во всемъ лагерѣ происходили ссоры и раздоры. Въ довершеніе несчастій, власть короля не признавалась, и даже братья его не повиновались ему. Эта непокорность принцевъ, эта распущенность знати, довершили безпорядокъ; объ охраненіи лагеря, расположеннаго по равнинѣ и на западномъ берегу Нила, плохо заботились. Отсутствіе дисциплины между христіанскими воинами возвратило мужество воинамъ мусульманскимъ. Ежедневно Бедуины аравійскіе доходили до самыхъ палатокъ, нападали на спящую стражу и, обезглавивъ часовыхъ, относили ихъ головы султану каирскому. Аванпосты арміи постоянно подвергались нападеніямъ непріятеля, который не встрѣчалъ другаго сопротивленія, кромѣ одной безумной отваги, только увеличивавшей опасность.

Между тѣмъ султанъ, удалившись въ Манзурахъ, собиралъ войско. Изъ всѣхъ провинцій Египта спѣшили къ нему подкрѣпленія. Присутствіе нѣкоторыхъ плѣнниковъ, которыхъ водили по городамъ, видъ нѣсколькихъ головъ, выставленныхъ на стѣнахъ Каира, долгое бездѣйствіе крестоносцевъ, которое приписывали страху, разсѣяли наконецъ тревогу мусульманъ. Во всѣхъ мечетяхъ возносились благодарственныя молитвы къ Богу, не допустившему Франковъ воспользоваться ихъ побѣдою, и весь народъ египетскій готовъ былъ подняться для отраженія ихъ нападенія.

Каирская цитадель и мечеть Могамета-Али со стороны Нила.

ГЛАВА XXXI.

Движеніе христіанской арміи къ Каиру.—Битва при Манзурахѣ.—Нужда, болѣзни и голодъ въ лагерѣ крестоносцевъ. — Плѣненіе Людовика IX и его арміи. — Освобожденіе его и прибытіе въ Птолемаиду.

Ожидалось прибытіе графа Пуатьерскаго съ многочисленными пилигримами, вышедшими изъ Лангедока и южныхъ провинцій Франціи. Когда онъ пріѣхалъ, Людовикъ IX созвалъ совѣтъ князей и бароновъ; на этомъ совѣтѣ было предложено напасть на Александрію или пойти на Каиръ. Завоеваніе Александріи представляло меньше трудностей и больше выгодъ; Робертъ графъ Артуасскій, человѣкъ пылкій и увлекающійся, предпочиталъ нападеніе на столицу Египта. — «Когда хотятъ убить змѣю, — говорилъ онъ: — то слѣдуетъ раздавить ей голову.» Это мнѣніе восторжествовало; армія двинулась въ путь; армія эта состояла изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, между которыми было двадцать тысячъ человѣкъ конницы; многочисленный флотъ шелъ по Нилу съ продовольствіемъ, кладью и военными машинами; эмиръ Факрединъ, отъ имени султана, извѣстилъ о наступленіи Франковъ посредствомъ циркуляра, который былъ прочитанъ во всѣхъ мечетяхъ; вся египетская страна взволновалась; крестоносцы, вышедшіе изъ Фарескура 7 декабря, прибыли 19 числа того же мѣсяца къ рукаву Ашмонскому и расположились лагеремъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла армія Іоанна Бріеннскаго. Рукавъ Ашмонскій имѣетъ ширину

рѣки Марны, русло у него глубокое и берегъ крутой; крестоносцы оставались тутъ нѣсколько недѣль и не были въ состояніи устроить переправу, такъ какъ постоянно были подвержены стрѣламъ и греческому огню мусульманъ, а непріятельская конница производила ежедневныя нападенія на ихъ лагерь. Только въ концѣ февраля явился въ лагерь одинъ аравитянинъ-бедуинъ, который показалъ имъ бродъ; они могли переправиться черезъ каналъ. Переправа была трудная, и армія употребила на нее нѣсколько часовъ времени. Первые, успѣвшіе переправиться, не имѣли терпѣнія дождаться тѣхъ, кто слѣдовалъ за ними; безразсудная смѣлость Роберта графа Артуасскаго увлекла ихъ сначала въ лагерь Сарацинъ, которымъ они и завладѣли, а потомъ въ Мансурахъ, который они стали грабить. Непріятель, повсюду обращенный въ бѣгство, вскорѣ однакоже замѣтилъ, что онъ имѣетъ дѣло не со всей христіанской арміей; мусульманскіе отряды, соединившіеся по призыву Бибарса, вождя Мамелюковъ, напали на отважный отрядъ Роберта; между тѣмъ, не всѣ еще корпуса христіанской арміи успѣли переправиться черезъ каналъ; величайшее смятеніе царствовало на восточномъ берегу Ашмона и на равнинѣ Манзурахской; повсюду дѣло доходило до рукопашнаго боя и схватки происходили въ различныхъ мѣстахъ; съ той и съ другой стороны сражающіеся проявляли чудеса храбрости. «Мы видѣли Мансурахъ, мы проходили по его тѣснымъ и темнымъ улицамъ, среди которыхъ погибли въ бою графъ Артуасскій, великій магистръ ордена Тампліеровъ, Рауль де-Куси, Вильгельмъ Длинный Мечъ и столько другихъ храбрецовъ, захваченныхъ непріятелемъ въ городѣ; мы проходили по этой обширной равнинѣ, на которую Людовикъ IX, переправившись черезъ каналъ, вступилъ со всѣми своими людьми, который шелъ при великомъ шумѣ трубъ, роговъ и рожковъ.» Корпусъ арміи, при которомъ сражался французскій король, опирался съ правой стороны на Ашмонъ, — тутъ множество Сарацинъ и христіанъ были сброшены въ воду и потонули; на противоположномъ берегу находились крестоносцы, которые не могли послѣдовать за арміею и оставались для защиты лагеря; «такъ какъ они не могли, — говорится въ рукописной лѣтописи: — подать помощь товарищамъ по причинѣ канала, который былъ между ними, то всѣ, большіе и малые, громко кричали и плакали, ударяли себя по головѣ и по груди, ломали руки, рвали на себѣ волосы, царапали свои лица и говорили: увы! увы! король и его братья и всѣ, которые съ ними, погибли!» На этой равнинѣ Мансурахской, свидѣтельницѣ столькихъ кровопролитныхъ битвъ, столькихъ геройскихъ подвиговъ, мы искали ту лачужку, въ которой пріютился благодушный Жуанвиль и въ которой онъ вспомнилъ о господинѣ св. Іаковѣ; намъ казалось, что мы нашли тотъ самый маленькій мостикъ (poncel), стоя на которомъ храбрый сенешалъ говорилъ графу Суассонскому: «Еще мы поговоримъ объ этомъ днѣ въ дамскихъ комнатахъ.»

Битва продолжалась до вечера; побѣда осталась за христіанами; но она была куплена цѣною тяжелыхъ потерь; графъ Артуасскій, весь почти отрядъ Тампліеровъ, множество храбрыхъ рыцарей французскихъ и англійскихъ погибли въ битвѣ при Манзурахѣ. Мусульмане, хотя и побѣжденные, тѣмъ не менѣе радовались тому, что они загородили путь Франкамъ; въ началѣ битвы былъ посланъ голубь въ Каиръ, и тамъ подумали, что насталъ послѣдній часъ исламизма; но въ тотъ же день къ вечеру было дано знать такимъ же образомъ, что все спасено.

На другой день битвы, въ первую пятницу поста, безчисленное множество мусульманъ, вооруженныхъ желѣзомъ и греческимъ огнемъ, нахлынули на христіанскій лагерь. Рыцари креста, изъ которыхъ большая часть были ранены наканунѣ, многіе лишились въ битвѣ оружія и всѣ были изнурены отъ усталости, мужественно защищались. Со всѣхъ сторонъ лагеря, расположеннаго по берегамъ канала, пришлось отражать ожесточенныя нападенія непріятеля. Графъ Пуать-

ерскій, попавшій въ руки мусульманъ, былъ освобожденъ пилигримами, которые вооружились всѣмъ, что только попало имъ подъ руку, чтобы спасти любимаго ими принца. Людовикъ IX успѣвалъ являться повсюду, гдѣ только была опасность; греческій огонь опалилъ его одежду и сбрую его лошади; по словамъ Жуанвиля, онъ спасся только чудомъ Божіимъ. За Французами осталась вся слава этихъ двухъ дней, но выгоды выпали на долю мусульманъ, такъ какъ христіанская армія, не смотря на свои побѣды, не могла продолжать своего наступленія на Каиръ.

Скоро болѣзни начали свирѣпствовать въ христіанскомъ лагерѣ; онѣ похищали и сильныхъ, и слабыхъ; тѣло высыхало, посинѣвшая кожа покрывалась черными пятнами, десны распухали до того, что не пропускали пищу; кровотеченіе носомъ было признакомъ близкой смерти; къ этой болѣзни, которая была ничто иное, какъ скорбутъ, присоединялись диссентерія и самыя опасныя лихорадки. Въ лагерѣ крестоносцевъ только и слышались молитвы объ умирающихъ; Сарацины перестали нападать на христіанъ, предоставляя ихъ губительному дѣйствію болѣзней. Они ограничились только тѣмъ, что сосредоточили множество кораблей подъ Манзурахомъ и преградили сообщеніе по Нилу; всѣ суда, приходившія изъ Даміетты, попадали въ ихъ руки; съ этихъ поръ всякое сообщеніе было прервано; въ лагерь крестоносцевъ не могло больше доходить продовольствіе, нельзя было ожидать никакой помощи. Скоро и голодъ началъ производить ужасныя опустошенія въ христіанскомъ лагерѣ; тѣ, кого пощадили болѣзни, умирали теперь отъ голода; уныніе овладѣло вождями и солдатами; всѣ только и думали о заключеніи мира. Султанъ Негемъ-Эддинъ умеръ, и сынъ его Альмодамъ, прибывшій изъ Месопотаміи, былъ провозглашенъ его преемникомъ: съ нимъ и были начаты переговоры. Было предложено возвратить Даміетту Сарацинамъ; взамѣнъ того крестоносцы требовали уступки имъ Іерусалима; на эти условія послѣдовало обоюдное согласіе; мусульмане только пожелали имѣть заложникомъ самого короля; Людовикъ IX былъ на все согласенъ, но бароны и рыцари отвѣчали, что они охотнѣе примутъ смерть, чѣмъ «отдадутъ въ залогъ своего короля», и переговоры были прерваны.

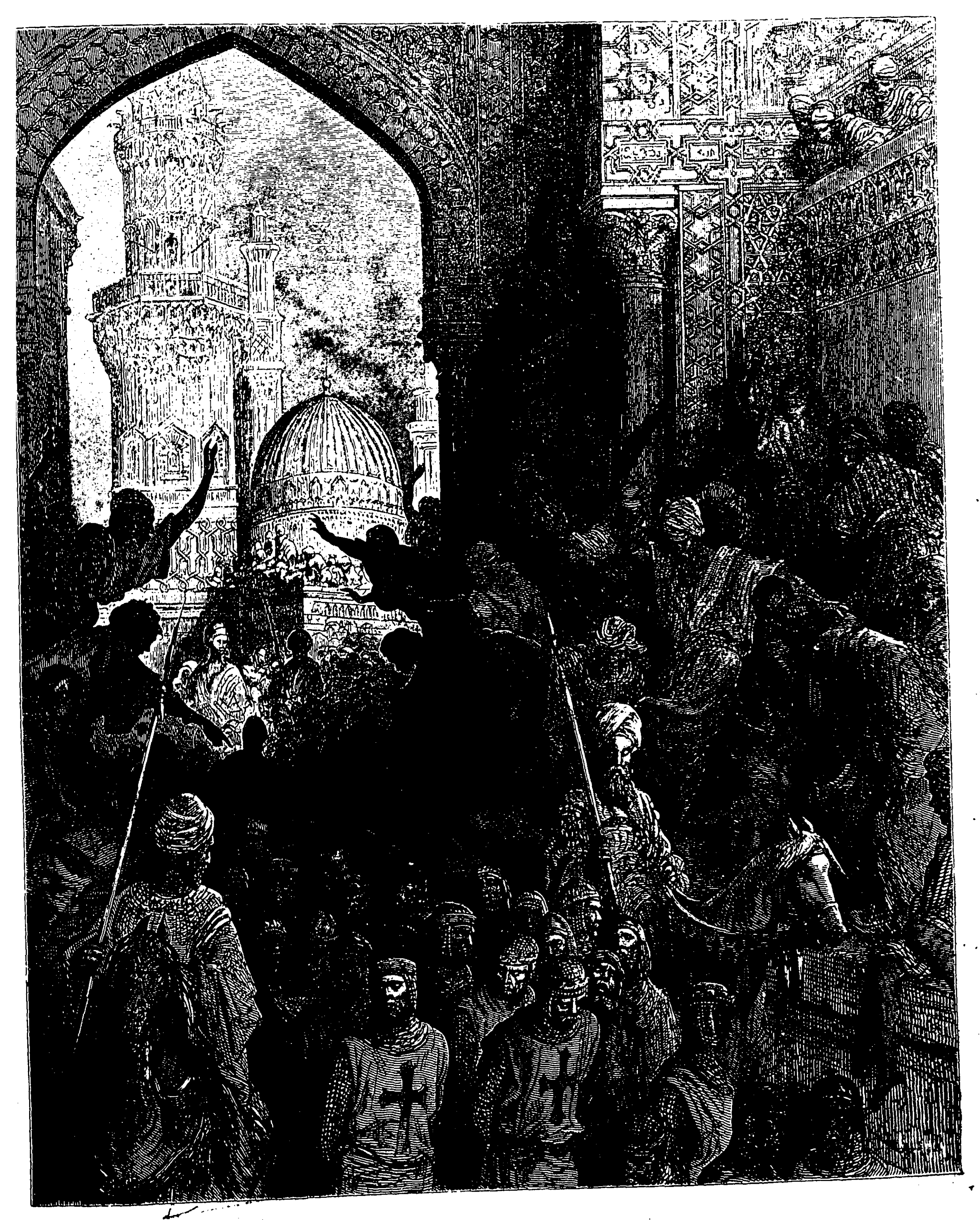
Крестоносцы, одержавшіе побѣды во всѣхъ битвахъ, но побѣжденные болѣзнями и голодомъ, покинули равнину Манзурахскую и, переправившись обратно черезъ Ашмонскій каналъ, возвратились въ свой прежній лагерь. Здѣсь бѣдствія ихъ только увеличились; наконецъ, 5-го апрѣля, во вторникъ 2-й недѣли послѣ Пасхи, армія снова выступила по направленію къ Даміеттѣ; на суда посадили женщинъ, дѣтей и больныхъ; но всѣ тѣ, которые могли ходить и сохранили еще оружіе, отправились сухимъ путемъ. Чтобы подать сигналъ къ выступленію арміи, ожидали ночи, что еще болѣе увеличило безпорядки этого отступленія или бѣгства. Людовикъ IX, больной и едва державшійся на ногахъ, распоряжался всѣмъ самъ и отправился уже съ арьергардомъ. Ему предложили ѣхать на кораблѣ легата, но онъ «считалъ лучше умереть, — сказалъ онъ: — чѣмъ покинуть свой народъ.» Мусульмане, увидѣвъ эти приготовленія, поспѣшили переправиться черезъ каналъ, и скоро всѣ равнины, по которымъ должны были проходить крестоносцы, были покрыты непріятелемъ. Исторія не можетъ перечислить всѣхъ битвъ, всѣхъ страданій въ эту ужасную ночь; повсюду смерть косила воиновъ Креста, разсѣянныхъ и бѣгущихъ по неизвѣстнымъ полямъ и дорогамъ; тѣмъ, кто спускался по Нилу, пришлось пострадать не меньше; имъ также нельзя было ускользнуть отъ непріятеля, находившагося повсюду; Сарацины, стоя на берегу или забравшись на барки, стерегли ихъ вдоль рѣки, и всѣхъ — или потопили, или умертвили, или забрали въ плѣнъ. Одному только кораблю легата удалось достигнуть Даміетты. Съ трогательною наивностію разсказываетъ намъ «сиръ» Жуанвиль, какимъ чудомъ онъ спасся отъ смерти. Когда, въ 1831-мъ году, мы подымались по Нилу, мы могли видѣть съ нашего судна то мѣсто, на кото-

ромъ сенешалъ, угрожаемый мусульманскими галерами, приказалъ своимъ морякамъ бросить якорь; мы останавливались на томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ онъ побросалъ въ воду свои драгоцѣнности и частицы св. мощей, гдѣ онъ былъ спасенъ однимъ «Сарациномъ, который, держа его въ своихъ объятіяхъ, перенесъ его въ одну изъ галеръ египетскаго султана, крича: это двоюродный братъ короля».

Когда разсвѣло, то всѣ почти воины креста, всѣ пилигримы были уже въ рукахъ невѣрныхъ или погибли отъ меча: маленькій отрядъ храбрецовъ, составлявшихъ арьергардъ, при которомъ находился и Людовикъ IX, продолжалъ еще сражаться; арьергардъ этотъ, въ которомъ отличались Саркинь и Гоше Шатильонскіе, съ трудомъ достигъ одного мѣстечка на берегу Нила; прибывъ сюда, король французскій былъ въ такомъ изнеможеніи отъ болѣзни и усталости, что всѣ ожидали его кончины. Мусульмане, удивленные мужествомъ рыцарей, собравшихся вокругъ короля, уже готовы были согласиться на перемиріе, когда, вдругъ, одинъ «измѣнникъ, плохой сторожъ», по имени Марсель, началъ кричать, что нужно сдаться; тогда всякое сопротивленіе прекратилось. Людовикъ IX, братья его, всѣ, кто сражался возлѣ него, были заключены въ оковы; хоругви, знамена, весь обозъ — сдѣлались добычею Сарацинъ.

Король французскій былъ отведенъ въ Манзурахъ, гдѣ его заключили въ домѣ Факредина-Бэнъ-Локмана, секретаря султана, и приставили къ нему евнуха Сабиха; графъ Пуатьерскій, герцогъ Анжуйскій и большая часть знатныхъ владѣтелей, взятыхъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Людовикомъ IX, были размѣщены въ разныхъ домахъ въ Манзурахѣ; обширное пространство, огороженное кирпичными стѣнами, вмѣстило до десяти тысячъ плѣнниковъ, какъ рыцарей, такъ и простыхъ воиновъ. Читая Жуанвиля и нашу пространную исторію крестовыхъ походовъ, можно составить себѣ понятіе о той смиренной покорности, съ которою Людовикъ IX переносилъ свой плѣнъ. То, что несчастіе имѣетъ самаго горькаго для великихъ міра сего, послужило только къ тому, чтобы проявить въ немъ во всемъ блескѣ добродѣтель христіанскаго героя и характеръ великаго государя. Изъ всѣхъ своихъ богатствъ онъ спасъ только книгу псалмовъ и въ ней почерпалъ свою философію и свои утѣшенія. Плѣнному монарху сдѣлано было предложеніе освободить его отъ оковъ съ условіемъ, чтобы онъ возвратилъ Даміетту и всѣ города, остававшіеся во власти Франковъ. «Христіанскіе города Палестины мнѣ не принадлежатъ, — отвѣчалъ онъ: — что же касается Даміетты, то самъ Богъ предалъ ее въ руки христіанъ, и я не могу располагать ею.» Угрожали ему отправить его къ калифу Багдадскому и подвергнуть его раздробленію костей; онъ оставался непоколебимъ. Султанъ хотѣлъ добиться отъ бароновъ французскихъ того, въ чемъ отказывалъ ему король французскій; бароны, которые въ прежнее время едва признавали власть монарха, теперь только и жили его мыслью и его волею; они послѣдовали примѣру короля и пренебрегали всѣми угрозами Сарацинъ.

Между тѣмъ, бѣдные плѣнники, скученные на тѣсномъ пространствѣ одного двора, и на выкупъ которыхъ не было надежды, подвергались всевозможнымъ страданіямъ; отъ нихъ не требовали уступки христіанскихъ городовъ, но ихъ заставляли отступиться отъ своей вѣры; каждую ночь выводили изъ заключенія по двѣсти и по триста человѣкъ; тѣ изъ нихъ, которые оставались вѣрными христіанами, погибали подъ ударами меча и трупы ихъ были выбрасываемы въ Нилъ. Ничто такъ не огорчало короля, какъ бѣдствія, претерпѣваемыя его народомъ. Поэтому онъ предложилъ заплатить выкупъ за бѣдныхъ и за богатыхъ. Собственную свою свободу онъ долженъ былъ получить послѣ освобожденія всѣхъ другихъ; и подобно тому, какъ онъ оставался послѣднимъ на полѣ сраженія, онъ захотѣлъ выйти послѣднимъ изъ заключенія у варваровъ.

Прибытіе въ Каиръ плѣнныхъ крестоносцевъ

Въ Даміеттѣ страдали не меньше, чѣмъ въ Манзурахѣ; печаль и уныніе царствовали въ городѣ. У королевы Маргариты родился сынъ, котораго назвали Тристаномъ; разстроенному воображенію королевы представлялся то супругъ ея, терзаемый Сарацинами, то непріятель, овладѣвающій городомъ; въ своемъ смертельномъ страхѣ она заставила одного стараго рыцаря, приставленнаго для охраны ея, поклясться, что онъ «отрубитъ ей голову», если Сарацины вторгнутся въ Даміетту, и старый рыцарь очень охотно (moult volontiers) поклялся исполнить это. Маргарита призвала къ постели своей Пизанцевъ и Генуэзцевъ, которые хотѣли покинуть городъ, и умоляла ихъ сжалиться надъ народомъ христіанскимъ и надъ ея ребенкомъ, лежащимъ возлѣ нея. Въ современныхъ лѣтописяхъ есть разсказъ о томъ, что мусульмане, послѣ побѣды ихъ, появились у воротъ города — съ оружіемъ и съ знаменами Франковъ; ихъ узнали по ихъ длиннымъ бородамъ и смуглымъ лицамъ.

Со времени бѣдствій, постигшихъ христіанъ при Манзурахѣ, прошло нѣсколько мѣсяцевъ; Египетъ уже видѣлъ поля свои, орошенныя ежегоднымъ разлитіемъ Нила, уже рѣка вошла въ свои берега, — а король французскій все еще былъ въ плѣну съ своей арміей. Сынъ Негемъ-Эддина согласился наконецъ вступить въ переговоры о мирѣ; у Людовика IX требовали теперь только четыреста тысячъ солидовъ (около двухъ сотъ тысячъ турскихъ ливровъ) и возвращенія покореннаго христіанскимъ оружіемъ города. «Я отдамъ Даміетту за мое освобожденіе, а четыреста тысячъ солидовъ за освобожденіе всѣхъ плѣнниковъ», отвѣчалъ плѣнный монархъ. Тогда миръ былъ заключенъ; на четырехъ большихъ галерахъ размѣстились рыцари и бароны и готовы были спуститься по Нилу. Султанъ каирскій выѣхалъ прежде нихъ; онъ поджидалъ христіанскихъ плѣнниковъ въ Серензахѣ, въ великолѣпномъ деревянномъ дворцѣ, который онъ велѣлъ выстроить нарочно, чтобы отпраздновать здѣсь заключеніе мира. Сюда прибыли эмиры изъ Сиріи, чтобы поздравить его съ побѣдами, одержанными надъ Франками; калифъ багдадскій прислалъ къ султану своихъ пословъ; всѣ мусульманскіе народы привѣтствовали его, какъ спасителя исламизма. Среди зрѣлищъ и празднествъ, молодой султанъ упивался восхваленіями, доносившимися до него изъ дальнихъ странъ, и не зналъ, что вокругъ него завистливое недовольство Мамелюковъ подготовляетъ возстаніе противъ него и угрожаетъ его могуществу. Въ концѣ одного большаго пира, устроеннаго въ честь вождей египетской арміи, нѣсколько эмировъ вдругъ бросаются на него съ обнаженными мечами; напрасно ищетъ онъ убѣжища въ одной изъ башенъ своего дворца; башню поджигаютъ; въ трепетѣ онъ убѣгаетъ къ Нилу; но вскорѣ его настигаютъ и онъ умираетъ подъ мечемъ убійцъ въ виду тѣхъ самыхъ галеръ, на которыхъ отправились французскіе плѣнники.

Эта кровая трагедія, причины которой они не знали, поразила удивленіемъ и ужасомъ Людовика IX и его спутниковъ. Плѣнный монархъ находился тогда въ палаткѣ, подаренной ему султаномъ, вдругъ является передъ нимъ съ обнаженнымъ мечемъ и весь въ крови одинъ изъ главныхъ эмировъ. — «Султанъ не существуетъ, — говоритъ онъ ему угрожающимъ тономъ: — что дашь ты мнѣ за то, что я освободилъ тебя отъ врага, который замышлялъ твою и нашу погибель?» — Людовикъ не отвѣчалъ ничего. Тогда, приближая къ королю остріе меча, эмиръ въ ярости закричалъ: — «Развѣ ты не знаешь, что я теперь властелинъ надъ тобою? Сдѣлай меня рыцаремъ, или ты погибъ!» — «Сдѣлайся христіаниномъ, — возразилъ король: — и тогда я сдѣлаю тебя рыцаремъ.» Эмиръ удалился, не сказавъ больше ни слова. Въ то же время другіе эмиры, вооруженные мечами и съ бердышами, повѣшенными у шеи, взошли на галеры, гдѣ находились бароны и знатные владѣтели, и начали угрожать плѣнникамъ голосомъ и жестами, повторяя на

своемъ варварскомъ нарѣчіи, что они истребятъ теперь всѣхъ Франковъ. Бароны думали, что для нихъ настaлъ послѣдній часъ; въ испугѣ начали они готовиться къ смерти и исповѣдывались другъ другу; сиръ Жуанвиль разсказываетъ намъ, что онъ принялъ исповѣдь отъ Гюи Ибелинскаго, коннетабля Кипрскаго, и что тотъ далъ ему «такое разрѣшеніе, на какое Богъ далъ ему власть». Нѣсколько дней король и его рыцари подвергались угрозамъ. Между тѣмъ, дошло дѣло и до переговоровъ о соглашеніи. Одни изъ эмировъ хотѣли, чтобы исполнены были условія перемирія, заключенныя съ султаномъ; другіе настаивали на заключеніи новаго договора. Послѣ долгихъ споровъ, было рѣшено, что король французскій возвратитъ Даміетту, прежде чѣмъ получитъ свободу, и что Франки уплатятъ половину выкупа, прежде чѣмъ выйдутъ изъ Нила. Когда наступило время давать клятву въ соблюденіи условій перемирія, то король обѣщалъ исполнить всѣ эти условія, но отказался дать формальную клятву, которую требовали отъ него; патріархъ іерусалимскій и епископы умоляли его согласиться на принесеніе присяги; мусульмане угрожали ему смертью, если онъ не произнесетъ клятвы; Людовикъ устоялъ и передъ мольбами и передъ угрозами и не произнесъ присяги, которой требовали отъ него.

Съ той и съ другой стороны заботились теперь только объ осуществленіи договора. Галеры съ плѣнниками спускались внизъ по Нилу, между тѣмъ какъ мусульманская армія двинулась сухимъ путемъ. Христіане, остававшіеся въ Даміеттѣ, передали городъ эмирамъ; египетская армія шумно вступила въ городъ; оставшіеся въ городѣ больные были умерщвлены; все, принадлежавшее Франкамъ, было предано разграбленію. Распущенность и безпорядки среди мусульманъ дошли до того, что Мамелюки готовы были на самыя жестокія крайности и задумывали истребить всѣхъ христіанъ. Эмиры, увлеченные страстями толпы, приказали возвратить галеры обратно по Нилу и начали совѣтоваться между собою о томъ, что имъ дѣлать съ плѣнниками. Одни были того мнѣнія, что не слѣдуетъ давать пощады ни королю Франковъ, ни его спутникамъ. — «Смертью, — говорили они: — слѣдуетъ воздать за смерть, которую они принесли, — и костями ихъ должны убѣлиться поля, которыя они опустошили.» Послѣ долгаго совѣщанія, готовы были уже произнести ужасный приговоръ надъ плѣнниками, но тутъ одинъ эмиръ замѣтилъ, что «съ мертвецовъ нельзя будетъ взыскать выкупа»; губительный мечъ остановился передъ этою мыслью, и страхъ лишиться четырехсотъ тысячъ солидовъ спасъ монарха и его бароновъ. Послѣдовалъ приказъ проводить галеры до Даміетты; Мамелюки вдругъ стали обнаруживать болѣе мирное настроеніе; уплативъ сумму, обѣщанную по договору, Людовикъ IX покинулъ Нилъ, и 14-го мая высадился на берегъ въ Птолемаидѣ съ семействомъ своимъ и съ печальными остатками своей арміи.

ГЛАВА XXXII.

Скорбь на Западѣ при извѣстіи о несчастіяхъ, постигшихъ Людовика IX въ Египтѣ. — Пребываніе короля въ Палестинѣ. — Переговоры съ мятежниками каирскими. — Возвращеніе Людовика во Францію. — Окончаніе похода.

(Отъ 1250 до 1253 г.).

Весь Западъ былъ убѣжденъ, что Египетъ покоренъ крестоносцами; во Франціи, первые, которые заговорили о плѣненіи короля и его арміи, были заключены въ тюрьму и преданы смертной казни; когда же истина стала извѣстна, всѣми овладѣло отчаяніе; глава вѣрующихъ послалъ государямъ и епископамъ христіанскимъ письма, преисполненныя печали.— «О, обманчивыя страны Восточныя!—восклицалъ папа:—о, Египетъ, царство мрака, неужели для того только сулилъ ты въ началѣ войны радостные дни, чтобы повергнуть всѣхъ насъ въ мрачную тьму и самому оставаться похороненнымъ во тьмѣ глубокой ночи!» Иннокентій выразилъ письменно свои соболѣзнованія королевѣ Бланкѣ, написалъ также и Людовику IX, чтобы подкрѣпить его въ его испытаніяхъ. Преемникъ Петра, въ письмахъ своихъ, заклиналъ Господа «изъяснить тайны гнѣва Его, чтобы не усомнились и не посрамлены были вѣрующіе.» Матѳей Парижскій передаетъ намъ, что, въ нѣкоторыхъ городахъ Италіи, въ стонахъ народа слышались проклятія, и что вѣра многихъ поколебалась. Рыцари и бароны Англіи не могли простить Генриху III, что онъ задержалъ ихъ у своихъ очаговъ въ то время, какъ братья ихъ крестоносцы подвергались такимъ страданіямъ на берегахъ Нила; Фридрихъ отправилъ на Востокъ пословъ, чтобы ходатайствовать у султана египетскаго объ освобожденіи короля французскаго и его товарищей по несчастію. Даже Испанія, сама занятая войною съ Сарацинами, видѣла теперь одни только несчастія христіанъ за-моремъ, и король кастильскій поклялся отправиться на Востокъ для отомщенія за удары, нанесенные дѣлу Христа.

Когда Людовикъ IX пріѣхалъ въ Палестину, то первою его заботою было отправить пословъ въ Каиръ, для уплаты остальнаго долга эмирамъ и для освобожденія воиновъ Креста, которые томились еще въ плѣну у невѣрныхъ. Возвратившіеся послы привезли съ собою только четыреста плѣнниковъ и разсказали со слезами, какъ ежедневно эмиры и народъ египетскій предаютъ смерти бароновъ и рыцарей Креста «различными истязаніями». Между тѣмъ какъ Людовикъ такимъ образомъ весь былъ поглощенъ мыслями о печальныхъ товарищахъ своей неволи, онъ получилъ

письмо отъ королевы Бланки, которая убѣдительно просила его покинуть Востокъ. У него явилось было намѣреніе возвратиться въ свое королевство; но палестинскіе христіане умоляли его не покидать ихъ: и дѣйствительно, еслибы онъ возвратился въ Европу, то на какія средства спасенія осталось-бы надѣяться Св. Землѣ и народу Іисуса Христа? Какая власть освободила-бы воиновъ Креста, которыхъ Мамелюки все еще держали въ оковахъ? Король пожелалъ посовѣтоваться съ обоими своими братьями и знатными владѣтелями, бывшими при немъ; большая часть бароновъ имѣли родственниковъ или друзей между плѣнниками, остававшимися еще въ Египтѣ; но желаніе переправиться отсюда за-море, увидѣть вновь свои давно-покинутые замки, заглушало въ нихъ всякое состраданіе. Они представляли Людовику IX, что у него не было войска и что состояніе его королевства требуетъ его возвращенія въ Европу. Многіе даже рѣзко выражали свое мнѣніе по этому поводу; но сиръ де-Шастеней, Вильгельмъ Бомонтскій, маршалъ Франціи, и благодушный Жуанвиль думали, напротивъ того, что для короля постыдно отступаться отъ крестоваго похода. Послѣ многихъ разсужденій Людовикъ, обратясь къ присутствующимъ на совѣтѣ, сказалъ: — «Если я покину эту землю, ради которой Европа принесла уже столько жертвъ, то кто осмѣлится остаться тутъ послѣ меня? Развѣ желательно, чтобы меня, прибывшаго сюда для защиты королевства іерусалимскаго, могли упрекнуть въ его разореніи? И потому я останусь здѣсь, чтобы спасти то, что у насъ осталось, чтобы освободить моихъ плѣнниковъ и чтобы воспользоваться, когда это будетъ возможно, раздорами между Сарацинами.» Послѣ этого заявленія короля, — говоритъ Жуанвиль: «многіе были совершенно поражены и начали плакать горячими слезами.» Герцоги Анжуйскій и Пуатьерскій, многіе знатные владѣтели начали готовиться къ отъѣзду. Король поручилъ имъ отвезти письмо, обращенное ко всему французскому народу, въ которомъ онъ разсказывалъ о побѣдахъ и о несчастіяхъ христіанской арміи и просилъ вѣрующихъ подать помощь Св. Землѣ.

Единственно на что могъ надѣяться теперь Людовикъ IX и что могло нѣсколько успокоивать христіанскія колоніи, это раздоры, царствовавшіе въ это время между мусульманами. Вскорѣ послѣ отъѣзда своихъ братьевъ, король принялъ посольство отъ Алепскаго и Дамасскаго султана, который предлагалъ ему соединиться съ нимъ, чтобы пойти войной на Египетъ и наказать возставшихъ Мамелюковъ. Людовикъ ограничился отвѣтомъ, что онъ связанъ договоромъ съ эмирами египетскими, и что въ случаѣ неисполненія ими условій договора, онъ охотно присоединитъ свои войска къ арміи султана сирійскаго. Въ то же время онъ отправилъ въ Каиръ Іоанна Валансьенскаго съ предложеніемъ эмирамъ выбора между миромъ и войною; эмиры снова обѣщали исполнить всѣ ихъ обѣщанія, если король французскій согласится быть ихъ союзникомъ или помощникомъ. И болѣе двухъ сотъ рыцарей были немедленно выпущены на свободу. Эти несчастныя жертвы крестоваго похода прибыли въ Птолемаиду около 1 октября 1251 г. Воспоминаніе о томъ, что они выстрадали, зрѣлище ихъ настоящаго бѣдственнаго положенія исторгало слезы состраданія у всѣхъ, кто видѣлъ ихъ. Посреди этихъ плѣнниковъ несли гробъ съ останками Готье Бріеннскаго, графа Яффскаго. Готье Бріеннскій былъ мученически умерщвленъ народомъ каирскимъ за его преданность дѣлу христіанъ. Послѣ битвы при Газѣ, гдѣ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ, его отвели въ Яффу, принадлежавшую ему и которую осаждали теперь Хорезмійцы; его поставили передъ городомъ и обѣщали возвратить ему свободу, если онъ убѣдитъ жителей сдаться; вмѣсто того, чтобы исполнить требованіе невѣрныхъ, Готье, напротивъ того, сталъ убѣждать защитниковъ города биться до смерти ради спасенія народа Божьяго; жестокое заточеніе и наконецъ смерть были воздаяніемъ за его великодушное самопожертвованіе. Людовикъ IX

Сборъ на продолженіе крестовыхъ походовъ

пожелалъ почтить этотъ образецъ христіанскаго патріотизма; вмѣстѣ съ духовенствомъ и со всѣмъ народомъ птолемаидскимъ онъ самъ сопровождалъ останки Готье Бріеннскаго, которые были погребены въ церкви рыцарей-Іоаннитовъ.

Всѣ мусульманскіе властители искали союза съ французскимъ монархомъ; еслибы у него была армія, онъ могъ бы исправить и вознаградить неудачи крестоваго похода; но Востокъ предоставлялъ ему очень небольшое число воиновъ, а Западъ не былъ расположенъ оказать ему помощь.

Король кастильскій, принявшій крестъ, умеръ въ то самое время, когда собирался пуститься въ плаваніе; преемникъ его направилъ всѣ свои силы противъ Сарацинъ африканскихъ. Тогда же умеръ Фридрихъ II въ королевствѣ Неаполитанскомъ; смерть его не остановила войны, объявленной швабскому императорскому дому. Въ имперіи Германской и даже въ Италіи, одни подняли оружіе въ пользу Конрада, сына и преемника Фридриха II, другіе — въ пользу Вильгельма, графа Голландскаго, котораго папа приказалъ избрать королемъ римскимъ. Римскій дворъ оспаривалъ неаполитанскую корону у Манфреда, и Сицилійское королевство было раздираемо смутами. Во многихъ провинціяхъ Франціи общественное горе выразилось возстаніемъ «пастушковъ»; между сельскимъ народомъ распространилось убѣжденіе, что Іисусъ Христосъ гнушается служеніемъ знатныхъ и богатыхъ людей и призываетъ служить своему дѣлу земледѣльцевъ и пастуховъ; королева Бланка сначала покровительствовала собраніямъ поселянъ, надѣясь, что они доставятъ помощь Людовику IX и христіанамъ Востока; но «пастушки», настроеніе и намѣренія которыхъ не обозначены явственно въ современной исторіи, удовольствовались тѣмъ, что выставили агнца на своихъ знаменахъ, и не приняли креста. Вожди ихъ, которые возставали противъ духовенства и проповѣдывали въ церквахъ, не упоминали ни объ Іерусалимѣ, ни о Св. Мѣстахъ. Кончилось тѣмъ, что народъ, который они сначала обольстили и увлекли подъ свои знамена, обратился противъ нихъ и истребилъ ихъ, обвинивъ ихъ въ заговорѣ и въ союзѣ съ Сарацинами.

Глава Церкви убѣдилъ короля англійскаго отправиться за-море; Генрихъ III самъ проповѣдывалъ крестовый походъ въ аббатствѣ Вестминстерскомъ. Такъ какъ папа предоставилъ ему для войны десятую часть доходовъ духовенства — впродолженіи трехъ лѣтъ, то Матѳей Парижскій приписываетъ его благочестивое рѣшеніе одному только желанію получить шесть-сотъ тысячъ турскихъ ливровъ. Исторія объясняетъ это инымъ побужденіемъ. Людовикъ IX, въ своихъ письмахъ къ нему, побуждалъ его прибыть на Востокъ и подавалъ ему надежду, что Нормандія будетъ, можетъ быть, когда-нибудь — цѣною услугъ, оказанныхъ имъ дѣлу Іисуса Христа. Если вѣрить вышеупомянутому историку, то по этому поводу спрашивалъ мнѣнія даже бароновъ французскихъ, но они отвѣчали съ такимъ гнѣвомъ и высокомѣріемъ, что Генрихъ III испугался и перестал думать о крестовомъ походѣ.

Людовикъ IX, не ожидая больше ничего ни отъ Франціи, ни отъ другихъ западныхъ народовъ, собиралъ ополченія въ Мореѣ, въ Романіи и на о. Кипрѣ. Эти ополченія, стоившія очень дорого, привели въ Палестину только воиновъ, преданность которыхъ не была испытана, и такихъ рыцарей, которые, по непостоянству своего характера, увлеклись новизною путешествія за-море, и изъ числа которыхъ многіе продавали уже свою храбрость варварамъ. Съ другой стороны, воины Креста, которыхъ Людовикъ освободилъ изъ неволи, возвратились изъ Египта въ крайне бѣдственномъ положеніи и не имѣли ничего для своего пропитанія; тѣ, которые не покидали короля, были также разорены и запрашивали такъ дорого за свою службу, говоритъ Жуанвиль, что королевской казны не доставало на ихъ жалованье. Людовикъ не могъ собрать подъ своими

знаменами болѣе шести—семисотъ рыцарей; съ такимъ малочисленнымъ войскомъ онъ не могъ рѣшиться на какую-нибудь значительную экспедицію, потому что прошло уже то время славы и чудесъ, когда человѣкъ триста рыцарей, соединившись подъ знаменемъ Креста, обращали въ бѣгство безчисленныя арміи Каира, Дамаска и Моссула.

Во все время пребыванія Людовика IX на Востокѣ, одною изъ главныхъ заботъ его было отыскивать Евангелію новыхъ послѣдователей, а дѣлу христіанъ —новыхъ союзниковъ и защитниковъ. На Андрея де-Лонжюмо была возложена миссія отправиться къ великому хану татарскому. Андрей и его спутники, — какъ разсказываетъ Жуанвиль, — были въ дорогѣ цѣлый годъ, дѣлая ежедневно десять лье, прежде чѣмъ достигли столицы или, вѣрнѣе, главной стоянки Монголовъ; въ то же время, монахъ ордена св. Франциска Рубрюквисъ былъ посланъ къ хану татарскому, княжившему на Дону, и подданные котораго одѣвались въ собачьи и въ козьи шкуры. Король французскій надѣялся, что эти монгольскіе народы примутъ христіанскую вѣру и сдѣлаются союзниками воиновъ Креста.

Нравы и обычаи Востока сильно привлекали вниманіе крестоносцевъ; особенно возбудило ихъ любопытство и удивленіе посольство отъ Старца горы, прибывшее въ Птолемаиду. Послы князя Ассассиновъ, приведенные въ присутствіе короля французскаго, спросили у него: знаетъ-ли онъ ихъ господина? — «Я слышалъ о немъ,» — отвѣчалъ монархъ. — Почему-же, — прибавилъ одинъ изъ пословъ:—не искали вы его дружбы и не посылали ему даровъ, какъ императоръ германскій, король венгерскій, султанъ каирскій и столько другихъ государей? — Два великихъ магистра Храмовниковъ и Іоаннитовъ, которые считали грознаго владыку горы въ числѣ своихъ вассаловъ и данниковъ, присутствовали при этой аудіенціи; они строго остановили депутатовъ и сказали имъ, что если Старецъ горы самъ не пришлетъ даровъ королю французскому, то немедленно будетъ наказанъ за свою дерзость. Посланные передали эти угрозы своему владыкѣ, который, желая внушить страхъ другимъ, испугался самъ и вновь отправилъ пословъ своихъ съ богатыми подарками, между которыми были замѣчательны шахматная игра и слонъ изъ горнаго хрусталя; князь Ассассиновъ присоединилъ къ этимъ подаркамъ рубашку и кольцо, какъ символъ союза. Людовикъ принялъ это новое посольство и поручилъ посланнымъ отвезти ихъ князю золотыя и серебряныя вазы и шелковыя матеріи алаго цвѣта. Ивъ Шартрскій, знавшій арабскій языкъ, сопровождалъ этихъ пословъ до Массіата. Онъ разсказывалъ по возвращеніи своемъ, что князь Ассассиновъ принадлежитъ къ сектѣ Али, и что онъ выражаетъ высокое уваженіе къ великому «господину св. Петру», который, по его мнѣнію, живъ еще, но душа котораго послѣдовательно воплощалась въ Авелѣ, Ноѣ и Авраамѣ. Ивъ Шартрскій разсказывалъ въ особенности о страхѣ, внушаемомъ Старцемъ горы своимъ подданнымъ, и между прочимъ сообщалъ, что когда Старецъ появлялся въ народѣ, то герольдъ провозглашалъ громкимъ голосомъ: — Вотъ тотъ, кто держитъ въ рукахъ своихъ жизнь и смерть всѣхъ царей! —

Главная забота Людовика IX была о плѣнникахъ, остававшихся въ рукахъ мусульманъ. Ихъ плѣнъ не былъ единственною причиною его огорченія: тысячи крестоносцевъ обратились въ мусульманскую вѣру; никогда еще въ продолженіи крестовыхъ походовъ не было столько случаевъ отступничества отъ вѣры; сколько воиновъ, которые не боялись смерти на полѣ битвы, не могли устоять при видѣ истязаній, которыми угрожали имъ! Жизнь въ довольствѣ и роскошный климатъ Египта, о которыхъ часто съ сожалѣніемъ воспоминали Евреи во время ихъ странствованія по пустынѣ, могли также обольстить и увлечь жалкую толпу пилигримовъ! Людовику IX удалось освободить только небольшое число плѣнниковъ; напрасно посылалъ онъ миссіонеровъ, чтобы

возвратить къ евангельской вѣрѣ отступившихъ отъ Христа; напрасно запрещалъ Людовикъ указами оскорблять отступниковъ, возвратившихся къ христіанству; всѣ, отрекшіеся отъ вѣры, остались въ Египтѣ, изъ опасенія, какъ говоритъ Жуанвиль, чтобы ихъ не называли: отступникъ, отступникъ!

Такъ какъ крестоносцы не вели больше войну, то начали совершать паломничества. Многіе бароны и рыцари, сложивъ съ себя оружіе и взявъ вновь котомку и посохъ пилигрима, отправлялись тогда на поклоненіе св. мѣстамъ, освященнымъ чудесами и жизнью Іисуса Христа и святыхъ апостоловъ. Жуанвиль говоритъ, что и онъ ходилъ молиться Божіей Матери Тортозской; Людовикъ IX посѣтилъ гору Ѳаворъ, селеніе Кану, городъ Назаретъ; въ Іерусалимѣ онъ не былъ, не смотря на приглашеніе князей мусульманскихъ, будучи убѣжденъ, что только побѣда должна открыть передъ нимъ ворота этого города, и что христіанскій монархъ не можетъ войти въ священный городъ иначе, какъ освободивъ его своимъ оружіемъ.

Людовикъ IX не прерывалъ своихъ переговоровъ съ Мамелюками, и наконецъ, заключенъ былъ договоръ, по которому священный городъ и всѣ города въ Палестинѣ, за исключеніемъ Газы и Даруна, переходили въ руки Франковъ; крестоносцы и владѣтели Египта обѣщали общими силами занять Сирію и раздѣлить между собою завоеванія. Вслѣдствіе этого договора, эмиры отослали къ Людовику IX христіанскихъ дѣтей, попавшихъ въ руки мусульманъ, и головы мучениковъ крестоваго похода, которыя были выставлены на стѣнахъ Каира. Обѣ арміи должны были соединиться въ Газѣ; но Египтяне не явились; прождавъ ихъ здѣсь около года, Людовикъ IX узналъ, что султанъ каирскій и султанъ дамасскій примирились и заключили между собою союзъ, чтобы объявить войну христіанамъ. Такимъ образомъ всѣ договоры съ Египтомъ были нарушены; пришлось сосредоточить все вниманіе на защитѣ городовъ христіанскихъ, угрожаемыхъ одновременно съ двухъ сторонъ. Людовикъ IX не упустилъ изъ вида ничего, чтобы укрѣпить Яффу, Кесарію, Птолемаиду и Сидонъ; онъ ободрялъ рабочихъ своимъ присутствіемъ. Дѣло это, потребовавшее значительныхъ суммъ, заставило невѣрныхъ предполагать, что король французскій — самый богатый и самый могущественный изъ монарховъ. Въ то время, какъ воздвигались стѣны Сидона, двѣ тысячи рабочихъ были застигнуты врасплохъ и умерщвлены Туркменами, прибывшими изъ Пансады. Людовикъ, поспѣшно прибывшій изъ Яффы, нашелъ ихъ тѣла оставленными безъ погребенія; такъ какъ никто не рѣшался подходить къ нимъ, то святой монархъ самъ поднялъ одно изъ этихъ тѣлъ, уже разложившееся, и перенесъ его на мѣсто, которое онъ велѣлъ освятить. «Пойдемте, друзья мои, — сказалъ онъ: — дадимъ немного земли труженикамъ Іисуса Христа.» Сопровождавшіе его поспѣшили послѣдовать его примѣру, и всѣ мертвые были погребены. Какая побѣда можетъ сравниться съ подобнымъ подвигомъ милосердія!

Во время пребыванія короля въ Сидонѣ, пришло извѣстіе о кончинѣ королевы Бланки; ни-одно несчастіе не огорчало его такъ сильно; съ этихъ поръ онъ думалъ только о возвращеніи во Францію; это возвращеніе становилось необходимымъ: для христіанскихъ колоній больше нечего было дѣлать. Послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Палестинѣ, онъ выѣхалъ моремъ изъ Птолемаиды, унося съ собою сожалѣніе, что не могъ исправить тѣ несчастія, которыя постигли его въ Египтѣ.

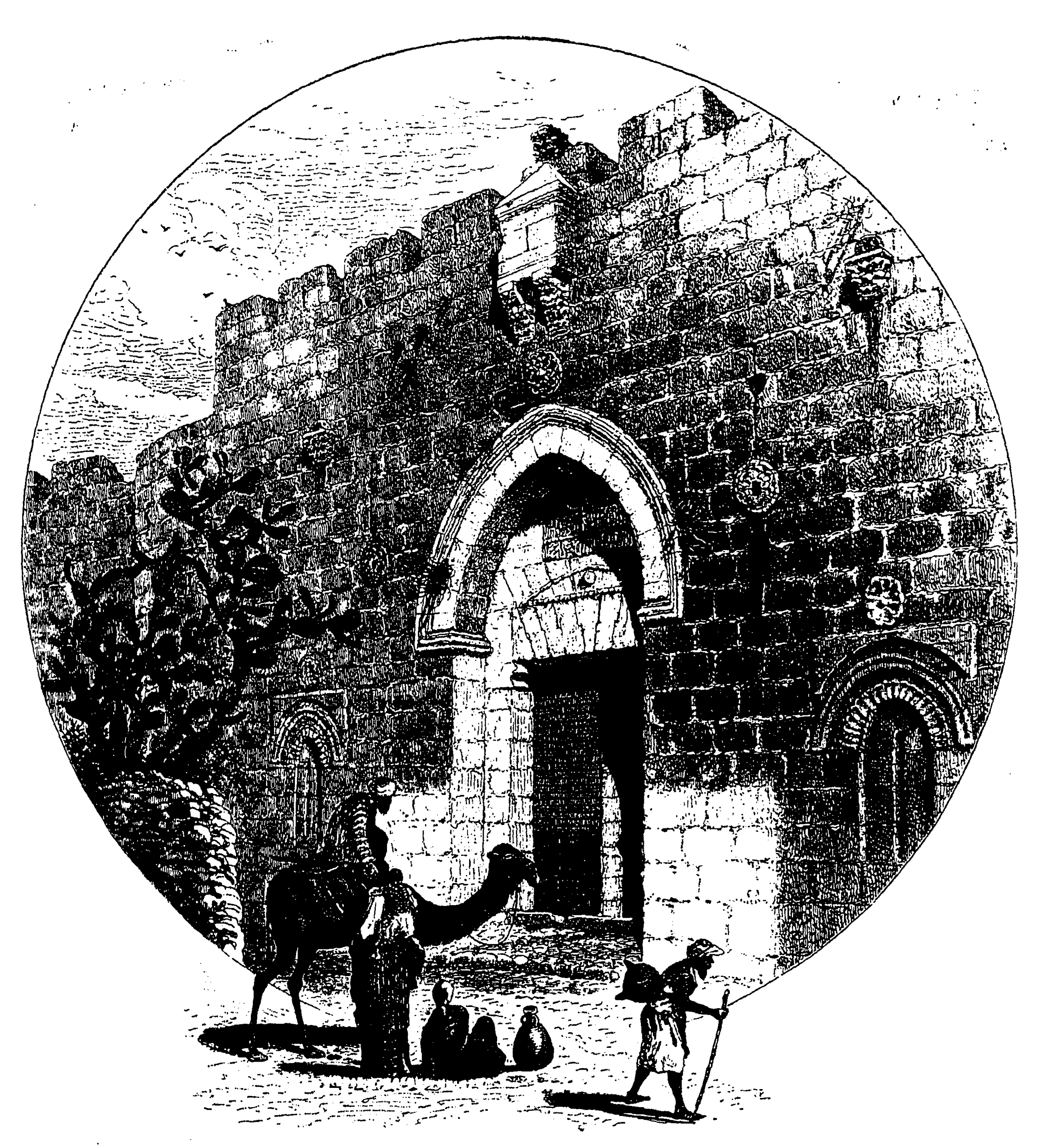
Таковъ былъ этотъ седьмой крестовый походъ, начало котораго преисполнило радостію всѣ христіанскіе народы, и который, впослѣдствіи, повергъ въ печаль весь Западъ: никогда еще во время священныхъ войнъ не было принято столькихъ мѣръ для обезпеченія успѣха экспедиціи, и никогда еще не было такого несчастнаго крестоваго похода. Никогда еще государь-крестоносецъ не былъ такъ чтимъ своими товарищами по оружію, и никогда еще распущенность и от-

сутствіе дисциплины не заходили такъ далеко въ христіанской арміи; еслибы этотъ крестовый походъ былъ удаченъ, то, вѣроятно, уже съ тѣхъ самыхъ поръ Египетъ сдѣлался-бы колоніею Франковъ. Историки сообщаютъ, что Людовикъ IX увезъ съ собою множество мастеровъ и земледѣльцевъ; что дѣлалось въ другія времена въ видахъ торговли или цивилизаціи, то же дѣлалось тогда въ интересахъ христіанства, и результаты были тождественны, потому-что религія была политикою того времени. Подобно экспедиціи Іоанна Бріеннскаго и Пелагія, походъ Людовика IX навлекъ на египетскихъ христіанъ великія преслѣдованія. Древняя Даміетта была разрушена тогда и вновь выстроена въ двухъ лье отъ устья Нила; во время этой экспедиціи Людовика Святаго образовалась та странная республика Мамелюковъ, которая, выдержавъ нѣсколько революцій, властвовала надъ Египтомъ впродолженіи болѣе пяти столѣтій, и которая пала окончательно и исчезла во время другой французской экспедиціи — Бонапартовой.

Хотя этотъ крестовый походъ сопровождался большими несчастіями, нельзя, однакоже, сказать, что собственно Франція много пострадала отъ него. Между тѣмъ, какъ Европу волновала война между духовной властью и имперіею, королевство лилій было оберегаемо мыслью о священной войнѣ. Какъ золото, испытанное до семи разъ, Людовикъ возвратился еще лучшимъ, чѣмъ былъ тогда, когда уѣхалъ; онъ возвратился еще болѣе почитаемымъ своими подданными, еще болѣе великимъ въ глазахъ своихъ современниковъ; впродолженіи пятнадцати лѣтъ, послѣдовавшихъ за крестовымъ походомъ, онъ никогда не забывалъ уроковъ, преподанныхъ ему несчастіемъ, и эти пятнадцать лѣтъ составили эпоху славы и благоденствія его народа.

Во время пребыванія Людовика на Востокѣ, въ Европѣ продолжались экспедиціи во имя Креста; въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ странахъ шла война противъ язычниковъ и идолопоклонниковъ; во время этой войны были выстроены разные города; многіе варварскіе народы были озарены свѣтомъ Евангельскаго ученія, и семья западныхъ христіанъ увеличилась, благодаря побѣдамъ крестоносцевъ.

Сіонскія ворота или ворота пророка Давида.

ГЛАВА XXXIII.

Несчастное положеніе христіанъ въ Св. Землѣ. — Восьмой крестовый походъ. — Вторая экспедиція Людовика Святаго. — Французскіе крестоносцы передъ Тунисомъ. — Смерть Людовика Святаго. — Окончаніе восьмаго крестоваго похода.

(Отъ 1268 до 1270 г.)

После отъѣзда Людовика IX, христіанскія колоніи продолжали подвергаться тѣмъ-же бѣдствіямъ и тѣмъ-же опасностямъ. Не стало больше ни короля, ни королевства Іерусалимскаго; каждый городъ имѣлъ своего владѣтеля и свое управленіе; въ приморскихъ городахъ населеніе

состояло изъ Венеціанцевъ, Генуэзцевъ, Пизанцевъ, которые перенесли съ собою изъ Европы духъ зависти и соперничества; нигдѣ не было сильной власти, которая могла-бы заставить уважать законы внутри страны и договоры, касающіеся внѣшнихъ отношеній. Одна церковь въ Птолемаидѣ, находившаяся въ общемъ владѣніи у Генуэзцевъ и Пизанцевъ, сдѣлалась предметомъ кровопролитной борьбы, настоящей войны, которая, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, производила смуты во всѣхъ христіанскихъ городахъ въ Сиріи и распространилась до самаго Запада. Раздоры между Храмовниками и Іоаннитами, утихшіе на короткое время, возобновились съ яростію; въ одной современной лѣтописи говорится, что въ одной битвѣ не осталось ни одного Храмовника, чтобы возвѣстить о пораженіи рыцарей этого ордена. Главныя опасности угрожали палестинскимъ христіанамъ со стороны Египта. Безобразное управленіе Мамелюковъ, образовавшееся во время плѣна Людовика Святаго, возросло и укрѣпилось даже среди насилій и разгара страстей, которыя содѣйствуютъ, обыкновенно, къ ослабленію и разрушенію государствъ. Среди неурядицы партій и междоусобной борьбы, народъ сдѣлался воинственнымъ, и преобладаніе власти досталось самымъ храбрымъ и самымъ искуснымъ. Женщина, ребенокъ, нѣсколько человѣкъ, имена которыхъ даже неизвѣстны въ исторіи, послѣдовательно занимали престолъ султановъ, пока, наконецъ, онъ не достался одному вождю, болѣе неустрашимому, болѣе предпріимчивому, болѣе смѣлому, чѣмъ всѣ другіе. Бибарсъ, невольникъ, купленный на берегахъ Окса, изучилъ, въ лагеряхъ и среди разныхъ партій, все, что нужно знать, чтобы управлять варварскимъ народомъ, къ которому онъ принадлежалъ. Онъ воскресилъ могущество Саладина, и всѣ силы новой имперіи были употреблены на борьбу съ колоніями Франковъ.

Первымъ враждебнымъ дѣйствіемъ со стороны Бибарса было взятіе Назарета и сожженіе великолѣпной церкви Божіей Матери. Потомъ онъ устремился на Кесарію, гдѣ все населеніе было предано смерти или рабству, и на Арсуфъ, который былъ обращенъ въ развалины. Множество дервишей, имамовъ, благочестивыхъ мусульманъ присутствовали при осадѣ этихъ двухъ христіанскихъ городовъ и воодушевляли воиновъ своими рѣчами и молитвами. Бибарсъ, совершивъ паломничество въ Іерусалимъ, для того, чтобы призвать себѣ на помощь Магомета, предпринялъ осаду города Сафеда, выстроеннаго на самой высокой горѣ въ Галилеѣ; Храмовники, которымъ принадлежалъ этотъ городъ, были принуждены сдаться, и не смотря на капитуляцію, погибли всѣ отъ меча. Когда были отправлены къ султану послы, съ жалобой на это нарушеніе международнаго права, то онъ, во главѣ своихъ Мамелюковъ, началъ обходить всю страну, убивая всѣхъ, встрѣчавшихся ему, и повторяя, что онъ хочетъ опустошить христіанскіе города и населить ихъ гробницы. Вскорѣ и Яффа, укрѣпленная Людовикомъ Святымъ, попала въ руки Мамелюковъ, которые перерѣзали всѣхъ жителей и предали городъ пламени. Самымъ великимъ бѣдствіемъ этой войны было взятіе Антіохіи: городъ этотъ, стоившій столько крови и страданій товарищамъ Готтфрида Бульонскаго, впродолженіи двухъ вѣковъ отражавшій нападенія варваровъ съ береговъ Ефрата и Тигра, не дольше недѣли могъ сопротивляться солдатамъ Бибарса. Такъ какъ графъ Триполискій, владѣтель этого города, бѣжалъ изъ него, то султанъ письменно увѣдомилъ его о своей побѣдѣ. «Смерть, — писалъ онъ: — пришла со всѣхъ сторонъ и по всѣмъ путямъ; мы умертвили всѣхъ тѣхъ, которыхъ ты избралъ для охраны Антіохіи; еслибы ты видѣлъ рыцарей своихъ, попираемыхъ ногами коней, женъ подданныхъ твоихъ, продаваемыхъ съ молотка, опрокинутые кресты и каѳедры церковныя, разсѣянные и разлетающіеся по вѣтру листы изъ Евангелія, дворцы твои, объятые пламенемъ, мертвецовъ, горящихъ въ огнѣ міра сего, то, навѣрное, ты воскликнулъ-бы: — Господи! пусть и я превращусь въ прахъ!»

Таковъ былъ врагъ Франковъ, такова была война, которую онъ велъ съ христіанскими колоніями на Востокѣ. Всего печальнѣе то, что современная исторія не упоминаетъ ни объ одной битвѣ, данной христіанами; каждый городъ, казалось, ждалъ въ своихъ стѣнахъ наступленія своего послѣдняго часа; въ предшествующее столѣтіе подобныя бѣдствія воспламенили-бы весь Западъ; въ настоящее-же время къ варварскимъ дѣйствіямъ невѣрныхъ относились равнодушно, и воинственный энтузіазмъ, который произвелъ столько чудесъ во время первыхъ крестовыхъ походовъ, казалось, перешелъ теперь на сторону мусульманъ. Во всѣхъ мечетяхъ проповѣдывали войну противъ христіанъ; со всѣхъ народовъ собирали «десятину» въ пользу священной войны, и эта десятина называлась «Божіимъ налогомъ». Всѣ слухи, доносившіеся изъ христіанскихъ колоній, возвѣщали, что могущество христіанъ падаетъ со всѣхъ сторонъ, и что не остается почти никакихъ слѣдовъ завоеваній героевъ Креста. Послѣ извѣстія о паденіи Антіохіи, пришла вѣсть, что Византія перешла подъ власть Грековъ; эта латинская Восточная имперія, не просуществовавъ даже вѣка человѣческой жизни, тихо угасла; намъ едва извѣстны обстоятельства, сопровождавшія конецъ ея; и чтобы выразить намъ, до какого униженія дошла она во всѣхъ отношеніяхъ, исторія ограничивается сообщеніемъ, что Греки вошли въ императорскій городъ, какъ тати ночные, и что воины Палеолога пробрались туда черезъ сточную трубу, находившуюся недалеко отъ Золотыхъ Воротъ.

Снова явился на Западъ императоръ Балдуинъ, испрашивающій милостыню и умоляющій папу о состраданіи къ своему бѣдственному положенію. Въ то же время прибыли сюда съ береговъ Сиріи архіепископъ тирскій и великіе магистры Храмовниковъ и Іоаннитовъ, которые возвѣстили, что имперія Франковъ за-моремъ неизбѣжно погибнетъ, если ей не будетъ оказана помощь. Во многихъ государствахъ начали опять проповѣдывать крестовый походъ, но никто не принялъ креста. Чтобы объяснить это равнодушіе народовъ, о которомъ мы уже говорили и котораго не могли тронуть даже великія бѣдствія, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе. Пока ворота Іерусалима были открыты для христіанъ, изъ всѣхъ странъ Запада отправлялось множество паломниковъ съ цѣлію поклониться гробу Господню; но съ тѣхъ поръ, какъ Іерусалимъ снова перешелъ подъ власть мусульманъ, завистливое и подозрительное варварство загородило совсѣмъ путь къ Сіону христіанамъ и въ особенности Франкамъ; не встрѣчались почти больше пилигримы по дорогѣ къ священному городу; и даже тѣ изъ нихъ, которые приходили въ Палестину или жили въ городахъ, принадлежавшихъ христіанамъ, не ходили больше на поклоненіе Св. Гробу; усердіе къ паломничеству ослабѣвало, такимъ образомъ, съ каждымъ днемъ, а съ нимъ и энтузіазмъ къ священной войнѣ, возбуждаемый этимъ паломничествомъ.

На священныя войны смотрѣли тогда, какъ на роковое несчастіе, и только не доставало того, чтобы обвинять Провидѣніе, отступившееся, повидимому, отъ своего собственнаго дѣла; каѳедры, съ высоты которыхъ такъ долго провозглашались крестовые походы, хранили теперь унылое молчаніе; одинъ современный поэтъ, описывая несчастія Святой Земли, восклицалъ въ своей сатирѣ: «Неужели приходится вѣрить тому, что самъ Богъ покровительствуетъ невѣрнымъ?» Тотъ-же поэтъ или трубадуръ выражалъ отчаяніе христіанъ въ такихъ словахъ, которыя въ настоящее время показались-бы безбожными. «Безуменъ тотъ, — говорилъ онъ: — кто пожелалъ-бы вступать въ борьбу съ Сарацинами, когда самъ Іисусъ Христосъ оставляетъ ихъ въ покоѣ и допускаетъ ихъ торжествовать одновременно и надъ Франками, и надъ Татарами, надъ народами Арменіи, и надъ народами Персіи. Всякій день христіанскій народъ подвергается новому

униженію; потому что Онъ спитъ, тотъ Богъ, котораго свойствомъ было бодрствованіе, между тѣмъ какъ Магометъ является во всей своей силѣ и ведетъ все впередъ свирѣпаго Бибарса.»

Среди всѣхъ смутъ въ Европѣ, раздираемой разнородною борьбою, одинъ только монархъ еще заботился объ участи христіанскихъ колоній на Востокѣ. Самое воспоминаніе о несчастіяхъ, вынесенныхъ имъ за достояніе Іисуса Христа, привлекало благочестиваго Людовика IX къ тому дѣлу, отъ котораго, казалось, всѣ отступились. Когда онъ посовѣтовался съ папою о своемъ намѣреніи возобновить войну съ невѣрными, то Климентъ IX колебался относительно своего отвѣта и долго старался убѣдить себя, что намѣреніе монарха было внушено ему Богомъ. Наконецъ, 23 марта 1268 г., когда парламентъ королевства собрался въ одной изъ залъ Лувра, французскій король, сопровождаемый папскимъ легатомъ, который несъ въ рукахъ терновый вѣнецъ Іисуса Христа, объявилъ о своемъ намѣреніи помочь Св. Землѣ. Людовикъ IX обратился ко всѣмъ окружающимъ и увѣщевалъ ихъ принять крестъ; посланникъ главы Церкви говорилъ рѣчь послѣ него и въ патетическомъ увѣщаніи призывалъ всѣхъ французскихъ воиновъ вооружиться противъ невѣрныхъ. Людовикъ получилъ крестъ изъ рукъ легата; примѣру его послѣдовали три сына его; вслѣдъ за тѣмъ, легатъ принялъ клятву отъ многихъ прелатовъ, графовъ и бароновъ; между тѣми, которые приняли крестъ въ присутствіи короля и въ слѣдующіе за проповѣдью дни, исторія упоминаетъ объ Іоаннѣ графѣ Бретонскомъ, Альфонсѣ Бріеннскомъ, Тибо королѣ Наваррскомъ, герцогѣ Бургундскомъ, графахъ Фландрскомъ, де Сенъ-Поль, де-ля-Маршъ, Суассонскомъ. Женщины выказали не меньшее рвеніе: графини Бретонская и Пуатьерская, Іоланта Бургундская, Іоанна Тулузская, Изабелла Французская, Амелія Куртнейская и многія другія рѣшились послѣдовать за своими мужьями въ эту заморскую экспедицію. Всѣ тѣ, которые поступали, такимъ образомъ, въ крестоносцы, дѣйствовали не подъ вліяніемъ энтузіазма къ крестовымъ походамъ, но по любви къ святому королю и изъ уваженія къ его волѣ. Никто не мечталъ теперь о завоеваніи богатыхъ владѣній въ странѣ Сарациновъ; Святая Земля предлагала только пальмы мученичества тѣмъ, кто обнажалъ мечъ для ея защиты. Всѣ были разочарованы въ надеждахъ на успѣхъ на Востокѣ; королева Маргарита, столько выстрадавшая въ Даміеттѣ, не могла рѣшиться сопровождать въ этотъ разъ своего супруга; сиръ Жуанвиль, вѣрный товарищъ Людовика IX, не могъ согласиться покинуть своихъ вассаловъ, которые уже испытали тягость его отсутствія; по мнѣнію, составленному имъ о новомъ крестовомъ походѣ, онъ не боялся говорить, что тѣ, «которые посовѣтовали королю предпринять путешествіе за-море, смертельно согрѣшили.»

Однакоже, никто не жаловался и не роптал на Людовика IX. Духъ смиренія, бывшій одною изъ добродѣтелей монарха, казалось, сообщился и душамъ его подданныхъ, и, выражаясь словами папской буллы, въ самоотверженіи короля Французы видѣли только благородную и горестную жертву дѣлу христіанъ, тому дѣлу, ради котораго «Господь не пощадилъ Единороднаго Своего Сына».

Выступленіе крестоносцевъ было назначено въ 1270 г.; такимъ образомъ, около трехъ лѣтъ были употреблены на приготовленія къ походу. Духовенство, обремененное разными налогами, не безъ нѣкотораго сопротивленія уплачивало предписанную папою десятину. Король прибѣгнулъ къ налогу, называвшемуся поголовною податью, и который, въ силу феодальныхъ обычаевъ, государи могли требовать отъ своихъ вассаловъ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Знатные владѣтели, принявшіе крестъ, уже больше не были воодушевлены энтузіазмомъ до такой степени, чтобы продавать свои земли и разоряться; Людовикъ взялъ на себя путевыя издержки и назна-

чилъ имъ жалованье, о чемъ и въ поминѣ не было во время крестовыхъ походовъ Людовика VII и Филиппа-Августа. Благочестивый монархъ употребилъ всѣ средства, чтобы обезпечить спокойствіе королевства во время своего отсутствія; вѣрнѣйшимъ способомъ для этого было составленіе хорошихъ законовъ: въ это время были обнародованы указы (les ordonnances), которые еще до сихъ поръ составляютъ славу его царствованія.

Проповѣдывали крестовый походъ и въ другихъ государствахъ Европы; на соборѣ Нортамптонскомъ, принцъ Эдуардъ, старшій сынъ Генриха III, далъ обѣтъ идти сражаться съ невѣрными; своимъ блистательнымъ мужествомъ онъ восторжествовалъ надъ баронами, возставшими противъ короля; тѣ, которыхъ онъ побѣдилъ, послѣдовали его примѣру, и всѣ страстныя увлеченія междоусобной войны превратились тогда въ рвеніе къ священной войнѣ. Каталонія и Кастилія доставили также многочисленное ополченіе крестоносцевъ; король португальскій и Іаковъ Арагонскій пожелали сражаться подъ знаменами Людовика Святаго и ѣхать съ нимъ на Востокъ. Новый король неаполитанскій, Карлъ Анжуйскій, избраніемъ котораго были недовольны, приказалъ также проповѣдывать священную войну въ своихъ владѣніяхъ; честолюбіе его стремилось воспользоваться крестовымъ походомъ съ цѣлію покорить Грецію, или подчинить своей власти Африканское прибрежье.

Между тѣмъ, французскіе крестоносцы выступали въ путь изъ всѣхъ провинцій и направлялись къ портамъ Марсельскому и Эгъ-Мортскому, гдѣ ждали ихъ генуэзскіе корабли. Король передалъ управленіе королевствомъ Матѳею, аббату Сенъ-Денисскому, и Симону, сиру Нельскому. Въ мартѣ 1270 г., онъ поѣхалъ въ аббатство Сенъ-Денисское и принялъ хоругвь; на другой день онъ присутствовалъ при литургіи, совершенной ради крестоваго похода въ церкви Парижской Богоматери (Notre-Dame), и ночевалъ въ Венсенѣ, откуда и отправился въ свое дальнее странствіе. Народъ и дворъ были въ великой печали, общая скорбь еще болѣе усиливалась отъ того, что не знали, куда именно будетъ направлена экспедиція; были смутныя предположенія относительно африканскаго прибрежья. Папа написалъ палестинскимъ христіанамъ, чтобы возвѣстить имъ о помощи съ Запада. Крестоносцы арагонскіе и многихъ другихъ странъ уже отплыли къ берегамъ Сиріи; но честолюбивая политика Карла Анжуйскаго заставила измѣнить всѣ планы; онъ посовѣтовалъ напасть на Тунисъ и достигъ того, что его мнѣніе восторжествовало на совѣтѣ Людовика IX. Святой король увлекся надеждою обратить въ христіанскую вѣру князя тунисскаго и его народъ. По совершеніи молебствія и обычныхъ церемоній, флотъ, на которомъ былъ Людовикъ IX съ своей арміею, выступилъ въ море 11-го іюля и направился къ берегамъ Африки; 14-го іюля онъ былъ въ виду Туниса и высадился на берегахъ древняго Карѳагена, на мѣстѣ котораго было теперь мѣстечко, называемое Марза. Высадившись безъ всякихъ препятствій, крестоносцы, съ мечами въ рукахъ, овладѣли башнею, охраняемою Маврами, раскинули тутъ свой лагерь, и не зная того, что они попираютъ ногами развалины Аннибалова города, начали приготовляться къ осадѣ Туниса.

ГЛАВА XXXIV.

Продолженіе восьмаго крестоваго похода. — Болѣзнь и кончина Людовика Святаго — Мирный договоръ съ княземъ туниссцимъ. — Возвращеніе французскихъ крестоносцевъ во Францію.

Тунисъ, извѣстный у Римлянъ подъ названіемъ *Тенисъ* или *Тенисса*, расположенный въ пяти лье отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Карѳагенъ, по развитію промышленности и многочисленности народонаселенія, былъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ Африки. Въ немъ насчитывалось до десяти тысячъ домовъ и было три большихъ предмѣстья; къ обогащенію его содѣйствовало унаслѣдованіе достоянія многихъ народовъ и успѣшная торговля, производимая въ огромныхъ размѣрахъ. Доступы въ городъ были защищены башнями и стѣнами. Для начатія осады Туниса, Людовикъ IX поджидалъ короля сицилійскаго, который долженъ былъ прибыть съ флотомъ и арміею; благочестивый монархъ надѣялся также, что князь мусульманскій, обѣщавшій принять христіанскую вѣру, предупредитъ бѣдствія войны искреннимъ обращеніемъ. Къ несчастію, король сицилійскій заставилъ ждать себя нѣсколько недѣль, а тунисскій властитель, вмѣсто того, чтобы обратиться въ христіанскую вѣру, собрался съ силами и посланные его наконецъ объявили, что онъ явится «принять крещеніе на полѣ битвы». Въ послѣдніе дни іюля и въ первую половину августа толпы Мавровъ и Аравитянъ постоянно являлись поблизости лагеря крестоносцевъ, но еще не осмѣливались сдѣлать открытаго нападенія. Воины Креста не удостоивали почти вниманія подобныхъ враговъ; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была ихъ стоянка, ихъ ожидали болѣе грозныя опасности, чѣмъ война. Страна эта, нѣкогда плодородная, превратилась теперь въ безплодную и знойную пустыню; съ первыхъ дней прибытія у крестоносцевъ уже оказался недостатокъ въ водѣ; пищею же имъ служило соленое мясо; дизентерія и злокачественныя лихорадки начали производить опустошеніе въ христіанскомъ лагерѣ; первыми жертвами, которыя пришлось оплакивать, были: графы Вандомскій и де-ла-Маршъ, знатные владѣтели де-Монморанси, де-Пьеннь, де-Бриссакъ и проч. Наконецъ, стало умирать столько народа, что пришлось заваливать могилы трупами безъ разбора. Людовикъ IX старался поддерживать бодрость въ вождяхъ и въ воинахъ—и словомъ своимъ и примѣромъ своей покорности, но онъ самъ захворалъ дизентеріей. Пока былъ въ силахъ, онъ заботился о нуждахъ арміи; когда-же болѣзнь усилилась и онъ почувствовалъ приближеніе смерти, то велѣлъ поставить передъ собою крестъ, и воздѣвъ

Трубадуры, воспѣвающіе крестовые походы

руки, началъ молиться Тому, кто пострадалъ за родъ человѣческій. Вся армія была поражена скорбью; солдаты заливались слезами. Затѣмъ Людовикъ обратился къ сыну своему Филиппу, наслѣднику своего престола, съ совѣтами, какъ управлять государствомъ, которое должно перейти къ нему теперь. Заповѣдавъ ему уважать самому и другихъ заставлять уважать св. вѣру и ея служителей, во всякое время и больше всего бояться оскорбить Бога, онъ прибавилъ: — «Дорогой сынъ мой, если ты взойдешь на престолъ, то покажи себя своимъ поведеніемъ достойнымъ сподобиться св. помазанія, которымъ посвящаются на царство французскіе короли... Когда ты сдѣлаешься королемъ, то будь справедливъ во всѣхъ отношеніяхъ, не уклоняйся ни ради чего отъ прямаго пути и правды... Употреби всѣ твои усилія, чтобы умиротворить раздоры, могущіе возникнуть въ государствѣ, такъ какъ Богу всего угоднѣе зрѣлище мира и согласія... Будь справедливъ во взиманіи общественныхъ налоговъ, мудръ и умѣренъ въ распоряженіи ими... Исправляй благоразумно и осторожно всѣ недостатки въ законахъ королевства... Поддерживай съ честію установленныя права и привиллегіи... Чѣмъ счастливѣе будутъ твои подданные, тѣмъ болѣе ты будешь великъ... Чѣмъ безукоризненнѣе будетъ твое управленіе, тѣмъ болѣе оно внушитъ страха врагамъ и они не посмѣютъ нападать на твое государство»... Такимъ образомъ было преподано это евангеліе царствованія среди бѣдствій крестоваго похода умирающимъ королемъ. Мы сожалѣемъ, что, во время нашего долгаго путешествія по слѣдамъ крестоносцевъ, намъ не удалось прочесть эти послѣднія слова Людовика IX на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они были произнесены.

Преподавъ наставленія сыну своему, Людовикъ IX не хотѣлъ болѣе помышлять ни о чемъ, кромѣ Бога, и остался наединѣ съ своимъ духовникомъ: «уста его не переставали, — говоритъ одинъ очевидецъ: — ни днемъ, ни ночью прославлять нашего Господа и молиться Ему за народъ, который онъ сюда привелъ»; иногда онъ призывалъ Св. Діонисія, къ которому онъ часто прибѣгалъ съ молитвою во время битвъ, испрашивая его помощи для той арміи, которую онъ теперь оставлялъ безъ вождя. Въ девять часовъ утра, въ понедѣльникъ, 25-го августа, у него отнялся языкъ, но онъ продолжалъ смотрѣть на всѣхъ «благосклонно». «Между третьимъ и девятымъ часомъ онъ, казалось, заснулъ, и такъ болѣе получаса оставался съ закрытыми глазами, потомъ, какъ будто оживился, открылъ глаза, посмотрѣлъ на небо и сказалъ: — «Господи! я войду въ домъ Твой и буду поклоняться Тебѣ въ Святилищѣ Твоемъ!» Онъ скончался въ три часа пополудни. Филиппъ, самъ больной, принималъ среди общей скорби привѣтствія и присягу въ вѣрности отъ вождей арміи, бароновъ и знатныхъ владѣтелей, которые находились здѣсь. Тремъ духовнымъ лицамъ, присутствовавшимъ при кончинѣ Людовика, было поручено отправиться съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ на Западъ. Они повезли съ собою посланіе, обращенное «къ духовенству и ко всѣмъ добрымъ людямъ въ королевствѣ». Филиппъ, въ письмѣ своемъ, которое было прочитано въ присутствіи всѣхъ вѣрующихъ, просилъ молиться объ упокоеніи души отца его, и обѣщалъ слѣдовать примѣру государя, который всегда любилъ королевство французское и берегъ его, «*какъ зеницу ока*».

Король сицилійскій, прибывшій въ Африку въ то самое время, когда умиралъ Людовикъ IX, принялъ на себя командованіе арміей; война возобновилась; воины Креста, отвлеченные впродолженіи цѣлаго мѣсяца отъ дѣла смертью и погребеніями своихъ вождей и товарищей, искали развлеченія въ битвахъ, и во многихъ схваткахъ обратили въ бѣгство толпы Мавровъ и Аравитянъ. Князь тунисскій, боясь за свою столицу, отправилъ къ вождямъ крестоваго похода пословъ, просить мира; онъ обязывался платить дань королю Сициліи, и обѣщалъ, сверхъ того, передать

христіанамъ часть своихъ сокровищъ для покрытія военныхъ издержекъ. 31-го октября было заключено перемиріе на пятнадцать солнечныхъ лѣтъ между *калифомъ, имамомъ, повелителемъ правовѣрныхъ, Абу-Абдуллою-Магометомъ* съ одной стороны и *княземъ, знаменитымъ* Филиппомъ, Божіею милостію королемъ Франціи, *княземъ знаменитымъ* Карломъ, королемъ Сициліи, *княземъ знаменитымъ* Тибо, королемъ наваррскимъ съ другой стороны. Въ силу этого договора слѣдовало произвести съ той и другой стороны обмѣнъ плѣнныхъ и заключенныхъ въ темницахъ, монахамъ и священникамъ христіанскимъ позволялось селиться во владѣніяхъ повелителя правовѣрныхъ, свободно проповѣдывать въ предѣлахъ своихъ церквей, безпрепятственно отправлять богослуженіе и дѣлать въ Тунисѣ *все то, что они дѣлали въ своей странѣ.* Большая часть знатныхъ владѣтелей и бароновъ, сопровождавшихъ Людовика IX въ крестовомъ походѣ, были поименованы въ этомъ договорѣ.

Флотъ, который долженъ былъ перевезти во Францію печальные остатки крестоваго ополченія, вышелъ въ море въ концѣ октября. На пути къ Сициліи онъ былъ застигнутъ страшною бурею; болѣе четырехъ тысячъ крестоносцевъ погибло въ волнахъ. Король наваррскій умеръ скоро послѣ того, какъ вышелъ на берегъ въ Дрепанѣ (нынѣ Трепани). Жена его Изабелла не могла перенести эту потерю, она умерла отъ горя. Филиппъ, остановившійся въ Сициліи, уѣхалъ во Францію въ январѣ; молодая королева, сопровождавшая его, была новою жертвою крестоваго похода: проѣзжая по Калабріи, она умерла вслѣдствіе паденія. Оставшись одинъ, король продолжалъ путь, увозя съ собою останки своего отца, брата и жены. Вскорѣ онъ получилъ извѣстіе, что графъ и графиня Пуатьерскіе умерли въ Тосканѣ, на возвратномъ пути въ Лангедокъ. Перебравшись черезъ Монъ-Сени, Филиппъ снова увидѣлъ свое королевство, которое нашелъ въ глубокой скорби. Какое зрѣлище и для Франціи! погребальныя урны, остатки когда-то цвѣтущей арміи, молодой государь, больной и только чудомъ избѣжавшій всѣхъ бѣдствій крестоваго похода! Останки Людовика IX были перенесены въ аббатство Сенъ-Дени, гдѣ на нашихъ уже глазахъ они были развѣяны по вѣтру; сердце и внутренности остались въ Сициліи, гдѣ аббатство Монреальское лучше защитило ихъ отъ оскорбительныхъ ударовъ времени и революцій.

Эта экспедиція Людовика IX, какъ видно изъ вышеизложеннаго, была дѣйствительно лишь длиннымъ рядомъ погребеній и несчастій безъ всякой славы; благочестивый геній или, вѣрнѣе, ангелъ крестовыхъ походовъ, облекшись тогда въ траурный крепъ, возвратился на небо съ душою святаго короля. Тѣмъ не менѣе, въ нашъ вѣкъ шагнувшей далеко впередъ цивилизаціи, въ то время, когда распространеніе повсюду просвѣщенія вмѣняется въ славу, мы не должны забывать, что эта дальняя война, среди которой умеръ король Франціи, имѣла цѣлію озарить свѣтомъ Евангелія варварскія страны, и присоединить народы африканскіе къ развитію и судьбамъ христіанской Европы.

ГЛАВА XXXV.

Прибытіе въ Палестину Эдуарда, сына Генриха III. — Эмиссаръ Старца горы угрожаетъ его жизни. — Возвращеніе его въ Европу. — Положеніе христіанскихъ колоній въ Сиріи. — Завоеваніе египетскими Мамелюками Триполи и многихъ другихъ городовъ, принадлежавшихъ Франкамъ. — Осада и разрушеніе Птолемаиды.

(Отъ 1270 до 1291 г.)

Въ то время, какъ спутники Людовика IX покидали берега Африки, въ Палестину пріѣхалъ принцъ Эдуардъ, сынъ Генриха III, съ графомъ Британскимъ, братомъ своимъ Эдмундомъ, тремя стами рыцарей и пятью стами крестоносцевъ, прибывшихъ изъ Фрисландіи. Всѣ эти крестоносцы, къ которымъ присоединились Храмовники, Іоанниты и мѣстные воины, составили войско численностію отъ семи до восьми тысячъ человѣкъ, готовыхъ выступить противъ непріятеля. Это войско направилось сначала въ Галилею, разсѣяло въ лѣсу Панеадскомъ многочисленное племя Туркменовъ, овладѣло ихъ стадами, приступило къ осадѣ Назарета и умертвило все здѣшнее мусульманское населеніе, обвиняемое въ томъ, что оно предало пламени великолѣпную церковь Богородицы. Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, доставившихъ болѣе военной добычи, чѣмъ славы, принцъ Эдуардъ возвратился вдругъ въ Птолемаиду и не заботился болѣе о продолженіи войны.

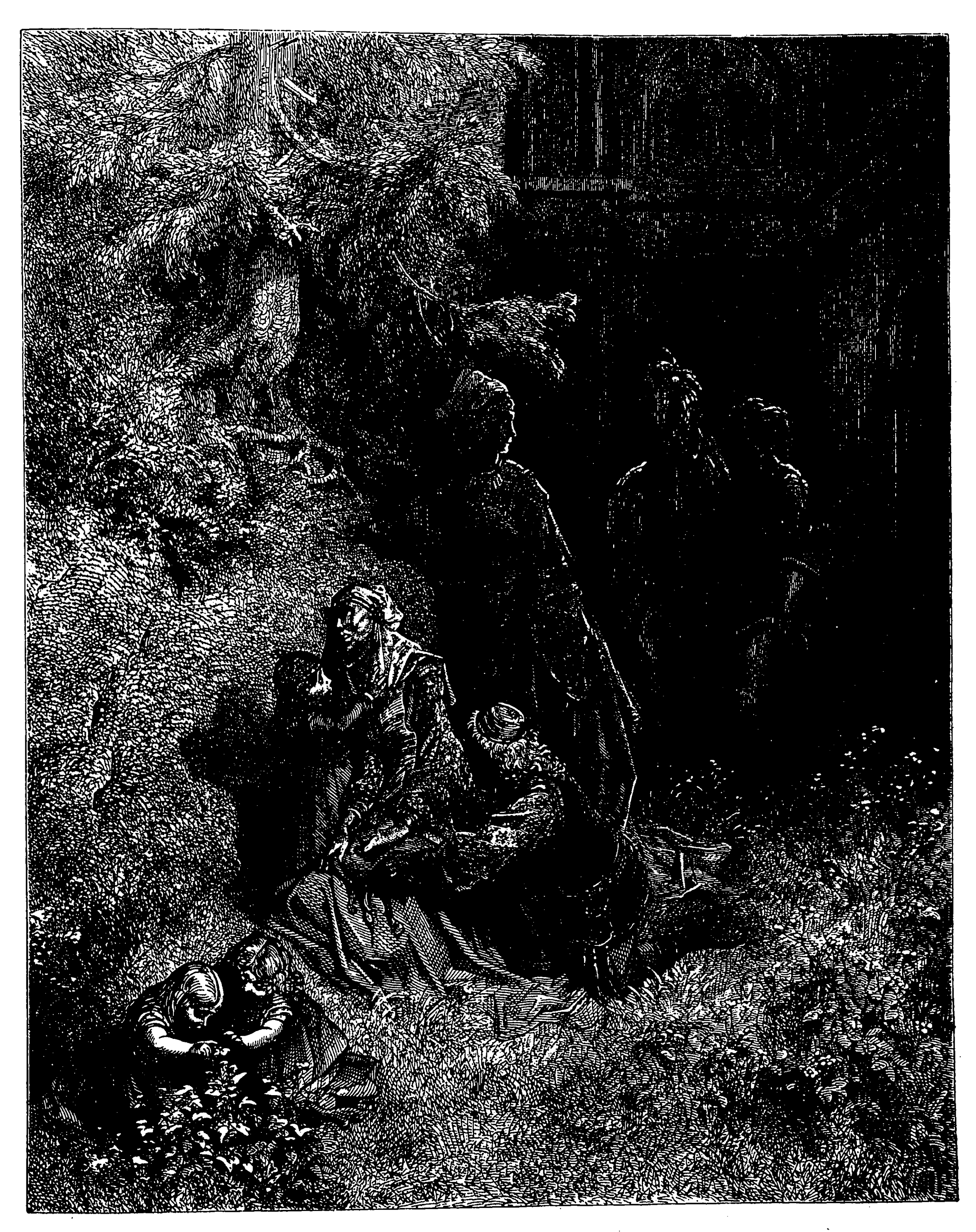
Изъ предыдущаго видно, что въ послѣднихъ крестовыхъ походахъ дѣло шло не только о побѣдѣ надъ невѣрными, но и о обращеніи ихъ въ христіанскую вѣру. Надежда привести къ евангельской истинѣ князя тунисскаго заставила Людовика IX принять крестъ и взяться за оружіе; принцъ Эдуардъ, воодушевляемый тѣмъ-же намѣреніемъ, увлекся цѣлію просвѣтить вѣрою эмира яффскаго; эмиръ отправилъ къ англійскому принцу посла, чтобы объявить о его желаніи принять христіанскую вѣру; но подъ этимъ скрывалось самое низкое коварство: посолъ этотъ былъ эмиссаромъ Старца горы. Однажды, заставъ Эдуарда одного въ его комнатѣ, онъ бросился на него съ кинжаломъ; принцъ англійскій, хотя и раненый въ руку и въ лобъ, умертвилъ своего убійцу и вылечился отъ ранъ. Но послѣ этого трагическаго приключенія, онъ только и думалъ объ отъѣздѣ изъ Палестины и отправился моремъ съ своими рыцарями въ обратный путь въ Европу. Мы не будемъ упоминать о мирномъ договорѣ, который заключилъ Эдуардъ съ султаномъ каирскимъ передъ своимъ отъѣздомъ, о договорѣ ничѣмъ не обезпеченномъ и который

былъ нарушенъ Бибарсомъ прежде, чѣмъ крестоносцы успѣли переправиться за-море. Крестоносцы французскіе, какъ это видно изъ предыдущаго, заключили такой-же договоръ и передъ выѣздомъ изъ Туниса; такого рода договоры между владѣтельными князьями наканунѣ того дня, когда водамъ морскимъ предстояло поставить между ними бездну раздѣленія, такъ что послѣ того ни встрѣтиться, ни даже слышать однимъ о другихъ имъ больше не приходилось, такіе договоры довольно вѣрно характеризуютъ конецъ крестовыхъ походовъ. Послѣ Эдуарда уже ни одинъ христіанскій принцъ не переплывалъ за-море, чтобы воевать съ невѣрными, и маленькое войско, которое онъ привозилъ съ собою въ Сирію, было послѣднее, отправившееся съ Запада для освобожденія или для возвращенія Св. Земли.

Между обстоятельствами, способствовавшими неудачѣ крестовыхъ походовъ Людовика IX и Эдуарда, исторія не должна забывать того, что св. престолъ долгое время оставался вакантнымъ; во все это время не слышалось ни одного голоса, для возбужденія рвенія крестоносцевъ. Однакоже, послѣ двухъ лѣтъ конклавъ избралъ преемника св. Петра, и къ счастію для восточныхъ христіанъ, выборъ кардиналовъ палъ на Теобальда, архіепископа люттихскаго, сопровождавшаго Фризовъ въ Азію и котораго вѣсть объ его возвышеніи застала еще въ Палестинѣ; христіане сирійскіе могли тогда надѣяться, что новый первосвященникъ, бывшій долго свидѣтелемъ ихъ опасностей и бѣдствій, употребитъ всѣ силы, чтобы помочь имъ. Теобальдъ увѣрилъ ихъ въ этомъ передъ отъѣздомъ своимъ изъ Палестины, и въ своей рѣчи, обращенной къ собравшемуся народу, онъ повторилъ слова Пророка-Царя: «Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя. Прилпни языкъ мой къ гортани моей, аще не помяну тебе...» По возвращеніи своемъ въ Европу, Теобальдъ, принявшій имя Григорія X, дѣйствительно, сталъ заботиться объ исполненіи своего обѣщанія; но имя Іерусалима не возбуждало уже больше ни энтузіазма, ни даже состраданія.

Новый папа созвалъ въ Ліонѣ соборъ, на которомъ присутствовали патріархи іерусалимскій и константинопольскій, послы отъ всѣхъ христіанскихъ государей Востока и Запада. Особенное вниманіе обращали на себя въ этомъ собраніи послы могущественнаго вождя Монголовъ, который предлагалъ христіанамъ свой союзъ для войны съ мусульманами. Но даже и такое величественное зрѣлище, открывшееся передъ христіанскимъ міромъ, не могло возбудить сочувствія вѣрующихъ, не могло возродить въ нихъ прежнихъ чувствъ, которыя, по выраженію св. писанія, были только «курящимся остаткомъ сгорѣвшей звѣзды». Отправлены были легаты во всѣ европейскія государства; находились еще проповѣдники, которые дѣйствовали словомъ во имя Креста; снова духовенство должно было платить налогъ, равнявшійся десятой части годоваго дохода; но рыцари и бароны пребывали вездѣ въ бездѣйствіи и равнодушіи. Даже и для честолюбія ихъ уже болѣе не было ничего заманчиваго, и царства на Востокѣ утратили все свое мнимое величіе. «Папа,—выразился такъ одинъ кастильскій король:—назначилъ меня государемъ Сиріи и Египта; я не хочу быть неблагодарнымъ, и въ свою очередь провозглашаю святаго отца калифомъ багдадскимъ». Этотъ анекдотъ, переданный Петраркою, доказываетъ, что время завоеваній на Востокѣ прошло, и что крестовые походы не могли больше обѣщать князьямъ и рыцарямъ ничего, кромѣ мученическаго вѣнца.

Положеніе христіанскихъ колоній становилось все хуже и хуже; слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что для королевства Іерусалимскаго, которое уже не существовало, было тогда три короля. Всѣ эти претенденты безъ арміи не подавали ни малѣйшей надежды на спасеніе того, что оставалось еще отъ имперіи Франковъ; и если на долю христіанъ выпало еще нѣсколько дней спокойствія,

Посланецъ

то они обязаны были этимъ смерти Бибарса, самаго опаснаго изъ ихъ враговъ. Преемникъ Бибарса Келаунъ нанесъ пораженіе Татарамъ, дошедшимъ до Сиріи, опустошилъ Арменію и сдался на мольбы христіанъ палестинскихъ, которые просили у него мира. У султана каирскаго не было флота, чтобы приступить къ осадѣ приморскихъ городовъ Франковъ; онъ притомъ боялся крестоваго похода, обѣщаннаго папою восточнымъ христіанамъ. Не вступая въ открытую войну съ христіанскими колоніями, онъ подготовлялъ все для ихъ разрушенія; и даже, при заключеніи перемирія съ ними, онъ поставилъ такія условія, которыя заранѣе подчиняли уже ихъ его власти и должны были привести ихъ къ окончательной погибели. Когда война возобновилась, Келаунъ началъ враждебныя дѣйствія взятіемъ Маргата, Лаодикеи и Триполи. Триполи, который крестоносцы осаждали пять лѣтъ, не могъ сопротивляться болѣе тридцати-пяти дней аттакамъ Мамелюковъ; все населеніе было умерщвлено или отведено въ рабство. Побѣдоносный султанъ повелѣлъ сжечь и разрушить городъ.

Послѣ взятія Триполи, Келаунъ сталъ угрожать Птолемаидѣ, главному городу Франковъ въ Сиріи; однакоже, потому-ли, что опасался доводить христіанъ до отчаянія, или не находилъ еще эту минуту благопріятною, онъ уступилъ просьбамъ христіанъ и возобновилъ съ ними перемиріе срокомъ на два года, два мѣсяца, двѣ недѣли, два дня и два часа. Вслѣдствіе этого договора, возникли несогласія между христіанами, и въ несогласіяхъ этихъ былъ залогъ ихъ будущихъ бѣдствій. Папа прислалъ въ Птолемаиду тысячу-шесть-сотъ воиновъ, набранныхъ въ Италіи, которые, не получая жалованья, ходили изъ города въ городъ и грабили и христіанъ и мусульманъ. Келаунъ прервалъ перемиріе и собралъ свою армію, чтобы идти снова на христіанскіе города. Съ тѣхъ поръ всѣ заботы жителей Птолемаиды состояли въ томъ, чтобы приготовиться къ защитѣ угрожаемаго города. Во всѣхъ мечетяхъ Сиріи и Египта возвѣщали, что насталъ послѣдній часъ могущества Франковъ. Келаунъ, передъ смертью своею, среди приготовленій къ этой войнѣ, призвалъ къ своему смертному одру сына своего Халиля и заклиналъ его не воздавать ему почестей погребенія до тѣхъ поръ, пока Птолемаида не будетъ разрушена до основанія. Вскорѣ армія Халиля явилась передъ городомъ. Эта армія растянулась съ одной стороны вдоль до Кармила, а съ другой до Карубскихъ горъ; всю защиту города составляли восемнадцать тысячъ человѣкъ, взявшихся за оружіе, и укрѣпленія, воздвигнутыя Людовикомъ IX. Осада началась въ первыхъ дняхъ апрѣля.

Опасность соединила сначала всѣхъ жителей Птолемаиды; во время первыхъ битвъ рвеніе ихъ было выше всякаго сравненія; ихъ поддерживала надежда на полученіе помощи съ Запада; надѣялись они также и на то, что ихъ побѣдоносное сопротивленіе поколеблетъ мужество Сарацинъ; но по мѣрѣ того, какъ исчезали эти надежды, ослабѣвало и рвеніе ихъ; большая часть ихъ не могли переносить продолжительнаго утомленія; постоянно возрождающіяся опасности колебали ихъ бодрость; съ каждымъ днемъ уменьшалось въ городѣ число защитниковъ, а гавань, куда стекалось народа болѣе, чѣмъ на городскія укрѣпленія, была полна людьми, ищущими спасенія въ бѣгствѣ. Вскорѣ снова оказались несогласія между вождями и народомъ; осаждаемые упрекали другъ друга въ бѣдствіяхъ, которыя они терпѣли. 4-го мая мусульмане сдѣлали страшный приступъ; король кипрскій, явившійся на защиту города, сражался до вечера; но, устрашенный опасностью, онъ бѣжалъ съ своего поста и отплылъ ночью въ море съ своими воинами, оставивъ весь народъ въ отчаяніи. На другой день — новый приступъ; машины и башни мусульманъ разрушили укрѣпленія на восточной сторонѣ; послѣ нѣсколькихъ часовъ битвы рвы и проломы въ стѣнахъ были завалены трупами; мусульмане пробили доступъ въ городъ, но тутъ они

были отражены поистинѣ чуднымъ мужествомъ Іоаннитовъ, во главѣ которыхъ былъ Вильгельмъ Клермонтскій. Большая часть жителей, потерявъ надежду на спасеніе, отступила отъ битвы и ждала только смерти. Патріархъ іерусалимскій, почтенный старецъ, старался ободрить ихъ своимъ присутствіемъ и своими рѣчами; при третьемъ приступѣ онъ, вдругъ, появился среди сражающихся, призывая помощь Іисуса Христа; вокругъ него храбрѣйшіе изъ христіанскихъ воиновъ бросались на копья враговъ, громко призывая Милостиваго Іисуса Христа; Сарацины, съ своей стороны, призывали имя своего Магомета, и надвигались на городъ; тогда все населеніе возстало противъ нихъ и принудило ихъ отступить. Ежедневно мусульмане возобновляли свои нападенія; въ концѣ каждаго дня христіане поздравляли себя съ побѣдою надъ врагами; но на другой день, когда солнце освѣщало равнину, они снова видѣли вокругъ своихъ стѣнъ несмѣтныя полчища мусульманъ.

18-го мая, въ роковой день для христіанъ, мусульманская армія получила сигналъ къ общему наступленію; это столкновеніе было упорнѣе и кровопролитнѣе, чѣмъ въ предыдущіе дни; между погибающими на полѣ битвы было семь мусульманъ на одного христіанина, но мусульмане могли вознаграждать свои потери; потери-же христіанъ были незамѣнимы; великій магистръ ордена Храмовниковъ погибъ, сражаясь среди своихъ рыцарей, въ тоже время и великій магистръ ордена Іоаннитовъ получилъ рану, которая сдѣлала его неспособнымъ продолжать битву. Всѣ силы Сарацинъ были направлены противъ воротъ Св. Антонія, на восточной сторонѣ города; съ этой стороны оставалось не болѣе тысячи воиновъ христіанскихъ, защищавшихъ полуразрушенныя укрѣпленія городскія и башни. Тогда-то смерть распространилась надъ всею Птолемаидою; битва перенеслась въ самый городъ; не было ни одной улицы, по которой не лились бы потоки крови; отстаивали въ битвѣ каждое укрѣпленіе, каждый дворецъ, доступъ на всякую площадь; во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ было столько убитыхъ, что, какъ выражается писатель-очевидецъ, — «по трупамъ ходили какъ по мосту». И въ это же время страшная гроза разразилась надъ городомъ, какъ бы ночная темнота распространилась вокругъ; едва можно было различать флаги, развѣвавшіеся еще на башняхъ; пожаръ охватилъ многіе кварталы города и никто уже не заботился тушить его; множество людей бѣжали, сами не зная куда; растерявшіяся семейства укрывались въ церквахъ, гдѣ они или задыхались въ пламени, или были умерщвлены у подножія алтарей; инокини, робкія дѣвушки терзали себѣ грудь и лицо, чтобы избѣжать грубаго обхожденія побѣдителей; всѣ вожди христіанскіе погибли отъ меча или обратились въ бѣгство; оставался въ живыхъ только патріархъ іерусалимскій, который въ продолженіе всей осады раздѣлялъ опасности съ осаждаемыми и теперь продолжалъ возносить мольбы за свое разсѣявшееся стадо. Когда его насильно уводили къ гавани, чтобы скрыть его отъ преслѣдованія мусульманъ, то этотъ великодушный старецъ жаловался, что его разлучаютъ съ народомъ, съ которымъ онъ хотѣлъ умереть; его принудили наконецъ взойти на корабль, но такъ какъ онъ принялъ съ собою на корабль всѣхъ, кто искалъ на немъ спасеніе, то корабль затонулъ, и вѣрный пастырь погибъ жертвою своего милосердія.

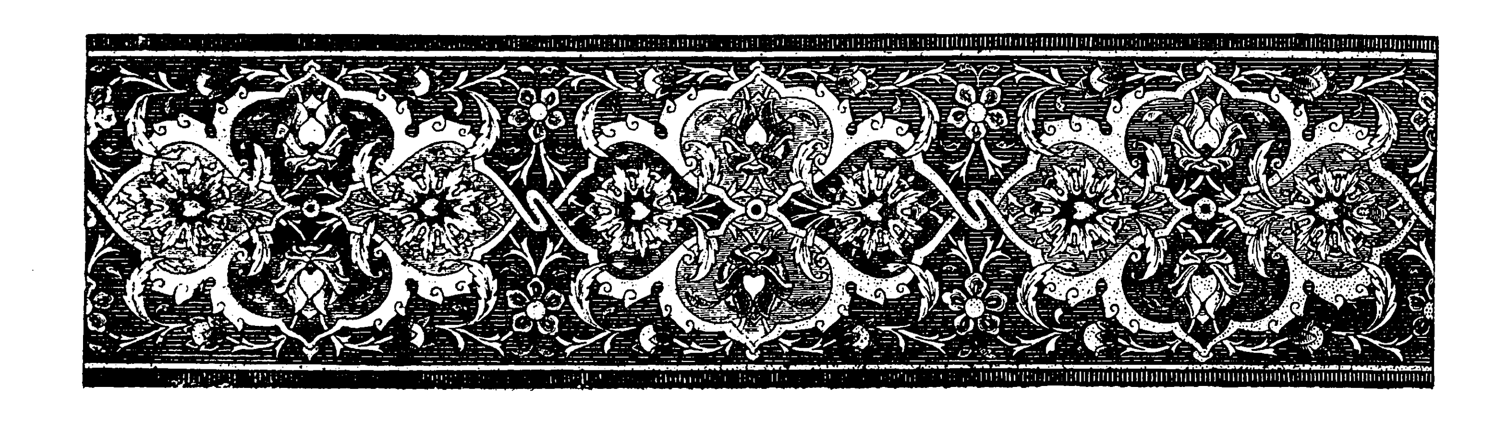
Разоривъ завоеванный городъ, мусульмане продолжали битву въ замкѣ Храмовниковъ, выстроенномъ близъ моря; Храмовники защищались въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Наконецъ, главная башня была подрыта въ своемъ основаніи: женщины, дѣти, воины христіанскіе, всѣ, кто укрылся въ храмѣ (le temple), погребены были подъ его развалинами. Всѣ городскія церкви были осквернены, ограблены и сожжены; султанъ приказалъ разрушить всѣ главныя зданія, башни и укрѣпленія. Раскинувъ свой лагерь на развалинахъ Птолемаиды, сынъ Келауна отпра-

вилъ часть своей арміи для завоеванія Тира. Пораженный страхомъ, городъ этотъ открылъ свои ворота безъ всякаго сопротивленія. На стѣнахъ Сидона, Бейрута и всѣхъ прибрежныхъ христіанскихъ городовъ вскорѣ стали развѣваться побѣдоносныя знамена мусульманъ; населеніе этихъ городовъ было или умерщвлено, или отведено въ рабство въ Египетъ. Отъ фанатизма побѣдителей не устояли самые камни, перерыта была даже земля, которую попирали христіане.

Вѣсть объ этомъ плачевномъ концѣ владычества Франковъ въ Азіи повергла въ глубокую скорбь весь Западъ; никто не подумалъ вооружиться для оказанія помощи Св. Землѣ, но всѣ оплакивали ея погибель. Вѣрующіе, въ отчаяніи своемъ, обратили свои жалобы на папу; они вознегодовали и на могущественныхъ монарховъ христіанскихъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они покинули «Птолемаиду, какъ овцу среди волковъ». Народъ, подавленный уныніемъ, говорилъ о чудесныхъ знаменіяхъ, которыми Богъ христіанскій предвозвѣщалъ опредѣленіе Своего гнѣва. Многіе были убѣждены, что Ангелы и Святые отступились отъ священныхъ обителей іерусалимскихъ, что они покинули святилища Виѳлеема, Назарета и Галилеи; всякій день высаживались на берегахъ Италіи несчастные жители Палестины, которые ходили теперь по городамъ и селамъ, прося милостыню, и разсказывали со слезами о послѣднихъ бѣдствіяхъ, постигшихъ христіанъ на Востокѣ.

Этимъ кончились крестовые походы за-море; одинъ историкъ арабскій, описавъ это разрушеніе христіанскихъ городовъ, дѣлаетъ такое замѣчательное предсказаніе: — «И положеніе такое, волею Божіею, пребудетъ до дня послѣдняго Суда». Прошло уже съ тѣхъ поръ пять столѣтій, и предсказаніе мусульманское продолжаетъ осуществляться. Можно сказать, что, со времени окончательнаго уничтоженія владычества христіанъ въ Сиріи, послѣдовало раздѣленіе міра на двѣ половины: Востокъ, какъ-бы осужденный на коснѣніе въ варварствѣ, и Западъ, одиноко подвигающійся на пути къ просвѣщенію. Средиземное море съ своими берегами и островами, бывшее матерью просвѣщенія древняго міра, осталось въ этотъ разъ на сторонѣ невѣрныхъ.

ГЛАВА XXXVI.

Напрасное проповѣдываніе крестоваго похода.—Татары—властители Іерусалима и союзники христіанъ.— Крестовый походъ генуэзскихъ дамъ. — Попытки къ крестовому походу во Франціи. — Проектъ священной войны подъ начальствомъ Филиппа Валуа. — Петръ Лузиньянъ, король кипрскій, во главѣ десяти тысячъ крестоносцевъ. — Разграбленіе Александріи. — Крестовый походъ, предпринятый Генуэзцами и французскими рыцарями на прибрежьѣ африканскомъ.

(Отъ 1292 до 1302 г.)

Николай IV глубоко скорбѣлъ о разрушеніи христіанскихъ колоній на Востокѣ; онъ открывалъ всѣ сокровища Божественнаго милосердія для тѣхъ, кто приметъ крестъ. Король англійскій Эдуардъ, который далъ клятву отправиться еще разъ за-море, ограничился сборомъ десятины въ пользу Св. Земли; императоръ Рудольфъ, который уже рѣшился принять знаки пилигрима, умеръ въ это время, болѣе озабоченный дѣлами въ Германіи, чѣмъ поддержаніемъ владычества христіанъ въ Азіи.

Между тѣмъ, какъ объ Іерусалимѣ забывали такимъ образомъ на Западѣ, персидскіе Татары, которые привели въ тревогу всю Европу и о которыхъ потомъ никто и не думалъ, вдругъ явились союзниками дѣла христіанъ, принявъ намѣреніе вырвать изъ рукъ мусульманъ Сирію и Палестину. Съ давняго уже времени Татары вели войны съ врагами христіанъ; ханъ Казанъ, который царствовалъ тогда надъ монгольскимъ народомъ, смотрѣлъ на послѣдователей Христа, какъ на своихъ союзниковъ, и въ войскахъ его, въ которыхъ служили Грузины, знамя Креста блистало рядомъ съ знаменами хана. Этотъ ханъ побѣдилъ египетскихъ Мамелюковъ на равнинѣ Эмесской. Алеппо и Дамаскъ открыли передъ нимъ свои ворота; христіане, сопровождавшіе его войско, вошли въ Іерусалимъ, и самъ онъ вмѣстѣ съ ними поклонился Гробу Спасителя. Отсюда Казанъ отправилъ пословъ къ папѣ и къ государямъ христіанской Европы, предлагая имъ свой союзъ и обладаніе Св. Землею. Не нашлось ни одного государя въ Европѣ, который отозвался бы на это приглашеніе Монголовъ; недавній крестовый походъ дѣтей показалъ, до какой степени упало значеніе священныхъ войнъ. Этотъ упадокъ выразился теперь еще болѣе знаменательнымъ и страннымъ признакомъ. Однѣ только дамы генуэзскія отозвались на призывъ папы, который обращался къ мужеству воиновъ; эти амазонки Креста, получившія благословеніе папы, не отпра-

вились, однакоже, въ Палестину, и Казанъ, къ знаменамъ котораго онѣ должны были присоединиться, умеръ въ Дамаскѣ и съ нимъ похоронена была послѣдняя надежда христіанъ.

Рыцари Храмовники и Іоанниты были послѣднею военною силою и послѣднею защитою христіанскихъ владѣній въ Азіи. Послѣ разрушенія Птолемаиды, Іоанниты поселились на о. Родосѣ и присоединили къ острову «Солнца» острова Косъ, Кефалонію и Киму; государство, основанное ихъ оружіемъ, распространилось на берега Азіи, и знамя св. Іоанна развѣвалось на развалинахъ Галикарнаса, въ Книдѣ и Тамасѣ. Храмовники, менѣе проницательные, переселились въ свои европейскія владѣнія, и здѣсь, предавъ забвенію статуты св. Бернара, возбудили противъ себя алчную и завистливую политику монарховъ; орденъ ихъ былъ уничтоженъ, и воспоминаніе о героизмѣ, съ которымъ они послужили дѣлу Христа, о столькихъ бѣдствіяхъ, вынесенныхъ ими за вѣру, не могло спасти этихъ благородныхъ рыцарей отъ мученій, которымъ подвергали еретиковъ и язычниковъ.

Христіанскіе государи еще не отказывались отъ обѣщаній освободить Св. Землю; но клятва идти сражаться съ Сарацинами считалась тогда, какъ говоритъ одинъ современный писатель, «не болѣе священною, чѣмъ тѣ клятвы, которыя рыцари расточали передъ дамами». Филиппъ Красивый и его преемники вызывались оказать помощь то Арменіи, то королевству Кипрскому, но никогда не заботились объ исполненіи своихъ обѣщаній. Краснорѣчіе Петрарки, неимовѣрныя усилія Салютти и Раймунда Люлія, послѣднихъ апостоловъ священныхъ войнъ, не могли поколебать равнодушія христіанскаго міра. Филиппъ Валуа, въ первой половинѣ XIV вѣка, былъ единственнымъ государемъ, который серьезно готовился стать во главѣ крестоваго похода. Священная война проповѣдывалась по всему королевству и «очень приходилась по сердцу,—говоритъ Фруассаръ,— всѣмъ знатнымъ владѣтелямъ и въ особенности тѣмъ, которые желали тратить время на войну». Архіепископъ реймсскій, посланный къ папѣ Іоанну XXII, въ Авиньонъ, произнесъ въ присутствіи всей консисторіи рѣчь по поводу священной войны и объявилъ, что король французскій отправляется въ походъ въ августѣ 1334-го года. Флотъ долженъ былъ ожидать крестоносцевъ въ Марсели; Эдуардъ обѣщалъ присоединиться къ экспедиціи; но когда всѣ приготовленія были почти кончены, папа Іоаннъ XXII скончался, и съ его смертію дѣло остановилось. Въ это время началась между Англіею и Франціею страшная война; Филиппъ, угрожаемый опаснымъ врагомъ, долженъ былъ отказаться отъ заморской экспедиціи и употребить собранные имъ для освобожденія Св. Земли войска и флоты — на защиту своего собственнаго государства.

Въ концѣ XIV вѣка вышло изъ западныхъ портовъ три или четыре экспедиціи, которыя можно считать какъ-бы продолженіемъ, или, вѣрнѣе, слабымъ изображеніемъ священныхъ войнъ. Флотъ, снаряженный папою и венеціанскою республикою, прошелъ черезъ Архипелагъ, и на короткое время знамя Креста было водружено на стѣнахъ столицы Іоніи. Вскорѣ послѣ того, дофинъ Вьеннскій, Гумбертъ II, назначенный папою—«предводителемъ священнаго похода противъ Турокъ и противъ измѣнниковъ римской Церкви», отправился въ Азію изъ Марсели во главѣ ста-тысячъ вооруженныхъ людей — съ тѣмъ, чтобы — или обрѣсти счастіе завоевателей, или славу мучениковъ; онъ не достигнулъ ни того, ни другаго и возвратился въ Европу безъ всякой славы, но обремененный долгами. Разоренный крестовымъ походомъ, онъ предоставилъ свое княжество французскому королю, и потерявъ свою жену, которая умерла на о. Родосѣ, принялъ санъ священника, былъ назначенъ архіепископомъ реймсскимъ и получилъ титулъ патріарха александрійскаго.

Королевство Кипрское было тогда во всемъ своемъ блескѣ, и боролось со славою съ мусуль-

манами въ Сиріи и въ Египтѣ. Въ надеждѣ возвратить христіанскія владѣнія за-моремъ, Петръ Лузиньянъ явился на Западъ, чтобы лично ходатайствовать о доставленіи ему помощи; при дворѣ авиньонскомъ, гдѣ собрались король кипрскій, король французскій и король датскій, снова раздались стенанія Сіона; папа проповѣдывалъ крестовый походъ въ присутствіи монарховъ; Петръ Лузиньянъ проѣхалъ потомъ по Европѣ съ полномочіями со стороны папы; онъ самъ проповѣдывалъ войну при дворѣ королей, но не достигъ успѣха. Среди смутъ, волновавшихъ Европу, и въ особенности Францію, не было недостатка въ людяхъ, воспитанныхъ на полѣ сраженія, не имѣвшихъ, кромѣ меча, никакихъ средствъ къ существованію и которыхъ война пріучила жить военною добычею; среди подобнаго разряда людей, королю кипрскому удалось собрать войско. Онъ соединилъ такимъ образомъ подъ своими знаменами до десяти-тысячъ крестоносцевъ, и первые наступательные удары направилъ на Александрію, которую онъ нашелъ не защищенною. Ведя за собою полчище искателей приключеній, онъ не могъ обойтись безъ того, чтобы не предать разграбленію богатѣйшій изъ египетскихъ городовъ. Послѣ трехъ-дневнаго опустошенія онъ не могъ однакоже удержаться въ городѣ; онъ поспѣшно покинулъ его, предоставивъ мѣстныхъ христіанъ мщенію разъяренныхъ мусульманъ. Эта экспедиція направилась послѣ того къ прибрежью сирійскому, гдѣ города Триполи, Лаодикея, Тортоза и Бейрутъ, которые король кипрскій пришелъ освобождать, были также разграблены и сожжены, какъ и Александрія. Эта война пиратовъ навела страхъ на невѣрныхъ; чтобы положить ей конецъ, султанъ каирскій счелъ лучшимъ средствомъ предложить христіанамъ выгодное перемиріе; договоръ былъ принятъ, крестоносцы прекратили непріязненныя дѣйствія, а когда они уѣхали, все осталось въ томъ-же положеніи, какъ и до войны. Такова была политика мусульманскихъ властей.

Во время царствованія Карла VI, Генуэзцы, предпринявъ экспедицію противъ мусульманъ въ Варварійскихъ владѣніяхъ, просили вождя и войска у французскаго короля. При одномъ слухѣ объ этой экспедиціи въ дальнія страны, поспѣшили присоединиться къ ней изъ всѣхъ провинцій королевства и даже изъ Англіи толпы воиновъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ заявить свою отвагу. Дофинъ Овернскій, сиръ де-Куси, Гюи де-ла-Тремуль, мессиръ Іоаннъ Вьеннскій добивались почести отправиться сражаться съ Сарацинами въ Африкѣ; тысяча-четыреста рыцарей и знатныхъ владѣтелей подъ предводительствомъ герцога Бурбонскаго, дяди короля, собрались въ Генуѣ и отправились на судахъ республики. Эта новая армія Креста, переплывъ черезъ море, пристала къ берегамъ Африки и раскинула палатки въ городѣ Африкѣ или Амальдіи, которую Фруассаръ, по ея расположенію и по ея гавани, сравниваетъ съ городомъ Кале во Франціи. Сарацины сначала заперлись въ своихъ укрѣпленіяхъ и ограничились метаніемъ стрѣлъ сверху башенъ. Черезъ нѣсколько дней они послали въ лагерь одного Генуэзца, жившаго въ городѣ, съ порученіемъ спросить въ особенности у Французовъ и Англичанъ, зачѣмъ они пришли изъ такихъ далекихъ странъ воевать съ народомъ, который не сдѣлалъ имъ никакого зла; бароны и знатные владѣтели, собравшись, отвѣчали посланному Генуэзцу, что мусульмане «умертвили и распяли на крестѣ Сына Божія, называемаго Іисусомъ Христомъ», и что поэтому воины Запада считаютъ ихъ своими врагами. Рыцари англійскіе и французскіе упрекали Сарациновъ, между прочимъ, въ томъ, что они нанесли оскорбленіе генуэзской республикѣ: «обстоятельство, которымъ они были оскорблены столько-же, какъ еслибы оскорбленіе было нанесено Парижу или Лондону». Тогда начались битвы, въ которыхъ осаждаемые выказали болѣе благоразумія, чѣмъ храбрости, а войско рыцарей Креста—болѣе пыла, чѣмъ дисциплины. Городъ былъ въ особенности защищенъ пожирающимъ солнечнымъ зноемъ; при первомъ приступѣ къ городу—въ лагерь было принесено

шестьдесятъ рыцарей и оруженосцевъ, задохшихся отъ жара. Арміи пришлось также перенести много страданій отъ голода, болѣзней и отъ разныхъ неудобствъ непривычнаго климата. Послѣ лѣтняго зноя представляло опасность и дождливое время года. Ко всѣмъ бѣдствіямъ, постигшимъ крестоносцевъ, и къ тѣмъ, которыя предвидѣлись въ будущемъ, присоединились еще и раздоры. Французы и Англичане скоро утратили всякое довѣріе къ Генуэзцамъ: «измѣнникамъ и жестокосердымъ людямъ». Генуэзцы, съ своей стороны, удивлялись тому, что рыцари выказываютъ такъ мало рвенія и храбрости въ битвахъ; наконецъ, съ той и съ другой стороны рѣшено было прекратить осаду и возвратиться въ Генную.

Экспедиція эта, вызванная Генуэзцами съ цѣлію защитить европейскую торговлю отъ африканскихъ пиратовъ, только увеличила то зло, которое желали уничтожить; мщеніе, негодованіе, страхъ вооружили всѣхъ невѣрныхъ противъ христіанъ. Со всѣхъ сторонъ Африки вышли въ Средиземное море корабли, которые препятствовали сообщенію съ Европою; прекратилось обычное полученіе товаровъ изъ Дамаска, Каира и Александріи, и историки того времени оплакивали какъ какое-нибудь бѣдствіе — невозможность получать пряности; исторія прибавляетъ, что въ это смутное и опасное время всѣ пути на Востокъ были закрыты и западные пилигримы не могли посѣщать Св. Землю.

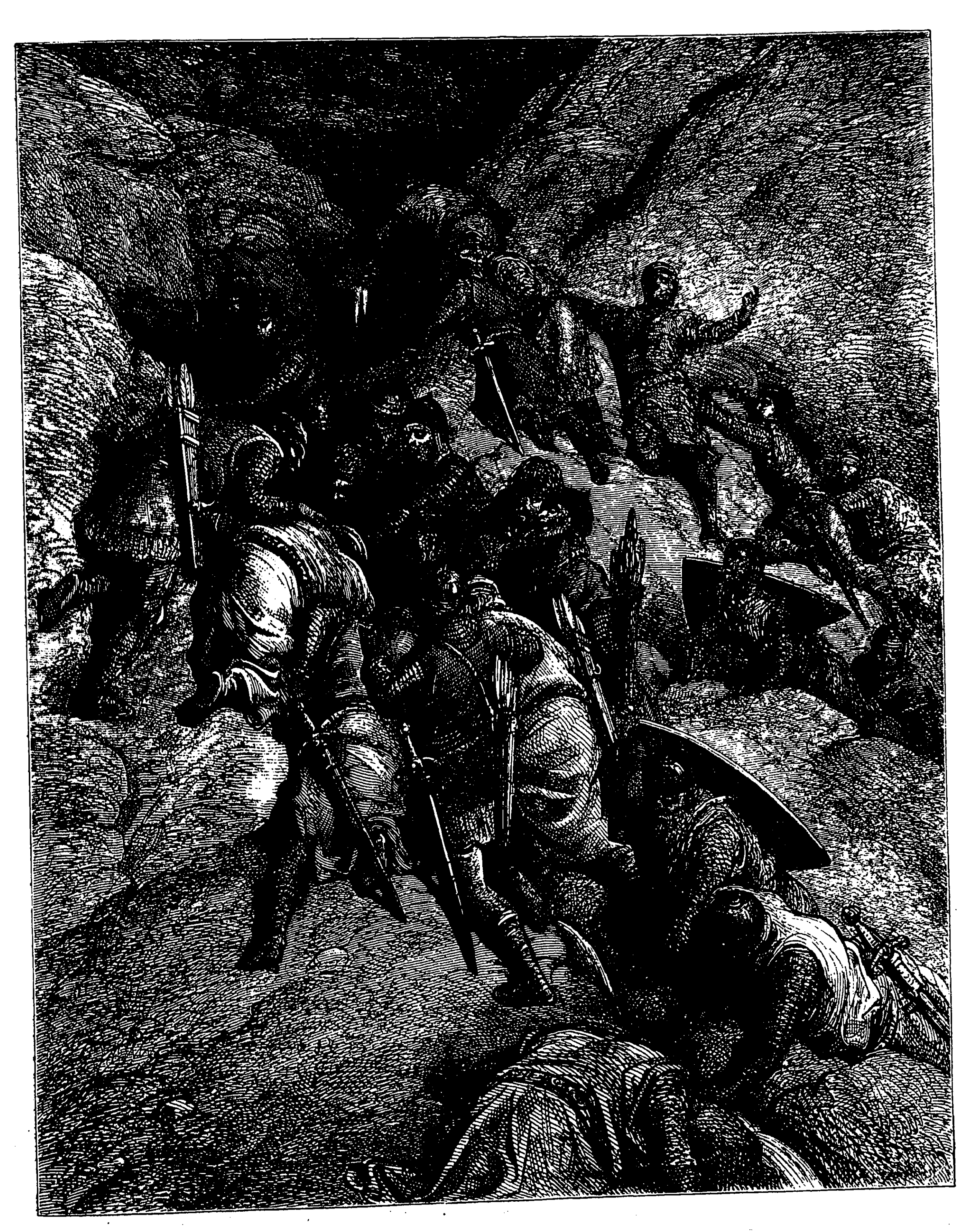
ГЛАВА XXXVII.

Война Христіанъ съ Турками.—Экспедиція большаго числа рыцарей и знатныхъ владѣтелей французскихъ. — Битва при Никополѣ. — Взятіе въ плѣнъ французскихъ рыцарей. — Другая экспедиція. — Пораженіе при Варнѣ.

(Отъ 1297 до 1444 г.)

Африка и Сирія больше не привлекали на себя вниманія. Христіане лишились всѣхъ своихъ владѣній въ этихъ странахъ; знамя полумѣсяца развѣвалось во всѣхъ городахъ, обитаемыхъ прежде христіанами; не являлись болѣе изъ этихъ отдаленныхъ странъ послы съ повѣствованіями о великихъ несчастіяхъ для возбужденія состраданія вѣрующихъ. Съ другой стороны, народы Африки и Сиріи, отдѣленные моремъ отъ Европы, не угрожали больше Западу своими нашествіями. Но не то было въ отношеніи къ Греціи, гдѣ блисталъ еще крестъ Іисуса Христа, и народы которой, хотя и мало симпатизировали Франкамъ, не прекратили однакоже всякихъ сношеній съ христіанскою Европою. Слабые преемники Константина безпрестанно обращались за помощью къ римскимъ папамъ, и въ минуты опасности постоянно обѣщали имъ присоединиться къ католической Церкви. Слѣдуетъ прибавить, что Византіи приходилось тогда защищаться противъ Турокъ, могущественнаго народа, завоевавшаго недавно многія провинціи имперіи и подступавшаго къ предѣламъ западныхъ государствъ.

Турки, о которыхъ мы упоминаемъ теперь и которые стали грозными для христіанства еще въ концѣ XIV вѣка, были, какъ и предшествовавшие имъ Турки, татарскаго происхожденія. Воинственныя племена, поселившіяся въ Ховарезміи, были изгнаны оттуда преемниками Чингисъ-хана, и остатки этого побѣдоноснаго народа, опустошивъ Месопотамію и Сирію, пришли за нѣсколько лѣтъ до перваго крестоваго похода Людовика Святаго искать убѣжища въ Малой Азіи. Слабость Греческой имперіи и раздоры между мусульманскими князьями допустили Турокъ завоевать многія провинціи по-сосѣдству съ Тавромъ и основать государство, столицею котораго сначала была Ларанда, а потомъ Иконія или Коніэ. Владѣнія ихъ простирались до Никеи и береговъ Босфора. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, они перешли черезъ Геллеспонтъ, овладѣли Адріанополемъ, и султанъ ихъ, Баязетъ, по прозванію Ильдеримъ или Молнія, угрожалъ Эпиру, Пелопоннесу и Аттикѣ.

Жажда

Печальные остатки наслѣдія кесарей занимали тогда не болѣе тридцати миль пространства, которое вмѣщало имперію Византійскую, имперію Родостскую и Селимврейскую. Въ довершеніе несчастія, расколъ раздѣлялъ тогда христіанскую Церковь, двое папъ оспаривали главенство надъ нею, и республика европейская не имѣла болѣе вождя, могущаго предупредить ее объ опасности, не имѣла органа для выраженія своихъ стремленій и своихъ опасеній, не было у нея связи, могущей соединить ея разрозненныя силы. Послы, отправленные Мануиломъ на Западъ, повторяя вѣчныя жалобы Грековъ на варварство Турокъ и все тѣ-же обѣщанія соединенія Церквей, не знали уже, къ кому и обращаться имъ съ своими жалобами и обѣщаніями, и безплодно взывали къ состраданію вѣрующихъ. Послы Сигизмунда, короля венгерскаго, прибывшіе къ французскому двору, имѣли болѣе успѣха, когда они воззвали къ храбрости рыцарей и бароновъ; Карлъ VI обѣщалъ принять участіе въ союзѣ христіанскихъ государей противъ Турокъ. По призыву монарха все высшее сословіе Франціи собралось подъ знаменами новаго крестоваго похода; во главѣ храброй французской милиціи былъ герцогъ Неверскій, сынъ герцога Бургундскаго, по прозванію Іоаннъ Безстрашный; между другими вождями извѣстны: графъ де-ла-Маршъ, Генрихъ и Филиппъ Барскіе, Филиппъ Артуаскій, коннетабль королевства; Іоаннъ Віеннскій, адмиралъ; сиръ де-Куси, Гюи де-ла-Тремуль, маршалъ де Бусико. Когда французскіе крестоносцы прибыли на берега Дуная, ихъ встрѣтило тутъ ополченіе изъ высшаго сословія Богеміи и Венгріи. «Еслибы небо начало падать, — говорилъ король Сигизмундъ, — то копья христіанской арміи удержали-бы его среди паденія». Венеціанскій флотъ, соединенный съ судами императора греческаго и рыцарей родосскихъ, выступилъ въ Геллеспонтъ, и долженъ былъ заставить уважать знамя Креста во всѣхъ моряхъ пососѣдству съ Константинополемъ.

Когда открылись военныя дѣйствія, ничто не могло сопротивляться оружію крестоносцевъ. Повсюду они наносили пораженіе Туркамъ, завоевали нѣсколько городовъ въ Болгаріи и Сербіи и уже осадили Никополь. Еслибы эта христіанская армія повиновалась правиламъ дисциплины и слушалась совѣтовъ благоразумія, еслибы всѣ народы, собравшіеся подъ знаменемъ Креста, дѣйствовали постоянно соединенными силами, то можно предполагать, что Греція была-бы освобождена отъ варваровъ. Но когда султанъ Баязетъ подошелъ на помощь къ осажденному городу, то самонадѣянные французскіе рыцари побоялись, чтобы кто-нибудь не сталъ оспаривать у нихъ славы побѣды, и вступили въ битву съ несмѣтнымъ полчищемъ Турокъ, не дождавшись воиновъ венгерскихъ и чешскихъ. Такимъ образомъ, крестоносцы сражались отдѣльно одни отъ другихъ, и были поочередно побѣждены: Французы почти всѣ были убиты или забраны въ плѣнъ, а Венгерцы разсѣяны и обращены въ бѣгство.

Баязетъ, раненый въ битвѣ, выказалъ себя послѣ побѣды варваромъ; онъ велѣлъ привести къ себѣ плѣнныхъ, почти нагихъ, большею частію, раненыхъ, и приказалъ своимъ янычарамъ зарѣзать ихъ передъ его глазами. Были пощажены только герцогъ Неверскій, графъ де-ла-Маршъ, сиръ де-Куси, Филиппъ Артуаскій, графъ Барскій и нѣкоторые изъ тѣхъ, за которыхъ султанъ могъ надѣяться получить выкупъ. Когда эти печальныя извѣстія дошли до Парижа, то первыхъ, заговорившихъ о нихъ, угрожали бросить въ Сену; наконецъ, узнали всю правду черезъ мессира де-Гели, посланнаго Баязетомъ. Глубокое уныніе распространилось при дворѣ и во всемъ королевствѣ; вся забота была теперь о томъ, чтобы выкупить плѣнниковъ, задержанныхъ Турками, и смягчить гнѣвъ побѣдоноснаго султана дарами. По возвращеніи во Францію сына герцога Бургундскаго и его товарищей по несчастію, разсказы ихъ о плѣнѣ у невѣрныхъ выслушивались съ жадностью; они передавали чудеса о могуществѣ Баязета; ужасомъ и удивленіемъ поражены

были слушатели, когда они разсказывали о войскахъ, которыя вождь Турокъ набиралъ между своими народами, намѣреваясь не только завоевать Византію, но надѣясь добраться и до Рима, гдѣ онъ хотѣлъ, по его выраженію, «покормить овсомъ свою лошадь на престолѣ Св. Петра».

Вскорѣ объявлена была въ королевствѣ новая экспедиція противъ Турокъ. Маршалъ де-Бусико, едва вырвавшійся изъ плѣна, повелъ новыхъ крестоносцевъ на Востокъ. Прибытіе ихъ на берега Босфора освободило Византію, осажденную оттоманскою арміею. Подвиги ихъ ободрили Грековъ и возстановили честь западнаго воинства во мнѣніи Турокъ.

Однакоже, побѣды французскихъ рыцарей не остановили вторженій со стороны невѣрныхъ; императоръ греческій Мануилъ, постоянно угрожаемый ими, рѣшился лично просить христіанскихъ государей о помощи. Но обстоятельства не благопріятствовали дальней экспедиціи: болѣзнь Карла VI усилилась, и во всемъ королевствѣ происходили смуты. Англія и Германія также были раздираемы смутами; одна—по причинѣ узурпаціи Генриха Ланкастерскаго, другая—сверженіемъ съ престола императора Венцеслава; сверхъ того здѣсь проповѣдывался крестовый походъ противъ послѣдователей Іоанна Гуса.

Императоръ греческій, принимаемый вездѣ съ большимъ почетомъ, покинулъ Западъ, не получивъ ничего; онъ отчаявался уже въ спасеніи своего государства, когда, вдругъ, освобожденіе пришло къ нему со стороны народовъ, отъ которыхъ онъ не ожидалъ ничего, и которые оказались еще болѣе варварами, чѣмъ Турки. Монголы истребили оттоманскую армію на поляхъ Анкирскихъ, и Баязетъ былъ взятъ въ плѣнъ Тамерланомъ или Тимуромъ. Эта побѣда Татаръ доставила нѣсколько лѣтъ спокойствія Византіи; но Греки не воспользовались ею, чтобы возвратить свои потерянныя провинціи, и преемники Мануила вскорѣ увидѣли свою столицу вновь угрожаемою Оттоманами.

Папа Евгеній, достигнувъ подчиненія своей власти восточной Церкви, на соборахъ Феррарскомъ и Флорентійскомъ, рѣшился проповѣдывать крестовый походъ въ пользу королевства Кипрскаго, о. Родоса и въ особенности Константинополя — этихъ послѣднихъ оплотовъ христіанской Европы. Папа первый подалъ примѣръ: онъ снарядилъ корабли и собралъ войско; флоты Генуи, Венеціи и приморскихъ городовъ Фландріи соединились подъ знаменами св. Петра и направились къ Геллеспонту; опасеніе скораго нашествія пробудило рвеніе народовъ, жившихъ по берегамъ Дуная и Днѣстра; на сеймахъ польскомъ и венгерскомъ была провозглашена война противъ Турокъ. На границахъ, угрожаемыхъ варварами, отозвались на голосъ религіи и отечества и народъ, и духовенство, и высшее сословіе.

Предводителями арміи, собравшейся подъ знаменами Креста, были: Гуніадъ, воевода трансильванскій, и Владиславъ, король польскій и венгерскій. Папа назначилъ своимъ легатомъ кардинала Юліана, человѣка пылкаго, неустрашимаго нрава, рѣшившагося не давать покоя Туркамъ и считавшаго миръ возможнымъ только послѣ истребленія невѣрныхъ. Крестоносцы, выступивъ изъ Буды, направились къ Софіи, столицѣ Болгаріи; ихъ побѣды открыли имъ проходы горы Гема или Балкановъ и дороги въ Византію; только зима могла остановить ихъ побѣдоносныя фаланги. Побѣды христіанскаго оружія навели страхъ на всѣ провинціи, занятыя мусульманами; у послѣднихъ не было болѣе армій, чтобы остановить успѣхи ихъ враговъ. Султанъ Амуратъ отправилъ къ крестоносцамъ пословъ съ предложеніемъ выгоднаго мира; вожди собрались для обсужденія сдѣланныхъ имъ предложеній; и въ то время, когда всѣ ожидали, что они будутъ продолжать свои завоеванія, вдругъ стало извѣстно, что заключенъ миръ. Кардиналъ Юліанъ, который не соглашался на миръ, протестовалъ отъ имени папы противъ заключенія договора и вышелъ изъ

совѣта рѣшившись употребить всѣ мѣры для возобновленія войны. Вскорѣ пронеслись слухи, благопріятные для его намѣренія, что многіе князья и народы рѣшились присоединиться къ побѣдоноснымъ крестоносцамъ, и что близокъ послѣдній часъ могущества Оттомановъ, не имѣвшихъ вождя. Когда эти слухи распространились повсемѣстно, кардиналъ Юліанъ снова собралъ вождей на совѣтъ и упрекалъ ихъ въ томъ, что они измѣнили своему счастію и своей собственной славѣ; безпощадно упрекалъ онъ ихъ въ томъ, что они подписали позорный, святотатственный, гибельный для всей Европы, роковой для Церкви договоръ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, воинственный пылъ, которымъ онъ самъ былъ одушевленъ, перешелъ въ души его слушателей. Они начали сознавать крайнюю умѣренность своихъ требованій, начали обвинять себя въ малодушіи относительно Турокъ, которыхъ они пощадили; и наконецъ, общимъ голосомъ и на томъ же мѣстѣ, гдѣ они поклялись сохранять миръ, рѣшено было возобновить войну.

Вожди крестоваго похода сдѣлали въ одно и то же время двѣ большія ошибки, за которыя они вскорѣ были наказаны: первая состояла въ томъ, что они подписали миръ съ Турками, которыхъ могли прогнать за предѣлы Геллеспонта; второю же ошибкою было забвеніе и нарушеніе только-что заключеннаго договора, чѣмъ они могли повредить довѣрію къ чести христіанскихъ государей. Впрочемъ, оказалось, что большая часть распространившихся слуховъ, на основаніи которыхъ возобновились непріязненныя дѣйствія, не подтвердились: объявлено было, напримѣръ, крестоносцамъ, что итальянскій и греческій флоты ожидаютъ ихъ въ Варнѣ; армія двинулась въ Варну и не нашла тамъ ни одного корабля. Воины Креста не разсчитывали, что имъ снова придется сражаться съ грознымъ султаномъ Амуратомъ, такъ какъ онъ, утомленный мірскою суетою и даже славою побѣдъ, сдѣлался отшельникомъ, оставивъ свою имперію малолѣтнему сыну своему Магомету II. Но когда, въ уединеніи своемъ, въ Магнезіи, онъ узналъ о нарушеніи договора крестоносцами, то поклялся отомстить измѣнившему клятвѣ непріятелю и перешелъ черезъ Геллеспонтъ во главѣ грозной арміи. Узнавъ о приближеніи Оттомановъ, Гуніадъ и кардиналъ Юліанъ предложили отступленіе; но Владиславъ хотѣлъ или побѣдить или умереть: сраженіе было дано. При первомъ столкновеніи, многіе турецкіе батальоны пришли въ смятеніе; король венгерскій, увлекаясь неразумною отвагою, захотѣлъ разбить корпусъ янычаровъ, среди которыхъ сражался Амуратъ. Онъ бросился на нихъ въ сопровожденіи только немногихъ воиновъ, но вскорѣ былъ убитъ, пронзенный множествомъ копій, и голова его, привязанная къ острію пики, была показана венгерцамъ. При этомъ видѣ, уныніе распространилось въ рядахъ крестоносцевъ; напрасно епископы старались ободрить ихъ, напоминая имъ, что они сражаются не ради царей земныхъ, но ради Іисуса Христа; вся армія разсѣялась и разбѣжалась въ безпорядкѣ: десять тысячъ крестоносцевъ пали въ битвѣ; множество изъ нихъ было взято въ плѣнъ Турками; кардиналъ Юліанъ погибъ въ битвѣ или во время бѣгства.

Война, которую мы описали и которая кончилась пораженіемъ при Варнѣ, привела только къ утвержденію господства Турокъ въ завоеванныхъ ими провинціяхъ Европы. Византія, которую хотѣли спасти, осталась подверженною всевозможнымъ угрозамъ со стороны варваровъ.

ГЛАВА XXXVIII.

Осада Константинополя Магометомъ II. — Императорскій городъ попадаетъ во власть Турокъ.

(1453 г.)

Покинувъ свое уединеніе для войны съ христіанами, Амуратъ уже не возвращался болѣе къ отшельнической жизни и всю остальную жизнь свою провелъ среди битвъ; его арміи нѣсколько разъ опустошали границы Венгріи; онъ умеръ во время приготовленій къ осадѣ Константинополя. Преемникъ его Магометъ II задался единственною мыслью — перейти черезъ Босфоръ и разрушить все, что оставалось отъ Греческой имперіи. Уже Турки выстроили крѣпость на лѣвомъ берегу пролива, въ трехъ миляхъ выше Византіи; въ первое же время царствованія Магомета II и другая крѣпость была воздвигнута на лѣвомъ же берегу пролива, и становилась угрозою и признакомъ послѣдней и страшной войны. Константинъ Палеологъ и Магометъ, воцарившіеся почти одновременно, одинъ — на престолѣ Кесарей, другой — на тронѣ Оттомановъ, не менѣе различны были между собою по характеру, какъ и по судьбѣ: первый обладалъ всѣми добродѣтелями, которыя могутъ придать величіе несчастію и окружить нѣкоторою славою даже паденіе Имперіи; второй былъ преданъ всѣмъ необузданнымъ страстямъ побѣдителей, и въ особенности такимъ, которыя злоупотребляютъ побѣдою и составляютъ отчаяніе побѣжденныхъ. Между-тѣмъ, какъ Магометъ собиралъ всѣ свои силы, чтобы произвести нападеніе на столицу Греціи, Константинъ взывалъ о помощи къ христіанскому міру; папа возвѣщалъ въ своихъ циркулярахъ всѣмъ христіанамъ на Западѣ объ опасности, въ которой находилась Византія; но апостолическія увѣщанія не могли пробудить энтузіазма къ крестовымъ походамъ; во Франціи, въ Англіи, Германіи и даже въ Италіи на опасности имперіи смотрѣли какъ на воображаемыя, или считали паденіе ея неизбѣжнымъ; владѣтельные князья Мореи и Архипелага, Венгріи и Болгаріи, иные — изъ страха, другіе — изъ зависти, отказывались принимать участіе въ войнѣ, отъ которой зависѣло рѣшеніе ихъ участи. Но такъ какъ Генуя и Венеція имѣли конторы и торговыя учрежденія въ Константинополѣ, то на защиту императорскаго города было отправлено двѣ тысячи генуэзскихъ воиновъ и отъ пяти до шести сотъ венеціанцевъ; папа отправилъ триста римскихъ воиновъ подъ предводительствомъ кардинала Исидора. Вотъ и вся помощь, которую получила тогда Греція со стороны Запада.

Такое равнодушіе христіанскаго міра не было еще въ настоящемъ случаѣ самымъ большимъ несчастіемъ для знаменитаго города. Большая часть его гражданъ оставались также равнодушными къ угрожавшимъ ему опасностямъ, безумный фанатизмъ не допускалъ ихъ обращаться за по-

мощію къ Латинянамъ; вмѣсто того, чтобы слушать Константина, призывавшаго ихъ на защиту отечества, они съ увлеченіемъ слушали предсказанія монаха Геннадія и враговъ латинской Церкви, которые постоянно твердили, что все было потеряно; самые яростные фанатики договаривались до того, что они желаютъ лучше видѣть въ Константинополѣ чалму Магомета, чѣмъ тіару римскаго папы. Слѣпой фатализмъ, овладѣвшій страстно вазбужденною толпою, внушалъ ей, что Византія обречена на гибель самимъ Богомъ, и что было-бы нечестіемъ возставать противъ опредѣленій Божественнаго гнѣва. Эгоизмъ, эта язва народовъ, близкихъ къ паденію, побуждалъ богатыхъ скрывать свои сокровища, и для того чтобы укрѣпить императорскій городъ, пришлось обирать церкви. Наконецъ въ угрожаемой столицѣ этой древней имперіи, которая носила еще названіе Римской, наканунѣ того дня, когда должны были погибнуть ея законы, ея вѣрованія и самое имя ея—нашлось не болѣе четырехъ тысячъ девяти-сотъ семидесяти защитниковъ.

Между тѣмъ, какъ Греки забывали такимъ образомъ объ опасности, въ которой находилась ихъ имперія, враги ихъ воодушевлялись все болѣе и болѣе энтузіазмомъ побѣды. Въ нихъ какъ-бы возродилось то рвеніе и тотъ воинственный фанатизмъ, который воодушевлялъ сподвижниковъ Омара и первыхъ борцовъ исламизма.

Изъ всѣхъ странъ, лежащихъ на пространствѣ отъ Тигра и Евфрата до береговъ Эбро и Дуная, собирались мусульманскіе воины, привлекаемые надеждою завоевать городъ Кесарей и обогатиться остатками Греціи. Магометъ II выступилъ изъ Адріанополя во главѣ своей арміи въ первыхъ числахъ марта 1453 г. Въ первыхъ числахъ апрѣля знамя султана было водружено предъ воротами Св. Романа (нынѣ: Пушкарныя). При этой достопамятной осадѣ и осаждающіе и осаждаемые примѣнили къ дѣлу всѣ изобрѣтенія военнаго искусства, всѣ усовершенствованія, произведенныя въ немъ отъ древнѣйшихъ до позднѣйшихъ временъ. Во время приступовъ и при защитѣ совмѣстно дѣйствовали: порохъ, недавно изобрѣтенный въ Европѣ, и греческій огонь — старинное изобрѣтеніе Востока; лукъ изъ рога или слоновой кости металъ стрѣлы, а изъ балисты вылетали бревна и каменья; тараны потрясали стѣны, между тѣмъ какъ артиллерія изрыгала на дальнее разстояніе свинцовыя пули и гранитныя или желѣзныя ядра.

Исторія того времени съ удивленіемъ упоминаетъ объ одной пушкѣ въ 12 пальмъ калибра, которая выбрасывала на разстояніи мили массу камня до шести сотъ центнеровъ вѣсомъ. Палатки Турокъ были раскинуты на пространствѣ нѣсколькихъ миль отъ гавани до береговъ Пропонтиды. Ежедневно,—говоритъ оттоманскій писатель:—это полчище осаждающихъ бросалось на укрѣпленія и башни города, подобно волнамъ разлившагося моря.

Вооружившіеся Греки, вмѣстѣ съ Венеціанцами и Генуэзцами, составляли гарнизонъ не болѣе какъ въ девять или десять тысячъ человѣкъ. Эти самоотверженные ополченцы бодрствовали день и ночь на башняхъ и укрѣпленіяхъ, и безпрерывно должны были то отражать приступы, то исправлять проломы, то защищать подступы ко рвамъ. Они поспѣвали повсюду и ихъ доставало на все, такъ какъ они были воодушевлены присутствіемъ своихъ вождей и особенно примѣромъ Константина.

Въ первое время осады осаждаемые сохраняли за собою одно преимущество: городъ былъ недоступенъ по направленію къ Пропонтидѣ и со стороны порта. Гавань, при входѣ въ которую была протянута цѣпь, оставалась закрытою для мусульманскихъ судовъ и открывалась только для христіанскихъ кораблей, на которыхъ доставлялись въ городъ военные снаряды и всякаго рода помощь. Магометъ рѣшился перевести свой флотъ изъ Босфора въ гавань. Мусульмане, — повѣствуетъ оттоманская исторія, — перетащили съ моря на берегъ суда свои, «величиною съ

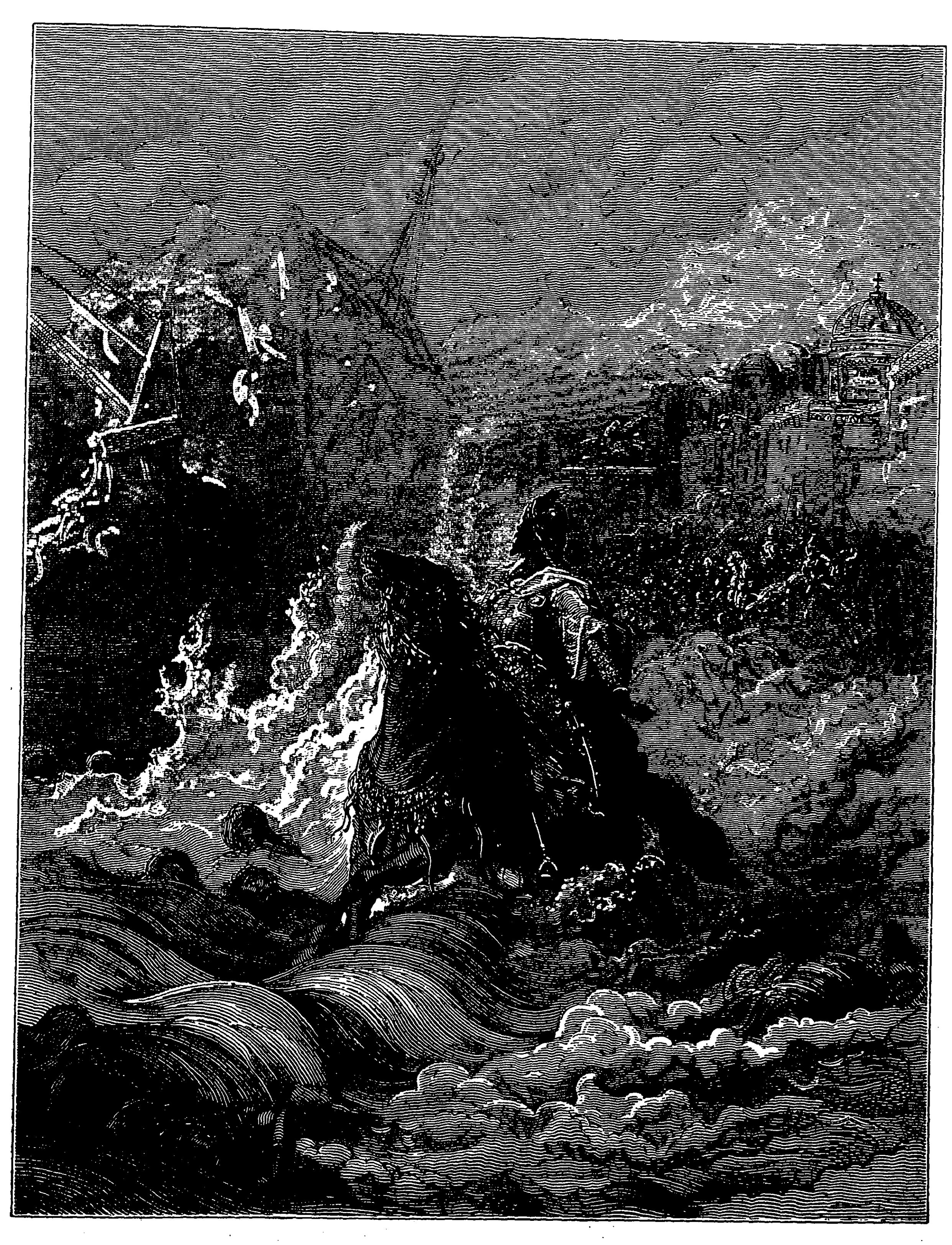
гору»; и натеревъ ихъ саломъ и разукрасивъ флагами, волочили по землѣ на подъемахъ и на спускахъ, и спустили ихъ въ тѣ воды, которыя омываютъ стѣны города. Этотъ флотъ, вышедшій изъ долины Долма-Баши, прошелъ позади Галаты и остановился на томъ пунктѣ берега, гдѣ теперь находится арсеналъ. Это смѣлое предпріятіе привело въ ужасъ осажденныхъ и принудило ихъ раздѣлить свои силы для защиты стѣнъ со стороны порта, которыя не позаботились укрѣпить. Въ то же время Турки не прерывали нападеній со стороны воротъ Св. Романа и по всей линіи, начиная отъ воротъ Карсійскихъ до воротъ Селиврейскихъ.

Во время осады не разъ подымался вопросъ о капитуляціи; Магометъ требовалъ, чтобы ему предоставили столицу той имперіи, всѣ провинціи которой уже находились въ его власти; султанъ угрожалъ императору истребить его со всѣмъ семействомъ и разсѣять его народъ по всей землѣ, если онъ будетъ настаивать на сопротивленіи; Магометъ предлагалъ своему врагу владѣніе въ Пелопоннесѣ; Константинъ предпочелъ умереть со славою.

27-го мая, султанъ, посовѣтовавшись съ своими гадателями, повелѣлъ объявить рѣшительное общее наступленіе; всѣ богатства Константинополя, греческія женщины, плѣнники должны были служить наградою храбрости его воиновъ; себѣ онъ предоставлялъ только городъ и зданія. Онъ самъ проходилъ по рядамъ своей арміи; снова обѣщалъ своимъ воинамъ отдать имъ Византію на разграбленіе, и поклялся именемъ отца своего Амурата, сыновьями свои и четырьмя тысячами пророковъ, что городъ будетъ взятъ черезъ три дня. Двѣсти-тысячъ Османлисовъ также поклялись своимъ оружіемъ и отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ: «Богъ есть Богъ и Магометъ — посланникъ Божій.» По захожденіи солнца и ночь не помѣшала продолжать осадныя работы; у каждаго мусульманскаго воина къ острію копья былъ прикрѣпленъ зажженный факелъ, что и послужило поводомъ турецкому историку сказать, что мѣстность, окружающая городъ, была похожа «на поле, покрытое розами и тюльпанами».

Глубочайшее молчаніе царствовало въ лагерѣ, гдѣ всѣ были заняты переноскою и исправленіемъ машинъ; до самаго разсвѣта тишина вокругъ городскихъ укрѣпленій прерывалась только возгласами муэдзина, призывавшаго правовѣрныхъ на молитву и часто повторявшаго слова изъ Корана: «Будетъ большая битва при взятіи Константинополя.»

На другой день, Константинъ собралъ въ своемъ дворцѣ вождей храбраго ополченія, защищавшаго вмѣстѣ съ нимъ укрѣпленія Византіи: между Греками, составлявшими этотъ послѣдній совѣтъ, были: другъ Палеолога, Франдзи, одинъ изъ историковъ этой несчастной эпохи; великій дука Нотара, котораго Магометъ упрекалъ, по окончаніи осады, въ томъ, что онъ скрылъ свои богатства; игуменъ иноковъ Св. Василія, благочестивыхъ людей, преданныхъ своему отечеству; командиръ трехъ сотъ критскихъ стрѣлковъ, поспѣшившій прибыть въ императорскій городъ при первомъ слухѣ о предстоящей войнѣ. Изъ Латинянъ присутствовалъ Джустиніани, начальникъ генуэзскихъ воиновъ, и вождь ополченія венеціанскаго, кардиналъ Исидоръ, который на свой собственный счетъ велѣлъ исправить порученныя ему укрѣпленія и который во все время осады сражался во главѣ воиновъ, прибывшихъ съ нимъ изъ Италіи. Горячими убѣжденіями Константинъ старался ободрить и обнадежить своихъ товарищей по оружію, напоминая Грекамъ объ ихъ отечествѣ и объ ихъ семействахъ, Латинянамъ объ ихъ вѣрѣ и о Западѣ, угрожаемыхъ варварами. Въ продолженіи его рѣчи всѣ заливались слезами, и самъ онъ былъ такъ взволнованъ, что едва могъ найти нѣсколько словъ, чтобы объявить о предстоящемъ на другой день сраженіи. Прощаясь со всѣми этими знаменитыми вождями, Константинъ сказалъ имъ: — «До завтрашняго славнаго дня!» Послѣ этого онъ пошелъ въ храмъ Св. Софіи и причастился Св. Таинъ. Благочестивое

Магометъ II передъ Константинополемъ

смиреніе, съ которымъ онъ испрашивалъ прощенія своихъ прегрѣшеній, слова, которыя онъ произнесъ, обращаясь къ народу, и въ которыхъ чувствовалось прощаніе навсегда, могли только способствовать къ усиленію общей скорби и унынія.

Наконецъ наступилъ послѣдній день Римской имперіи. 29-го мая 1453 г. раздались звуки трубъ и барабановъ въ турецкомъ лагерѣ; приступъ сдѣланъ былъ одновременно со стороны порта и со стороны воротъ Св. Романа; толпы мусульманъ нахлынули на укрѣпленія; историкъ Франдзи сравниваетъ эти сплошные ряды съ огромной веревкой, которая какъ-бы обвила вокругъ и стиснула весь городъ. Послѣ двухъ часовъ страшнаго натиска, Магометъ выступилъ впередъ съ отборными отрядами и десятью тысячами янычаръ. Осаждаемые выдержали этотъ приступъ съ удивительнымъ мужествомъ, и фаланги оттоманскія какъ будто поколебались, когда вдругъ Джустиніани, который сражался возлѣ Адріанопольскихъ воротъ, былъ пораженъ стрѣлою; увидя свою кровь, онъ растерялся, велѣлъ нести себя въ Галату, гдѣ черезъ нѣсколько дней и умеръ отъ стыда и отчаянія. Это подобіе бѣгства повлекло за собою отступленіе Генуэзцевъ и Венеціанцевъ; Греки, оставшись одни, не могли больше сопротивляться полчищамъ враговъ своихъ. Въ эту минуту,—говоритъ турецкій историкъ Коджа-Эффенди,—императоръ, окруженный храбрѣйшими воинами, находился въ своемъ дворцѣ, близъ воротъ Карсійскихъ (Эгри-Капу). Онъ могъ видѣть оттуда, что Турки перебрались черезъ стѣны со стороны гавани, и что со стороны воротъ Св. Романа воины Магомета толпами входили въ городъ. Тогда Константинъ, схвативъ свой мечъ и сопровождаемый своими вѣрными слугами, бросился на встрѣчу непріятелю; исторія не могла узнать: былъ-ли онъ задавленъ въ толпѣ сражающихъ, или погибъ отъ меча побѣдителя; извѣстно только, что онъ исчезъ среди смятенія въ этотъ ужасный день и что конецъ его жизни былъ послѣднею славою имперіи.

Избіеніе безоружныхъ жителей, разграбленіе города, оскверненіе священныхъ мѣстъ, оскорбленіе дѣвицъ и женщинъ, заключеніе въ оковы цѣлаго населенія — вотъ предметы повѣствованій лѣтописей того времени — турецкихъ, греческихъ и латинскихъ. Такова была судьба этого императорскаго города, который частыя возстанія покрыли развалинами, и который сдѣлался наконецъ игрушкою и добычею народа, съ давнихъ временъ презираемаго имъ.

Намъ удалось видѣть, чѣмъ стало это завоеваніе въ рукахъ Турокъ; мы видѣли укрѣпленія и башни, защищавшія городъ во время осады; эти стѣны, заросшія мохомъ и обвитыя плющемъ, еще стоятъ съ проломами, пробитыми пушками Османлисовъ. Любопытно то, что эта Восточная имперія, населенная теперь инымъ народомъ, исповѣдующая другую религію, дошла въ настоящее время до такого же упадка, какъ и во время послѣдняго Константина. Здѣсь тотъ-же фанатизмъ, та-же гордыня, то-же ослѣпленіе; однакоже участь Оттомановъ менѣе плачевна, чѣмъ участь народовъ, побѣжденныхъ ихъ оружіемъ, такъ какъ въ Европѣ, въ настоящее время, проявляется болѣе готовности сохранить Византію для Турокъ, чѣмъ въ былое время помочь Грекамъ удержать ее въ своемъ владѣніи.

ГЛАВА XXXIX.

Папа проповѣдуетъ новый крестовый походъ противъ Турокъ. — Собраніе рыцарей въ *Лиллѣ* во Фландріи. — Снятіе осады Бѣлграда Магометомъ. — Проповѣдь Пія II. — Папа Пій II во главѣ крестоваго похода. — Смерть Пія II передъ отплытіемъ его изъ Анконы. — Война Венгерская, осада Родоса, вторженіе Отрантское. — Смерть Магомета II.

(Отъ 1453 до 1481 г.)

Узнавъ о послѣдней побѣдѣ Магомета, всѣ христіанскіе народы были поражены ужасомъ; представлялось уже, что турецкіе солдаты разрушаютъ алтари въ храмахъ Божіихъ въ Венгріи и Германіи; постыдный исламизмъ, отъ котораго Европа стремилась освободить Востокъ, готовъ былъ завоевать самую Европу. Сколько уже было войнъ, сколько безплодныхъ усилій ради спасенія Іерусалима, ради спасенія Византіи! И вотъ, Риму, столицѣ христіанскаго міра, угрожаетъ та-же опасность. Обвиняли папу Николая V, страстно увлекавшагося возрожденіемъ наукъ, въ томъ, что онъ оставался равнодушнымъ къ гибельному положенію христіанской Греціи; его упрекали въ излишней заботливости о предохраненіи отъ разрушенія твореній великихъ геніевъ языческой древности въ то время, когда вѣрѣ Христовой предстояло погибнуть подъ ударами варваровъ. Николай приказалъ тогда проповѣдывать крестовый походъ всему христіанскому міру; но среди общаго унынія никто не думалъ взяться за оружіе; Европа, неподвижная отъ страха, смотрѣла на приближающееся владычество мусульманское, какъ смотрятъ обыкновенно на заразительныя болѣзни, эти смертоносные потоки, которые пробираются изъ страны въ страну, и наступленія которыхъ не можетъ остановить никакая человѣческая сила.

Скоро послѣ взятія Константинополя, Филиппъ Добрый, герцогъ Бургундскій, собралъ въ Лиллѣ во Фландріи все высшее сословіе своего государства, и на одномъ рыцарскомъ празднествѣ старался возбудить энтузіазмъ въ рыцаряхъ Креста; среди зрѣлищъ и блистательныхъ рыцарскихъ церемоній, вдругъ показался слонъ, котораго велъ гигантъ Сарацинъ; на спинѣ у слона была башня, въ которой была заключена женщина, облеченная въ траурную одежду. Эта женщина, представлявшая собою христіанскую Церковь, вышла изъ своего заключенія и, обращаясь къ герцогу Бургундскому, произнесла длинное стихотвореніе, заключавшееся въ жалобахъ на бѣдствія, которыми она была обременена; въ особенности жаловалась она на вялость и на недостатокъ усердія государей и рыцарей въ томъ, чтобы помочь ей. Филиппъ Добрый, — прибавляетъ

Оливье де-ля-Маршъ, — посмотрѣлъ съ состраданіемъ на «даму — святую Церковь»; потомъ, герольдъ громко провозгласилъ, что онъ клянется прежде всего Богу, Творцу своему, Пресвятой Дѣвѣ, «дамамъ и фазану», что онъ будетъ сопровождать короля французскаго и будетъ служить ему «такъ хорошо, какъ только благодать Божія допуститъ его», если христіаннѣйшему монарху будетъ угодно «подвергнуться подвигу защиты вѣры и сопротивленія достойному осужденія предпріятію великаго Турка». Всѣ государи, знатные владѣтели и бароны, присутствовавшіе на этой церемоніи, также, поочередно, призвали имя Божіе и Пресвятой Дѣвы, не забывъ и дамъ и фазана, и поклялись пожертвовать всѣмъ своимъ имуществомъ и жизнью на служеніе Іисусу Христу и «ихъ весьма грозному господину герцогу Бургундскому». Нѣкоторые изъ нихъ присоединили къ клятвѣ особенные, личные вызовы султану—«великому Турку», обѣщая сразиться съ нимъ лицомъ къ лицу; другіе предлагали вызовъ на поединокъ многимъ князьямъ «враждебнаго лагеря». Одинъ рыцарь обязывался не вкушать по пятницамъ «никакой вещи, подлежащей смерти», пока онъ будетъ въ борьбѣ съ однимъ или многими врагами вѣры; другой давалъ обѣтъ пойти прямо на знамя «великаго Турка» и «сбросить его на землю или тутъ-же умереть».

Тому, кто желаетъ познакомиться со всѣми странными и исключительными подробностями, касательно этого рыцарскаго празднества, мы предлагаемъ обратиться къ пространной исторіи крестовыхъ походовъ. Какое громадное различіе между такого рода призывомъ къ священной войнѣ и проповѣдью Петра Пустынника и Св. Бернара! Поэтому и не было замѣтно на этомъ рыцарскомъ собраніи того энтузіазма, который такъ блистательно проявился на соборѣ Клермонскомъ и на многихъ другихъ соборахъ, созванныхъ по дѣламъ Востока. Французскій король, Карлъ VII, который долженъ былъ вести крестоносцевъ въ Азію, не принялъ креста, и Франція забыла о нашествіи Оттомановъ.

Между тѣмъ, нѣкоторые благочестивые люди прибѣгали къ невѣроятнымъ усиліямъ, чтобы воскресить первыя времена священныхъ войнъ: Іоаннъ Капистранъ, монахъ ордена Св. Франциска, Сильвій-Эней, епископъ сіеннскій, употребляли всѣ средства для воспламененія умовъ и для возбужденія воинственнаго благочестія крестоносцевъ. Первый изъ нихъ, почитаемый святымъ, проходилъ по всѣмъ городамъ Германіи и Венгріи, разсказывая народу объ опасности, угрожающей св. вѣрѣ со стороны невѣрныхъ; второй, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ епископовъ своего времени, изучившій греческую и латинскую литературы, ораторъ и поэтъ, увѣщевалъ государей вооружиться, чтобы предупредить вторженіе варваровъ въ ихъ собственные предѣлы и спасти христіанскій міръ отъ близкой погибели. Тому и другому, при содѣйствіи вліянія главы Церкви, удалось возбудить въ умѣ народовъ нѣкоторыя возвышенныя чувства, но—чтобы примѣнить ихъ къ дѣлу, народъ нуждался въ примѣрѣ и вліяніи со стороны государей, а государи, раздѣляемые несогласіями или озабоченные поддержаніемъ своей власти, пребывали въ бездѣйствіи. «Христіанская Европа, — говоритъ епископъ сіеннскій: — была тогда ничѣмъ инымъ, какъ тѣломъ безъ головы, республикою—безъ судей и безъ законовъ.» Николай V, при которомъ совершилось паденіе Константинополя, умеръ, прежде чѣмъ міръ христіанскій успѣлъ что-нибудь предпринять для исправленія этого великаго бѣдствія и для предупрежденія другихъ несчастій.

Каликстъ III, преемникъ Николая V, вступивъ на папскій престолъ, возобновилъ прежде данную имъ клятву — употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобы остановить завоеванія Турокъ; онъ разослалъ легатовъ и проповѣдниковъ по всей Европѣ, чтобы возвѣщать и проповѣдывать войну противъ невѣрныхъ. Въ это самое время Магометъ II намѣревался вести свою армію въ Венгрію.

Двѣ кометы, появившіяся тогда на небѣ, показались всѣмъ зловѣщими предзнаменованіями, и весь Западъ находился въ страхѣ. Каликстъ возбуждалъ христіанъ къ покаянію; онъ представлялъ имъ священную войну, какъ средство искупить свои прегрѣшенія и умиротворить Божественный гнѣвъ. Въ скоромъ времени Бѣлградъ былъ осажденъ Турками, жители сосѣднихъ странъ поспѣшили на защиту его. Тогда папа приказалъ — каждый день въ полдень звонить въ колокола во всѣхъ приходскихъ церквахъ, чтобы созывать вѣрующихъ на молитву за Венгерцевъ и за всѣхъ, сражающихся съ невѣрными. Каликстъ раздавалъ индульгенціи всѣмъ христіанамъ, которые по этому призыву трижды произнесутъ Молитву Господню и Ангельское привѣтствіе. Отсюда произошелъ обычай молитвы къ Богородицѣ (Angelus), сохранившійся въ Западной Церкви до новѣйшихъ временъ.

Осада Бѣлграда продолжалась уже 40 дней, и Магометъ II угрожалъ превратить городъ въ развалины, когда на помощь къ осажденнымъ явились Гуніадъ и монахъ Капистранъ, одинъ во главѣ многочисленныхъ батальоновъ, другой — безъ всякаго оружія противъ врага, кромѣ убѣдительнаго и проникнутаго благочестіемъ краснорѣчія и своихъ пламенныхъ молитвъ. Въ одинъ день 6-го августа 1456 г. воины христіанскіе обратили въ бѣгство армію Магомета и уничтожили оттоманскій флотъ, стоявшій на Дунаѣ и на Савѣ. Гуніадъ проявилъ чудеса храбрости; а Капистранъ, въ минуту самой большой опасности, ходилъ по рядамъ христіанскаго войска, съ крестомъ въ рукахъ и повторяя слова: «побѣда, Іисусъ, побѣда!» Болѣе двадцати-тысячъ мусульманъ погибли въ битвѣ или въ бѣгствѣ; султанъ былъ раненъ среди своихъ янычаръ и поспѣшно удалился отъ Бѣлграда съ своей побѣжденной арміею.

Возвратясь въ Константинополь, Магометъ скоро оправился отъ своего пораженія и занялся завоеваніемъ всѣхъ провинцій, принадлежавшихъ Греческой имперіи; черезъ семь лѣтъ послѣ покоренія Византіи, онъ повелъ своихъ побѣдоносныхъ янычаръ въ Пелопоннесъ; не встрѣчая почти никакого сопротивленія, онъ съ пренебреженіемъ отнесся къ такой легкой побѣдѣ; онъ задумывалъ о болѣе обширныхъ предпріятіяхъ, и когда онъ водрузилъ знамя полумѣсяца среди развалинъ Аѳинъ и Спарты, взоры его устремлялись на моря Сициліи и старались намѣтить тотъ путь, который долженъ былъ привести его къ берегамъ Италіи.

Между-тѣмъ, послѣ Каликста III на папскій престолъ вступилъ Сильвій-Эней, неутомимый проповѣдникъ священной войны. Первымъ дѣломъ Пія II было — возвѣстить Европѣ о тѣхъ опасностяхъ, которыя угрожали ей, и убѣждать христіанскихъ государей—соединить ихъ силы противъ Турокъ. На соборѣ, созванномъ въ Мантуѣ, явились депутаты изъ всѣхъ странъ, завоеванныхъ или угрожаемыхъ Оттоманами, и передали плачевную повѣсть о бѣдствіяхъ, которыя терпѣли христіане подъ владычествомъ варваровъ. Папа энергически возсталъ противъ равнодушія тѣхъ, на кого Богъ возложилъ защиту христіанства; слова главы Церкви были преисполнены религіознаго чувства, а религія его была проникнута патріотизмомъ. Но ни увѣщанія его, ни мольбы не могли положить конецъ печальному недовѣрію между государями; и Европа, столько разъ поднимавшаяся на защиту отдаленныхъ странъ, не вооружалась для защиты своихъ собственныхъ предѣловъ.

Между тѣмъ Турки опустошали уже границы Иллиріи и угрожали Рагузѣ; знамя полумѣсяца развѣвалось на всѣхъ островахъ Архипелага и Іоническаго моря; опасность угрожала итальянскимъ берегамъ; папа созвалъ совѣтъ кардиналовъ и объявилъ имъ, что онъ рѣшился самъ выступить противъ невѣрныхъ: — «Удрученному годами и недугами, ему оставалось жить, можетъ быть, только нѣсколько мгновеній; онъ шелъ на вѣрную почти смерть. Но что ему было за дѣло до мѣста и времени его смертнаго успокоенія, если онъ принималъ смерть за народъ христіанскій!«

Кардиналы единодушно одобрили благородное рѣшеніе Пія II. Съ этой минуты папа занялся приготовленіями къ крестовому походу, котораго онъ былъ вождемъ и апостоломъ; въ краснорѣчивомъ увѣщаніи, обращенномъ ко всѣмъ вѣрующимъ, онъ объяснилъ благородныя побужденія своего самопожертвованія. «Отцы наши,— говорилъ онъ:— потеряли Іерусалимъ и всю Азію; мы потеряли Грецію и нѣсколько государствъ въ Европѣ; у христіанства остался только одинъ уголокъ въ мірѣ: въ этой крайней опасности отецъ всѣхъ христіанъ идетъ самъ навстрѣчу непріятеля. Безъ сомнѣнія, война не свойственна ни слабости старцевъ, ни назначенію папъ; но когда святой вѣрѣ угрожаетъ гибель, то кто можетъ насъ удержать!.. За нами послѣдуютъ наши кардиналы и многіе епископы; мы выступимъ съ развернутымъ знаменемъ, съ мощами Святыхъ, съ самимъ Іисусомъ Христомъ — въ святомъ причастіи. Кто изъ христіанъ откажется послѣдовать за намѣстникомъ Божіимъ, идущимъ со всѣмъ своимъ соборомъ и церковнымъ синклитомъ на защиту вѣры и человѣчества?» Папа, въ посланіи своемъ, назначалъ мѣстомъ сбора крестоносцевъ городъ и портъ Анкону. Онъ обѣщалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, кто прослужитъ полгода, или будетъ содержать на свой счетъ одного или двухъ воиновъ впродолженіе того-же времени. Это папское посланіе было прочитано во всѣхъ церквахъ на Западѣ, и такова была сила вліянія одного человѣка, преисполненнаго христіанскаго самопожертвованія, человѣка, великодушно приносившаго себя самого въ жертву дѣла креста, что на короткое время какъ-бы воскресли то рвеніе и тотъ энтузіазмъ, которые воодушевляли воиновъ первыхъ крестовыхъ походовъ. Въ самыхъ отдаленныхъ отъ вторженія Турокъ странахъ и на дальнемъ Сѣверѣ — принимали крестъ и вооружались.

Призвавъ Божію помощь въ базиликѣ Св. Апостоловъ, Пій II выѣхалъ изъ Рима, въ іюнѣ 1464 г. Страдая изнурительною лихорадкою и опасаясь, чтобы видъ его страданій не лишилъ бодрости воиновъ креста, онъ скрывалъ свою болѣзнь и запрещалъ своимъ служителямъ сообщать о ней. По всему пути народъ молился объ успѣхѣ экспедиціи и привѣтствовалъ папу, какъ освободителя христіанскаго міра. Прибывъ въ Анкону, онъ встрѣтилъ здѣсь многочисленную толпу пилигримовъ, умиравшихъ отъ голода и почти нагихъ; апостолическія увѣщанія его подѣйствовали сильнѣе на простой народъ, чѣмъ на рыцарей и бароновъ, и замѣчательно, что бѣдные, казалось, болѣе были поражены опасностію, угрожающею Европѣ, чѣмъ богатые и великіе міра. Пій II былъ тронутъ нищетою крестоносцевъ; но, не имѣя возможности содержать ихъ всѣхъ на свой счетъ, онъ удержалъ только тѣхъ изъ нихъ, которые могли существовать во время войны на свои собственныя средства, а остальныхъ распустилъ, надѣливъ ихъ индульгенціями крестоваго похода. Флотъ уже готовъ былъ выступить въ море. Какое зрѣлище для исторіи представлялъ этотъ отецъ всѣхъ вѣрующихъ, пренебрегающій опасностями войны и морскаго путешествія ради того, чтобы освободить отъ оковъ христіанъ въ отдаленныхъ странахъ и посѣтить дѣтей своихъ въ ихъ печали! Къ несчастію, силы папы не соотвѣтствовали его усердію, и смерть не допустила его совершить до конца свою жертву. Чувствуя близкую свою кончину, онъ созвалъ кардиналовъ и сказалъ имъ:—«До сего дня я дѣлалъ все, что могъ, для овецъ, врученныхъ моему попеченію; я не щадилъ трудовъ и не обращалъ вниманія на опасности; принесъ въ жертву жизнь мою ради общаго спасенія; я не въ состояніи исполнить то, что предпринялъ; вамъ предстоитъ кончить дѣло Божіе.» Съ усиліемъ выговоривъ послѣднія слова, онъ скончался.

Смерть Пія II привела въ отчаяніе пилигримовъ, и такъ какъ онъ былъ душою крестоваго похода, то съ его смертію кончился и крестовый походъ. Одни Венеціанцы перенесли войну въ Пелопоннесъ, но не достигли большаго успѣха въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Турокъ; Греки, обна-

деженные помощью, также подняли знамя свободы, но не могли устоять противъ янычаръ Магомета II и погибли жертвами своего самоотверженія. Скандербегъ, столицу котораго осаждали Оттоманы, пріѣхалъ самъ просить помощи на Западѣ. Принятый преемникомъ Пія II въ присутствіи кардиналовъ, онъ объявилъ, что на Востокѣ уцѣлѣлъ только Эпиръ, а въ Эпирѣ — его маленькая армія, которая еще сражается за дѣло христіанства. Онъ прибавилъ, что если онъ будетъ побѣжденъ, то не останется никого, для защиты доступа въ Италію. Павелъ II снова предупредилъ христіанскій міръ объ опасности, ему угрожающей; но на предупрежденія его никто почти не обратилъ вниманія; Скандербергъ, не получивъ никакой помощи, возвратился въ Албанію, опустошаемую Турками, и умеръ въ Лиссѣ, покрытый славою, но въ полной безнадежности на спасеніе того дѣла, за которое онъ велъ борьбу.

Въ это время (1475) Магометъ далъ торжественную клятву, въ присутствіи улемовъ и знатнѣйшихъ сановниковъ своей имперіи, что онъ не будетъ пользоваться никакими удовольствіями и не дастъ себѣ никакого отдыха, пока не истребитъ все христіанское племя и не провозвѣститъ славу Пророка отъ Востока до Запада. Вся Оттоманская имперія повторила грозные обѣты султана и присоединилась къ его разрушительнымъ предпріятіямъ. Подготовлявшаяся страшная война началась съ острова Негропонта или Эвбеи. Все населеніе острова было умерщвлено или продано въ рабство; все что могъ сдѣлать папа въ отмщеніе за поруганіе человѣчества и вѣры Христовой, было — снаряженіе флота, который, соединившись съ флотами венеціанскимъ и неаполитанскимъ, отправился опустошать берега Малой Азіи. Но эти безплодныя экспедиціи не могли остановить успѣховъ оттоманскаго владычества. Но короткое время Магометъ былъ отвлеченъ войною съ Персіею, но, одержавъ побѣды на берегу Тигра, онъ возвратился въ Константинополь, откуда снова началъ угрожать Западу. Многочисленное войско выступило противъ Венгріи; въ то-же время снаряжались экспедиціи для нападенія на о. Родосъ и на берега Италіи. Въ Трансильваніи произошли многія кровопролитныя битвы; во время одной изъ этихъ битвъ, христіане, одержавъ побѣду, предались безмѣрной радости и начали плясать на полѣ сраженія, покрытомъ ранеными и убитыми. Въ этомъ пированіи среди смерти и разрушенія было что-то варварски-дикое, совершенно недостойное воиновъ креста. Осада Родоса представила болѣе героическое зрѣлище. Мы видѣли этотъ островъ «Солнца», на которомъ орденъ Св. Іоанна, это вѣчно-живущее изображеніе крестовыхъ походовъ, сохранялъ еще славу первыхъ временъ; мы видѣли эти еще устоявшія башни, эти гранитные бастіоны, эти рвы, вырытые въ голыхъ утесахъ, которые носятъ еще имена разныхъ западныхъ народовъ, и которые христіане защищали впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ противъ Турокъ. Папа Сикстъ IV, одинъ только пославшій помощь непобѣдимымъ охранителямъ Родоса, провозгласилъ ихъ защитниками Церкви христіанской и отправилъ великому магистру ордена Д'Обюссону красную кардинальскую шляпу. Только въ столицѣ христіанскаго міра радовались тогда побѣдамъ надъ Турками; Римъ установлялъ тогда праздники въ ознаменованіе тѣхъ дней, когда невѣрные бывали побѣждены.

Между тѣмъ Италіи угрожали самыя серьезныя опасности. Грозная Оттоманская армія высадилась на берегахъ Неаполя и завладѣла Отрантомъ, гдѣ все сдѣлалось добычею пламени и меча. Это вторженіе Турокъ, котораго совсѣмъ не ожидали, распространило страхъ во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Бофинъ сообщаетъ, что была минута, когда папа намѣревался покинуть городъ апостоловъ и бѣжать за Альпы; исторія вовсе не упоминаетъ о томъ, какіе изъ христіанскихъ народовъ вооружились тогда, чтобы отразить побѣдоносныхъ Оттомановъ. Во всякомъ случаѣ, Провидѣніе, на которое возложила Европа всю свою надежду на спасеніе, явилось на помощь христіанскому

міру. Магометъ умеръ внезапно въ Константинополѣ, 3-го мая, въ самый день обрѣтенія честнаго Креста; это извѣстіе быстро распространилось повсюду и было принято христіанами, какъ вѣсть о великой побѣдѣ. Въ Римѣ, гдѣ всѣхъ болѣе тревожились и опасались, папа разрѣшилъ общественныя увеселенія впродолженіе трехъ дней, и во все это время мирные пушечные залпы изъ замка Св. Ангела не переставали возвѣщать объ освобожденіи Италіи.

26*

Пещера близъ Виѳлеема.

ГЛАВА XL.

Плѣненіе Джема, брата Баязета. — Экспедиція Карла VIII въ Неаполитанское королевство. — Селимъ покоряетъ Египетъ и Іерусалимъ. — Левъ X проповѣдуетъ крестовый походъ. — Взятіе Родоса и Бѣлграда Солиманомъ. — Завоеваніе Турками Кипра.—Битва Лепантская.— Пораженіе Турокъ Собѣсскимъ при Вѣнѣ. — Склоненіе къ упадку Оттоманской имперіи.

(Отъ 1491 до 1690 г.)

После Магомета остались два сына, между которыми начались споры о власти надъ имперіею; Баязетъ одержалъ верхъ надъ своимъ братомъ Джемомъ, и послѣдній, вынужденный бѣжать, укрылся на о. Родосѣ. Гроссмейстеръ ордена Іоаннитовъ, Д' Обюссонъ понялъ выгоду пребыванія на островѣ такого гостя, забылъ о долгѣ гостепріимства и безъ всякой церемоніи задержалъ въ своей власти довѣрившагося его чести принца. Но, опасаясь, что сосѣдство Турокъ не допуститъ его удержать на долгое время въ своей власти такого плѣнника, онъ рѣшился его удалить и подъ разными предлогами заставилъ его уѣхать на Западъ: извѣстно, что орденъ св. Іоанна имѣлъ въ Европѣ много командорствъ; въ одномъ изъ нихъ долженъ былъ находиться принцъ Джемъ подъ строгою охраной. Сначала его держали въ заключеніи въ разныхъ замкахъ,

въ графствѣ Ниццскомъ, Савойскомъ, въ Дофинэ и въ Оверни; потомъ его препроводили въ Бурганефъ, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ заключенія въ башнѣ. Тайна, окружавшая плѣннаго принца мусульманскаго, возбудила вниманіе и любопытство публики. Разсказывали о приключеніяхъ знаменитаго плѣнника, объ имперіяхъ и царствахъ, которыхъ его лишили; князья, рыцари и, въ особенности, дамы стремились увидать «сына того султана, который взялъ Константинополь». Наконецъ, вообразили, что можно воспользоваться Джемомъ при крестовомъ походѣ на Турокъ. Папа Иннокентій VIII вытребовалъ его и отправилъ въ Венгрію, чтобы противопоставить его Баязету.

Въ то же время Карлъ VIII задумалъ предъявить права Анжуйскаго дома на королевство Неаполитанское. Такъ какъ общее вниманіе было занято Востокомъ, то не трудно было убѣдить молодаго короля предпринять завоеваніе не только Апуліи и Сициліи, но и освободить Грецію и даже Св. Землю изъ-подъ ига невѣрныхъ. Когда французская армія перешла черезъ Альпы, короля Карла привѣтствовали вездѣ, какъ освободителя христіанъ; онъ письменно обратился къ французскимъ епископамъ, прося ихъ о доставленіи десятины крестоваго похода. «Предпріятіе наше, — писалъ онъ имъ: — имѣетъ цѣлію не одно только наше королевство Неаполитанское, но также и благо Италіи и возвращеніе Св. Земли». По прибытіи въ Римъ, Карлъ велѣлъ выдать ему брата Баязета, и присутствіе мусульманскаго принца среди французской арміи было какъ-бы сигналомъ войны съ Востокомъ. Эпирскимъ Туркамъ показалось, что Французы уже приближаются, и если вѣрить словамъ одного современнаго писателя, то на султана Баязета нашелъ такой страхъ, что онъ велѣлъ прибыть своимъ кораблямъ въ Босфоръ, «чтобы спасаться въ Азію».

Албанцы, Славяне и Греки, прибавляетъ Филиппъ де-Комминь, только и ждали сигнала для возстанія. Въ такомъ положеніи находились дѣла и таково было настроеніе умовъ, когда Карлъ побѣдоносно вступилъ въ королевство Неаполитанское. Но вскорѣ все должно было измѣниться; несчастный Джемъ умеръ отравленный по прибытіи въ Неаполь; народы, которые объявили себя на сторонѣ Карла VIII, были теперь противъ него; онъ принужденъ былъ покинуть Апулію, королемъ которой уже былъ провозглашенъ, и отказаться отъ покоренія Греціи, которая призывала его, какъ своего избавителя. Такимъ образомъ кончилась эта неаполитанская война, съ которою, казалось, возвратились самыя славныя времена священныхъ войнъ, и которая привела только къ преслѣдованію христіанъ, оставшихся подъ игомъ Оттомановъ.

Послѣ этой неаполитанской экспедиціи папа Александръ VI и преемники его, Пій III и Юлій II много разъ убѣждали западныхъ христіанъ вооружиться противъ Турокъ. Генуя, Венеція, Неаполь и нѣкоторыя другія христіанскія государства соединялись и составляли экспедиціи, у которыхъ не было недостатка въ благословеніяхъ Церкви, но которыя не остановили нашествія Оттомановъ. Италія и Германія обязаны были своимъ спасеніемъ только лѣнивому, бездѣятельному характеру Баязета, котораго Филиппъ де-Комминь называетъ «ничтожнымъ» человѣкомъ, и который пренебрегалъ заботами о войнѣ для удовольствій сераля. Опасности для христіанъ не замедлили возобновиться съ воцареніемъ Селима, который, едва только достигъ власти, какъ обѣщалъ своимъ янычарамъ завоеваніе всего міра и началъ угрожать одновременно Европѣ, Персіи и Египту.

Поколебавъ могущество Мамелюковъ, Селимъ овладѣлъ Палестиною; на стѣнахъ Іерусалима водружено было тогда знамя полумѣсяца, и сынъ Баязета, по примѣру Омара, осквернилъ своимъ присутствіемъ святыню Гроба Господня. Когда Европа узнала, что св. Мѣста во власти Турокъ, ей казалось, что Іерусалимъ какъ-бы впервые подпалъ подъ иго невѣрныхъ, и немногаго не

доставало, для возбужденія въ ней духа старинныхъ крестовыхъ походовъ. Слѣдуетъ прибавить, что могущество Османовъ возросло въ размѣрахъ угрожающаго свойства, и что Селимъ, побѣдитель Персіи, властелинъ Египта, готовился направить всѣ свои силы противъ христіанъ. На пятомъ соборѣ Латеранскомъ папа Левъ X уже проповѣдывалъ крестовый походъ противъ грознаго повелителя Оттомановъ; позже, послѣ совѣщанія съ своими кардиналами, папа отправилъ просвѣщенныхъ и благочестивыхъ легатовъ въ Англію, Испанію, Германію и въ сѣверныя страны Европы, возложивъ на нихъ миссію прекратить всѣ ссоры и рознь между государями и содѣйствовать къ образованію могущественнаго союза противъ враговъ христіанства. Левъ X, который заранѣе провозгласилъ себя главою этого священнаго союза, объявилъ перемиріе на пять лѣтъ между всѣми христіанскими государствами, угрожая отлученіемъ отъ Церкви нарушителямъ мира. Чтобы привлечь благословеніе Божіе на свое предпріятіе, этотъ папа приказалъ впродолженіе трехъ дней совершать процессіи и молебствія въ столицѣ христіанскаго міра; онъ самъ совершилъ божественную службу, раздавалъ милостыню, и съ босыми ногами и непокрытою головою пришелъ въ храмъ святыхъ апостоловъ. Секретарь святаго престола Садолетъ, въ присутствіи римскаго народа и духовенства, произнесъ рѣчь, въ которой онъ восхвалялъ рвеніе и дѣятельность верховнаго первосвященника, готовность христіанскихъ государей прекратить всѣ свои ссоры и желаніе ихъ соединиться общими силами противъ Турокъ. Духовный ораторъ заключилъ свою рѣчь энергичнымъ обращеніемъ къ племенамъ оттоманскимъ, которымъ онъ угрожалъ силою соединенныхъ армій Европы, и призывалъ Бога, заклиная Его благословить оружіе новыхъ крестоносцевъ на сокрушеніе Магометова владычества надъ міромъ и на прославленіе имени Іисуса Христа по всей землѣ — отъ юга до сѣвера и отъ западныхъ до восточныхъ странъ.

Съ согласія главныхъ христіанскихъ государствъ, папа составилъ наконецъ планъ этой священной войны. Германскій императоръ обязывался выставить армію, къ которой имѣла присоединиться венгерская и польская кавалерія, и, перейдя Болгарію и Ѳракію, долженъ былъ аттаковать Турокъ по сю и по ту сторону горы Гема (Балканъ). Король французскій со всѣми своими силами, съ войсками Венеціи и другихъ итальянскихъ государствъ и съ шестнадцатью тысячами Швейцарцевъ долженъ былъ отплыть изъ Бриндизи и высадиться на берега Греціи, между тѣмъ какъ флоты испанскій, португальскій и англійскій выступили бы изъ Картагены и сосѣднихъ съ нею портовъ, для перевозки испанскихъ отрядовъ на берега Геллеспонта. Самъ папа предполагалъ отправиться изъ Анконы морскимъ путемъ къ стѣнамъ Византіи, назначенной общимъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ христіанскихъ силъ.

Греческія музы, пріютившіяся въ Италіи послѣ взятія Константинополя, проповѣдывали тогда крестовый походъ противъ свирѣпыхъ властителей Спарты и Аѳинъ. Латинскія музы, которымъ покровительствовалъ Левъ X, также не безмолвствовали при такихъ обстоятельствахъ. Знаменитый Видъ клялся въ своихъ поэтическихъ строфахъ, что онъ самъ отправится въ знойныя пустыни Африки, почерпнетъ своей каской воды изъ Ксанѳа и Іордана и поразитъ своимъ мечемъ варварскихъ царей Востока. Другой писатель, воспитанный въ школѣ Цицерона, прославлялъ заранѣе побѣды Льва X и предвидѣлъ уже тотъ достопамятный день, когда безчисленные граждане, устремляясь по слѣдамъ папы, будутъ «благословлять его за спасеніе ихъ семейнаго очага, ихъ свободы, ихъ жизни». Читая поэтовъ, трудно повѣрить, что владычество оттоманское могло устоять противъ столькихъ разнородныхъ силъ, направленныхъ противъ него. Но всѣ эти прекрасныя обѣщанія поэзіи не замедлили быть опровергнутыми и забытыми: миръ между христіанскими монархами въ скоромъ времени былъ нарушенъ, и каждый изъ нихъ употребилъ для

своей защиты ихъ арміи, которыя были назначены для войны на Востокѣ; наконецъ соперничество Карла V и Франциска I перенесло войну въ Европу, и всѣ перестали думать о крестовомъ походѣ противъ Турокъ.

Впрочемъ, политическое состояніе Европы было не единственнымъ препятствіемъ для этой священной войны; второе затрудненіе возникло изъ взиманія десятины. Во время первыхъ походовъ на Востокъ, отъ христіанъ требовалась ихъ собственная жизнь, и никто не отступалъ передъ подобною жертвою. Въ послѣднее время священныхъ войнъ отъ вѣрующихъ требовались только деньги, и тутъ-то и началась оппозиція или сопротивленіе. Прибавимъ еще, что реформація естественнымъ образомъ должна была отвлечь вниманіе отъ войны съ Турками. Духъ сектантства породилъ въ нѣкоторыхъ христіанскихъ народахъ Запада равнодушіе не только къ опасному положенію христіанства, но и къ опасностямъ своего отечества. Среди жестокихъ споровъ, которые волновали Европу и въ особенности Германію, Церковь и даже гражданская власть, провозглашенная Лютеромъ, утратили то единодушіе, безъ котораго нельзя было ожидать успѣха въ борьбѣ съ такимъ могущественнымъ врагомъ. Послѣдователи Лютера желали лучше видѣть торжество Турокъ, нежели торжество католиковъ.

Крестовый походъ Льва X возбудилъ только воинственный фанатизмъ Турокъ противъ христіанъ. Преемникъ Селима, Солиманъ овладѣлъ Бѣлградомъ и снова направилъ силы Оттомановъ на о. Родосъ. Угрожаемые такимъ образомъ рыцари ордена св. Іоанна напрасно взывали о помощи къ христіанскому міру, они могли противопоставить Оттоманамъ только свою собственную доблестную милицію. Послѣ героическаго сопротивленія впродолженіи многихъ мѣсяцевъ, остатки этого христіанскаго рыцарства искали убѣжища въ Италіи. Когда великій магистръ ордена и благородные товарищи его по несчастію разсказали въ присутствіи папы о подвигахъ и о бѣдствіяхъ рыцарей, то слезы полились у папы и у всѣхъ римскихъ прелатовъ; но этого сострадавія пастырей христіанской Церкви недостаточно было, чтобы доставить рыцарямъ то, что они просили у государей европейскихъ, а именно — уголка земли, какой-нибудь пустынный островъ въ Средиземномъ морѣ, гдѣ они могли-бы продолжать бороться съ Турками. Болѣе десяти лѣтъ прошло, прежде чѣмъ политика государей рѣшила отдать имъ во владѣніе Мальтійскій утесъ, гдѣ этотъ знаменитый орденъ, подобно Христу на утесѣ Голгофы, долженъ былъ завершить свою послѣднюю жертву и выдержать послѣднія битвы священной войны. Между тѣмъ, завоеватель Бѣлграда и Родоса явился на берегахъ Дуная и началъ снова угрожать Европѣ. Людовикъ II, потерпѣвшій пораженіе при Могачѣ, погибъ среди общаго смятенія, оставивъ королевство свое раздираемымъ партіями и опустошаемымъ Турками. Между тѣмъ, какъ папа Климентъ VII возвѣщалъ объ опасностяхъ Венгріи, Карлъ V занялъ Римъ и держалъ плѣнникомъ главу Церкви: печальное и новое зрѣлище для христіанскаго міра! Изъ глубины своего заключенія папа все еще пріискивалъ враговъ Туркамъ, но всѣ старанія его были напрасны. Столица Австріи, осажденная Оттоманами, обязана была своимъ спасеніемъ только разлитію Дуная, храбрости своего гарнизона и, если вѣрить нѣкоторымъ историкамъ, измѣнѣ великаго визиря, подкупленнаго деньгами христіанъ.

Солиманъ заключилъ тогда мирный договоръ съ христіанскими государями, включая въ томъ числѣ и папу. Изъ исторіи видно, что султанъ называетъ именемъ «брата» Карла V, также какъ и венгерскаго короля Фердинанда, и именемъ «отца» — намѣстника Іисуса Христа. Съ этихъ поръ уже не приходилось заводить рѣчи о крестовомъ походѣ противъ Турокъ; папѣ, какъ онъ говорилъ самъ, не оставалось болѣе ничего, какъ только умолять Провидѣніе «бодрствовать надъ

спасеніемъ христіанскаго міра». Единственными предпріятіями противъ невѣрныхъ были двѣ экспедиціи Карла V на берега Африки: одна кончилась взятіемъ Туниса, въ другой онъ потерпѣлъ пораженіе при Алжирѣ. Къ концу своей жизни, Солиманъ II, изгнавшій Іоаннитовъ съ острова Родоса, захотѣлъ преслѣдовать ихъ и на Мальтійской скалѣ; тутъ въ послѣдній разъ проявились мужество и героическія доблести борцовъ священныхъ войнъ. Христово воинство рыцарей Іоаннитовъ, окруженное развалинами и почти совершенно покинутое христіанскимъ міромъ, устояло противъ всѣхъ нападеній Оттомановъ. Солиманъ, чтобы загладить позоръ своихъ пораженій, самъ повелъ своихъ янычаръ въ Венгрію, овладѣлъ многими городами, и только Богъ спасъ Германію, отозвавъ изъ міра побѣдоноснаго султана. Величайшій изъ государей Оттоманской имперіи умеръ въ виду одного маленькаго венгерскаго городка, который онъ осаждалъ во главѣ сильной арміи.

На Востокѣ еще оставалось одно христіанское государство, основанное во время крестовыхъ походовъ. Королевство Кипрское, по прекращеніи рода Лузиньяновъ, перешло подъ власть Венеціи. Давно уже угрожали ему сначала — Мамелюки каирскіе, затѣмъ — Турки; наконецъ, во время царствованія Селима, высадилась на островъ грозно вооруженная оттоманская армія; она опустошила селенія и поля; города Никозія и Фамагуста оказались не въ состояніи сопротивляться приступамъ варваровъ. Можно было-бы упрекнуть Венецію за тѣ средства, которыя она употребила, чтобы наслѣдовать династіи Лузиньяновъ; но если сообразить все то, что сдѣлали Венеціанцы во время этого вторженія Турокъ, всѣ страданія, которымъ они подверглись, защищая островъ Кипръ, то представляется только ихъ геройская храбрость и бѣдствія христіанскаго народа. Этотъ островъ Кипръ, одно изъ чудесъ древности, бывшій въ такомъ цвѣтущемъ состояніи еще подъ властію Латинянъ, съ тѣхъ поръ какъ бы погруженъ въ бездну несчастій; даже и въ настоящее время представляетъ онъ глазамъ путешественниковъ только зрѣлище смерти и разрушенія.

Для утѣшенія друзей человѣчества, исторія можетъ сообщить имъ о знаменитой побѣдѣ при Лепантѣ, которая послѣдовала вскорѣ послѣ завоеванія Турками Кипрскаго королевства. Флотъ оттоманскій и флотъ христіанскій — подъ начальствомъ Дона-Жуана Австрійскаго, встрѣтились въ водахъ древняго Акціума; эта морская битва напоминаетъ намъ нѣсколько духъ и энтузіазмъ священныхъ войнъ. До начала битвы, Донъ-Жуанъ велѣлъ водрузить на своемъ кораблѣ знамя Церкви и знамя Креста, и весь флотъ привѣтствовалъ радостными кликами это религіозное знаменіе побѣды. Никакую битву въ древнемъ мірѣ нельзя сравнить съ битвою при Лепантѣ, въ которой Турки сражались за обладаніе міромъ, а христіане защищали Европу. Венеція ознаменовала торжество христіанскаго флота необыкновенными увеселеніями; побѣда Лепантская была начертана на монетахъ и день битвы причисленъ къ ежегодно-чествуемымъ праздникамъ. Во Франціи, въ Англіи, въ Испаніи и у всѣхъ сѣверныхъ народовъ совершали благодарственныя молебствія за побѣду, дарованную доблести христіанскихъ воиновъ. Такъ какъ папа существенно содѣйствовалъ успѣху христіанскаго оружія, то въ Римѣ проявилось наибольшее ликованіе. Маркъ-Антоній Колонна, командовавшій кораблями папы, былъ съ торжествомъ введенъ въ Капитолій; въ церкви Ara Caeli (алтаря небеснаго) были вывѣшены знамена, отнятыя у непріятеля; папа Пій V установилъ празднество въ честь Дѣвы Маріи, предстательствомъ которой, по общему вѣрованію, была одержана побѣда надъ мусульманами, и праздникъ этотъ, совершаемый 7 октября, въ день битвы, получилъ названіе праздника въ честь Богородицы побѣдъ (Notre-Dame des victoires).

Сраженіе при Лепантѣ

Война, окончившаяся битвою Лепантскою, была послѣдняя, въ которой являлось знамя Креста. Христіанская Европа, послѣ такого блистательнаго торжества, сложила съ себя свое побѣдоносное оружіе и не воспользовалась страхомъ, внушеннымъ ею мусульманамъ. Великое европейское общество было тогда на пути къ своему широкому развитію, и каждое государство было преимущественно занято или увеличеніемъ своихъ предѣловъ, или сохраненіемъ ихъ, и не помышляло объ отдаленныхъ войнахъ. Съ другой стороны, народы придерживались домашняго очага по причинѣ выгодъ или обѣщаній возникающей цивилизаціи. Въ это время произошли четыре великихъ открытія: Америка, путь въ Индію, книгопечатаніе и порохъ; война, законы, нравы, промышленность, все должно было измѣниться; новый переворотъ оказался вдругъ лицомъ къ лицу съ старымъ переворотомъ, произведеннымъ кончающимися уже теперь крестовыми походами, и овладѣлъ умами, чтобы направить ихъ къ инымъ замысламъ и къ инымъ предпріятіямъ.

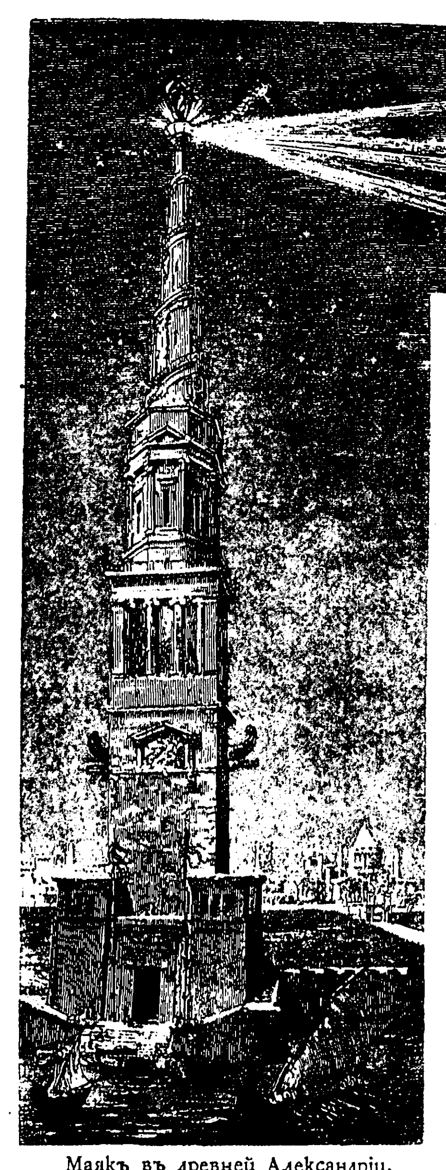
Счастливымъ обстоятельствомъ для христіанскаго міра было то, что когда крестовые походы, имѣвшіе цѣлію защиту Европы, клонились къ упадку, и военное могущество Турокъ также начало ослабѣвать. Въ средневѣковой исторіи Востока замѣчательно то обстоятельство, что многія мусульманскія династіи, быстро возвысившись посредствомъ оружія, вдругъ останавливались среди своего торжества; Оттоманы, казалось, также истощили всѣ свои силы на завоеваніе Греціи. Послѣ этого завоеванія, которое было какъ бы окончательнымъ осуществленіемъ угрозъ аравійскаго пророка, арміи ихъ перестали быть непобѣдимыми и паденіе ихъ началось. Исламизмъ, давшій имъ все, что нужно было, чтобы побѣждать, не помогъ имъ воспользоваться ихъ побѣдами. Могли расширяться только владѣнія ихъ, но не могущество. Съ тѣхъ-же поръ, какъ перестали ихъ бояться, не колебались сближаться съ ними посредствомъ мирныхъ договоровъ; христіанская Европа, поочередно, то посылала войска противъ Оттомановъ, то отправляла къ нимъ пословъ. Такъ было и въ войнѣ Кандійской, во время которой Людовикъ XIV доставлялъ помощь Венеціанцамъ и въ то же время держалъ при Портѣ полномочнаго посла.

Завоеваніе Кандіи, хотя и стоило Туркамъ неимовѣрныхъ усилій и потери многихъ армій, возбудило, однакоже, на нѣсколько времени ихъ воинственный энтузіазмъ. Снова вооружилась вся имперія, и въ лагерѣ подъ стѣнами Вѣны собралось до трехъ-сотъ тысячъ мусульманъ. Германія была въ страхѣ; Собѣсскій поспѣшилъ тогда на помощь съ своими Поляками, и появленіе его подѣйствовало ободрительно. Столкновеніе между двумя арміями произошло 16 сентября 1683 г. и дошло до рукопашной схватки. Побѣда скоро была рѣшена. — «Слава Богу, — писалъ по окончаніи битвы король польскій: — Господь даровалъ побѣду нашему народу; даровалъ такое торжество, какого и не видано было въ прошлыхъ вѣкахъ!» На другой день послѣ битвы совершены были благодарственныя молебствія во всѣхъ вѣнскихъ церквахъ, которыя великій визирь клялся превратить въ мечети. Большое мусульманское знамя было послано папѣ, а королю французскому Собѣсскій послалъ «донесеніе о выигранномъ сраженіи и о спасеніи христіанскаго міра». Въ это же время Поляки нанесли пораженіе Туркамъ на берегахъ Прута; флотъ водрузилъ знамя папы и венеціанское въ городахъ: Модонѣ, Коронѣ, Наваринѣ, Патрахъ, Коринѳѣ и Аѳинахъ. Арміи турецкія были вездѣ разбиты и разсѣяны. Два визиря и многіе паши заплатили своими головами за пораженія, нанесенныя исламизму. Магометъ IV, обвиняемый въ этихъ пораженіяхъ народомъ и улемами, былъ свергнутъ съ престола среди всѣхъ этихъ смутъ, которыя приписывались гнѣву небесному и отъ которыхъ распространились безпорядки и смятеніе во всей имперіи. Договоръ карловицкій служитъ свидѣтельствомъ громадныхъ потерь турецкаго народа и неоспоримаго превосходства христіанъ въ эту эпоху.

Два обстоятельства должны быть отмѣчены исторіею при этомъ договорѣ карловицкомъ: Венгрія, которая впродолженіи двухъ вѣковъ сопротивлялась всѣмъ нападеніямъ со стороны оттоманской имперіи, и которой территорія была какъ бы Ѳермопилами христіанскаго міра, ослабленная, наконецъ, внутренними раздорами и внѣшними войнами, бывшая цѣлію нападеній то со стороны германскихъ императоровъ, то со стороны константинопольскихъ султановъ, утратила въ это время свою независимость и была присоединена къ владѣніямъ австрійскаго дома. Между государствами и государями, подписавшимися подъ этимъ договоромъ, участвовали и цари московскіе — новая могучая сила, на которую до сихъ поръ, среди борьбы между христіанами и невѣрными, не обращали большаго вниманія, и которая должна была впослѣдствіи нанести самые сокрушительные удары оттоманскому владычеству.

Если Турки остались еще обладателями многихъ странъ, отнятыхъ ими у христіанъ, то только потому, что ихъ имперія не казалась уже опасною для европейскихъ государей. На турецкую имперію уже перестали смотрѣть, какъ на силу, которую слѣдовало истребить вооруженною рукою; довольствовались тѣмъ, что отнимали у нея или пріобрѣтали инымъ способомъ тѣ блага и преимущества, которыя были у нея въ рукахъ, но которыми она не пользовалась. На европейскую промышленность, при содѣйствіи дипломатіи, можно было исключительно возложить достиженіе такого рода побѣды надъ нею. Когда знаменитый колоссъ Родосскій упалъ, то долго никто не могъ приподнять его, и онъ оставался лежать на землѣ. Наконецъ, наѣхали купцы, раздѣлили между собою металлъ, изъ котораго онъ былъ сооруженъ, и нагрузили имъ своихъ верблюдовъ. Такова же была судьба имперіи оттоманской.

Маякъ въ древней Александріи.

ГЛАВА XLI.

Взглядъ на крестовые походы въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ. — Мнѣніе Бэкона.— Памятная записка Лейбница на имя Людовика XIV. — Послѣдній крестовый походъ противъ Турокъ. — Воспоминанія объ Іерусалимѣ. — Путешествія въ Святую Землю.

(XVII и XVIII вѣка.)

Въ ту эпоху исторіи, до которой мы достигли, тѣ страстныя увлеченія, которыя породили чудеса крестовыхъ походовъ, перешли въ состояніе отвлеченныхъ идей, привлекавшихъ болѣе вниманіе писателей и ученыхъ, чѣмъ царей и народовъ; такимъ образомъ, священныя войны съ ихъ причинами и послѣдствіями сдѣлались достояніемъ ученыхъ и философовъ, выводящихъ изъ нихъ свои заключенія. И потому самому, что крестовые походы сдѣлались предметомъ разсужденій, можно сказать, что исчезъ вполнѣ тотъ энтузіазмъ, которому они были обязаны своимъ возникновеніемъ. Нѣкоторые послѣдователи Лютера видѣли даже въ Туркахъ — помощниковъ протестантскихъ христіанъ; ихъ привело къ этому странному мнѣнію то убѣжденіе ихъ, что римскіе папы были единственными двигателями священныхъ войнъ. Папы, между тѣмъ, стали во главѣ крестовыхъ походовъ только тогда, когда ихъ сила и общее рвеніе къ нимъ ослабѣло. Они въ этомъ случаѣ заявили себя бодрствующими стражами христіанства и вѣрными охранителями христіанской Европы; усердіе ихъ въ дѣлѣ священныхъ войнъ въ дни опасности было внушаемо имъ религіознымъ патріотизмомъ.

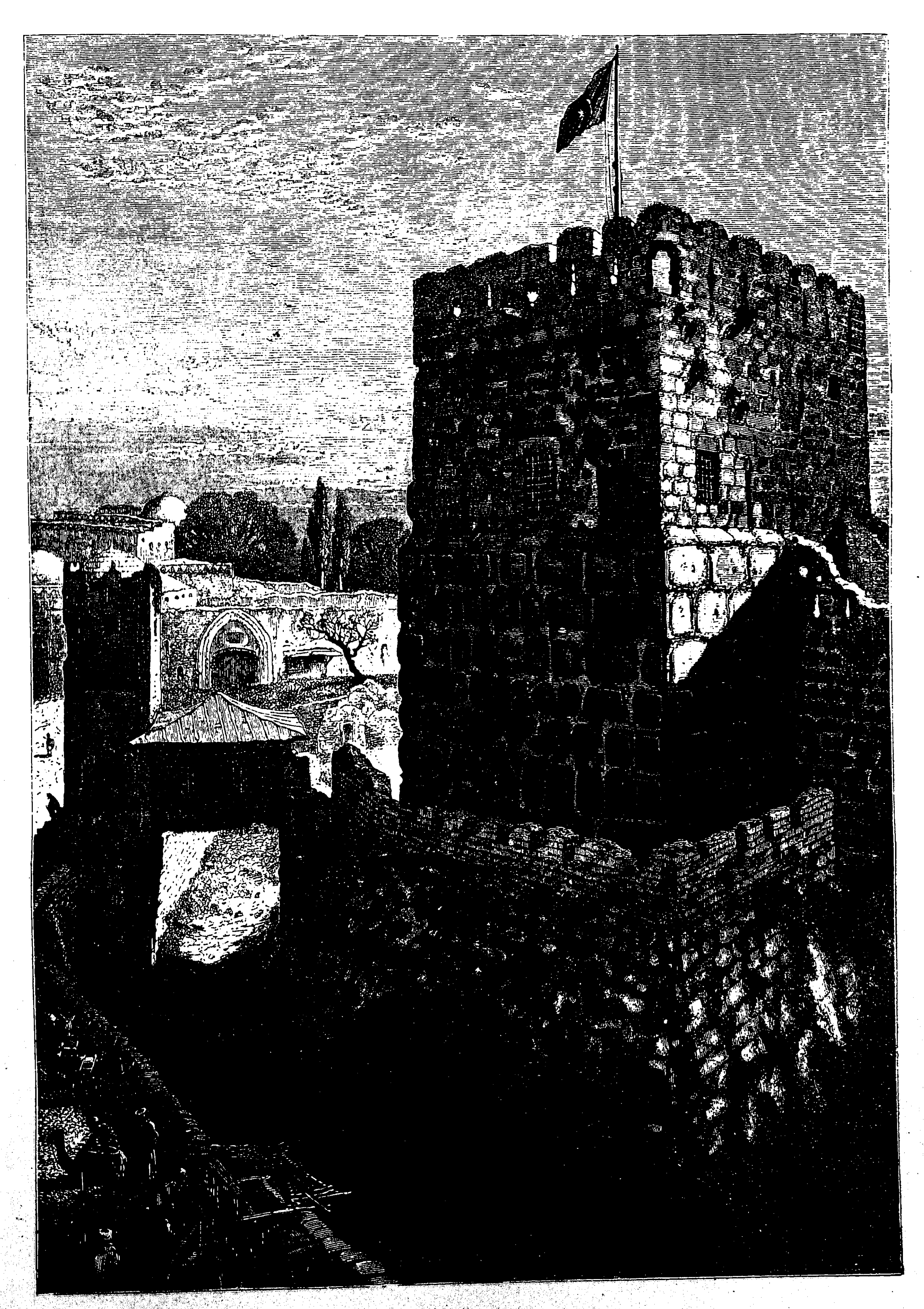
Мы должны однакоже сказать, что великіе писатели и люди, извѣстные своимъ просвѣщеніемъ и принадлежавшіе къ послѣдователямъ реформы, оплакивали въ это время равнодушіе христіанскаго міра къ священнымъ войнамъ. Канцлеръ Бэконъ, въ діалогѣ своемъ о священной войнѣ (De bello sacro), пустилъ въ ходъ всю силу своей діалектики, чтобы доказать, что Турки были внѣ закона, общаго для всѣхъ народовъ; онъ призывалъ и естественное право, и право человѣческое и право божественное противъ этихъ варваровъ, которымъ онъ отказывалъ въ имени

народа и настаивалъ на томъ, что съ ними слѣдуетъ вести такую-же войну, какъ «съ пиратами, антропофагами и хищными животными».

Отчасти раздѣляя мнѣніе знаменитаго канцлера, нельзя, однакоже, допустить подобныхъ преувеличеній; самые пламенные проповѣдники крестовыхъ походовъ никогда не заходили такъ далеко. Другой философъ того же времени говорилъ съ большею умѣренностію и правдою о способѣ войны съ Турками. Въ то время, когда Людовикъ XIV намѣревался воевать съ Нидерландами, Лейбницъ послалъ ему записку, объемистаго содержанія, чтобы убѣдить его возобновить походъ Людовика Святаго въ Египетъ. Завоеваніе этой богатой страны, которую Лейбницъ называетъ Восточною Голландіею, должно было содѣйствовать торжеству и распространенію вѣры христіанской; оно должно было доставить христіаннѣйшему королю знаменитую славу Александра, а французской монархіи — самыя вѣрныя средства для достиженія могущества и процвѣтанія. Египетъ — мать земледѣлія, промышленности, — говорилъ онъ: — служитъ въ одно и то же время и преградою и путемъ между Африкою и Азіею; онъ есть соединительный пунктъ и мѣсто общаго торговаго склада, съ одной стороны—для Индіи, а съ другой—для Европы; онъ въ нѣкоторомъ родѣ—«око» прилегающихъ къ нему странъ; богатый по причинѣ плодородія своей почвы и многочисленности своего населенія, среди пустынь, окружающихъ его, онъ соединяетъ въ себѣ чудеса природы и искусства, которыя впродолженіи столькихъ вѣковъ составляютъ предметъ вѣчно-новаго удивленія. Германскому философу представлялась уже вѣра христіанская вновь процвѣтающею въ Азіи и соединяющею весь родъ человѣческій подъ одними законами; однимъ словомъ, въ обладаніи Египтомъ ему видѣлось столько преимуществъ для Франціи и для христіанства, что «за исключеніемъ философскаго камня» ничто въ мірѣ не казалось ему столь важнымъ, какъ завоеваніе этой страны.

Мы имѣли случаи познакомиться со многими мемуарами XV и XVI столѣтій, имѣвшими цѣлію убѣдить христіанскихъ владѣтелей перенести войну на Востокъ. Св. Францискъ де-Саль, жившій при Генрихѣ IV, часто въ письмахъ своихъ высказываетъ желаніе увидѣть Св. Землю, освобожденною отъ ига невѣрныхъ. Бонгарсъ, озаглавливая собраніе исторій, изданное имъ: Gesta Dei per Francos, выражаетъ этимъ свое благоговѣніе къ священнымъ предпріятіямъ во имя Креста. Въ одномъ посвященіи Людовику XIII онъ не упускаетъ изъ вида напомнить монарху о примѣрѣ его предковъ, которые отправлялись на Востокъ, и обѣщаетъ ему славу героя и святаго, если онъ предприметъ освобожденіе Византіи или Іерусалима. Такимъ образомъ, проповѣдывали священную войну даже въ книжныхъ посвященіяхъ, но въ сущности никто не думалъ принимать крестъ или браться за оружіе. Идея крестовыхъ походовъ переходила постепенно въ область поэзіи, подобно тѣмъ сказочнымъ чудесамъ, которымъ уже никто больше не вѣрилъ, но которыя воспламеняли еще воображеніе поэтовъ. Когда Тассъ воспѣвалъ освобожденіе Іерусалима, священныя войны могли только составлять великолѣпное содержаніе для эпопеи. Когда Буало, обращаясь въ стихотвореніи своемъ къ Людовику XIV, говорилъ ему: «Я жду тебя черезъ полгода на берегахъ Геллеспонта», — нельзя было предполагать въ немъ другаго намѣренія, кромѣ того, чтобы польстить великому монарху, и такого рода лесть достаточно выражала, сколько воспоминанія о крестовыхъ походахъ сохраняли поэзіи и славы во мнѣніи современниковъ.

Однакоже, можно упомянуть еще объ одной и послѣдней попыткѣ христіанъ противъ Турокъ. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ договора карловицкаго, Венеція, опасаясь лишиться своихъ владѣній въ Мореѣ, обратилась къ помощи папы. Климентъ XI разсылалъ повсюду своихъ лега-

Давидова башня

товъ, чтобы убѣждать царей и народы взяться за оружіе. Во всѣхъ церквахъ проповѣдывали священную войну; и музы христіанскія присоединили свои голоса къ голосамъ проповѣдниковъ крестоваго похода. Испанія, Португалія, Генуя, Тоскана, орденъ мальтійскій снарядили корабли; многочисленный флотъ подъ знаменемъ Церкви двинулся въ Архипелагъ и къ берегамъ Азіи. Климентъ употребилъ свои собственныя сокровища на войну, успѣхъ которой, какъ онъ выражался, охотно купилъ бы онъ посредствомъ продажи «чашъ и дароносицъ». По призыву папы, императорская армія выступила на встрѣчу Турокъ, которые надвигались на Германію; шесть тысячъ Швейцарцевъ, вооружившихся на средства римскаго двора, присоединились къ нѣмецкой арміи; христіанскій міръ молился о торжествѣ Христовыхъ воиновъ, сражавшихся въ Венгріи и въ Пелопоннесѣ. Когда узнали о побѣдахъ, одержанныхъ надъ Турками, верховный первосвященникъ, во главѣ священной коллегіи, отправился въ церковь Св. Маріи Маджіоре для возблагодаренія Господа воинствъ; знамена, отнятыя у Турокъ, были положены на алтари Богородицы, къ предстательству которой прибѣгали вѣрующіе. Тогда Оттоманы подчинились судьбѣ, которая повелѣвала имъ остановиться на пути завоеваній, и стали заботиться только о защитѣ своей имперіи, угрожаемой поочередно то Германцами, то Русскими. Когда опасность для христіанства миновала, то и Церковь перестала проповѣдывать экспедиціи противъ Турокъ, и съ тѣхъ поръ, побужденіемъ къ войнѣ съ Востокомъ служило только честолюбіе государей или воспоминанія о древней Греціи.

Во всѣхъ этихъ войнахъ съ Оттоманами не было ни одного воспоминанія, никакого преданія, которое могло-бы возбудить энтузіазмъ христіанскихъ народовъ. Необходимость для каждаго народа на Западѣ защищать свои собственные очаги дѣйствовала на души и на сердца вѣрующихъ менѣе сильно, чѣмъ одно имя Іерусалима, одно представленіе мѣстъ, освященныхъ присутствіемъ и чудесами Іисуса Христа. Съ прекращеніемъ войнъ съ мусульманами, снова начались путешествія къ св. Мѣстамъ, и крестовые походы за-море кончились тѣмъ-же, чѣмъ и начались. Впродолженіи XVI и XVII столѣтій множество лицъ святой жизни, знаменитыхъ государей посѣтили Іудею въ качествѣ пилигримовъ; большинство христіанскихъ государей, по примѣру Карла Великаго, полагали славу теперь не въ освобожденіи Іерусалима, но въ оказаніи покровительства христіанскому населенію Іудеи. Капитуляціи Франциска I, возобновленныя большею частію его преемниковъ, заключали многія постановленія, которыя обезпечивали послѣдователямъ Христа миръ и свободное исповѣдываніе христіанской религіи посреди невѣрующихъ народовъ. Въ царствованіе Генриха IV, французскій посланникъ при константинопольскомъ дворѣ Дезе посѣтилъ христіанъ іерусалимскихъ и принесъ имъ утѣшеніе съ истинно-царской щедростію. Графъ Ноантель, представитель Людовика XIV при дворѣ турецкаго султана, также посѣтилъ Св. Землю, и имя могущественнаго монарха было благословляемо у Голгоѳы и въ Св. Мѣстахъ. Послѣ договора пасаровицкаго порта отправила къ Людовику XV торжественное посольство. Оно было уполномочено представить христіаннѣйшему королю фирманъ турецкаго повелителя, по которому католикамъ въ Іерусалимѣ предоставлялось безусловное обладаніе Гробомъ Господнимъ и свобода возстановленія своихъ церквей. Христіанскіе государи ежегодно посылали свои приношенія священному городу; во время торжественныхъ церемоній храмъ Воскресенія Христова блисталъ драгоцѣнными украшеніями, присланными въ даръ христіанскими государями. Пилигримовъпринимали въ Іерусалимѣ уже не рыцари Іоанниты, но иноки францисканскаго ордена, сдѣлавшіеся хранителями божественнаго Гроба.

Однакоже, пилигримство, какъ и крестовые походы, имѣло свои фазисы процвѣтанія, коле-

банія и упадка; энтузіазмъ пилигримовъ, какъ и воиновъ Креста, зависѣлъ отъ чувствъ и понятій, преобладавшихъ среди великаго европейскаго общества. Настала эпоха равнодушія, такого-же, къ какому близки теперь и мы, когда Св. Мѣста перестали привлекать къ себѣ христіанъ Европы. Въ концѣ послѣдняго столѣтія цѣлая армія отправилась изъ портовъ Франціи на Востокъ. Во время этой славной экспедиціи воины французскіе одержали побѣды надъ мусульманами при Пирамидахъ, въ Тиверіадѣ, на Ѳаворѣ; но Іерусалимъ, отъ котораго они были такъ близко, не заставилъ биться ихъ сердце, не обратилъ даже на себя ихъ вниманія: все уже было измѣнено въ понятіяхъ, которыя управляли судьбами Запада.

ГЛАВА XLII.

Нравственная характеристика крестовыхъ походовъ.

Въ краткихъ очеркахъ мы изложили теперь главныя событія священныхъ войнъ; хотя мы и старались представить характеристику каждаго крестоваго похода, все-же намъ остается дополнить нашъ разсказъ, изобразивъ сущность войнъ Креста, съ ихъ страстями, нравами и ихъ славою; намъ остается обозначить, какія блага и бѣдствія принесли эти заморскія предпріятія на долю современныхъ и будущихъ поколѣній.

Читатель могъ замѣтить, что современники крестовыхъ походовъ смотрѣли на нихъ, какъ на дѣло самого Бога; они были увѣрены, что успѣхъ этихъ отдаленныхъ походовъ содѣйствуетъ славѣ Божіей; и потому слабому разумѣнію ихъ трудно было понять торжество Сарацинъ. Св. Бернаръ, сокрушаясь о бѣдственномъ исходѣ того крестоваго похода, который онъ проповѣдывалъ, удивлялся тому, что Богу угодно было, отложивъ Свое милосердіе, осудить вселенную преждевременно; когда погибла вся армія германскихъ крестоносцевъ съ вождемъ своимъ, души христіанскія недоумѣвали и не дерзали испытывать судьбы Господни, такъ какъ эти неисповѣдимыя судьбы подобны безднамъ, среди которыхъ теряется и приходитъ въ смущеніе разумъ человѣческій. При извѣстіи о плѣненіи въ Египтѣ Людовика IX, многіе крестоносцы перешли въ торжествующую религію Магомета, и во многихъ странахъ европейскихъ многіе поколебались въ своей вѣрѣ.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ нельзя было убѣдить себя, что Богъ дѣйствительно отступился отъ дѣла священныхъ войнъ, то несчастія и неуспѣхъ этихъ экспедицій приписывали карѣ Божіей за преступленія и развращенія крестоносцевъ. Сами пилигримы въ тяжелые дни обвиняли себя и сознавали, что поведеніемъ своимъ заслужили тѣ бѣдствія, отъ которыхъ имъ приходилось такъ сильно страдать; къ страданіямъ ихъ всегда примѣшивались угрызенія совѣсти и суровые подвиги покаянія. Когда побѣда возвращалась къ ихъ знаменамъ, они вѣрили, что въ нихъ произошло улучшеніе, и благодарили Бога, содѣлавшаго ихъ достойными Его милосердія и Его благодѣяній. Слѣдуетъ замѣтить, что желаніе оправдать крестовые походы часто доводило лѣтописцевъ и проповѣдниковъ до такихъ комическихъ преувеличеній, которыхъ не можетъ допустить безпри-

страстная исторія. Приписывая неудачи крестовыхъ походовъ дѣйствію правосудія или гнѣва Божія, объясняли ихъ также дѣйствіемъ божественнаго милосердія, которое хотѣло испытать добродѣтель праведныхъ и обратить грѣшниковъ. Народная вѣра находила пользу и выгоду даже и въ несчастливо-кончавшихся войнахъ; она представляла себѣ тогда многочисленный сонмъ мучениковъ, стяжавшихъ царствіе небесное. Такого рода настроеніе современниковъ естественно должно было содѣйствовать къ продолжительности крестовыхъ походовъ.

Примѣрами доблестнаго мужества, блистательныхъ подвиговъ изобилуетъ исторія священныхъ войнъ; но что особенно отличаетъ героизмъ нашихъ рыцарей, это — смиреніе, добродѣтель, неизвѣстная героямъ древнихъ временъ. Воины Креста не тщеславились своими подвигами: они приписывали успѣхъ свой помощи Божіей и молитвамъ вѣрующихъ. Часто бывало, что они спорили при раздѣлѣ военной добычи, но никогда не оспаривали они другъ у друга славы; этотъ духъ смиренія, никогда не покидавшій воиновъ Креста, избавилъ ихъ отъ жестокихъ раздоровъ и былъ великимъ благодѣяніемъ для народовъ. Въ тотъ вѣкъ, когда вся сила заключалась въ мечѣ, когда гордость и гнѣвъ могли доводить воиновъ до всевозможныхъ крайностей, ничто не могло быть успокоительнѣе для человѣчества, какъ самозабвеніе этой силы, уничиженіе ея передъ религіей.

Другою отличительною чертою крестоносцевъ было чувство братства. Ораторы священныхъ войнъ постоянно проповѣдывали евангельскую братскую любовь; короли и принцы служили примѣромъ этой любви. Ричардъ, во время крестоваго похода, вождемъ котораго онъ былъ, часто проявлялъ то великодушное самоотверженіе, ту героическую, христіанскую любовь, которая не отступаетъ ни передъ какою опасностію, когда нужно защитить слабаго. Однажды, когда онъ бросился на помощь графу Лейчестерскому и когда окружающіе старались его удержать: «нѣтъ, я не былъ-бы достоинъ имени короля, — воскликнулъ онъ: — еслибы не умѣлъ презирать смерть ради защиты тѣхъ, кто сопровождалъ меня на войну!» Когда Людовикъ IX умиралъ на голой землѣ въ Тунисѣ, то забота объ участи его товарищей по оружію не покидала его до самой послѣдней минуты: «Кто отведетъ во Францію этотъ народъ, который я привелъ сюда?» — говорилъ святой король. Всякій разъ, какъ крестоносцы покидали Европу, вожди ихъ обѣщали имъ возвратить ихъ въ родную страну и заботиться о нихъ во время путешествія. И горе было тѣмъ, кто не исполнялъ своего обѣщанія! Они были осуждены и Богомъ и людьми за недостатокъ вѣры и любви. Каждый отрядъ крестоносцевъ представлялъ изображеніе настоящей семьи; пріятно встрѣчать у лѣтописцевъ того времени латинское выраженіе «familia» для обозначенія военной домашней обстановки какого-нибудь князя или рыцаря Креста.

Въ обыкновенныхъ войнахъ — солдатъ принимаетъ лишь слабое участіе въ интересахъ того дѣла, которое онъ защищаетъ; но въ войнѣ, имѣвшей единственною цѣлію — торжество вѣры, у всѣхъ борцовъ были одинаковыя опасенія, одинаковыя надежды, можно прибавить: одинаковое честолюбіе. Эта общность чувствъ и интересовъ придавала много силы арміямъ Креста, и сближала на полѣ битвы не только воиновъ съ ихъ вождями, но и народы, отличающіеся одинъ отъ другаго и нравами, и характеромъ, и языкомъ. «Если Британецъ, Германецъ или кто-нибудь другой изъ чужестранцевъ заговаривалъ со мною, — говоритъ одинъ французскій лѣтописецъ перваго крестоваго похода, — то я не зналъ, какъ отвѣчать ему; но, хотя и раздѣленные различіемъ языковъ, мы все-же составляли одинъ народъ, сливаясь въ общей любви нашей къ Богу и къ ближнему».

Вспоминая о видѣніяхъ и чудесахъ, возбуждавшихъ въ одно и то же время и благочестіе, и храбрость крестоносцевъ, можно замѣтить, что чрезвычайная вѣра ихъ происходила не отъ суевѣрія. Они почитали совершенно естественнымъ вмѣшательство божественной силы въ то дѣло, которое они защищали, и уже одно это убѣжденіе ихъ доказываетъ — сколько было благороднаго и возвышеннаго въ той области чудесъ, которыми окружены были въ ихъ глазахъ священныя войны. Магія, извѣстная уже тогда въ Европѣ, не послѣдовала за христіанами подъ знаменами священныхъ войнъ. Библейскія воспоминанія, евангельскія чудеса, Голгофа, Іорданъ — развѣ этого не было достаточно, чтобы воспламенять энтузіазмъ пилигримовъ іудейскихъ? И потому, не безъ удивленія мы видимъ, что магія играетъ такую важную роль въ «Освобожденномъ Іерусалимѣ»; чары Исмена и очарованія Армиды не заимствовали настоящаго колорита того времени.

Въ арабскихъ лѣтописяхъ встрѣчается менѣе разсказовъ о сверхъ-естественныхъ явленіяхъ, чѣмъ въ лѣтописяхъ Запада. Но и мусульмане признавали различныя небесныя силы, которыя являлись имъ на помощь среди опасностей войны. Историкъ Кемель-Эддинъ, разсказывая о пораженіи, нанесенномъ антіохійскому князю Рожеру, упоминаетъ объ ангелѣ, облеченномъ въ одежду зеленаго цвѣта, который обратилъ въ бѣгство армію Франковъ и взялъ въ плѣнъ одного изъ ихъ вождей. Бога-Эддинъ сообщаетъ, что легіонъ небесный спустился ночью въ городъ Птолемаиду, когда осаждали этотъ городъ Филиппъ-Августъ и Ричардъ Львиное-Сердце. Въ лѣтописи того же писателя есть разсказъ о томъ, какъ послѣ избіенія мусульманскихъ плѣнниковъ по повелѣнію Ричарда, на поляхъ птолемаидскихъ, мученики исламизма показывали ихъ славныя раны товарищамъ, приходившимъ посѣтить ихъ, и разсказывали имъ о тѣхъ радостяхъ, которыя ожидали ихъ въ райскихъ садахъ. При осадѣ Маргата явились войску султана четыре архангела, къ помощи которыхъ мусульмане имѣютъ обыкновеніе прибѣгать во время опасности, и присутствіемъ своимъ вселили бодрость въ души осаждающихъ.

Во время священныхъ войнъ, войнъ истребительныхъ, благочестивыя вѣрованія не всегда могли обуздывать варварство; часто встрѣчается въ это время и забвеніе человѣческихъ правъ, и нарушеніе справедливости и данной клятвы. Побѣдоносные христіане оказывались безжалостными; кровь ихъ враговъ почитали они приношеніемъ, угоднымъ Господу. Производя губительныя опустошенія, они считали себя свободными отъ всякаго упрека, такъ какъ Сарацины, по ихъ мнѣнію, были ничто иное, какъ «нечистыя собаки»; истребляя мечемъ безоружное населеніе мусульманскихъ городовъ, они радостно восклицали: «такъ были очищены жилища невѣрныхъ!» Но если крестоносцы и поступали варварски съ своими врагами, то въ отношеніяхъ между собою они часто были достойны удивленія, и современная исторія неоднократно упоминаетъ о духѣ справедливости, милосердія и о другихъ благородныхъ чувствахъ, одушевлявшихъ пилигримовъ подъ знаменами Креста. Въ настоящемъ повѣствованіи, читатель не разъ встрѣчалъ описаніе позорной распущенности нравовъ въ средѣ христіанскихъ армій, но онъ могъ также часто видѣть и поучительные примѣры. Среди этой смѣшанной толпы пилигримовъ, въ число которыхъ принимались и добродѣтельные и порочные люди, должны были оказаться очень рѣзкія противоположности.

Крестовые походы, въ особенности первые изъ нихъ, представляютъ намъ зрѣлище цѣлаго народа, переходящаго изъ одной страны въ другую. Ошибочно было-бы думать, что большая часть пилигримовъ были воины, вооружившіеся для борьбы подъ знаменами Креста. Вслѣдъ за воинами Креста шла толпа, такая, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ. Тутъ были и рабочіе, и

праздные люди, купцы, бѣдные и богатые, монахи, женщины и даже грудныя дѣти. Священное Писаніе, изобразившее намъ бѣдствія, страсти, пороки, добродѣтели еврейскаго народа, во время странствованія его по пустынѣ, представило какъ-бы заранѣе вѣрную картину шествія крестоносцевъ, которыхъ также называютъ Божіимъ народомъ.

Одинъ писатель XII столѣтія даетъ довольно вѣрное описаніе той толпы, о которой мы теперь говоримъ, влагая слѣдующія слова въ уста женщинъ, убогихъ и стариковъ, отправлявшихся на Востокъ: — «Вы будете сражаться съ невѣрными, — говорили они: — а мы пострадаемъ ради Христа». Нѣтъ сомнѣнія, что никакое обязательство никогда не было лучше исполнено, съ той и съ другой стороны; никогда мужество и покорность судьбѣ не проявлялись въ такой высокой степени, какъ въ этой войнѣ, которую по всей справедливости можно назвать войною мучениковъ и героевъ.

Между тѣмъ, какъ воины Креста сражались или готовились къ битвамъ, толпа пилигримовъ молилась, совершала процессіи, слушала проповѣди духовенства. Толпѣ этой приходилось хуже, чѣмъ прочимъ крестоносцамъ, такъ какъ она не могла защищать себя въ случаѣ опасности и рѣдко пользовалась плодами побѣды. — «Заботьтесь о бѣдныхъ и слабыхъ пилигримахъ, — говорилъ епископъ Адемаръ воинамъ Креста: — они не могутъ, подобно вамъ, сражаться и добывать для себя необходимыя средства жизни; но въ то время, какъ вы преодолѣваете труды и опасности войны, они молятся, чтобы Господь отпустилъ вамъ ваши прегрѣшенія».

Привычки и развлеченія европейскія послѣдовали за христіанами въ ихъ воинственномъ странствованіи: охота, азартныя игры, военныя упражненія и торжественныя увеселенія турнировъ поочередно занимали ихъ досуги въ тѣ дни, когда не происходили битвы. Страсть къ игрѣ была одинаково развита между Франками и между Сарацинами; султанъ Кербога игралъ въ шахматы въ то время, когда крестоносцы выступили изъ Антіохіи, чтобы дать ему битву, въ которой армія его была уничтожена. Чтобы видѣть, до какой степени пилигримы доводили страсть къ игрѣ, достаточно прочитать строгія постановленія, изданныя во время разныхъ крестовыхъ походовъ. Послѣ завоеванія Константинополя, простые рыцари разыгрывали въ кости города и провинціи Греческой имперіи. Спутники Людовика Святаго, во время пребыванія въ Даміеттѣ, проигрывали даже лошадей своихъ и самое оружіе. Не было такого бѣдствія, котораго крестоносцы не могли-бы забыть, предаваясь игрѣ. Когда король французскій былъ освобожденъ изъ плѣна, и остатки его арміи возвращались моремъ въ Птолемаиду, то графъ Анжуйскій и графъ Пуатьерскій играли въ кости на королевскомъ кораблѣ; Жуанвиль, присутствовавшій при этомъ, сообщаетъ, что Людовикъ IX, разгнѣванный на игроковъ, опрокинулъ ихъ столъ, выхватилъ у нихъ изъ рукъ кости и бросилъ ихъ въ море.

Во время экспедицій на Востокъ, крестоносцы должны были подчиняться извѣстнымъ постановленіямъ. При осадѣ Антіохіи, строгой карѣ закона подвергались тѣ, кто обвѣшивалъ или обмѣривалъ, или обманывалъ при размѣнѣ монеты или при торгѣ кого-нибудь изъ «своихъ собратій во Іисусѣ-Христѣ». Особенно-же строго преслѣдовали за воровство и прелюбодѣяніе. Во время третьяго крестоваго похода короли французскій и англійскій строго относились къ безпорядкамъ и преступленіямъ пилигримовъ-крестоносцевъ. Фридрихъ I, отправляясь въ Азію, издалъ «во имя Отца и Сына и св. Духа» уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ для поддержанія порядка въ своей арміи. За нанесеніе кому-нибудь побоевъ или раны крестоносецъ присуждался къ отсѣченію правой руки. Такъ какъ для продовольствованія арміи было очень важно пользоваться довѣ-

ріемъ тѣхъ, кто доставлялъ или продавалъ съѣстные припасы, то крестоносецъ, измѣнившій слову, данному при торговой сдѣлкѣ, или нарушившій произвольно контрактъ, подвергался смертной казни.

Можно предполагать, что независимо отъ общихъ законовъ, установляемыхъ вождями крестовыхъ походовъ, каждый народъ, прибывъ на Востокъ, приносилъ свои обычаи, которыми можно было руководствоваться для поддержанія подчиненія и для отправленія правосудія относительно пилигримовъ; во всякомъ случаѣ отъ этихъ разныхъ законодательствъ уцѣлѣли только отдѣльные отрывки. Чаще всего крестоносцы руководствовались только евангельскимъ ученіемъ, и всего страшнѣе было для нихъ подвергнуться суду и наказанію церковному.

ГЛАВА XLIII.

Продолженіе нравственной характеристики крестовыхъ походовъ.

Европа отправляла на Востокъ такъ много войска, что неизбѣжно являлся вопросъ: какимъ образомъ доставить имъ все нужное для ихъ содержанія. Всѣ эти франкскіе воины, которые никогда не оставались болѣе двадцати или сорока дней подъ знаменами феодальныхъ войскъ, не въ состояніи были запастись продовольствіемъ на все время этихъ отдаленныхъ войнъ, продолжавшихся иногда по нѣсколько лѣтъ. Всякій вождь, безъ сомнѣнія, заботился о путевомъ продовольствіи своего войска; но никто изъ нихъ не имѣлъ понятія о трудностяхъ предстоящаго пути и о разстояніяхъ, которыя придется проходить, и это самое незнаніе поддерживало ихъ въ несчастномъ безпечномъ спокойствіи. Наилучше устроенные и снабженные отряды рѣдко доходили до Константинополя, не успѣвъ подвергнуться всѣмъ ужасамъ голода. Когда пилигримы подходили къ морскому берегу, то продовольствіе для нихъ подвозилось на корабляхъ; но эта помощь прибывала не всегда во-время, а когда и прибывало это продовольствіе, то пилигримамъ, не имѣвшимъ денегъ, тѣмъ не менѣе приходилось страдать отъ голода. Жители странъ, черезъ которыя проходили крестоносцы, убѣгали при ихъ приближеніи, унося съ собою все свое имущество, такъ что христіанамъ приходилось продолжать путь по опустошеннымъ и безплоднымъ странамъ, не имѣя даже надежды на побѣду, которая могла-бы ихъ выручить, доставивъ имъ военную добычу съ поля битвы или съ города, взятаго приступомъ.

Дѣло было не въ одномъ доставленіи продовольствія, но и въ перевозкѣ его. Повидимому, во время длинныхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, каждый крестоносецъ самъ несъ свое продовольствіе. Во время первой экспедиціи употреблялись телеги, отъ которыхъ пришлось отказаться по причинѣ дурныхъ дорогъ. При описаніи неурожая или голода, современныя лѣтописи постоянно упоминаютъ о чрезвычайной дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, что доказываетъ, что за христіанскими арміями слѣдовали купцы, которые продавали провизію. Когда крестовые походы начали предпочтительно совершаться морскимъ путемъ, то продовольствіе христіанскихъ армій пред-

ставляло менѣе затрудненій; тѣмъ не менѣе, толпы пилигримовъ подвергались голоду всякій разъ, когда ихъ останавливала на пути осада города или неожиданное сопротивленіе со стороны непріятеля.

Прослѣдивъ за защитниками Креста на поляхъ битвы на Востокѣ, желательно узнать, въ чемъ состояло ихъ оружіе и какимъ образомъ вели они битвы. Наступательное оружіе у нихъ состояло: изъ копья, сдѣланнаго изъ осиноваго или ясеневаго дерева, заканчивающагося желѣзнымъ остріемъ и украшеннаго, большею частію, значкомъ, — изъ длиннаго и широкаго палаша, заостреннаго только съ одной стороны, — изъ разнородныхъ стрѣлъ и дротиковъ, боеваго топора и булавы; между оборонительнымъ оружіемъ были овальные или четырехъ-угольные щиты, кольчуга, составленная изъ стальныхъ колецъ, — шлемъ или шишакъ съ украшеніемъ на вершинѣ, — боевая туника, гобисонъ (le gobisson), кожаный или суконный на шерстяной подкладкѣ, — панцырь или нагрудникъ, стальной или желѣзный. Мы не думаемъ, чтобы крестоносцы, особенно во время первыхъ походовъ, имѣли тяжелое вооруженіе, подобно воинамъ XV столѣтія. Такого рода вооруженіе было-бы слишкомъ неудобно при веденіи войны въ отдаленныхъ странахъ.

Военныя машины, употреблявшіяся при крестовыхъ походахъ, были тѣ-же, что и у Римлянъ; тамъ можно было видѣть *таранъ*, толстое бревно, вооруженное на переднемъ краю желѣзною массою; этотъ таранъ раскачивали посредствомъ канатовъ и цѣпей и направляли его удары на стѣну; *мускулъ*, родъ навѣса, обложеннаго кожей или желѣзомъ, защищавшій работниковъ отъ стрѣлъ и камней непріятеля; *плутеусъ* и *вульнеа* (le pluteus et le vulnea) — оружіе въ родѣ большаго щита, обтянутаго бычачьей или верблюжьей кожей, который поддерживался воинами для защиты взбиравшихся на приступъ; *катапульты* и *балисты*, метавшія громадные дроты и каменныя глыбы, иногда даже трупы людей и животныхъ; наконецъ, подвижныя башни, въ нѣсколько этажей, верхушки которыхъ возвышались надъ стѣнами, и противъ которыхъ осаждаемые не имѣли другой защиты, кромѣ поджога.

При христіанскихъ арміяхъ была военная музыка, посредствомъ которой подавались сигналы къ битвамъ. Наиболѣе употребляемые инструменты были мѣдныя трубы и рожки деревянные, золотые и серебряные, систры, арфы, тимбалы или накеры (les nacaires) и барабаны, заимствованные у Сарациновъ. Мы уже упоминали о военныхъ кликахъ крестоносцевъ. Всѣмъ извѣстно, что въ средніе вѣка кавалерія составляла главную силу арміи. Рыцари Креста переставали разсчитывать на свою храбрость, когда лишались своихъ лошадей; они предпочитали садиться на верблюдовъ, на ословъ, на быковъ, чѣмъ сражаться пѣшими. При христіанской кавалеріи всегда было значительное число пѣхотнаго войска, обозначаемаго въ лѣтописяхъ латинскимъ словомъ «vulgus», и которое съ большою пользою служило при осадахъ. Крестоносцамъ неизвѣстны были различныя военныя хитрости, и даже самъ Саладинъ упрекалъ ихъ въ пренебреженіи такого рода средствами для достиженія побѣдъ; вся ихъ тактика состояла въ томъ, чтобы, встрѣтившись съ непріятелемъ, устремиться на него и напасть открытою силою.

Подчиненіе и порядокъ никогда не преобладали въ арміяхъ Креста, и отсутствіе дисциплины доводило ихъ часто до крайнихъ бѣдствій. При всякой битвѣ запрещалось крестоносцамъ касаться военной добычи прежде достиженія окончательной побѣды; но ничего не было труднѣе, какъ добиться ихъ послушанія въ этомъ случаѣ; самыя строгія запрещенія не всегда могли предупредить несчастія, до которыхъ доводила необузданная страсть къ военной добычѣ. Между причинами отсутствія дисциплины въ христіанскихъ арміяхъ можно считать также безмѣрную отвагу и вождей и простыхъ воиновъ. Для отваги этой не существовало опасности, и всякая предосторожность, принятая противъ непріятеля, — казалась признакомъ слабости или трусости. Но существовало

зло, еще важнѣе и опаснѣе: это — распущенность нравовъ и феодальныя привычки, которыя бароны и рыцари приносили съ собой и на священную войну. Мы видѣли, напримѣръ, какъ во время втораго крестоваго похода погибла цѣлая цвѣтущая армія по причинѣ своеволія одного изъ вождей, своеволія, за которое Готтфридъ Рансонскій былъ наказанъ лишеніемъ командованія и потерею своей военной славы.

Мы закончимъ очеркъ нравственной характеристики крестовыхъ походовъ, разсмотрѣвъ вкратцѣ сущность тѣхъ отношеній, которыя существовали между христіанами и мусульманами во время войны и во время мира. Въ первую священную войну, религіозное увлеченіе доходило до такой страстности, что не допускало дипломатическихъ сношеній. Бывали иногда заключаемы между христіанами и нѣкоторыми мусульманскими князьями наступательные и оборонительные союзы; но взаимное недовѣріе препятствовало продолжительности этихъ союзовъ, и они не успѣвали достигать желаемыхъ послѣдствій. Одни боялись прогнѣвить Бога — сближеніемъ съ невѣрными, другіе страшились гнѣва Магомета — присоединяя свои знамена къ знаменамъ Креста. Замѣчательнѣйшими отношеніями между Франками и мусульманами были переговоры между королемъ іерусалимскимъ Амори и калифомъ каирскимъ. Къ великому соблазну мусульманъ, «государь правовѣрныхъ» долженъ былъ подать свою непокрытую руку христіанскимъ депутатамъ. Мы видѣли, съ какимъ рыцарскимъ великодушіемъ дѣйствовали Фридрихъ Барбаросса, Филиппъ II Августъ и Ричардъ Львиное-Сердце въ отношеніи къ мусульманамъ. Крестовый походъ Фридриха II состоялъ изъ однихъ только продолжительныхъ переговоровъ, императоръ германскій и султанъ каирскій находились въ одинаково-затруднительномъ положеніи: одного презирали христіане, другаго проклинали мусульмане, и оба желали мира изъ опасенія своихъ союзниковъ и ихъ солдатъ.

Во время пребыванія своего въ Палестинѣ Людовикъ IX поддерживалъ сношенія съ эмирами каирскими и государствомъ Дамасскимъ; если эти сношенія и не могли исправить всѣхъ несчастій крестоваго похода, то милосердый король французскій былъ обязанъ имъ по крайней мѣрѣ освобожденіемъ множества христіанскихъ плѣнниковъ. Возвратясь въ Европу, монархъ не переставалъ стремиться на Востокъ и горѣлъ желаніемъ снова явиться туда подъ знаменемъ христіанской вѣры. Извѣстно, что къ Людовику нѣсколько разъ являлись послы отъ князя тунисскаго; онъ все надѣялся, что этотъ мусульманскій государь обратится въ христіанскую вѣру; надежда эта увлекла его наконецъ въ новый крестовый походъ, среди котораго ожидала его пальма мученика.

Когда арміи Креста перестали появляться на Востокѣ, то сношенія съ мусульманами ограничились исключительно торговыми договорами. Любопытно читать, съ какою утонченною хитростію и благоразуміемъ были предусмотрѣны въ нихъ всѣ затрудненія и какъ разумно составлены эти акты. Многіе изъ нихъ сохранились въ лѣтописяхъ восточныхъ историковъ; вникая въ нихъ, можно замѣтить, что мусульманскія власти долго опасались возобновленія священныхъ войнъ и никогда не переставали относиться съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ къ западнымъ христіанамъ.

ГЛАВА XLIV.

Вліяніе крестовыхъ походовъ.

После каждаго крестоваго похода, разсказаннаго въ этомъ сокращенномъ очеркѣ, мы говорили о послѣдствіяхъ этихъ различныхъ экспедицій; намъ остается только обозначить ихъ съ большею опредѣленностію и полнотою, и для этого мы обратимся къ двадцать-второму и последнему тому пространной Исторіи, посвященному оцѣнкѣ политическихъ и нравственныхъ последствій нашихъ старинныхъ войнъ за-моремъ.

Затруднительность оцѣнки крестовыхъ походовъ происходитъ отъ того, что они не оказались ни вполнѣ успѣшными, ни вполнѣ безуспѣшными. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ судить о томъ, что осталось неопредѣленнымъ, несовершеннымъ. Для пополненія того, что намъ недостаетъ, мы можемъ сдѣлать два предположенія. Предположимъ сначала, что эти отдаленныя экспедиціи имѣли-бы тотъ успѣхъ, который отъ нихъ ожидали, и посмотримъ, что могло-бы изъ этого произойти. Египетъ, Сирія, Греція сдѣлались бы христіанскими колоніями; для восточныхъ и западныхъ народовъ открылся бы совмѣстный путь къ цивилизаціи; языкъ Франковъ распространился бы до крайнихъ предѣловъ Азіи; Варварійскіе берега, населенные пиратами, усвоили-бы нравы и законы Европы, и внутренняя часть Африки съ давнихъ поръ перестала бы быть недоступною ни для торговыхъ сношеній, ни для изысканій ученыхъ и путешественниковъ. Чтобы понять выгоды этого соединенія народовъ подчиненіемъ одинаковымъ законамъ, исповѣданіемъ одной и той же религіи, слѣдуетъ представить себѣ состояніе римскаго міра въ царствованіе Августа и нѣкоторыхъ изъ его преемниковъ, составлявшаго нѣкоторымъ образомъ одинъ народъ, живущій подъ одними и тѣми-же законами, говорящій на одномъ и томъ же нарѣчіи. Всѣ моря тогда были свободны; самыя отдаленныя провинціи сообщались между собою по удобнымъ дорогамъ; города обмѣнивались своими искусствами и своею промышленностію и произведеніями различныхъ климатовъ, и просвѣщеніемъ различныхъ народовъ. Еслибы крестовые походы подчинили Востокъ христіанству, то можно допустить, что это великое зрѣлище единенія и мира возобновилось-бы съ большимъ блескомъ и на болѣе прочныхъ основаніяхъ въ новѣйшія времена; и въ такомъ случаѣ всѣ сошлись бы въ своихъ мнѣніяхъ и не могло-бы возникнуть никакого сомнѣнія относительно пользы и выгодъ священныхъ войнъ.

Но допустимъ другое предположеніе и представимъ себѣ то состояніе, въ которомъ находилась бы Европа, еслибы она не предпринимала походовъ противъ азіатскихъ и африканскихъ

Сарацинъ, или еслибы христіанскія арміи не имѣли никогда и никакого успѣха. Въ XI вѣкѣ многія европейскія страны были завоеваны, а другія угрожаемы Сарацинами. Какими средствами могла-бы тогда защитить себя христіанская Европа, большинство государствъ которой страдали отъ распущенности нравовъ, отъ внутренней неурядицы и были погружены въ варварство? Если бы христіанскій міръ, по замѣчанію одного писателя *), не выступилъ тогда навстрѣчу грозному врагу, то не слѣдуетъ-ли предположить, что этотъ врагъ воспользовался-бы тогда бездѣйствіемъ христіанскихъ народовъ, что онъ напалъ-бы на нихъ врасплохъ среди ихъ раздоровъ и подчинилъ бы своей власти одинъ народъ за другимъ? Кто изъ насъ не содрогнется отъ ужаса при мысли, что Франція, Германія, Англія и Италія могли-бы подвергнуться участи Греціи и Палестины?

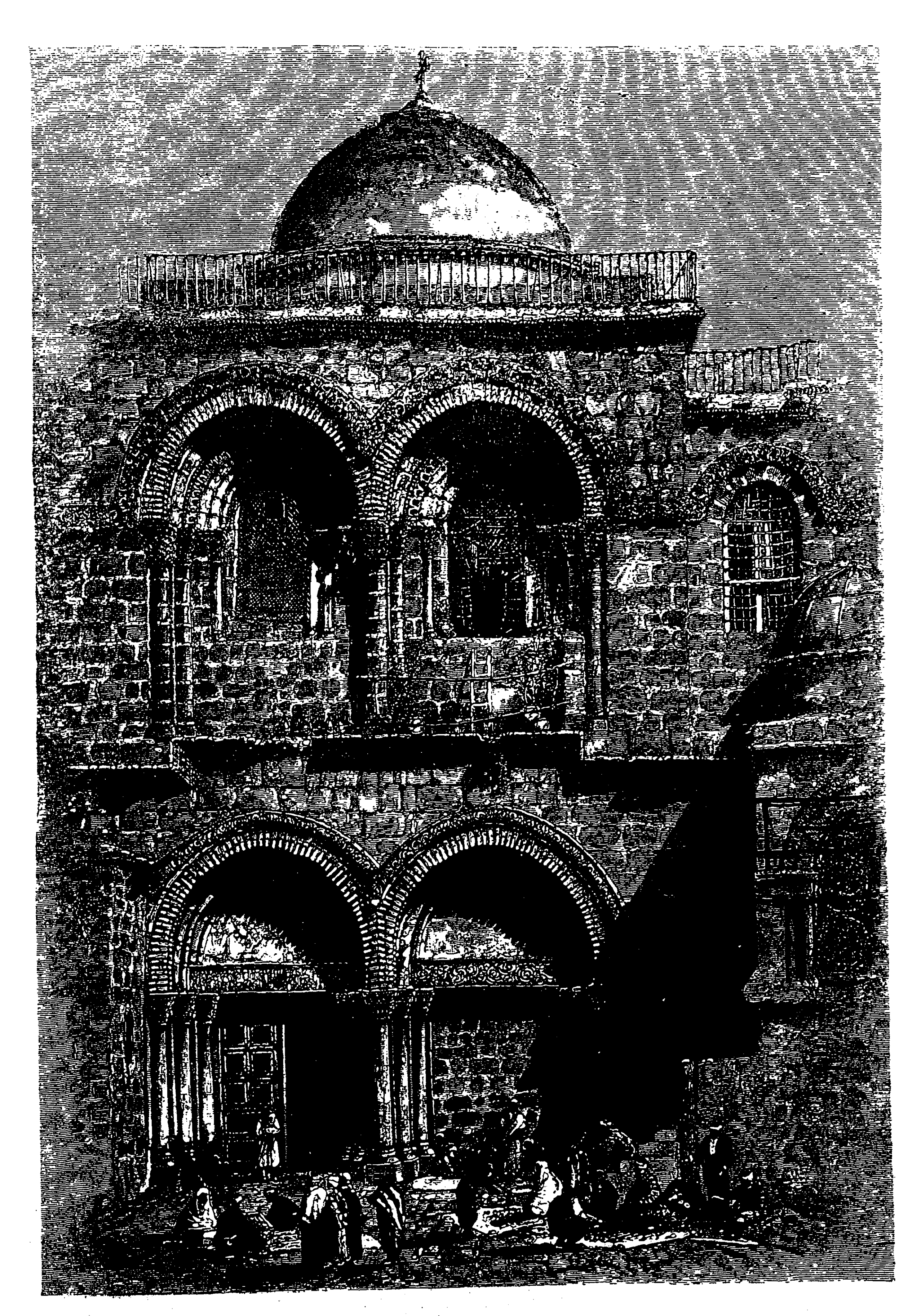
Сдѣлавъ это общее заключеніе, изъ котораго видно, что крестовые походы, прежде всего, послужили крѣпкою оградою противъ вторженія мусульманскаго варварства, слѣдуетъ сдѣлать обозрѣніе различныхъ государствъ Европы и разсмотрѣть, что они выиграли и что потеряли черезъ священныя войны.

Папа Урбанъ, желая побудить христіанскій міръ къ вооруженію, обратился преимущественно къ Французамъ; французскій народъ, подавъ сигналъ къ крестовымъ походамъ, сталъ, нѣкоторымъ образомъ, во главѣ величайшихъ событій среднихъ вѣковъ. Слава первой экспедиціи всецѣло принадлежитъ ему, и королевская власть, хотя и не принимала въ ней непосредственнаго участія, должна была извлечь изъ нея большую выгоду. Во время втораго крестоваго похода, по причинѣ развода Людовика VII съ королевою Элеонорою, Гіеннь попала въ руки Англичанъ; но потеря эта была скоро вознаграждена, и Филиппъ-Августъ пріобрѣлъ больше, чѣмъ Людовикъ-Младшій потерялъ. Судя по тому, какого рода участіе принимаетъ Филиппъ-Августъ въ третьемъ крестовомъ походѣ, можно подумать, что онъ отправился въ Азію только для того, чтобы увлечь туда и Ричарда и удалить съ Запада самаго грознаго изъ своихъ соперниковъ.

Между всѣми странами Запада, Франція наиболѣе извлекла выгодъ изъ крестовыхъ походовъ; духъ и даже привычки, усвоенныя во время отдаленной войны, способствовали къ умѣренію гордости графовъ и бароновъ. Экспедиціи за-море нанесли самые сильные удары этой феодальной анархіи, среди которой монархическая власть находилась на краю гибели; онѣ благопріятствовали развитію народнаго духа, стремившагося къ тому, чтобы французское общество составляло одну большую семью, подчиненную единой власти. Такимъ-то образомъ крестовые походы содѣйствовали къ величію Франціи — усиленіемъ королевской власти, посредствомъ которой могла явиться цивилизація. Съ самаго начала священныхъ войнъ — перестали отдѣлять народъ отъ его королей; древній панегиристъ Людовика Святаго не находитъ лучшаго способа почтить память французскаго монарха, какъ описаніемъ чудесъ и славы Франціи. Замѣчательно то совпаденіе, что династія Карловинговъ утвердилась на престолѣ посредствомъ побѣдъ, одержанныхъ надъ Сарацинами, переступившими черезъ Пиренейскія горы, а могуществу Капетингской династіи способствовали войны, предпринятыя противъ невѣрныхъ на Востокѣ.

Англія не извлекла никакихъ выгодъ изъ священныхъ войнъ, она и не принимала большаго участія въ этомъ движеніи, потрясавшемъ весь міръ; все ея пріобрѣтеніе заключается въ славѣ Ричарда, на которую, однакоже, не обратили особеннаго вниманія новѣйшіе историки Великобританіи. Въ Англіи крестовые походы не оказали благопріятнаго вліянія въ пользу королевской

*) Г. Бональда.

Храмъ Гроба Спасителя

власти. Во время возстанія бароновъ, соединившихся противъ Генриха III, противники короны принимали крестъ, какъ и на крестовый походъ за-море, и священники обѣщали мученическія пальмы тѣмъ, кто приметъ смерть во имя свободы. Мы не думаемъ, чтобы священныя войны содѣйствовали сколько-нибудь къ усиленію едва только возникающихъ тогда общинъ, или къ усиленію той аристократіи, отъ которой должны были зависѣть будущія судьбы англійскаго народа. Британская держава не воспользовалась крестовыми походами даже для распространенія своей торговли и своей промышленности; у нея никогда не было ни одной конторы и ни одной колоніи среди христіанскихъ владѣній на Востокѣ, въ мореплаваніи ея не произошло никакого успѣха, о которомъ исторія могла-бы упомянуть.

Между тѣмъ какъ Англія завоевывала свободу у своихъ королей, а Франція содѣйствовала усиленію королевской власти, Германія представляла другаго рода зрѣлище. Имперія просіявшая такимъ блескомъ въ царствованія Оттона I и Генриха III, начала быстро клониться къ упадку во время крестовыхъ походовъ. Никакія усилія императоровъ не могли привести къ тому, чтобы престолъ перестал быть избирательнымъ; право на императорскую корону продолжало зависѣть отъ избранія князей и высшаго сословія, которые сами, съ своей стороны, освободились отъ всякой зависимости отъ государей. Среди революцій, волновавшихъ Германскую имперію, трудно разобрать, каково было вліяніе крестовыхъ походовъ на нѣмецкій народъ. Онъ не оказалъ сочувствія при слухахъ о первой священной войнѣ; понадобилась вся сила краснорѣчія и въ особенности многочисленныя чудеса св. Бернара, чтобы возбудить въ Германіи рѣшимость вооружиться за дѣло Іисуса Христа. Крестовый походъ Конрада представляетъ только рядъ бѣдствій безъ всякой славы; Фридрихъ Барбаросса, величайшій военный человѣкъ своего времени, погибъ несчастной смертью среди тріумфовъ, которые онъ могъ ожидать. Фридрихъ II, пораженный анаѳемами Рима подъ самымъ знаменемъ креста, которое онъ незаконно поднялъ, возвратился съ Востока, осыпанный новыми проклятіями. Одинъ германскій союзъ, образовавшійся изъ остатковъ имперіи, воспользовался священными войнами. Экспедиціи противъ невѣрныхъ на Востокѣ возбудили мысль о борьбѣ съ языческими племенами, разсѣянными по берегамъ Вислы, Прегеля и Нѣмана; племена эти, подчиненныя крестоносцами, вошли въ составъ германскаго союза. Въ концѣ XIII вѣка, тѣ провинціи, изъ которыхъ составилась и отъ которыхъ получила свое имя прусская монархія, были еще отдѣлены отъ христіанскаго міра и язычествомъ и дикостью нравовъ; завоеваніе и цивилизація этихъ провинцій были послѣдствіемъ войнъ за вѣру.

Италія, обуреваемая съ одной стороны страстями демократическими, съ другой стороны, занятая своими торговыми интересами, принимала довольно слабое участіе въ священныхъ войнахъ Города Пиза, Генуя и Венеція были обязаны своимъ процвѣтаніемъ торговымъ сношеніямъ, установившимся между Италіей и Востокомъ до начала священныхъ войнъ; эти сношенія только увеличились и распространились во время экспедицій за-море. Странное зрѣлище представляютъ эти республики, владѣвшія небольшимъ клочкомъ земли на берегу Средиземнаго моря и охватывавшія сношеніями своими Сирію, Египетъ и Грецію. Въ особенности поражаетъ удивленіемъ республика Венеціанская, опередившая своимъ могуществомъ въ Азіи оружіе крестоносцевъ, и на которую средневѣковые народы смотрѣли, какъ на царицу Востока. Исторія сообщила о заслугахъ въ пользу священныхъ войнъ со стороны итальянскихъ народовъ, то продовольствовавшихъ христіанскія арміи, то помогавшихъ завоеванію приморскихъ городовъ Палестины, то, наконецъ, сражавшихся съ флотами невѣрныхъ. Вездѣ учреждали они свои колоніи, вездѣ принадлежала имъ часть завоеванныхъ крестоносцами мѣстностей.

Но итальянскіе народы, принимая участіе въ священныхъ войнахъ, были болѣе увлекаемы корыстными побужденіями, чѣмъ преобладающими въ то время понятіями. Учрежденіе конторы, пріобрѣтеніе торговой выгоды удовлетворяло ихъ гораздо болѣе, чѣмъ побѣды, одержанныя надъ невѣрными. Они доставляли, это правда, продовольствіе и оружіе крестоносцамъ, но ихъ нерѣдко обвиняли въ доставленіи того-же самаго и мусульманамъ. Послѣ разрушенія христіанскихъ колоній, одинъ флорентинскій историкъ ограничивается замѣчаніемъ, что торговля Италіи потеряла половину своихъ выгодъ. Однимъ словомъ, Италіянцы не очень усердно заботились о торжествѣ дѣла Креста, если не предвидѣли возможности воспользоваться побѣдами для личной выгоды, и мы не опасаемся обвиненія въ несправедливости, выразивъ то мнѣніе, что Итальянцы заимствовали отъ крестовыхъ походовъ только то, что могло ихъ обогатить и развратить.

Королевство Неаполитанское и Сицилійское, находящееся на окраинахъ Италіи, служило для крестоносцевъ путемъ въ Грецію и на Востокъ; богатства, которыя, оказалось, оставались никѣмъ не охраняемыми, земли, жители которыхъ никогда не умѣли защищаться, должны были служить предметомъ искушенія для алчности или честолюбія государей и даже рыцарей Креста. Впродолженіи болѣе двухъ вѣковъ исторія этой страны соединена съ исторіею экспедицій за-море. Германія, Франція, Арагонія, Венгрія поочередно давали этой странѣ королей, и каждый изъ нихъ приносилъ съ собою войну. Во время этихъ войнъ обращались къ власти Церкви, часто выставляли изображенія Креста; проповѣдывали, однимъ словомъ, болѣе крестовыхъ походовъ ради подчиненія этого несчастнаго королевства, чѣмъ ради освобожденія Іерусалима; и всѣ эти крестовые походы распространяли только смуты и неурядицу между народами Италіи и большей части Европы.

Изъ этого краткаго обзора состоянія европейскихъ государствъ, можно замѣтить, что вліяніе крестовыхъ походовъ было не одинаковое на каждый изъ народовъ западныхъ. Положеніе Испаніи представляетъ также нѣкоторыя особенности среди государствъ, которыхъ мы коснулись въ нашемъ обозрѣніи. Впродолженіи всего времени крестовыхъ походовъ, Испанцы защищались противъ тѣхъ самыхъ Сарацинъ, для битвы съ которыми всѣ прочіе европейскіе народы отправлялись на Востокъ. Вторженіе Мавровъ въ Испанію имѣло нѣкоторое сходство съ вторженіемъ Франковъ въ Азію. Вѣра въ Магомета побуждала къ битвамъ сарацинскихъ воиновъ, также какъ и вѣра христіанская воспламеняла рвеніе воиновъ креста. Много разъ Африка и Азія отзывались на призывъ мусульманскихъ колоній въ Испаніи, также какъ и Европа — на тревожные вопли христіанскихъ колоній въ Сиріи.

Испанія тогда только приняла участіе въ крестовыхъ походахъ, когда рвеніе къ священнымъ войнамъ начало угасать въ остальной Европѣ. Слѣдуетъ однако-же прибавить, что это королевство находило и выгоды въ экспедиціяхъ на Востокъ. Во всѣхъ почти предпріятіяхъ христіанъ противъ азіатскихъ мусульманъ, большое число крестоносцевъ останавливались на берегахъ Испаніи, чтобы сражаться съ Маврами. Много крестовыхъ походовъ было провозглашено на Западѣ противъ невѣрныхъ, господствовавшихъ на полуостровѣ. Знаменитое пораженіе Мавровъ при Толозѣ было плодомъ крестоваго похода, проповѣданнаго въ Европѣ по предписанію папы. Экспедиціи за-море были также полезны для Испанцевъ и въ томъ отношеніи, что онѣ задерживали у себя дома Сарацинъ египетскихъ и сирійскихъ, которые иначе могли-бы присоединиться къ Сарацинамъ африканскаго прибрежья. Королевство Португальское было основано крестоносцами. Крестовымъ походамъ обязаны своимъ возникновеніемъ рыцарскіе ордена, которые образовались и въ Испаніи

по образцу палестинскихъ и безъ помощи которыхъ испанскій народъ никакъ не могъ-бы восторжествовать надъ Маврами.

Различныя державы, которыхъ мы теперь коснулись, подчинены были высшей власти, составлявшей связь и центръ политическаго міра: это была власть главы Церкви. Утверждаютъ, что папы устраивали крестовые походы; но достаточно хотя отчасти изучить исторію, чтобы убѣдиться, какъ несправедливо такое мнѣніе. Энтузіазмъ къ священнымъ войнамъ развивался постепенно, — какъ мы это и представили; наконецъ, имъ увлечено было все общество, папы точно такъ-же, какъ и народы. Доказательствомъ, что не духовные владыки произвели этотъ великій переворотъ, служитъ то, что они никогда не могли пробудить рвенія къ крестовымъ походамъ, когда это рвеніе угасло въ сердцахъ христіанъ. Утверждали также, что священныя войны содѣйствовали къ усиленію папской власти; нѣтъ сомнѣнія, что священныя войны способны благопріятствовать развитію папской власти; но эти же войны породили событія и обстоятельства, представившія болѣе затрудненій и камней преткновенія, чѣмъ удобствъ для возвеличенія папской власти. Достовѣрно лишь то, что при окончаніи крестовыхъ походовъ могущество папъ было уже не тѣмъ, чѣмъ оно было при возникновеніи священныхъ войнъ.

Еще одно заблужденіе распространилось между писателями послѣдняго столѣтія: они полагаютъ, что крестовые походы содѣйствовали къ усиленію власти папъ и къ обогащенію духовенства. Первая священная война, дѣйствительно, не обременила духовенство, такъ какъ усердіемъ вѣрующихъ были пополнены всѣ расходы на нее. Но, начиная со второй священной войны, духовенство было обложено разорительными сборами — безъ всякаго вниманія къ горячимъ возраженіямъ съ его стороны. Съ тѣхъ поръ и установилось въ христіанскомъ мірѣ понятіе, тяжело отразившееся на духовенствѣ: то, что священныя войны, предпринимаемыя во славу Іисуса Христа и ради освобожденія Святыхъ Мѣстъ, должны быть ведены насчетъ Церкви. При первомъ налогѣ на духовенство соображались только съ необходимостью и съ обстоятельствами; послѣ же объявленія о «Саладиновой десятинѣ», налоги эти установлялись папами и соборами; ихъ взыскивали съ такою строгостью, что у церквей отбирали всѣ украшенія и продавали иногда съ аукціона священные сосуды. Мы смѣло утверждаемъ, что впродолженіи двухъ сотъ лѣтъ духовенство выдало на священныя войны болѣе денегъ, чѣмъ понадобилось бы, чтобы скупить большую часть его имуществъ. Поэтому-то постепенно и ослабѣвало рвеніе духовныхъ лицъ къ освобожденію Святыхъ Мѣстъ; въ нихъ первыхъ выразилось то равнодушіе, которое послѣдовало за рвеніемъ христіанскихъ народовъ къ крестовымъ походамъ. Въ Германіи и во многихъ другихъ странахъ недовольство духовенства было такъ сильно, что папы, наконецъ, не смѣли больше довѣрять епископамъ проповѣдываніе крестовыхъ походовъ и возлагали это дѣло только на нищенствующіе ордена.

Разсматривая вліяніе крестовыхъ походовъ, не слѣдуетъ забывать о выгодахъ, пріобрѣтенныхъ торговлею и мореплаваніемъ подъ знаменами Креста. Священныя войны открыли новое поприще для мореплаванія; ничто не могло быть такъ благопріятно для успѣховъ его, какъ то сообщеніе, которое установилось тогда между Балтійскимъ моремъ, Средиземнымъ, океаномъ, омывающимъ берега Испаніи, и сѣверными морями. Крестовые походы распространили также отношенія между разными народами, усилили связь между ними, умножили ихъ интересы, удвоили ихъ дѣятельность и соревнованіе. Практическія знанія повѣрялись одни другими, умножались и распространялись повсемѣстно; опредѣлены были очертанія береговъ, положеніе мысовъ, портовъ, гаваней, заливовъ, острововъ. Изслѣдовано было дно морское; сдѣланы были наблюденія надъ направленіями вѣтровъ, теченій, приливовъ и отливовъ; такимъ образомъ исчезло невѣжество, бывшее прежде

причиною многочисленныхъ кораблекрушеній. Морская архитектура также усовершенствовалась во время крестовыхъ походовъ. Размѣры судовъ были увеличены ради перевозки многочисленныхъ пилигримовъ. Опасности, сопряженныя съ дальнимъ плаваніемъ, заставили обратить вниманіе на болѣе крѣпкое сооруженіе судовъ, отправляемыхъ на Востокъ. Искусство ставить по нѣсколько мачтъ на одномъ кораблѣ, увеличеніе числа парусовъ и умѣніе располагать ихъ такимъ образомъ, чтобы они могли служить противъ вѣтра, — произошли отъ соревнованія, воодушевлявшаго въ то время мореплавателей

Открывая повсюду новые пути, отдаленныя экспедиціи естественнымъ образомъ благопріятствовали развитію торговли. Задолго до крестовыхъ походовъ, товары, получаемые изъ Индіи и изъ Азіи, прибывали въ Европу или сухимъ путемъ, черезъ земли Греческой имперіи, Венгрію и Болгарскую страну, или — Средиземнымъ моремъ, при которомъ находились всѣ портовые города Италіи. Оба эти пути были облегчены при содѣйствіи священныхъ войнъ, и съ тѣхъ поръ ничто не могло остановить быстраго развитія торговли, покровительствуемой флагомъ Креста. Большинство приморскихъ городовъ на Западѣ обогатились, доставляя Европѣ произведенія Востока, и сверхъ того, извлекая значительныя выгоды изъ перевозки пилигримовъ и христіанскихъ армій. Флоты слѣдовали вдоль прибрежья странъ, гдѣ сражались крестоносцы, и продавали имъ военные снаряды и жизненные припасы, въ которыхъ они постоянно нуждались. Всѣ богатства приморскихъ городовъ Сиріи и даже Греціи принадлежали купцамъ западныхъ странъ; они были обладателями большей части христіанскихъ береговъ въ Азіи. Извѣстно, что досталось на долю Венеціанцевъ послѣ взятія Константинополя; они обладали всѣми островами Архипелага и половиной Византіи. Греческая имперія сдѣлалась какъ бы второй Венеціей—съ своими законами, своими флотами, своими арміями. Французскіе города не принимали большаго участія въ восточной торговлѣ; крестовые походы были созданы Французами; другимъ народамъ пришлось воспользоваться послѣдствіями ихъ. Марсель въ средніе вѣка былъ единственнымъ городомъ во Франціи, который поддерживалъ торговыя сношенія съ отдаленными народами. Испанія, промышленность которой уже была довольно развита, пріобрѣла еще болѣе въ этомъ отношеніи отъ крестовыхъ походовъ; у Испанцевъ были конторы на всѣхъ берегахъ Азіи. Но болѣе всѣхъ другихъ странъ воспользовалась торговлею съ Востокомъ—Италія.

Слѣдовало бы еще разсмотрѣть, какое вліяніе оказали крестовые походы на ходъ науки въ Европѣ; по этому поводу мы ограничимся простымъ указаніемъ. Безъ сомнѣнія, движеніе, произведенное священными войнами въ средніе вѣка, содѣйствовало пробужденію человѣческой мысли. Народы, переходившіе съ Запада на Востокъ, оказывались въ совершенно новомъ мірѣ для нихъ—и по природѣ, и по нравамъ, и по типамъ, и такъ какъ крестовые походы были путешествіемъ, то народы, примкнувшіе къ знаменамъ Креста, должны были приносить домой изъ своихъ отдаленныхъ странствій нѣкоторый опытъ, нѣкоторыя знанія, нѣкоторыя воспоминанія. Время крестовыхъ походовъ было для человѣческой мысли временемъ оживленной дѣятельности, пламенной любознательности; тѣмъ не менѣе, невозможно съ точностью опредѣлить, что выиграла Европа въ отношеніи къ просвѣщенію. Географія воспользовалась заморскими предпріятіями. Европа дорого купила познаніе тѣхъ странъ, которыя она намѣревалась завоевать; сколько произошло бѣдствій по причинѣ незнанія мѣстностей! Въ концѣ крестовыхъ походовъ, Востокъ этотъ, въ которомъ, какъ во тьмѣ ночной, скрылись и исчезли нѣсколько армій, сталъ болѣе извѣстенъ. Во время священныхъ же войнъ введено въ Европѣ употребленіе арабскихъ цифръ; это употребленіе не расширило науки о числахъ, но очень облегчило ея изученіе. Въ искусствѣ врачебномъ Греки и Ара-

витяне имѣли большое превосходство надъ Франками; однако же европейская медицина сдѣлала мало успѣховъ во время крестовыхъ походовъ; она ограничилась тѣмъ, что заимствовала отъ Востока многія лекарственныя средства, а именно: кассію, египетскую кассію или александрійскій листъ, теріакъ и проч. Астрономія могла бы сильно двинуться впередъ въ это время: Востокъ былъ колыбелью этой науки, и въ первые вѣка геджры, азіятскіе государи оказывали ей большое покровительство. Фридрихъ II и султанъ каирскій задавали другъ другу астрономическія и геометрическія задачи. Однако же математическія и естественныя науки дѣлали мало успѣха. Что же касается до искусствъ и литературы древняго Востока, то крестоносцевъ это нисколько не занимало, и, возвратясь въ Европу, они не предавались воспоминаніямъ о памятникахъ греческой и римской цивилизацій, разсѣянныхъ въ Пелопоннесѣ, Малой Азіи и Сиріи. Трудно измѣрить предѣлы умственныхъ завоеваній, сдѣланныхъ современниками, цѣною потрясенія всей Европы, двинувшейся противъ Азіи; всего справедливѣе будетъ заключить, что крестовые походы были первымъ шагомъ европейскаго общества на пути къ его великому назначенію. Они были продолжительнымъ и мужественнымъ усиліемъ въ пользу христіанской вѣры со стороны Запада противъ Востока, откуда она просіяла, но гдѣ погибала теперь подъ владычествомъ варваровъ. Въ наше время цивилизація, имѣющая источникомъ Евангеліе, снова устремляется на путь въ Азію, чтобы распространять въ ней свои благодѣянія; и въ стремленіяхъ этихъ можно усматривать продолженіе крестовыхъ походовъ мирнымъ путемъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

